

ЗАЩИЩАЯ ОТЕЧЕСТВО

ЗАЩИЩАЯ ОТЕЧЕСТВО

★

САРАТОВ
1975

Тридцатилетию великой Победы советского народа над фашистской Германией посвящается...

ЗАЩИЩАЯ ОТЕЧЕСТВО

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1975

Защищая Отечество. [Сборник
3-40 воспоминаний и очерков]. Саратов, Приволж. кн. изд., 1975.
392 с. с ил.

В сборник, посвященный тридцатилетию бессмертной победы советского народа над фашистской Германией, вошли воспоминания, очерки, фронтовые зарисовки. Среди авторов — писатели, журналисты, ветераны Великой Отечественной войны Саратова, Пензы и Ульяновска.

В подготовке сборника принимала участие военно-историческая секция (председатель — полковник запаса И. М. Степанов) военно-научного общества при Саратовском Доме офицеров Советской Армии.

9(С)27

1-12-2
8-75

ВОСПОМИНАНИЯ...

Нет, не стала победа усталой —
стала наша Победа седой,
но не сделалась все-таки старой
и осталась навек молодой.

Евг. Евтушенко. 1974 г.

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

Штурм имперской канцелярии Гитлера — это не какая-то отдельная операция. Это всего-навсего один из многочисленных боевых эпизодов Великой Отечественной войны. Но эпизод все-таки особый, запомнившийся мне больше всех остальных во всех мельчайших деталях. На долю нашей 301-й стрелковой дивизии выпала задача штурмовать не просто небольшой кусочек Берлина. Это было главное логово врага. Отсюда ровно четыре года назад гитлеровские войска получили приказ начать военные действия против нашей страны. И вот теперь мы здесь, в самом центре фашистской агрессии. Все это наполняло каждого бойца и командира дивизии чувством особой гордости. Мы чувствовали, что на наших глазах свершаются события исторического значения.

Тридцатого апреля 1945 года были взяты штурмом здания министерства ВВС и гестапо. Теперь от имперской канцелярии нас отделяли только развалины магазина «Вертгейм» и улица Фоссштрассе. Бой не утихал ни на минуту. Каждый метр двора или уголок развалин приходилось брать с огромными усилиями.

В полдень из штаба корпуса сообщили, что подразделения 150-й Идрицкой стрелковой дивизии 3-й ударной армии овладели рейхстагом. Начальник разведки дивизии майор А. Т. Боровко доложил, что из разведотдела корпуса сообщили о перехваченной ими шифрованной радиограмме, переданной из убежища фюрера Борманом. В ней говорилось о назначении гросс-адмирала Деница преемником фюрера, вместо рейхсмаршала Геринга. Выслушав доклад, командир дивизии В. С. Антонов сказал с усмешкой:

Михаил Иванович Сафонов службу в Советской Армии начал в 1927 году красноармейцем. Кадровым командиром стал с конца 1930 года.

Участвовал в боях против белокитайцев во время конфликта на КВжд в 1929 году, с японскими самураями у озера Хасан в 1938 году.

В годы Великой Отечественной войны сражался с немецко-фашистскими захватчиками на Северо-Кавказском фронте в должности начальника штаба стрелковой бригады, на Южном, 4-м, 3-м Украинских и 1-м Белорусском фронтах в должности начальника штаба 301-й стрелковой дивизии.

Награжден десятью боевыми орденами и двенадцатью медалями. Член КПСС с 1930 года. Генерал-майор в отставке.

— Ну, батенька мой, дела у них, видать, совсем никудышные, если уж Гитлер каждый час начал менять своих преемников...

— Меняй не меняй, а дело все равно к концу идет,— заметил я.— Огненное кольцо вокруг них все время сжимается. И ускользнуть сквозь него не удастся ни Гитлеру, ни его свежеиспеченному преемнику.

— Это верно. Но почему бы им не подняться сейчас на крышу дворца с белым флагом и не передать по самой мощной рации — дескать, конец, капитулируем...

— Раненые звери еще пуще свирепеют, Владимир Семенович. А уж такой зверюга, как Гитлер, и подавно. Чувствует, что не уйти ему от расплаты, вот и бесится.

— Будь оно трижды проклято, все это зверье! — со злостью проговорил Антонов.— Сколько народу погубили. Одно лишь утешает, что недалек час, когда очистим от них всю землю.

Соединившись с командирами полков, Антонов приказал активизировать боевые действия. Огневой удар нашей дивизии заметно возрос. Били полковая, дивизионная, корпусная артиллерии, танки бригады Героя Советского Союза полковника Дениса Семеновича Наруцкого, тан-

кового полка полковника Ильи Архиповича Мясникова. Ко всему этому прибавилась еще огневая мощь орудий большой мощности 331-го артиллерийского дивизиона РГК под командованием майора К. И. Бадаева и дивизиона реактивных минометов «катюш», бивших прямо по гитлеровскому убежищу. Используя мощное огневое прикрытие, бойцы медленно продвигались вперед, выбивая фашистов из развалин магазина «Вертгейм».

День уже клонился к исходу, когда совершенно неожиданно для всех нас немцы прекратили огонь перед фронтом дивизии. Мы насторожились: такое случилось впервые за войну. Поэтому, внимательно наблюдая за поведением противника, бойцы продолжали вести огонь. Вскоре из входа в подземное убежище фюрера, выходившего к Фоссштрассе, показался раскачиваемый из стороны в сторону белый флаг.

— Михаил Иванович, позвони-ка командирам частей и узнай, что там у них творится,— обернувшись, бросил мне Антонов. Не успел я взять трубку, как раздался звонок. Говорил подполковник Гумеров.

— Товарищ начштаба, докладываю: враг перед фронтом полка прекратил стрельбу, из хода сообщения, ведущего в имперскую канцелярию, выброшен белый флаг.

— А что докладывают комбаты с передовой?

— То же самое, что я вам доложил. Только сейчас майор Михайлов сообщил, что белый флажок выставлен и у входа в станцию метро на Саарланденштрассе.

— Хорошо, Исхак Идрисович. Сейчас доложу комдиву.

Звоню подполковнику Н. Н. Радаеву. Он сообщает примерно то же, что и Гумеров. О прекращении огня немцами доложил и командир полка подполковник А. И. Пешков.

После этого Антонов приказал прекратить стрельбу на всех участках.

Воцарилась мертвая тишина. После четырех лет почти непрерывного грохота выстрелов, оглушающих разрывов бомб, снарядов и мин она показалась нам просто невероятной. Даже не верилось, что на войне может быть такая тишина.

— Как ты думаешь, Михаил Иванович, не капитулировать ли они хотят? — спросил меня Антонов.

— Черт их знает,— пожал я плечами.— Вообще-то

В. С. Антонов.

им давно пора это сделать, но разве поймешь, что у них там сейчас творится. Вон, по показаниям сегодняшних пленных, Гитлер вроде бы женился. Хотя обстановочка для свадьбы явно не подходящая.

— Что верно, то верно, — засмеялся Антонов и вдруг оживленно воскликнул: — А вот и гости к нам жалуют!

В это время из входа в подземелье, где по-прежнему трепыхался белый флаг, осторожно вылезли шесть гитлеровцев. В руках у одного из них был белый флаг. Вытянувшись в цепочку, они направились к левому флангу второго батальона 1050-го стрелкового полка. Шли, осторожно поднимая ноги, будто боясь споткнуться.

Навстречу вражеским парламентерам вышел наш офицер с автоматом, за ним еще трое.

Мне захотелось тут же узнать, кто эти счастливчики, встречающие гитлеровских парламентеров. Звоню на НП 1050-го полка. К телефону подходит находившийся там помощник начальника 1-го отдела штаба дивизии майор С. П. Джабиев.

— Доложите, кто встречает парламентеров?

— Кажется, старший адъютант 3-го батальона капитан Япринцев, а точнее доложит подполковник Гумеров.

Слышу в трубке приподнятый голос Гумерова:

— Докладываю, товарищ полковник: парламентеров встречают майор Шаповалов со своим старшим адъютантом капитаном Карибским и майор Михайлов тоже со своим старшим адъютантом Япринцевым, послал туда и своего разведчика капитана Купцова.

Узнав имена встречающих, Владимир Семенович приказывает мне идти немедленно к Гумерову, а сам начинает звонить командиру корпуса генерал-лейтенанту И. П. Рослому. Я решил прихватить с собой переводчика — лейтенанта В. Н. Маринова. Однако не успели мы с ним пройти и половину пути, как нас нагнали Рослый и Антонов со своим замполитом П. С. Коломейцевым и адъютантом старшим лейтенантом В. С. Пономаренко.

— А вот и мы,— снимая фуражку и вытирая лицо платком, бросил мне на ходу Антонов.— Гумеров сообщил, что скоро приведут парламентеров. Вот мы и решили махнуть вместе с вами.

Пройдя еще метров сто, встречаем связиста батальона связи старшего сержанта Г. М. Шоколенко с телефонным аппаратом за плечом.

— Товарищ старший сержант! — обратился я к нему.— Можешь связать нас с подполковником Гумеровым?

— Могу, товарищ полковник. Вот этот провод идет к ним.

Через минуту я уже говорил с Гумеровым.

— Ну что, Исхак Идрисович, привели?

— Ведут, товарищ начштаба.

— Что-то долго.

— Вы же знаете моего Шаповалова. Пока все формальности не исполнит — оружие отберет, опросит, до тех пор не приведет.

— А не осудят нас фашисты в формализме?

— Судить будем мы их, Михаил Иванович, а не они нас.

— Что ж, и это верно. Ну, мы сейчас будем у вас. Пусть все-таки Шаповалов их долго не задерживает.

И вот мы на НП Гумерова. Находился он на первом этаже главного здания министерства авиации, располагавшегося вдоль Саарланденштрассе, и занимал один из кабинетов какого-то полковника.

Заходим. Нас встречает начальник штаба Гумерова майор Лебедев. В приемной находятся также адъютант Гумерова, два радиста с радиостанцией и немецкий солдат с опущенным белым флагом в руке. Проходим в кабинет Гумерова. Сидевшие на расставленных вдоль стен добротных стульях наши офицеры и немецкие парламентеры вскакивают при нашем появлении.

Пока Гумеров, не выходя из-за стола, докладывает

командиру корпуса о прибытии парламентеров и их количестве, Антонов, сурово сдвинув свои иссиня-черные брови, сверлит их внимательным взглядом. От группы парламентеров отделяется один офицер, делает шаг к генералу Рослому, вытягивается в струнку и на ломаном русском языке сообщает, что он, старший парламентер подполковник Зейферт, уполномочен немецким правительством и командованием передать письмо русскому командованию. Я с интересом рассматриваю его: сравнительно молодой, подтянутый офицер с чисто выбритым белым лицом и светлыми волосами. Фамилия Зейферт была нам известна. Он руководил центральным участком обороны Берлина, называемым «Цитаделью», куда входили кварталы правительственных зданий.

Зейферт представляет прибывших с ним офицеров — полковника Германа, который, как нам было известно, руководил оборонными участками «Г» и «Х», подполковника Эдера, начальника обороны участка «Ф», и переводчика лейтенанта Зегера.

Рослый связывается по телефону с командармом Берзариным и, сообщив ему о прибытии парламентеров, просит разрешения вскрыть принесенный ими пакет. Командарм разрешает. Антонов вскрывает толстый пакет за пятью сургучными печатями. В нем было два письма — одно на русском, другое на немецком языках за подписью Геббельса и Бормана. В письмах говорилось о том, что Зейферт, Герман и Эдер уполномочены германским правительством и верховным командованием провести переговоры с русским командованием по поводу установления места и времени перехода линии фронта начальником штаба сухопутных сил войск генералом Кребсом, который передаст русскому главному военному командованию особо важное сообщение и будет вести переговоры.

— А мы считали, что вы пришли известить нас о капитуляции,— разочарованно протянул Антонов. Зейферт пристально взглянул на него, но промолчал. Тогда вперед подался Эдер. Его темное крупное лицо имело выражение какой-то нагловатой самоуверенности. Явно щеголяя своим знанием русского языка, он вкрадчиво сказал:

— Нам этого никто не поручал. Об этом при посылке нас не было и речи.

— Ну хорошо, хорошо, — поморщившись, резко осадил его Антонов по-немецки. — Что вам поручали, мы уже знаем.

— Товарищ полковник, пусть Эдер скажет, что с Гитлером. Подтверждает ли он дошедшие до нас слухи, что Гитлер якобы застрелился? — попросили Антонова Гумеров и Шаповалов.

— Вопрос вам понятен, господин Эдер?

— Вполне.

— Тогда отвечайте.

— Все это ерунда. Я вчера был у фюрера, докладывал о положении на участке. Он прекрасно выглядел. Кстати, двадцать восьмого апреля он оформил свой брак с Евой Браун. Слухи о его смерти распространяют маловеры, провокаторы и наши противники, чтобы ослабить боеспособность нашей армии...

С разрешения командира корпуса вопрос задает командир батальона майор Михайлов:

— А как бы реагировали вы, подполковник, лично, если бы войска, обороняющие Берлин, и все берлинцы побросали оружие и объявили во всеуслышание, что война окончена?

— Мы бы расцеловали друг друга,— несколько замявшись, ответил Эдер.

— Подполковник, вы отрицаете смерть фюрера,— вновь обратился к нему Антонов, — но как расценить тот факт, что мандат парламентерам подписан не Гитлером, а Геббельсом и Борманом?

Эдер, припертый к стенке этим вопросом, решил отмолчаться. Опустив глаза, он не открыл больше рта.

Вместо молчавшего Эдера ответил Зейферт. Он сказал, что Гитлер действительно умер и всеми делами правительства и главного военного командования руководят Геббельс, Борман и Кребс.

— Вот это другое дело,— удовлетворенно заметил Антонов.— И нечего было морочить нам голову. По поводу же переданного вами письма могу сказать следующее. Если Кребс пожелает прийти к нам как парламентер, то место перехода там же, где переходили вы. Я дам указание майорам Шаповалову и Михайлову встретить его и препроводить сюда. Так, товарищ генерал? — повернулся Антонов к Рослому. Тот утвердительно кивнул головой.

На этом прием парламентеров окончился. Перед уходом некоторые наши офицеры закурили. Зейферт тоже извлек из кармана массивный серебряный портсигар и со щелчком раскрыл его, предлагая сигареты всем присутствующим. Крышка портсигара была украшена золотыми вензелями и русским Георгиевским крестом IV степени.

— Ого, портсигар-то у вас, кажется, не немецкой работы? — с интересом спросил Антонов, взглянув на немца своими черными живыми глазами.

— Да, это русский портсигар,— подтвердил Зейферт и, несколько смутившись, добавил: — Он попал ко мне еще в 1918 году, когда войска кайзера Вильгельма вступили на Украину... Но в знак сегодняшней победы России над Германией я возращаю его вам, господин полковник.

Антонов пробовал было отказаться, но Зейферт так настойчиво просил оказать ему любезность, что портсигар пришлось принять. Сейчас он хранится в фонде Центрального музея Советской Армии в Москве. Историки установили, что этим портсигаром царь Александр III наградил в 1890 году одного русского офицера за особые боевые заслуги.

Михайлов и Шаповалов проводили парламентеров до калитки в железобетонном заборе, которым был опоясан двор магазина «Вертгейм». Командир корпуса тут же уехал. А я с комдивом и другими офицерами возвратился на свой НП. Нас сразу засыпали вопросами: «Что говорили парламентеры? Как они себя вели? Что сообщили о Гитлере?» и т. п. Командующий артиллерией полковник Н. Ф. Казанцев недоумевал, что заставило фюрера за сутки до самоубийства жениться на Еве Браун, бывшей до этого почти пятнадцать лет его любовницей. Ему ответил инструктор политотдела дивизии капитан Ф. М. Вилинский, большой весельчак, шутник и остряк.

— Я считаю, потому,— хитро сощурившись сказал он,— чтобы на судилище в преисподней предстать не старым развратником, а законным супругом...

Все захохотали, кроме Вилинского, который, как и положено хорошему остряку, оставался совершенно невозмутимым.

Как только парламентеры скрылись в подземном убежище, бой разгорелся с новой силой. Заахали громовы-

ми голосами орудия, с шипением стали рваться мины, затарахтели пулеметы и автоматы. Облака дыма, гари и пыли закрыли небо.

Как это всегда бывает при сильном артналете, во рту появилась липкая горькая слюна, которая душила, словно при приступе астмы. На головы противника обрушился целый ураган стали и свинца. На участки полков Гумерова и Радаева я от имени Антонова приказал выдвинуть артиллерию, самоходки, танки и дивизион реактивных минометов «катюш». После этого мощь нашего огня еще больше возросла. В это время из 16-й воздушной армии прибыли полковник и два капитана, чтобы договориться с нами о бомбежке. Я доложил об этом Антонову.

— А ты сможешь точно показать летчикам, куда бомбить? — спросил он.

— Нет, товарищ комдив,— чистосердечно признался я.

— То-то и оно. Направь-ка ты их к комбатам Гумерова. Они там вернее покажут.

Вечером я позвонил по телефону Ф. К. Шаповалову и попросил его рассказать, о чем они договорились с посланным мною капитаном-летчиком.

— А ни о чем, товарищ полковник,— смущенно ответил Шаповалов.— Пришел этот капитан ко мне и начал водить пальцем по карте. Дескать, покажи, где наши наземные части, чтоб не «брызнуть» на них при бомбежке. Я ему говорю: «Чудак человек, видишь: мы на этой стороне улицы, а на той — немцы. Можете ли вы ударить по ним и не зацепить нас? Я ведь помню, как раз на Украине ваши «илы» перепутали нас с немцами. Ощущение, прямо скажу, не из приятных. Бомба-то, она не разбирает, кто ты, свой или чужой». Ну, послушал он, послушал меня и все-таки согласился, что бомбить тут невозможно. Но я все же немного задержал его у себя, товарищ полковник.

— Зачем?

— Сейчас гвардейцы с «катюш» должны дать залп по входу в имперское подземелье. Ну, я попросил его ракетами корректировать им залпы.

Надо сказать, что корректировку летчик провел отлично и гвардейцы остались им очень довольны.

Жесточайшее сражение продолжалось весь остаток

дня тридцатого апреля и ночь на первое мая 1945 года. Несмотря на напряженную боевую обстановку, мы, как обычно, поздравили друг друга с первомайским праздником. Телефонистки Вера Болдарева, Дуся Пасевина, Маша Бережная, Раиса Гадун, которых мы первых с Антоновым и начальником связи Григорьевым поздравили с праздником весны, не успевали передавать и принимать поздравления.

Было уже за полночь. Первомай робко входил в тревожный, сплошь затянутый серой дымкой фронтовой Берлин. Никто из нас, конечно, не спал. На передовой слышалась редкая стрельба. Все мы были в каком-то напряжении и ожидании. Каждому думалось: что же принесет он нам, этот светлый первомайский день?

В первом часу ночи фашисты вновь выбросили белый флаг перед фронтом 2-го и 3-го стрелковых батальонов 1050-го стрелкового полка. Одновременно они прекратили огонь. Антонов приказал нам сделать то же самое и выжидать, что будет дальше. Вскоре из убежища выползли три гитлеровца: два офицера и солдат с белым флагом. Отойдя немного, они остановились. Один из офицеров начал что-то говорить второму. В это время прогремел выстрел. Второй офицер упал. Парламентеры тут же вернулись обратно, унеся упавшего с собой.

Так что второй визит парламентеров к нам был сорван. После мы узнали, что в этой группе был подполковник Зейферт и его адъютант Кругенберг (в которого стреляли, и он был ранен). Цель их была оттянуть капитуляцию и довести дело до перемирия.

Около десяти часов утра первого мая на участке 1-го батальона 1050-го стрелкового полка появилась новая группа парламентеров. Встречали ее майор Шаповалов, капитан Давыдов, капитан Япринцев, начальник разведки полка В. И. Купцов и двое автоматчиков из 3-й роты 1-го батальона.

Переговоры с парламентерами Антонов поручил вести мне. Когда я прибыл на НП к Гумерову, они были уже там. В группу парламентеров входили начальник штаба сухопутных войск генерал Кребс, начальник штаба 56-го танкового полка полковник фон Дюффинг, подполковник Зейферт, личный референт Геббельса Хейрихсдорф, переводчик лейтенант Зегер и унтер-офицер с белым флагом.

— Какие разговоры вы вели с парламентерами? — спросил я сразу по прибытии Исхака Идрисовича Гумерова.

— Первым делом я спросил, где Гитлер. Кребс поначалу не хотел отвечать. Сказал, что будет разговаривать с офицером, равным себе по должности. Но потом процедил сквозь зубы: «Гитлер покончил с собой». Кроме того, Шаповалов передал мне взятый у Кребса пакет для маршала Жукова.

Обо всем этом я немедленно доложил Антонову. Вскоре на НП Гумерова прибыли генерал Е. И. Шикин, заместитель командира корпуса по политчасти полковник В. Т. Поминов, В. С. Антонов, П. С. Коломейцев, начальник особого отдела дивизии майор Д. К. Курчевский со своей переводчицей Аней и офицер разведотдела армии капитан Н. Гайнуллин.

Гумеров вновь обратился к Кребсу с требованием объяснить прибывшим генералам и офицерам цель своего визита.

— Я хочу говорить только лично с маршалом Жуковым, — настойчиво сказал Кребс.

— Маршал Жуков уже сообщил, что говорить с вами не станет, — вмешался в разговор генерал Шикин. — Да и о чем можно еще говорить? Нас устраивает только безоговорочная капитуляция.

Когда лейтенант Маринов перевел эти слова Кребсу, тот вновь стал просить доставить его к Жукову.

Позвонили маршалу. Георгий Константинович категорически отрезал:

— Ни принимать, ни говорить с Кребсом я не буду. На КП 8-й гвардейской армии сейчас находится мой заместитель генерал армии Соколовский. Обратитесь к нему. Если он пожелает говорить с парламентерами, проводите их к нему. А у меня им делать нечего, общего языка мы не найдем.

После этого немецкие парламентеры были переданы находившимся здесь офицерам 8-й гвардейской армии. Вместе с ними на КП 8-й гвардейской армии отправился наш капитан Япринцев и один автоматчик из его батальона. После он рассказал об одной интересной детали. По положению всем парламентерам, направляемым в тыл войск противника, завязывают глаза. Генерал Кребс думал, что с ним поступят так же. И, когда один из на-

ших офицеров подал команду идти вперед, он с минуту помедлил, словно чего-то выжидая. Но никто завязывать ему глаза не стал. Напротив, ведя генерала через боевые порядки, наши офицеры как бы говорили Кребсу: «Смотрите, генерал! Вот наши войска, наша техника. Что вы можете ей противопоставить?»

Уткнувшись в план Берлина с нанесенными последними данными обстановки, я даже не заметил, как на НП вбежал запыхавшийся переводчик штаба дивизии лейтенант Володя Маринов:

— Товарищ полковник, разрешите доложить?

— Докладывайте. Что там опять произошло?

— Радистами перехвачена радиограмма из ставки Гитлера!

— Это интересно. Перевод сделал?

— Сделал, товарищ полковник. Содержание радиограммы следующее: «Завещание вступает в силу. Прибуду, возможно, скоро к вам... до этого следует воздержаться от опубликования. Борман».

Взяв пакет радиограммы, я пошел к командиру дивизии.

— Что случилось? — спросил Антонов.

— Случилось, только не у нас — в ставке Гитлера.

— Но ведь Гитлера нет в живых, как сообщил Зейферт.

— Да. Но радиограмма оттуда перехвачена.

Владимир Семенович два раза внимательно перечитал текст радиограммы, затем поднял на меня глаза.

— Ну, Михаил Иванович, что вы можете сказать по поводу радиограммы?

— По-моему, она еще раз подтверждает, что Гитлер приказал долго жить, а заправляют в катакомбе Геббельс и Борман. Радиограмма, очевидно, послана преемнику Гитлера.

— И кто же этот новый Гитлер?

— Судя по разведывательным данным, гросс-адмирал Дениц. Он назначен последним преемником фюрера.

— Что ж, пожалуй, так оно и есть. Но передай командирам частей, чтобы усилий не снижали. Надо врага бить, бить и бить.

До четырнадцати часов находился Кребс на командном пункте 8-й армии у генералов В. Д. Соколовского и В. И. Чуйкова. Однако все его попытки вести переговоры

ни к чему не привели. Требования советского командования были ультимативными: никаких переговоров, только полная и безоговорочная капитуляция фашистской Германии и ее вооруженных сил.

Тогда Кребс решил установить проводную связь с имперской канцелярией, чтобы сообщить о требованиях советского командования Геббельсу и генералу Вейдлингу. Это было поручено сделать полковнику Дюффингу, с которым отправился наш связист с катушкой провода за спиной. Но едва они приблизились к позициям немцев, раздался выстрел. Наш связист был тяжело ранен. Положение еще больше осложнилось. Кребс со своими парламентерами вернулся в имперскую канцелярию. В. Д. Соколовский дал ему два часа, чтобы обсудить с Геббельсом наше требование о немедленной капитуляции.

На фронте установилось затишье. Командиры подразделений использовали его для пополнения боеприпасами. Впервые за двое суток люди получили горячую пищу.

Тем временем из подвалов и убежищ толпами стали выходить немцы. В основном — старики, женщины, дети. Голод побеждал страх. Первое, что привлекало их внимание,— это валявшиеся там и сям трупы убитых лошадей. Несчастные устремлялись к ним с голодным блеском в глазах и в считанные минуты разделывали их, так что от конских туш оставались только гривы, хвосты, да копыта.

— Ничего удивительного нет,— угрюмо сказал Антонов, когда я доложил ему об этом.— Весь Берлин сидит без воды, топлива и электроэнергии. А уж о продовольствии и говорить не приходится. То же самое мы видели в Трептове, когда форсировали Ландвер-канал, и в центральных кварталах Берлина. Только тут конских скелетов во много раз больше.

Другой разговор был передан мне замкомдивом по политчасти П. С. Коломейцевым. Он произошел между ним, комбатом Шаповаловым, замполитом Гумерова майором Леонтьевым и парторгом 2-го стрелкового батальона Егоренковым.

— Вот к чему привел свой народ проклятый Гитлер и его фашистская партия,— говорил своим товарищам Коломейцев, указывая на трупы гитлеровских солдат, ободранные скелеты лошадей и дымящиеся развалины старинных зданий.

К этим словам внимательно прислушивался сидевший неподалеку у стены командир взвода лейтенант Гарагуля. Я хорошо знал его. Это был умный, отважный, но как-то по-особенному беспощадный к врагам офицер. Было видно, что тема беседы волнует, задевает его за живое. Наконец он не выдержал и подошел к нам.

— К фашистам у меня, товарищи, особый счет,— хрипло начал он, и его мужественное лицо как-то сразу закаменело, стало непроницаемым.— От их проклятых рук погибли брат, отец-старик, а уж как они измывались над старухой матерью да над сестрами — и вспоминать не хочется. Вот и думал я, даже ночами об этом грезил, как дойду до Берлина — вот этими руками...— тут у него перехватило дыхание, и он с хрустом сжал свои огромные кулачищи,— вот этими руками удушу Гитлера и всех его ублюдков. Конечно, и до этого довелось не один раз встретиться с ними лицом к лицу. И не находилось в моем сердце никогда ни капли жалости к врагу. Думал, что вообще выжгло у меня это чувство войной и вряд ли когда оно вернется. А вот представляете, товарищ майор, вошел в Берлин, увидел этих голодных, измученных ребятишек, этих несчастных стариков и женщин и почувствовал, как что-то у меня в душе перевернулось. Вижу как-то: маленький такой старикашка возится около убитой лошади с ножом. Хочет побольше отхватить кусок, а силенок-то уж нет совсем. Еле-еле отрезал. А лошадь уже вздуло от тепла, запах от нее пошел. Ну, я ему машу рукой: «Ты что же это делаешь, чудак? Ведь такую падаль собака есть не станет, не то что человек?» Он, как услышал, вздрогнул и выронил кусок. Потом видит, что я вроде бы ничего с ним делать не собираюсь. Подобрал этот кусок — а он уж весь с пылью и грязью перемешался — и прижал к груди, а у самого в глазах слезы. Повернулся я и пошел от него. И тут я подумал, можно ли мстить вот таким, ведь для них эти фашистские сволочи такие же враги, как и для нас. И если б не началась с обеих сторон снова артиллерийская и минометная канонада, я бы приказал отдать им часть приготовленной для бойцов пищи. Вот ведь какая штука.— Гарагуля вздохнул и полез в карман за кисетом с табаком.

— Какое все-таки большое благородное сердце у нашего народа,— с волнением сказал я Коломейцеву, вы-

слушав его рассказ.— Знаешь, Павел Саввич, когда слышишь такое, всегда испытываешь гордость за свою принадлежность к этому великому народу. Мне кажется, что хорошо было бы напечатать рассказ Гарагули в дивизионной газете.

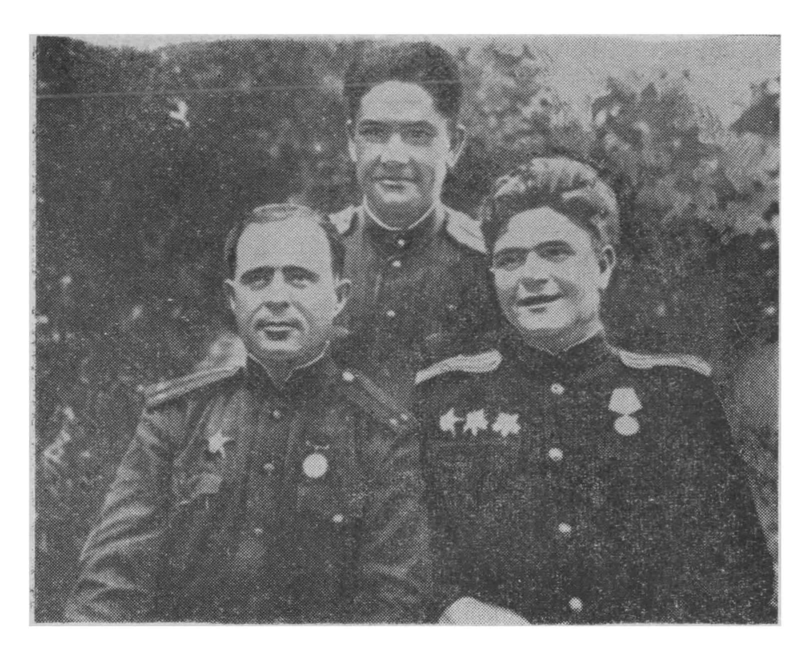
Время, данное немецкому командованию на обсуждение вопроса о капитуляции, истекло, но ответа из имперской канцелярии так и не последовало.

В семнадцать часов тридцать минут командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отдал приказ: «В 18 часов 30 минут произвести мощный артналет по имперской канцелярии, всем очагам, где оказывают сопротивление немецко-фашистские войска, и приступить к штурму».

Точно в назначенный срок вновь загремели пушки, заскрежетали гусеницы танков. Город утонул в волнах черного дыма. После артналета начался штурм. Через проломы в стенах, выбитые окна и двери, извилистые проходы в грудах развалин советские воины устремились вперед, шаг за шагом вытесняя фашистов из занимаемых ими зданий. Упорный, кровопролитный бой закипел на всех участках дивизии. Могучее громыхание орудийных выстрелов доносилось и со стороны Тиргартен-парка, где действовали соединения 8-й гвардейской армии.

Еще во время приема парламентеров Антонов приказал командирам полков И. И. Гумерову, Н. Н. Радаеву, А. И. Пешкову подготовить две штурмовые группы из самых отважных бойцов, поставив во главе их самых опытных боевых офицеров. В их задачу входило просочиться к дворцу «канцлера империи» (имперской канцелярии) и овладеть им. Хотя Гитлер и его правительство давно оставили этот дворец, укрывшись в подземных катакомбах и убежищах, он по-прежнему оборонялся отборными гитлеровскими частями.

Первая атака наших штурмовых групп на имперский дворец встретила сильное огневое сопротивление и была приостановлена. Антонов позвонил Гумерову, Радаеву и Пешкову и приказал во что бы то ни стало возобновить продвижение вперед. И тут командир 2-го батальона 1050-го стрелкового полка майор Ф. К. Шаповалов принимает смелое решение. Он выдвигает в сад — во фланг врагу — сначала 4-ю роту старшего лейтенанта И. И. Яковлева, а затем 5-ю и 6-ю стрелковые роты старших

Они первыми ворвались в подземное убежище Гитлера. Слева направо: И. Ф. Осипов, С. Алимов, Ф. К. Шаповалов.

лейтенантов Храмова и Рабенко. Бойцы быстро пробивают с помощью пушек в бетонном заборе, которым был обнесен весь квартал имперской канцелярии, дыры и проникают внутрь двора.

Особенно ожесточенная схватка закипела у бетонного бассейна, оборудованного возле парадного входа в канцелярию. Засевшие здесь эсэсовцы оборонялись отчаянно, не считаясь ни с какими потерями. Их сопротивление становилось все более упорным по мере того, как наши штурмовые группы приближались к входу в подземный бункер Гитлера. Однако ничто уже не могло отдалить неотвратимого исхода.

Выведя орудия на прямую наводку, артиллеристы подполковника Похлебаева, старшего лейтенанта Боброва, воины отдельного истребительного дивизиона майора М. А. Брестинского и других артчастей, возглавляемых командующим артиллерией дивизии полковником Н. Ф.

Казанцевым, накрыли имперский дворец и подземные убежища лавиной сокрушительного огня.

Высокое командирское мастерство при штурме имперского дворца проявили командир 1-го батальона 1054-го стрелкового полка майор Григорий Минасович Айрапетян, командир 2-го батальона этого же полка майор Александр Данилович Перепелицын, командир 3-го батальона 1052-го стрелкового полка Герой Советского Союза майор Сагадат Кажахшетович Нурмагамбетов. Они первыми штурмовали сам имперский дворец.

Нелегко было выполнять эту задачу. Стены дворца толстые и прочные. Никакие снаряды их не пробивали. Все подступы к нему простреливались обороняющимися гитлеровцами из пулеметов и автоматов. Особенно тяжело было тем подразделениям, которые штурмовали фасад дворца со стороны магазина «Вертгейм» и улицы Вильгельмштрассе.

Первые попытки штурма окончились неудачей. После этого дворец был подвергнут с трех сторон интенсивному обстрелу из орудий и пулеметов, вынудившему в конце концов его защитников сдаться.

Так пал дворец «канцлера империи».

Трудно было выделить особо отличившихся в этом последнем героическом штурме главного логова врага. Мне вспоминаются артиллерист Е. Рыжков, пулеметчик Матейко, рядовые Серегин и Островский из 1050-го стрелкового полка, которые точным огнем заставили замолчать огневые точки немцев, прикрывающие вход в подземное убежище Гитлера. Вспоминается сержант Решетников, остановивший огнем своего станкового пулемета контратакующую группу эсэсовцев. А разве можно забыть старшего инструктора политотдела 9-го стрелкового корпуса Анну Владимировну Никулину — человека огромного мужества и беззаветной преданности своей Родине, которая была хорошо знакома мне еще по боям на Северном Кавказе? Как сейчас вижу ее осанистую фигуру в атакующих рядах рот старшего лейтенанта Яковлева и старшего лейтенанта Рабенко, бегущую вместе с ними навстречу свинцовой буре.

Это лишь первые пришедшие на память имена. Но хочется подчеркнуть, что могучим героическим порывом были охвачены в тот момент все воины дивизии. В своей

солдатской судьбе мне пришлось пережить три войны, но такого мне до этого еще не приходилось видеть.

И все же, несмотря на восьмичасовой непрерывный штурм, много огневых очагов врага оставались еще неподавленными. Поэтому по приказу командарма в три часа утра второго мая был произведен самый мощный артналет. В течение пятнадцати минут огонь тысяч орудий и минометов был сфокусирован исключительно на имперской канцелярии и катакомбе Гитлера. Это был заключительный аккорд артиллерийской канонады в Берлине.

После этого продвижение полков и штурмовых групп убыстрилось. Штурмовая группа, возглавляемая после ранения комсорга Алимова парторгом 2-го батальона 1050-го стрелкового полка Егоренковым, вплотную приблизилась к дверям рейхсканцелярии. В ее окна и двери полетели гранаты, снаряды «сорокапяток» старшины Рыжкова и других артиллеристов.

Однако основная тяжесть боя за овладение имперским дворцом легла на батальон майора Ф. К. Шаповалова. Бойцы этого батальона, а также штурмовые группы Егоренкова, младшего лейтенанта Антонова, лейтенанта Федорова, пятый и шестой взводы Храмова и Рабенко из 4-й стрелковой роты Яковлева вскоре проникли внутрь дворца.

В этот момент мы заметили, как на крыше над парадным входом взвилось красное знамя.

— Михаил Иванович, ура! На имперской канцелярии красное знамя! — восторженно крикнул мне Антонов.— Звони узнай, кто этот храбрец.

Звоню в 1050-й полк. К телефону подходит Гумеров.

— Исхак Идрисович! Командир дивизии интересуется, кто водрузил знамя на имперском дворце? Кто? Майор Никулина и рядовой Некрасов? Здорово! Молодцы!

— Ну, от нее можно это ожидать,— улыбнулся Антонов, внимательно прислушивавшийся к нашему разговору.— Наверно, еще с Кавказа несла этот флаг, ведь она ветеран политотдела корпуса.

— Знаю, знаю, товарищ генерал. Храбрейшая женщина. Правда, приходилось частенько одергивать ее: где самое пекло, там и она.

— А кто обеспечивал водружение? — вновь спросил Антонов.

— Как докладывает Гумеров, рота Яковлева, группы лейтенанта Федорова и младшего лейтенанта Антонова.

Потом Шаповалов рассказал мне, что Никулина, ворвавшись во дворец вместе с Некрасовым и другими бойцами, быстро взбежала по разбитым маршам лестницы наверх, на ходу прикрепляя красное полотнище к концу телефонного шеста, и укрепила красный флаг прямо над входом.

Когда гитлеровцы были выбиты из второй половины дворца, на его крыше заалело еще одно знамя. Его водрузил командир 2-й роты 1-го батальона 1050-го стрелкового полка лейтенант В. А. Сосновский. Шестого апреля он, будучи командиром 3-го взвода, заменил убитого командира роты А. Е. Зотова и с тех пор прекрасно ею управлял, показывая сам чудеса отваги.

— Послушай, начальник штаба,— вдруг обратился ко мне Антонов,— а что это Радаев с Пешковым помалкивают? Ну-ка, узнай, что они там делают.

Связываюсь по телефону с подполковником Радаевым.

— Что ж вы отстаете, дорогой,— подзадориваю я его.— Гумеровцы докладывают, что они уже два флага водрузили на дворце. А вы что-то ничем не похвалитесь. Как там у вас?

— У нас все нормально, товарищ полковник,— несколько обиделся Радаев.— Мы тоже водрузили, только на восточной стороне. Вам с НП не видно. Кто конкретно? Комсорг 2-го батальона лейтенант Плетнев со своими комсомольцами. А обеспечивали разведчики полка под командованием лейтенанта Волкова и седьмая рота Пешкова под командованием старшего лейтенанта Безносова.

— Добре. Комдив торопит, приказывает действовать поактивнее.

— Все будет в порядке, товарищ полковник.

После взятия дворца «канцлера империи» Антонов поручил захват подземного убежища Гитлера подполковнику Гумерову. Для выполнения этой задачи были выделены батальоны майора Шаповалова и майора Михайлова. Они действовали под прикрытием полковой артиллерии. Отдельными штурмовыми группами руководили капитан Рабенко, лейтенант Егоренков, замполит капи-

тан Осипов, лейтенант В. Д. Песков, капитан В. Ф. Спрога и другие офицеры.

Боем в подземном логове фюрера управлял майор Федор Кузьмич Шаповалов — исключительно смелый и в то же время смекалистый, находчивый комбат. Его непосредственным помощником был старший адъютант батальона капитан П. А. Карибский. Будучи ранее пулеметчиком, он в душе оставался им всегда. Вот и в этом бою, взявшись за гашетки пулемета после гибели пулеметного расчета сержанта Решетникова, он метким огнем уничтожал эсэсовцев, оборонявших вход в бункер. Массивную входную дверь, которую не брали ружейные пули, пришлось простреливать противотанковыми ружьями. Мощным огнем сопротивление гитлеровцев у входа в бункер было сломлено. Теперь надо было проломить дверь в убежище и заклинить амбразуры. Это было сделано бойцами 8-й роты во главе со старшим лейтенантом В. Д. Песковым. Вооружившись связками противотанковых гранат, они ринулись на штурм. Забросав гранатами дверь и бойницы в стенках, рота ворвалась в бункер и стала вычищать гитлеровцев из подземных кабинетов и других помещений.

К десяти часам утра второго мая подземная катакомба Гитлера была полностью очищена от ее последних защитников. В некоторых уголках парка имперской канцелярии еще слышалась перестрелка. Доносилась она и из парка Тиргартен. Однако бой явно шел на убыль.

В это время меня срочно вызвали к телефону. Взяв трубку, я узнал голос начальника штаба корпуса генерал-майора Емельяна Ивановича Шикина.

— Михаил Иванович, передайте Антонову и всем вашим командирам и бойцам радостную весть. Немцы капитулировали! Командующий обороной Берлина генерал артиллерии Вейдлинг в два часа ночи передал по радио всем своим войскам приказ немедленно прекратить сопротивление русским и прислал парламентером своего начальника штаба полковника фон Дюффинга.

— Слушаюсь! — с замиранием сердца ответил я и, бросив трубку, бегом помчался к Антонову.

— Товарищ комдив, немцы капитулировали! — задыхаясь, крикнул я.

— Как так? — не сразу понял Антонов.

— Капитулировали немцы, товарищ комдив, во всем

Берлине! Конец войне! — восторженно повторил я. Антонов некоторое время стоял молча, словно оглушенный. Затем мы порывисто шагнули друг к другу, крепко обнялись и троекратно, по-русски расцеловались.

К двенадцати часам дня фашисты прекратили сопротивление на всех участках имперской канцелярии. Оборонявший «фараоновскую гробницу» фюрера гарнизон отборных эсэсовцев сдался в плен.

В эти незабываемые минуты на память невольно приходили имена тех, кто не дожил до этого радостного дня, кого мы потеряли на трудных дорогах войны. С особой болью думалось о тех, кто пал на подступах к Берлину, в самом гитлеровском логове. Майор Цуцкеридзе, капитан Полюсук, майор Оберемченко, лейтенант Подгорбунский, сержант Антипенко, юный моряк Володя Черинов... Эти посмертно были удостоены звания Героя Советского Союза. А сколько их пало за войну — известных и безвестных героев? Сейчас они все были с нами, потому что все они были в нашей памяти...

Около десяти часов утра командир дивизии Антонов приказал мне выехать в район имперской канцелярии и организовать поиски Гитлера и других его сообщников. Присутствовавший при этом начальник особого отдела майор Д. К. Курчевский, смеясь, заметил:

— Вы что же это, дорогой друг, мечтали взять Гитлера, а теперь время тянете. Пошли вместе. Я уже послал туда группу своих ребят. Они сейчас ищут.

— Хорошо, я только возьму пару офицеров штаба и переводчика Володю Маринова.

Примерно с час мы карабкались по развалинам, прежде чем пробрались к парку, окружавшему имперскую канцелярию. Обожженные, расщепленные деревья нисколько не походили на весенние. На сучьях висели полотнища парашютов. Фашистские летчики все это время сбрасывали осажденному гарнизону вооружение, боеприпасы, продовольствие. Обломки сбитых самолетов валяются тут же. Около них трупы гитлеровских вояк.

Вскоре мы встретили заместителя командира нашей дивизии полковника Василия Емельяновича Шевцова. Назначенный комендантом района имперской канцелярии, он уже наводил порядок: организовывал оборону и охрану дворца, подземного бункера Гитлера и всего квартала с парком и всеми строениями.

Мы поздравили друг друга с победой, и Василий Емельянович повел нас осматривать имперскую канцелярию. Еще издали мы увидели двух солдат, стоявших на часах у входа.

— Зачем часовые? — спросил я Шевцова.

— Да черт его знает, может, не отравился фюрер — прячется здесь где-нибудь в своей норе. Так будет надежнее.

— Правильно, Василий Емельянович! — улыбнулся я.

— А потом тут разных фоторепортеров, корреспондентов, а то и просто глазельщиков набежало. Невесть откуда. Кто, зачем — проверять же всех не станешь. Вот и решил пока не пускать туда тех, кому там нечего делать.

— Очень хорошо, Василий Емельянович. Комдив так и приказал поступать.

Подходим к бункеру. У самого входа группа офицеров внимательно осматривает чей-то окровавленный труп.

— Кого ищете? — спросил я стоявшего поблизости начальника разведки нашей дивизии майора Боровко.

— Гитлера,— раздалось в ответ сразу несколько голосов.

— Но ведь Кребс уверял, что он вместе со своей любовницей покончил жизнь самоубийством?

— Это еще как сказать. Верь им,— возразил Боровко.— Лучше поискать. Не найдем — не надо, найдем — хорошо. Нам притащили уже целых шесть «фюреров». Но настоящего среди них не оказалось. Эксперты говорят: Федот, да не тот.

Подходит комбат Шаповалов с немецким офицером в звании майора.

— Кто это? — спрашиваю я комбата.

— Офицер из ставки вермахта. Хорошо знает внешность Гитлера. Кроме того, немного понимает по-русски.

— Прекрасно! — сказал я.— Мы сейчас спускаемся в бункер. Вы пойдете с нами.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

В подземелье вела длинная лестница. Был и лифт, но из-за отсутствия электроэнергии он бездействовал. Убежище поразило нас своими размерами, оборудованием и прочностью. Оно представляло собой двухэтажное здание, уходящее на глубину до двадцати метров. Железобетонное перекрытие было таким прочным, что на-

дежно обеспечивало безопасность ее обитателей даже при прямом попадании бомб крупного калибра. В бункере было свыше шестидесяти комфортабельно оборудованных комнат. Здесь имелись свое отопление, электростанция, склады продовольствия, вооружения, боеприпасов. Помещение, в котором находился Гитлер, было самым просторным. Оно состояло из зала для совещаний, столовой, спальни, кухни и санитарного узла. Рядом размещались личный врач Гитлера и его адъютант. Дальше шли комнаты членов правительства и высших офицеров штаба.

М. И. Сафонов. 18 мая 1945 г.

Несмотря на богатый интерьер, бункер выглядел мрачно и скорее походил на огромный склеп. Это впечатление еще более усиливалось тем, что повсюду: в комнатах, коридорах, на лестницах — валялись трупы самоубийц. Это были офицеры, чиновники, генералы и министры гитлеровского правительства. Среди них я узнал и недавнего нашего знакомца — генерала Кребса. Всех их заставил покончить с собой страх перед возмездием.

Казалось, что в подземном убежище недавно пронесся разрушительный смерч, разбросавший по углам кабинетов и полам все богатые предметы обстановки: кресла, столы, диваны, шкафы, а также ящики с коробками крестов и медалей, чемоданы с различным барахлом.

Продолжая наше знакомство с убежищем, майор Шаповалов подвел нас к одной из дверей, которая была плотно закрыта. Я заметил на его лице чуть заметную ухмылку, когда он приказал открыть дверь неотступно

следовавшему за нами немецкому офицеру. Тот дернул за массивную ручку, и мы увидели лежащий посреди комнаты труп мужчины в темно-сером гражданском костюме с пулевой раной во лбу.

— Ого, вот и фюрер! — удивленно воскликнул майор Курчевский.

Действительно, убитый был бесспорно похож на Гитлера, которого мы сотни раз видели на фотографиях в витринах немецких городов, снимках в газетах и журналах.

— Ну что, это Гитлер? — спросил Шаповалов немецкого офицера, подсвечивая труп фонариком.

— Найн, найн,— отрицательно мотнул головой немец.

— А не врет он? — усомнился я, взглянув на Шаповалова.

— Не может быть. При первом осмотре он то же самое говорил. Никакой, говорит, это не Гитлер. Да и с какой стати ему врать?

— Нет — значит, нет. Пошли дальше.

Заглянули в смежную комнату. Она была примерно такой же, как и та, из которой мы только что вышли. Кроме стола, стульев и дивана, здесь стояли еще две деревянные кровати. А на полу также лежал мертвый посиневший мужчина со знакомыми гитлеровскими усиками.

— Уж этот-то, наверно, точно Гитлер,— вновь проговорил Курчевский, но по его тону чувствовалось, что он, как и все мы, сильно обескуражен.

— Второй Гитлер? — невозмутимо спросил Шаповалов немецкого офицера.

— Найн, цвай Гитлер никс,— вытянувшись в струнку, ответил тот.

— Он говорит: двух Гитлеров не бывает, — перевела Аня — переводчица из особого отдела, которую Курчевский все время держал при себе.

— Что же это получается, что у Гитлера уже не двойники, а «восьмерики»,— улыбнулся Курчевский.— У входа было шесть и вот сейчас еще два. Аня, спроси у этого фрица, сколько же всего двойников у ихнего фюрера?

Когда Аня перевела вопрос, немец что-то залопотал по-своему, недоуменно пожимая плечами.

— Он говорит, что слышал о двойниках, но сколько их было, не знает.

Так что ни на поверхности, ни в бункере труп Гитлера нам найти не удалось. После этого мы направились

в убежище Геббельса. Обгорелый, покрытый слизью труп бывшего министра пропаганды был уже вытащен бойцами Шаповалова к входной двери. Я заметил на шее и бедрах какие-то длинные полосы из серой плюшевой ткани.

— Что это за повязки? — спросил я Шаповалова.

— А-а! Это бойцы привязали шторы с окон, когда вытаскивали труп. Противно было к нему притронуться.

Вошли в убежище. В нем было две комнаты, кабинет и кухня с небольшой столовой при ней. В первой комнате на полу лежала в луже затвердевшей и почерневшей крови жена Геббельса, Магда Геббельс. По приказанию полковника Шевцова четверо солдат тут же вынесли ее труп наверх и положили рядом с трупом мужа.

Войдя во вторую комнату, мы были просто потрясены: на койках и на диване лежали в разных позах трупы шестерых детей — пятерых девочек и одного мальчика. На столе стоял небольшой, сделанный под крокодиловую кожу чемодан, к ручке которого была пришита кожаная бирка с надписью: «Фрау Геббельс». Раскрыв его, мы обнаружили в нем большое количество смертельных ядов в самом разнообразном виде — в таблетках, ампулах, пробирках. Тут же, на столе, лежали два шприца с иглами и несколько пустых ампул.

— Вот зверь,— со злостью сказал Курчевский.— Был зверем и до конца им остался. Не только жену застрелил, гад, но и детей не пожалел.

Он взял чемодан, вытряхнул из него все его страшное содержимое и передал мне со словами:

— Возьми, Михаил Иванович, пусть это тебе будет память о посещении фашистского логова.

В шестидесятых годах я передал этот чемодан в Ленинградский артиллерийский музей, где он и поныне хранится в фондах.

К полудню к бункеру Гитлера подъехал Антонов со своим заместителем по строевой, а ныне комендантом участка имперской канцелярии Шевцовым. Я коротко доложил комдиву о результатах поиска трупа Гитлера.

— Слушай, Михаил,— озадаченно спросил Антонов.— Но где же все-таки настоящий Гитлер?

— По словам немецкого офицера из гитлеровской ставки, охранявшие фюрера солдаты говорили ему, что трупы Гитлера и Евы Браун сожжены вон в той воронке.

— Осмотрели воронку? — спросил Антонов у Боровко.

— Осмотрели, товарищ полковник. В воронке — куча пепла, рядом несколько пустых канистр из-под бензина.

— Надо еще поискать...

По пути к имперскому дворцу мы увидели такую картину. Парторг 2-го батальона 1050-го стрелкового полка лейтенант Никита Михайлович Егоренков с группой бойцов срывал висевшего над парадным входом стального орла, державшего в когтях лавровый чугунный венок со свастикой. Вскоре фашистская эмблема с гулом рухнула на землю. Бойцы быстро спустились вниз и с веселыми шутками забросили ее на кучи мусора. Антонов толкнул меня локтем в бок:

— Смотри, смотри, Михаил. Это выброшена на свалку истории вся фашистская Германия!

В это время в район имперской канцелярии прибыл начальник гарнизона и комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин с членом Военного совета генерал-лейтенантом Ф. Е. Боковым. Приняв доклад Антонова, он направился к имперскому дворцу. Увидев развевавшиеся над ним красные флаги, Николай Эрастович оживленно воскликнул, обращаясь к Бокову:

— Глянь, Федор Ефимович. Не меньше десятка! Вот это молодцы! Здорово сражались!

Внутренность дворца носила страшные следы только что затихших здесь боев: ободранная штукатурка, сорванные люстры, захламленные полы, поломанные и выбитые двери. Прошли по галерее, ведущей к кабинету Гитлера. Комнаты, в которые мы заглядывали по пути, были усеяны трупами убитых или застрелившихся эсэсовцев.

Кабинет Гитлера находился в самом конце галереи. Войдя в него, мы увидели огромный стол, обставленный со всех сторон стульями. К дальнему концу его был приставлен поперек второй полированный двухтумбовый стол. Около него стояло кресло с высокой спинкой. Справа был виден большой глобус, испещренный во многих местах знаками, сделанными синим карандашом. Говорили, что Гитлер любил покрутить его, разжигая в себе бредовые планы мирового господства.

— А куда вы собираетесь деть этот глобус? — спросил командарм.

— Я предлагаю поставить его в ваш кабинет, товарищ командарм,— сказал генерал-лейтенант И. П. Рослый.— Потому что вы первый из военачальников вошли сюда.

— Спасибо за предложение, Иван Павлович,— поблагодарил его Берзарин.— Но я думаю, что будет очень правильно, если мы предложим его маршалу Георгию Константиновичу Жукову, который внес неоценимый вклад в разгром гитлеровской Германии и руководил войсками, штурмовавшими Берлин.

— Верно, товарищ генерал-полковник! — поддержали его присутствующие.

После этого мы покинули имперский дворец. Командарм уже начал было прощаться, но в это время к нему обратился Антонов с просьбой принять памятные трофеи. Берзарину и Бокову были вручены топографическая немецкая карта с нанесенной обстановкой (ее взяли со стола Гитлера в его кабинете в подземном бункере) и жезл генерал-фельдмаршала Роммеля, а Военному совету армии был передан личный штандарт фюрера. Теперь он лежит в зале Победы Центрального музея Советской Армии в Москве среди других гитлеровских знамен перед картиной «Парад победы Красной Армии на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года». В хранилищах этого музея находится и маршальский жезл Роммеля. А карта Гитлера с автографами генерал-майора Бокова и майора Шаповалова хранится в Берлине в Карлхостском музее Советской Армии.

2 Заказ 2470

ТРУЖЕНИКИ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

Уношусь памятью в военное время, и перед глазами встает лето 1941 года. Вижу себя в форме армейского врача на перроне Саратовского вокзала. Объятия родных. Слезы. Напутствия. Раздается хватающий за душу гудок паровоза, и длинная вереница переполненных до отказа вагонов медленно трогается, оставляя позади пеструю толпу провожающих.

Я выехал на фронт первого июля в составе 63-го стрелкового корпуса в должности младшего врача 637-го артиллерийского полка и уже во второй половине месяца получил боевое крещение. Наш корпус в течение тридцати дней стойко удерживал оборону в районе Жлобина и Рогачева в Белоруссии, о чем в свое время не раз сообщалось в сводках Совинформбюро. Но обстановка в ту пору на фронте была очень тяжелая. В середине августа корпус попал в окружение.

Пятнадцатого августа нам был дан приказ отходить к Гомелю через Буду, но оказалось, что отходить уже было некуда. Три дня шли упорные бои в окружении. Постепенно терялось управление. Остатки нашего корпуса, перемешанные с группами из самых различных частей 21-й армии, приняли последний бой у села Перевичи Жлобинского района. За один день мы отбили десятки атак. В ночь с семнадцатого на восемнадцатое августа вокруг нас плотно сомкнулось кольцо окружения.

Из всех ощущений, вынесенных мной из тех жутких дней, наиболее памятными остались гнетущая, сваливающая с ног усталость и жажда. Нещадно палило солнце. Санчасть нашего полка размещалась в лесу но, даже в тени деревьев было так жарко и душно, что мы обливались потом. А к нам беспрерывно подносили раненых. Вся одежда на мне пропиталась кровью. Перевязочные средства и некоторые медикаменты у нас еще были, хотя

Имя Владимира Николаевича Лобанова широко известно в нашей стране. Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор медицинских наук, профессор, он долгое время работал в саратовском научно-исследовательском институте «Микроб». Десятки его научных трудов опубликованы в печати. Работы профессора Лобанова по проблемам борьбы с чумой получили мировое признание.

В годы Великой Отечественной войны В. Н. Лобанов находился во вражеском тылу в Белоруссии, спасал наших раненых и больных солдат, оказывал медицинскую помощь гражданскому населению, вел подпольную работу, а затем воевал в партизанском отряде.

и в ограниченном количестве, но совершенно отсутствовала вода. Нечем было даже обмыть раны. Тяжелораненые лежали под деревьями, и до слуха, терзая сердце, доносилось: «Пить! Пить!..» Я перевязывал раны, и от усталости, а еще больше от жажды перед глазами плавали оранжевые круги.

На рассвете восемнадцатого августа к расположению нашей санчасти подошла цепь немецких автоматчиков. Оказать им сопротивление мы уже не могли. Немцы собрали из наших бойцов носильщиков и приказали тяжелораненых куда-то отнести. Остальные, в том числе и я, были взяты под конвой.

И вот мы на окраине села Осиновки. Жарко печет солнце. От жажды першит в горле и мутится в глазах. Неподалеку, в нескольких шагах от нас, синеет озеро, а подойти к нему нельзя. Кто-то из красноармейцев попытался было приблизиться к воде,— на него набросились конвойные и в кровь избили прикладами автоматов.

Я сижу на потрескавшейся от зноя земле и, понурясь, с тоской гляжу на кресты расположенного рядом сельского кладбища. На душе невыразимо тяжко. Вспоминался родной Саратов, проводы на фронт. Я ушел на войну добровольцем, полный патриотического энтузиазма,

желания воевать, и, конечно, никак не мог предполагать, что через полтора месяца окажусь в фашистском плену. С болью и тревогой думалось о разгроме нашего корпуса, об отступлении советских войск на восток. Даже в эти тяжелые дни я не сомневался в том, что гитлеровская Германия будет разгромлена, но осложнения на фронтах вызывали гнетущие чувства.

Невеселые раздумья неожиданно прервал подошедший к нам немецкий переводчик.

— Есть среди вас врачи? — спросил он.

Я поднялся и назвал себя.

Через несколько минут меня под конвоем привели в село, где были собраны раненые пленные. Там уже работало несколько наших врачей. Во дворах двух домов, отведенных под «медпункт», стояли столы. К ним одного за другим подводили и подтаскивали на руках раненых. У многих были раздроблены руки и ноги. Врач-хирург отсекал их и бросал в таз. Над окровавленными клочьями мяса и костей роем кружились мухи. Обстановка жуткая. На дворах негде ступить: везде лежат, сидят и толкутся раненые. Кроме дворов ими полна рига — деревянный сарай, крытый соломой.

По специальности патологоанатом, я не мог производить операции. Мне было поручено делать перевязки. Двое суток мы оказывали помощь раненым. Потом нас, медицинских работников, вместе с последней партией раненых отправили на грузовой машине в Жлобин. В этом городе мне предстояло пробыть немало дней в плену, здесь я связался с подпольщиками, а затем с партизанами и потому считаю необходимым рассказать о нем несколько подробнее.

Жлобин находится на пересечении двух больших железных дорог. Через него протекает Днепр, который здесь довольно широк. Поэтому город имел немаловажное военно-стратегическое значение. В начале войны он дважды освобождался нашими войсками, подвергался многочисленным бомбардировкам с воздуха и артиллерийскому обстрелу. Когда я попал в него, он наполовину был разрушен. Немцы вели лихорадочные работы по восстановлению железнодорожных путей, моста через Днепр и шоссейных дорог. С этой целью со всей округи сгонялось местное население. Для принуждения принимались самые жестокие меры. Всякий заподозренный в сабота-

же расстреливался. Тюрьма быстро заполнялась узниками. За городом по ночам раздавались автоматные очереди: шли расстрелы.

В этих условиях борьба с немецко-фашистскими захватчиками носила очень сложный, трудный и острый характер. Упущу некоторые второстепенные детали моего пребывания в Жлобине и начну рассказ с того времени, когда мне постепенно в тылу врага удалось встать на путь борьбы.

В плену у меня установились тесные связи с двумя медиками — П. М. Фигурновым, старшим врачом нашего полка, и хирургом Ф. П. Мельниковым. Какими-то сложными путями им удалось войти в доверие местных оккупационных властей. Первый стал заведующим райздравом, второй — главным врачом больницы для местного населения. Они помогли мне определиться вначале лечащим врачом в больнице, а потом я был назначен врачом для выездов. В мое распоряжение была предоставлена повозка, и я получил возможность выезжать в район. Надо ли говорить, как это меня окрылило!

Шел октябрь 1941 года. До меня доходили слухи о партизанах. Возникла надежда, что, выезжая в район, я со временем смогу с ними связаться, вырваться на свободу и взяться за оружие. Я ездил по селам, с настороженным вниманием приглядывался к людям, стараясь угадать среди них тех, кто был связан с партизанами. Но вскоре понял, что это была пустая затея. Следовало искать какие-то другие пути борьбы.

В один из ненастных осенних дней ко мне на квартиру пришли трое молодых людей, одетых в штатское.

— Вы Лобанов? — спросил один из них.

— Да. В чем дело? — насторожился я.

— Из Саратова?

— Из Саратова. Однако чем обязан?

— Выходит, земляки, — сказал незнакомец и широко улыбнулся. Заулыбались и его товарищи.— Давайте будем знакомиться. Мы тоже саратовцы.

Земляки назвали себя: Михаил Дудников, Анатолий Дзякович и Алексей Упорников. Все были советскими офицерами. Под Рославлем, будучи ранеными и контужеными, оказались в окружении и попали в плен. Пробыли несколько месяцев в Могилевских лагерях, потом из-за «непригодности к физическому труду» были взяты на

поруки фиктивными родственниками и устроились на работу в Жлобине под надзором местных властей.

Знакомились мы осторожно, изучающе приглядываясь друг к другу. Однако сомнения довольно быстро рассеялись. Все мои новые знакомые показывали отличное знание Саратова, а Дудников оказался моим соседом, его сестра до войны работала со мной в институте «Микроб». Мы быстро сошлись на том, что у всех у нас одна цель — бороться с фашистами всеми доступными нам средствами. Было решено, что будем искать связь с местным подпольем, а пока на свой страх и риск займемся чем можем.

Еще до встречи с земляками я в одиночку писал от руки измененным почерком листовки и как мог распространял их. Теперь мы этому делу придали более организованный характер. Дудников работал агрономом в Красном Береге, неподалеку от Жлобина. Ему удалось достать старую, заброшенную пишущую машинку. Он кое-как исправил ее, и размножение листовок намного облегчилось. Печатал Дудников, правда, медленно, в каком-то потайном убежище. Но все же это было гораздо удобнее и безопаснее, чем изготовление листовок от руки.

Распространяли мы свою агитационную продукцию разными путями: подбрасывали под входные двери, оставляли в каком-нибудь укромном месте в столовых, на базарах... Особенно ловко это делал Михаил Алексеев — орловец, тоже офицер, примкнувший к нашей группе позднее.

Тексты листовок писал я. Вначале они носили общий характер. В них говорилось о зверствах немцев, внушалась людям уверенность в том, что успехи врага временные, что он будет разгромлен, и содержался призыв не покоряться оккупационным властям. В дальнейшем мне удалось найти способ сообщать в листовках о положении на фронтах. Помог мне в этом деле еще один мой земляк Л. Т. Назаров, ассистент кафедры физики Саратовского университета. Познакомился я с ним у Фигурнова. Вел он себя очень осторожно, был замкнут, и установить с ним деловые связи удалось не сразу. Лишь присмотревшись ко мне, он решил, что я не из тех, кого следует опасаться.

— Вижу, Лобанов, что вы человек, способный к де-

лу,— сказал он мне и пообещал информировать меня о советском радиовещании.

Позднее я узнал, что Назаров отремонтировал старый радиоприемник, принадлежавший местному учителю Игнатенко, и вместе с ним слушал передачи из Москвы. Содержание этих передач он стал регулярно сообщать мне. Наши листовки наполнились более конкретным содержанием, и, понятно, политическое воздействие их неизмеримо возросло. В те дни геббельсовская пропаганда на весь мир трубила, что дни Советской России сочтены, и для людей, оказавшихся в немецкой оккупации, правда о положении на фронтах была подобна целебному бальзаму. Не забыть, какой радостью и верой в победу зажигались глаза наших людей, когда они читали в листовках о разгроме гитлеровских войск под Москвой.

Несмотря на жесточайший террор, в районе Жлобина крепло партизанское движение. Народные мстители взрывали железнодорожные пути, пускали под откос поезда, устраивали засады, громили колонны вражеских машин, уничтожали оккупантов, где только могли.

По ночам я нередко видел зарево и мысленно всей душой находился с теми, кто с оружием в руках бил и громил ненавистного врага. Однако, к великой досаде, установить связь с подпольем и партизанами нам пока не удавалось. Приходилось по-прежнему действовать обособленно.

С наступлением зимы Фигурнов назначил меня заведующим тифозной больницей для русских военнопленных. Учреждение это меньше всего соответствовало своему названию. Представьте себе большой полуразрушенный дом: дырявые потолки; облупленные, с осыпавшейся штукатуркой стены; исковерканные, с прогнившими половицами полы; окна, за редкими исключениями, забитые фанерой,— это и была больница. С огромным трудом мы утеплили здание и наладили топку печей, а потом достали ванну и вошебойку. Но этим и ограничилось оборудование больницы. Ни постельного белья, ни матрацев, ни одеял мы не могли предоставить больным, и они первое время ютились на голых нарах.

Направляя меня заведовать этой так называемой больницей, Фигурнов сказал, что назначение ее ему самому пока не ясно. В Жлобине не было лагерей военнопленных. Там только эпизодически появлялись рабочие

команды из них. Поэтому мне приказали принимать на лечение всех, кого привезут.

Может возникнуть вопрос: почему же больница называлась тифозной? В этом я разобрался позднее. Больных привозили на подводах немцы, но чаще полицаи. Прибывшие на излечение были сильно истощены, оборваны и покрыты вшами. Не сразу удавалось определить, кто из них болен тифом, а кто просто истощен или обморожен. Никаких сопроводительных документов, никаких пояснений о прибывших никто не давал. Из разговоров с больными выяснилось, что на дорогах и в деревнях немцы и полицаи нередко все еще обнаруживали людей, не имевших вид на жительство. Это были бежавшие из лагерей военнопленные, бродившие неприкаянно со времени отхода наших войск. Здоровых из числа их брали под арест, а больных нужно было куда-то девать. И так как сыпной тиф был очень распространен, то оккупационные власти решили устроить некое место для сбора таких людей. Многих из них пристреливали, а остальные попадали в нашу больницу. Случалось, некоторые от отчаяния и сами приходили к нам.

Я как мог старался быть полезным своим больным. Все мое время, почти круглые сутки, было заполнено заботами о них, и не моя вина, если не всегда удавалось сохранить им жизнь. Условия для работы были ужасные. Идешь, бывало, ночью по больнице и думаешь о Дантовом аде. Тускло горит коптилка, чадя черным дымом. На нарах в полумраке в горячечном бреду мечутся больные. Желтые, истонченные худобой руки и ноги, провалившиеся глаза, запавшие виски. Настоящие скелеты. И бред, бред... Чего только не услышишь за ночь. Один зовет мать, другой выкрикивает бессвязные площадные ругательства, третий стонет и просит пристрелить его. Каждому хочется прийти на помощь, а возможности для лечения у нас были самые примитивные, медперсонал собран из случайных, необученных людей.

И все же многое нам удавалось делать. При содействии Фигурнова, человека отзывчивого и безусловно работавшего отнюдь не на немцев, я получил для больницы много лизола и хлорной извести, в чем мы особенно нуждались. Фигурнов же прислал нам бочонок рыбьего жира. Постепенно ухитрились мы наладить сносное питание больных. Нам присылали баланду, которая не могла нас

удовлетворить. Тайком я организовал сбор продуктов среди местного населения. Хотя люди сами жили в большой нужде, но, узнав, кто находится в нашей больнице, делились последним.

С помощью местного населения мы также собрали кое-какую кухонную посуду, постельные принадлежности. На нарах появились тюфяки и подушки, набитые соломой. Тифозных удалось одеть хотя и в старую, латаную, но чистую одежду.

Среди больных у нас было немало таких, которые имели серьезное основание скрывать от немцев свое имя и прошлое. Это я определил по характеру их бреда и в доверительных беседах с ними. Ясно, что, вылечив их, я не хотел, чтобы они снова попали к немцам. Возник вопрос: что делать с выздоравливающими? Еще раньше я заметил, что нашей больницей мало кто интересуется. Боясь заразы, немцы обходили ее стороной. Только изредка к нам заглядывал какой-нибудь полицай и, брезгливо морщась, спрашивал что-нибудь вроде того, сколько людей находится на излечении, есть ли выздоравливающие, где мы хороним умерших, и тотчас исчезал. Отношение оккупационных властей к больнице было как к высыпалке или моргу. Она даже не охранялась. Этим я не преминул воспользоваться.

Двое из нашей подпольной группы — Дзякович и Упорников работали на кирпичном заводе.

— Не можете ли вы, товарищи,— спросил я во время одной из наших встреч,— достать для наших выздоравливающих документы?

— Можно попытаться,— сказал Дзякович.— У нас есть некоторый доступ к конторе завода.

Мы договорились, какие документы и на чье имя нужно достать, и через некоторое время Дзякович и Упорников принесли мне их. Теперь оставалось дело за тем, как отправить на свободу выздоровевших товарищей, чтобы это осталось незамеченным.

Случилось так, что двое наших тифозных больных умерли. Как обычно, похороны мы произвели ночью, отрыв могилу неподалеку от больницы. Похоронили двоих, а в документах я сделал пометки о смерти пяти человек. Трое «умерших» в ту же ночь с документами, добытыми Дзяковичем и Упорниковым, тайком оставили больницу.

С тех пор этот способ спасения выздоровевших това-

рищей от немецкого плена стал у нас обычным делом. Осмелев, наряду с отметками в документах о мнимоумерших, я стал делать другие записи, вроде следующей: «Находясь в состоянии почти полного выздоровления, из больницы исчез».

В тифозной больнице я проработал до конца зимы. В феврале почти одновременно со своим помощником Владимиром Шулицким заболел сыпняком. Несколько недель провалялся в бреду на грани жизни и смерти. Когда оправился от болезни, узнал, что Шулицкий умер. Очень меня опечалила эта смерть. В глубокой скорби, не радуясь даже собственному выздоровлению, сидел я на больничной койке и смотрел на весеннюю капель за окном. Чем-то безгранично далеким и дорогим рисовалась в памяти мирная довоенная жизнь в Саратове, работа в институте, и сердце полнилось ненавистью к гитлеровским захватчикам.

После выздоровления я снова стал работать на прежней должности выездного врача. Тифозная больница к этому времени уже заканчивала свое существование и вскоре была закрыта. Разъезжая по больным, я продолжал искать дорогу к партизанам. Расширялся круг моих знакомств, а вместе с тем росла численность нашей подпольной группы. К нам примкнул врач А. Н. Обновленский, возглавлявший городскую больницу. Образованный человек, отличный терапевт и верный товарищ, он очень много помог мне, когда я работал в тифозной больнице, дельными советами, снабжал меня документами для выздоравливающих. Теперь Обновленский стал помогать нам в распространении листовок. Включились в работу группы также ловкий и смелый парень фельдшер Вася Кладко, зубной врач В. М. Новиков.

Весной 1942 года мне наконец-то удалось нащупать нить, ведущую к партизанам.

Как-то на квартиру ко мне пришел незнакомый мужчина и назвал себя Иваном Александровичем Науменко. Из разговора с ним выяснилось, что он житель села Гармовичи Жлобинского района, до войны был бригадиром в колхозе, а теперь заведовал мельницей.

— С какой нуждой пришли ко мне? — спросил я его.

— Мучает меня язва желудка. Слышал, что вы хороший доктор. Авось не откажете в помощи.

Я обследовал его, выписал рецепты. Он не уходил.

— Не можете ли вы снабдить меня серебряной водой? — помявшись, спросил он.— Она, говорят, хорошо помогает от язвы.

Я пообещал ему достать серебряную воду, и через некоторое время он приехал за ней. Привез с собой «в подношение доктору» картошку, шматок сала, табак и самогонку. Время было вечернее, я собирался ужинать, и Науменко предложил мне выпить. Разлили самогону по стаканам. Язва желудка не оказалась помехой для моего гостя принять спиртное. Выпив, мы разговорились. Иван Александрович дал понять, что немецкая оккупация стоит у него поперек горла. Я, в свою очередь, намекнул, что вполне разделяю его чувства. В конце беседы Науменко сказал, что в селе Гармовичи много больных, и они просили его достать им лекарство.

— Постараюсь сделать для вас все, что могу,— пообещал я, начав кое о чем догадываться. Ему нужны были в основном антисептики: йод, риваноль и марганец. Все это я раздобыл к следующему его приезду. Во мне крепла догадка, что Науменко именно тот человек, которого я искал. И догадка вскоре подтвердилась. После нескольких встреч, убедившись, что можем доверять друг другу, мы повели разговор начистоту. Я сказал, что давно ищу связи с партизанами.

— Я помогу вам в этом,— пообещал Науменко.— Мне поручено познакомиться с вами и привлечь к подпольной работе. На первое время вам ставится задача обеспечивать партизан медикаментами, перевязочными материалами, шприцами и другими медицинскими инструментами. Вторая ваша задача — распространение листовок, которые я буду привозить вам.

Так началась новая полоса моей жизни во вражеском тылу. Я словно обрел под собой твердую опору, связавшись с партизанами. Работа нашей подпольной группы еще более оживилась. Я регулярно передавал через Науменко в партизанский отряд медикаменты и все, что просили достать.

Как мне удавалось это делать? В жлобинской аптеке работали фармацевтами сестры Батурины. По приходе немцев в Жлобин они сумели запасы аптеки спрятать, оставив лишь кое-что для вида. Вот с этими сестрами я и завел знакомство, разумеется не раскрывая себя, зная лишь, что они настроены против немцев. У них я нередко

доставал лекарства, которые не значились в продаже. Кроме того, у меня была возможность получать их по требованиям, подписанным Фигурновым. Немалую поддержку оказывал также в этом деле А. Н. Обновленский.

Связь моя с партизанами крепла. Во время одной из встреч Науменко сообщил, что отряд испытывает большую нужду во взрывчатке. Я задумался. Вспомнились разговоры с ранеными солдатами, которых я лечил в жлобинской больнице. Они рассказывали, что в окружении им пришлось оставить немало вооружения и боеприпасов. В частности, упоминались западная окраина Жлобина, депо Жлобин-северный, рабочий поселок Пересечение, село Лебедевка, в котором располагался один из дивизионов нашего артполка.

Вспомнив все это, я подумал, что есть смысл поискать боеприпасы. Понимал, что дело это не простое, опасное, и взялся за него с большой осторожностью. Поиски решил вести в районе поселка Пересечение. Под видом посещения больных стал там чаще бывать, в завуалированной форме беседовать с людьми. Но вскоре убедился, что таким путем мне ничего разведать не удастся. И тогда надумал начать в районе поселка разработку торфа. В ту пору здесь это было обычным делом: при немцах каждый заготовлял себе топливо как мог.

При очередном посещении поселка я спросил у своих больных, как они добывают торф и где можно найти хороший участок, чтобы заготовить на зиму топливо. Мне посоветовали обратиться за помощью к местному старожилу Василию Францевичу Митковскому, который хорошо знал местность вокруг поселка. Прежде чем пойти к этому человеку, я навел о нем справки у жлобинских товарищей. Справки оказались обнадеживающими. Мне стало известно, что Митковский до войны был железнодорожником, попал в аварию и лишился ноги. При немцах зарабатывал на хлеб мелкими слесарными поделками и продажей зажигалок.

Я поехал к Митковскому. Мой приезд не вызвал у него подозрения. Он подобрал мне торфяной участок, и я приступил к его разработке, одновременно пядь за пядью обследуя местность вокруг поселка. Но поиски мои были тщетными. Я чувствовал, что без посторонней помощи не обойтись, и внимательно приглядывался к Митковскому. Василий Францевич откровенно высказывал недоброже-

лательность к немцам. Он рассказывал, что при отступлении наших войск пытался уйти с другими беженцами в советский тыл, но не смог одолеть трудной дороги и вернулся обратно. В пути многое пришлось пережить. Немцы обобрали его до нитки, а вернувшись, он нашел свое хозяйство разоренным.

Я часто встречался с Митковским, лечил его дочь Таню, и мы с ним подолгу беседовали. Это нас постепенно сблизило. Наконец я решился открыться ему, с какой целью езжу рыть торф. Казалось, он не очень этому удивился и сказал, что, действительно, при отходе наших войск осталось немало покалеченной техники и боеприпасов. Технику немцы вывезли, а снаряды и мины закопали в землю.

— Я знаю одно такое место,— сказал Митковский и, к великой моей радости, согласился помочь партизанам вывезти боеприпасы.

Слово свое Василий Францевич сдержал. При его содействии партизаны выкопали боеприпасы и увезли их в лес, в потайное место, которое у них называлось «толовым заводом».

Маскируя свои действия, я вывез заготовленный торф в Жлобин. Науменко передал мне благодарность от партизан за взрывчатку и сказал, что я вскоре буду переведен в отряд. Это меня очень обрадовало, но, к сожалению, радость оказалась преждевременной. Связной мой вдруг надолго куда-то запропал. Как стало известно позднее, отряд в ту пору переживал тяжелые дни, после неравного боя с карателями вынужден был отойти за Березину и соединиться с действовавшими там партизанами. Понятно, что тогда я этого не знал и очень беспокоился. Потянулись томительные, полные напряженного ожидания дни. Прошла осень, наступила зима 1943 года, а от партизан не поступало никаких вестей. К этому времени за мной уже накопилось столько всяких дел, что, попадись я к немцам, не миновать бы мне веревки.

В конце февраля один из наших подпольщиков врач Новиков сообщил, что полиция за мной установила слежку. Надо было выбираться из Жлобина, и как можно скорее. Но как? Связь с партизанами по-прежнему отсутствовала. После долгих раздумий я решил бежать из Жлобина и укрыться в селе Стрешине у знакомого врача-хирурга А. Г. Чистякова. Но буквально за день до побе-

га одиннадцатого марта ко мне вдруг заявился Науменко.

— Наконец-то! — вырвалось у меня. Я от радости не знал куда и посадить дорогого гостя.

— Собирайтесь,— сказал Науменко,— поведу вас в отряд.

В тот же день к вечеру мы добрались до Гармовичей и остановились в доме Науменко. Ночью на подводе приехали трое партизан. Они забрали меня с собой, и перед рассветом мы тронулись в путь. Долго ехали по лесной дороге, потом слезли с подводы и шли узкой тропой по болотам. Впереди между деревьев показались дымки, и я увидел партизанские землянки. В лагере неожиданно встретился с Чистяковым, к которому собирался бежать из Жлобина.

Мы обнялись.

— Какими судьбами? — спросил я.

— Да вот потребовали перебраться в отряд,— ответил Чистяков, и я еще раз порадовался тому, что очень вовремя пришел ко мне связной от партизан.

Меня представили командиру отряда И. А. Кришневу, до войны работавшему секретарем Жлобинского райкома партии. Я увидел перед собой исхудавшего, с желтым лицом и запавшими глазами человека лет пятидесяти двух. Он только что переболел сыпняком.

Поговорив со мной, Кришнев направил меня в санчасть, в распоряжение Чистякова. Он был назначен старшим, а я определен к нему в помощники.

В отряде было немало сыпнотифозных больных и обмороженных. Пришлось сразу же включаться в работу. В заботах и хлопотах незаметно пролетел месяц, а потом настали очень тревожные дни.

Наш отряд назывался «Смерть фашизму». В нем насчитывалось около четырехсот человек, и представлял он внушительную силу. Его диверсии на железных и шоссейных дорогах держали гитлеровских оккупантов в Жлобине в постоянном страхе и напряжении. В апреле они снарядили против партизан большую карательную экспедицию. Из агентурных данных стало известно, что против нашего отряда на станции Красный Берег собрано до двух полков карателей, вооруженных пулеметами, пушками и минометами.

Штаб отряда принял решение: не дожидаясь подхо-

да немцев к лагерю, встретить их огнем из засад на дальних подступах. Для прикрытия в лагере была оставлена рота П. Е. Милованова. В тылу оставались хозяйственные службы и санчасть.

На рассвете четырнадцатого апреля немцы начали наступление. Жаркий бой завязался на главном направлении в районе деревни Антоновка, где оборонялась рота А. А. Гусельникова. Партизаны встретили карателей, как мне потом рассказывал политрук роты Г. В. Злынов, на опушке Антоновского леса, подпустили их поближе и открыли ураганный огонь. Надо сказать, что сам Гусельников, старый солдат, воевавший еще в первую мировую войну, был непревзойденным пулеметчиком. Он ударил по немцам из станкового пулемета почти в упор. Его поддержали два ручных пулемета, партизанские винтовки, гранаты. Враг понес большие потери и отступил. Однако силы были далеко не равными. Над позициями партизан появилась «рама» — самолет-разведчик, и немцы открыли интенсивный артиллерийский огонь.

Гусельникову пришлось отойти. Отошли партизанские подразделения и на других направлениях. Немцы двинулись за ними в преследование. Командир отряда приказал роте Милованова оставаться в лагере, а всем остальным отходить по болотам к Екатерининскому острову. Туда же были отправлены больные и раненые под присмотром Чистякова. Я остался с ротой прикрытия.

Ночь прошла сравнительно спокойно. Немцев не было видно. Наступило утро. Мы напряженно вглядывались в лесные чащи, ожидая появления немцев. Но лес молчал. За весь день только один раз дозорные подняли тревогу, но и она оказалась ложной: в сопровождении партизан-разведчиков в лагерь кружным путем прибыли мои жлобинские товарищи — саратовцы Дудников, Дзякович, Упорников и орловец Алексеев.

Прошло еще два дня. В лесу по-прежнему было тихо. Но таилось в этой тишине что-то зловещее. Следовало ожидать, что немцы не оставят нас в покое. Так оно и случилось. Утром семнадцатого апреля над лагерем появился «шторхе» — немецкий самолет-разведчик, похожий на У-2. Он сделал два круга и сбросил дымовые шашки. Тотчас налетели два бомбардировщика и стали сбрасывать бомбы. Вслед за взрывами вокруг лагеря поднялась автоматная стрельба. Совсем неподалеку от

моей землянки послышались крики немцев. Партизаны группами и поодиночке рассыпались по лесу. Я примкнул к группе бывалого партизана Семена Исаева. По кустарнику, где ползком, где короткими перебежками, мы вырвались из окружения и вышли к широкому озеру, простиравшемуся до самого Екатерининского острова. Обхода искать не было времени. Пошли вброд по воде, маскируясь камышами. Около километра брели по ледяной воде. В небе кружился немецкий самолет и строчил из пулемета. К счастью, пули никого не задели.

Наконец мы добрались до острова. Кругом лед, вода. Ни обогреться, ни обсушиться. Затаившись среди кочек, поросших кустарником, отряд занял круговую оборону, приготовился к отражению карателей на случай, если они появятся. Но немцы не решились идти через озеро. Бросили вслепую в нашу сторону несколько мин и успокоились.

На острове мы пробыли до вечера. Все продрогли до костей. С наступлением темноты пошли дальше и снова вброд по ледяной воде. Я закоченел совершенно, ноги зашлись от холода и стали как деревянные. С трудом добрались до суши, но и здесь не стало легче. Дул холодный встречный ветер, и, пока мы дошли до ближайшего леса, одежда на нас обледенела.

Шли всю ночь. На рассвете командир остановил отряд на большой лесной поляне и приказал располагаться на отдых. Многие из партизан оказались помороженными. У меня тоже прихватило ноги, но я считал, что дешево отделался. Удивляюсь, как я тогда все выдержал и не заболел. Воистину, большая цель вызывает большие силы. С тех пор как я попал в партизанский отряд, несмотря на лишения и опасности, меня не оставляло чувство бодрости и духовной раскованности. Среди своих на душе было гораздо спокойнее.

На отдыхе наш отряд пробыл весь день. Как по заказу, погода выдалась теплая, солнечная. Мы обогрелись, обсушились. Нашлось чем утолить голод: приехал из разведки начальник Губский и привез целый воз хлеба. Отдохнув, отряд ночью совершил длительный марш и вышел в Реченский район за Березину.

Несмотря на большое превосходство в живой силе и технике, каратели не выполнили стоявшую перед ними задачу. Наш отряд пострадал, лишившись своей базы, но

сохранился как боевая единица. У нас оказалось всего лишь трое убитых и пятеро раненых, а немцы потеряли в боях в Антоновском лесу несколько сот человек.

Примечательно, что после выхода отряда за Березину численность его возросла. Из моих товарищей по жлобинскому подполью кроме уже названных примкнули к партизанам врачи Обновленский и Новиков. Отряд настолько разросся, что вскоре по решению Южного Гомелевского партизанского соединения, куда мы входили, он был разделен на два. Один из них сохранил старое наименование «Смерть фашизму», а второй взял себе имя героя гражданской войны матроса Железняка. Командиром его стал В. И. Шаруда, кадровый офицер Красной Армии, бывший заместитель Кришнева, а комиссаром — Г. В. Злынов, сделавший очень много для развития партизанского движения в районе. Я был назначен старшим отрядным врачом.

Партизанское движение в Белоруссии все более набирало силу. Наше соединение контролировало большой район и обзавелось даже своим аэродромом. До последнего времени грузы партизанам сбрасывались на парашютах, а теперь их стали доставлять на самолетах. Прямое воздушное сообщение очень порадовало нас, медиков: мы получили возможность отправлять тяжелораненых на Большую землю.

Нарастали масштабы партизанских действий. Характерной в этом отношении представляется июньская операция под Шелковичами. За несколько дней до сражения в штабе соединения стало известно, что на станцию Речица один за другим прибывают эшелоны с немецкими войсками. Собралось там более сорока тысяч человек. Как установила разведка, планировалась крупная карательная операция войск СС против партизан. Мы располагали силами, по численности приблизительно равными немецким, и командование соединения решило принять бой.

Сражение началось около полудня. Наш отряд занял оборону неподалеку от Шелковичей, на лесной опушке перед широкой поляной. Мы хотели устроить немцам засаду. Но к этому времени они хорошо изучили партизанскую тактику, и вовлечь их в западню не удалось. Некоторое время велась интенсивная перестрелка через поляну, потом фашисты появились справа. Завязалась пере-

стрелка в тылу, у штаба отряда. Атаку мы отбили, но немцы продолжали нас теснить. С оборонительных позиций принесли троих убитых товарищей. Среди них я узнал своего друга по Жлобину Михаила Алексеева.

Бой разгорался. В штаб отряда прискакал конный связной от нашего соседа — из отряда имени Ворошилова. Он сообщил, что между их отрядом и нашим вклинились каратели. Шаруда собрал командиров подразделений и приказал им отводить партизан к селу Чернейки и там, соединившись со своими, на новом рубеже продолжать бой.

Но драться уже больше не пришлось. Едва отряд начал отход, хлынул сильнейший дождь. Ливневые потоки обрушились с такой силой, что в пяти шагах ничего нельзя было различить. В несколько минут все промокли до нитки, а дождь все лил. Наступила ночь. В непроглядной тьме с трудом тащился наш обоз по раскисшей дороге. На повозках стонали, метались в бреду раненые. Приходилось тут же, на ходу оказывать им помощь. Лошади да и люди тоже выбивались из сил. На всем протяжении дороги мосты были повреждены ливнем, их подолгу ремонтировали.

Только на рассвете закончился этот невероятно трудный марш. В отряд приехали командир соединения И. П. Кожар и начальник штаба И. Е. Борков. Они сообщили, что операция закончилась, немцы повернули вспять на Речицу. Так провалилась еще одна карательная акция немцев против белорусских партизан.

Памятный след оставила в моей партизанской жизни «рельсовая война» летом 1943 года.

К тому времени прошло полгода после Сталинградской битвы. Среди партизан ходили слухи, что скоро опять начнутся большие бои. Что за бои, никто, понятно, толком не знал, но все ждали их. В конце июня к нам на самолетах неожиданно доставили много тола, причем не в форме обычных шашек, похожих на печатки мыла, а в форме яйца с продольным отверстием. Понимающие в подрывном деле определили, что присланный тол предназначен для подрыва железнодорожных рельсов. Затевалась какая-то большая, невиданная дотоле диверсия, что и подтвердилось дальнейшими событиями.

Приблизительно за два дня до Курской битвы весь комсостав и подрывники нашего соединения были собра-

ны на инструктаж. Им разъяснили, как нужно обращаться с толовыми шашками, как их закладывать под рельсы и взрывать. Однако пока ни слова не было сказано, когда и где будет применена взрывчатка. Лишь четвертого июля прояснился характер задуманной операции.

Был тихий летний вечер. Комсостав нашего отряда собрался на совещание. Шаруда объявил, что в ночь на пятое июля отряду приказано взорвать железнодорожные пути и запас рельсов на всем протяжении между Жлобином и Красным Берегом.

— Задание сложное и ответственное,— подчеркнул командир.— Это не обычные действия подрывников-одиночек, а крупная диверсия, при которой, если понадобится, придется вступать в бой.

Разъяснив детали операции, взаимодействие и связь подразделений и групп, Шаруда закрыл совещание. С наступлением темноты отряд выступил в поход. Мне, когда представлялась возможность оставлять санчасть, нередко приходилось выходить на боевые задания. Удалось упросить командира пойти на диверсию и в этот раз.

Ночь выдалась звездная. В июльских росных травах по болотным низинам кричали коростели. Мы молча шли по лесной дороге. Все явственнее доносились до слуха паровозные гудки, и все более редел строй подразделения, в составе которого я двигался. Партизаны группами рассыпались по лесу, устремляясь к отведенным им участкам железнодорожной линии.

Двигаясь цепочкой, неслышно подобралась к железнодорожному полотну и наша группа. В ее составе мои старые знакомые — саратовцы Дудников, Дзякович и Упорников. Они всюду держатся вместе, в отряде их зовут «неразлучной троицей». Среди партизан они прослыли ловкими и смелыми подрывниками.

Перед нами расступается кустарник и открывается железнодорожная насыпь. Дудников делает знак рукой— все ложатся. Группа выдвигается к рельсам. Дудников закладывает под рельсовое тавро шашку, потом другую, третью... Упорников вставляет в них фитили. Мы с Дзяковичем поджигаем их. Вспыхивают синие язычки пламени, и огонь, с шипением разбрасывая красные искры, скользит по шнурам фитилей. Группа быстро отходит в лес. Вслед раздается раскатистый грохот взрывов. Тугая волна воздуха бьет в спину.

Гремят взрывы справа и слева на всем протяжении дороги. В грохот вплетается частая скороговорка пулеметных и автоматных очередей: где-то завязывается бой. Позднее нам стало известно, что в эту ночь в диверсии на железнодорожных магистралях участвовали все партизанские соединения Белоруссии. Да и не только Белоруссии. В результате к началу военных действий на Курской дуге у немцев было полностью парализовано железнодорожное сообщение. Это была огромная помощь нашим войскам в разгроме врага под Курском и Белгородом.

Все лето 1943 года белорусские партизаны вели диверсии на железных дорогах. Удары их по оккупантам нарастали. Наш отряд был преобразован в бригаду. Меня назначили старшим бригадным врачом. Прибавилось работы и хлопот. Много времени отнимало добывание лекарств и перевязочных материалов. Через связных меня снабжали ими жлобинские товарищи — Фигурнов, сестры Батурины и другие медработники.

Осенью началось отступление немецких войск в Белоруссии. Целые соединения двигались по лесным дорогам. Лес кишел немцами. Разведка терялась и не могла точно определить безопасные места. Почти ежедневно происходили стычки с противником. Мы постоянно меняли дислокацию отрядов, скитались по лесам, нанося, где только было возможно, урон врагу. Запомнились жаркие бои у населенных пунктов Чернейки, Светское, Святое, Узнаш и Осово. В ноябре, после одного столкновения с немцами, мне снова пришлось отсиживаться в ледяной воде, и я во второй раз отморозил ноги.

Между тем близилось освобождение Белоруссии. Однажды на рассвете, выйдя из боя, мы, осторожно пробираясь по лесу, увидели наших солдат. Это были бойцы из армии генерала Пухова. Мы бросились им навстречу и стали по-братски обнимать. Лес наполнился гулом радостных голосов. Повсюду звучала родная русская речь.

Дня два мы были среди своих. Я ходил по лесу без опаски, веря и не веря приходу наших войск, и, как ребенок, дивился тому, что по ночам то тут, то там в расположении частей, выхватывая из темноты мохнатые лапы сосен и елей, загорался электрический свет. Но вскоре лес снова опустел. Части армии пошли на запад, и партизанам еще пришлось немало повоевать с разрознен-

ными группами гитлеровцев, бродившими по лесам. Последний бой вместе с регулярными войсками мы дали у села Боровики, где потеряли несколько человек убитыми. Потеря показалась почему-то особенно горькой.

Идут годы. Все дальше отодвигаются от нас события Великой Отечественной войны. Поредел круг моих боевых товарищей по жлобинскому подполью и партизанской борьбе. Нет в живых Дудникова: погиб еще во время войны, сражаясь с фашистами в одной из регулярных частей; умер недавно в Саратове Дзякович. Стали пенсионерами Шаруда, Злынов, Упорников, Науменко и Митковский. Стареют ветераны. Постарел и я. Но не стареет память о днях нашей борьбы во вражеском тылу.

ДВЕСТИ ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРИ ДНЯ ВОЙНЫ

Я перелистываю странички записок снайпера Ани Вострухиной, ее письма ко мне, в одном из которых она пишет: «...Ежегодно, в мае бываю на традиционных встречах снайперов в Москве. Там живет и работает мой командир роты Нина Лобковская. В ее квартире в это время КП. Сюда съезжаются все командиры взводов нашей роты, старшина, связной... Живем мы эти дни по строгому распорядку дня, начиная с подъема и до отбоя. Выполняются и очередные, и внеочередные наряды. Кто-то готовит обед, кто-то ходит в магазин за продуктами, кто-то — в театральные кассы. Дел всегда целая куча и между ними неизбежное для всех бывших фронтовиков: «А помнишь?..» И начинаются воспоминания...

Многие даты в моих записках и некоторые эпизоды восстанавливались именно при задушевных разговорах, после обязательного вопроса: «А помнишь?..» И как-то сразу все всплывало в памяти, как будто и лет нам не под пятьдесят, а только двадцать и многие из нас не только мамы, но уже и почтенные бабушки. Годы летят, а боевая дружба не стареет...»

В самом деле! Удивительная вещь — человеческая память. Вот и сегодня, спустя почти тридцать лет, она щедро возвращает мне первую встречу с Аней Вострухиной...

Это было спустя несколько месяцев после Дня Победы. В кабинете районного военного комиссара. Пришли мы туда оба к началу рабочего дня почти одновременно с единственной целью — доложить о своем прибытии и, как говорится, стать на военный учет, окончательно оформив этим свою демобилизацию из рядов Советской Армии. Выйдем мы из этого кабинета уже не военнослужащими, а штатскими, снимем погоны с гимнастерки, звездочки с головных уборов — и прощай служба. Но се-

Окончив среднюю школу, комсомолка Аня Вострухина подала в райвоенкомат заявление с просьбой отправить ее на фронт. Было это в июле 1943 года. Просьбу удовлетворили, но сначала Аню послали учиться в женскую школу снайперов. С июля 1944 по май 1945 года она метко разила врага на 2-м Прибалтийском и 1-м Белорусском фронтах, принимала участие в штурме Берлина.

За ратные подвиги А. Е. Вострухина награждена орденом Славы III и II степени, многими медалями. На фронте она была принята в ряды ленинской партии. После демобилизации Анна Ефимовна вернулась на родину и с тех пор работает заведующей лабораторией Каменского Заготзерно Пензенской области. Неоднократно избиралась членом Каменского райкома КПСС и депутатом горсовета.

годня мы еще в строю и, как положено по уставу, подняв правую руку к виску, докладываем, может быть, в последний раз в своей жизни, о том, что, мол, так и так, товарищ полковник, прибыли из такой-то части, в таком-то звании и так далее... Минута торжественная и памятная. Разве забудешь такое. Долг перед Родиной выполнен, а теперь к мирным делам.

Военный комиссар — приземистый и немного сутулый человек в годах, с седой шевелюрой и лицом, изрезанным множеством морщин, встретил нас обоих приветливо. Он стоя выслушал наши рапорты, потом, кивнув головой, вышел из-за стола, поздоровался с каждым из нас за руку и спокойным жестом пригласил сесть на стулья. Начался обычный для того времени разговор о том, на каких фронтах воевали, куда дошли, о ранениях и контузиях, чем думаем заниматься на «гражданке».

Первая беседа с Аней — так звали девушку, гвардии старшего сержанта, вместе со мной зашедшую в кабинет военного комиссара. Фамилия ее Вострухина. Полковнику она предъявляет, помимо всего прочего, свою снайперскую книжку. Аня рассказывает о себе. Родилась

здесь, в селе Каменке, в семье станционного рабочего, окончила десятилетку, в армию не призывалась, пошла добровольцем. Вместе со своими подругами была зачислена в Центральную женскую школу снайперов. Окончила ее инструктором снайперского дела и принимала участие в боях в Третьей ударной армии от Прибалтики до Берлина. Член партии. Последняя должность — старшина снайперской роты.

Я внимательно смотрю на эту девушку. На аккуратно заправленной под ремень гимнастерке два ордена Славы — третьей и второй степени и еще медали, среди которых я вижу такую же, как у себя, — «За взятие Берлина». Лет ей не больше двадцати одного, ну в крайнем случае двадцать два. Она миловидна, привлекательна.

Из-под пилотки, надетой набекрень, выбиваются пышные светло-каштановые локоны. Внимательные, немного печальные глаза не то светло-голубого, не то серо-сизого цвета. Добрая, мягкая, располагающая улыбка на красиво очерченных пухловатых губах. На щеках яркий румянец. Голос у нее низкий, хрипловатый. И еще одну особенность замечаю: очень уж она внимательно следит, вернее, всматривается в губы говорящего с ней полковника. Так обычно делают люди, у которых плохой слух. «Контузия, наверное»,— решил я.

Кстати, «живого» снайпера я вижу впервые. Так случилось. Много слышал, читал о подвигах этих отважных людей, но никогда на фронтовых дорогах и перепутьях не встречал... Вспоминаю, что на Брянском фронте, получив назначение на должность парторга 791-го полка, я от кадровика политотдела армии узнал, что моего предшественника убил фашистский снайпер. А вот сегодня, в мирные дни, вижу сидящую рядом с собой девушку-снайпера. «Вот ведь что наделала война! — подумалось мне.— Девушка с такими добрыми глазами и улыбкой, наверное бы, и курицу не зарезала, маму попросила или к соседу за помощью пошла. А на фронте убивала, да не из какого-нибудь дальнобойного орудия, а прицельно, хорошо видя в свои окуляры человека... Для снайпера нужна особая закалка, особая выдержка. Он должен пройти испытание на мужество, твердость характера, на ненависть к врагу, беспощадность».

Пока я размышляю, полковник медленно перелистывает страницы небольшой беленькой книжечки, на об-

ложке которой я успеваю прочесть призыв: «Смерть немецким оккупантам!».

— Молодец! — улыбается полковник.— Вы первая у нас в районе с таким большим боевым счетом... Хорошо! А скажите, что это значит — четырнадцать «ФР»? Да еще печать здесь вашей воинской части приложена. «ФР» — как видно, фрицы? Но ведь это официальный документ?

— Только так,— сдвинув брови, отвечает Аня,— а как же иначе? Немцы — это немцы, а «фрицы» — это гитлеровцы, фашисты, оккупанты.

— Ясно,— улыбается полковник.— Ясно, что вы многому научились. Главное — не стричь немецкий народ под общую гребенку. Ну, а здоровье ваше как?

Аня краснеет, лицо делается пунцовым от смущения.

— Подлечиться надо,— сдержанно отвечает она.— Обычная снайперская болезнь... Ревматизм. Суставы болят, да и контузия сказывается...

— Нуждаетесь в нашей помощи в смысле трудоустройства? — спрашивает полковник, возвращая ей книжку.

— Нет, все в порядке. Пойду работать на элеватор... Я уже договорилась — лаборанткой. Там у меня до войны и папа работал, в Заготзерне. Обещают на курсы послать, получу квалификацию...

— А может быть, на завод? — осторожно говорит полковник. — Люди там очень нужны... Сеялки делают для колхозов и МТС...

— Нет, нет! Только на элеватор,— вскакивает со стула Аня,— ведь хлеб — это тоже фронт. Нет, по-моему, важнее дела на земле, чем беречь хлеб, сохранять его для людей!

Полковник поднимает руки вверх, показывая этим, что сдается, делает какие-то пометки на документах Ани Вострухиной и называет номер комнаты, где ей нужно будет закончить оформление всех своих воинских дел. Он дружелюбно попрощался с Аней, подчеркнув, что она первая в районе женщина-кавалер двух орденов Славы и что все ее земляки будут гордиться ее подвигами.

Со дня нашего первого знакомства прошло почти тридцать лет.

В одну из наших недавних встреч Анна Ефимовна передала мне свои записки, которые она вела во время своего пребывания в школе снайперов и на фронте. По-

том я получил от нее несколько писем, где она уточнила отдельные эпизоды и события, а также даты. Я систематизировал записи и теперь предлагаю их вниманию читателя.

* * *

2 июля 1943 года. Пятница. Вот уже пять дней, как мы под Москвой, недалеко от Щелкова. Здесь лагеря Центральной женской школы снайперской подготовки. Сокращенно ЦЖШСП. Девочек наших не узнать. Несколько дней тому назад все они были в гражданском платье: кофточки разного фасона, юбки, сарафаны, на ногах туфли, ботинки, сапоги или тапочки,— разноцветная толпа, и все с разных мест. Мы еще в карантине. Это не какое-то особое помещение, а большие палатки и в них двухъярусные койки. Прошли первые испытания — медосмотр. Кое-кого забраковали по здоровью и отправили домой, нашлось несколько и таких, что захныкали,— их тоже отправили. Потому что главное здесь — добровольность.

После бани нам выдали учебное обмундирование. Новенькое. Гимнастерки и брюки защитного цвета, пилотки, кирзовые сапоги, погоны рядовых, белой бязи для подворотничков, красные звездочки, ремни, подсумки и противогазы. И дали полдня, чтобы привести себя в порядок...

В роте почти сто человек, а зеркало — и то треснутое одно. К нему очередь. Очередь и к парикмахерам, которых привезли из Щелкова. В прическах полная самостоятельность, но многие их укоротили. Особенно те, у кого косы. На них нужно время. Распорядок жесткий. Подъем — пять минут. Надо одеться и быть готовой к выходу на зарядку. После зарядки умывание и приборка постелей. Стелить постель — это целая наука. Одеяла и подушки надо заправлять, как у правофланговой. А правофланговая в палатке — командир отделения, старослужащая, строгая и требовательная... Когда все оделись в военную форму, было построение. Разбили по взводам, по отделениям, по ранжиру — это значит по росту. Каждый должен знать свое место в строю, и никому никаких скидок. Настроение приподнятое.

11 июля 1943 года. Воскресенье. Оказывается, писать можно только в воскресенье. В остальные дни некогда, так как свободного времени в обрез. В шесть утра подъем, в десять вечера — отбой. Командир роты лейтенант Зотов строгий, но справедливый. Если скомандует: «Смирно!», то еще и добавит от себя: «И не шевелись!» Сейчас главное, как он сказал, «сколотить роту». Сколотить — это, чтобы все знали свое место в строю, чувствовали плечо товарища и действовали, как один. Главное внимание сейчас строевой подготовке. Подход. Отход. Направо. Налево. Кругом. Ходьба строем и обязательно песня. У каждого взвода своя. У нас две: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля» и еще «Кони сытые бьют копытами...». О «сытых конях» мы запеваем, когда идем в столовую на завтрак, обед, ужин. Есть хочется всегда, все время сосет где-то под ложечкой. Нормы тыловые. Пообедаем, а есть снова хочется. Девчата шутят: «Это, чтобы талия была в норме». Дома тоже было не сладко, карточки, но там заботилась мама и картошки всегда вволю. Поросенка откармливали. Послала маме письмо. Написала, что живу хорошо, и чтобы, если возможно, прислала сала, хотя бы килограммчика два. Сама наемся и девочек в нашем отделении накормлю.

25 июля 1943 года. Воскресенье. Теперь все стало ясно. Позавчера всех нас, новоприбывших, собрали на большой поляне. Начальник школы полковник Кольчак произнес речь. Когда он сказал, что «учиться будете год...», раздался сплошной не то стон, не то вопль. Ведь все думали: ну месяц, два, подумаешь — научиться стрелять... Начальник с минуту простоял молча, а потом как закричит: «Отставить разговоры!» Как холодной водой облил. До конца его речи никто уже рта не открыл. Итак, учиться год. В программе: строевая — до командования взводом, тактика — тоже. Огневая подготовка — общая и особо снайперская. Материальная часть — оружие, штыковой бой, саперная подготовка, военная топография. Уставы, политическая учеба и т. д. и т. п.

27 июля 1943 года. Вторник. Первый раз были на стрельбище. Стреляем первое упражнение. Мишень — это белый лист на фанере. В середине черное «яблоко». Это десятка. Потом радиально все увеличивающиеся круги.

Девятки, восьмерки, семерки и т. д. Расстояние сто метров. Стрельба лежа с упора. Следует команда:

— Курсант Вострухина, на огневую позицию, марш!

— Подготовиться!

— Огонь!

Дальше все так, как учили. Подвела мушку под «яблоко», дыхание задержала, приклад плотно, спуск плавно... Бух, и лязгнул затвор, выбросил дымящую гильзу. И так три раза.

— Курсант Вострухина стрельбу окончила!

— К мишеням!

Бегу. И... не вижу ни одного попадания. Все белые круги чистые. Чувствую, как загорелось лицо и в глазах потемнело. Стыдно-то как. Вдруг слышу, инструктор говорит: «Молодец, Вострухина! Все три в десятку...» Чуть не заплакала от радости.

В конце стрельб взвод построили, и командир объявил мне благодарность. Служу Советскому Союзу!

12 сентября 1943 года. Воскресенье. Вот уже два с половиной месяца, как мы в школе. Трудно привыкнуть к армейской жизни. Рано утром подъем, и весь день под командой. Личного времени 20 минут. А что за эти 20 минут сделаешь? Подворотничок надо пришить, пуговицу закрепить, потому что болтаться стала. Дел много, но за внешним видом строго следит старшина. Скидок она не дает никому. Если в строй встал, то смотри в оба, чтобы прическа была в порядке, подворотничок выглядывал на полтора миллиметра, пуговицы застегнуты, сапоги блестели и ремень на гимнастерке затянут... Нашлись девчата, что хитрили, не затягивали ремень. Когда старшина идет вдоль строя, они набирают в себя воздух, надуваются, чтобы ремень затягивался. Но старшину не обманешь. Посмотрит внимательно и скажет: «А ну, голубушка, считай до десяти медленно», а сама пальцы под ремень на животе засунет. Раз, два, три, четыре, пять — и готово. Воздух вышел, ремень обвис. Обман раскрыт, и наряд на кухню обеспечен.

Вчера старшина проводила беседу. Смысл такой: не обижайтесь на требовательность к внешнему виду. Все начинается с грязного подворотничка или незатянутого ремня, а кончается небрежным уходом за оружием. А если в бою откажет винтовка — врага не убьете и свою голову потеряете.

19 сентября 1943 года. Воскресенье. В школе все попрежнему. Как-то незаметно втянулись все мы в этот строгий распорядок дня. С каждым днем наша служба и учеба делаются легче. И наедаться вроде стали. Вообще, жизнь не так уж трудна. Два раза в неделю кино, организовали самодеятельность. Подводим итоги соревнования между отделениями, взводами и ротами. Наше отделение и взвод пока держат в школе первые места. Ни одной плохой оценки, ни одного нарушения дисциплины. В отделении все комсомолки.

Почему-то все чаще и чаще вспоминаю нашу родную Каменку. Как хорошо мы жили до войны. Привокзальная улица, где я родилась, и сейчас там наш дом, самая хорошая в селе. Все окна выходят на железную дорогу. Работают люди кто на станции, а кто на элеваторе. У нас их два. Один элеватор бобовый, а другой для ржи и пшеницы. А через рельсы наша железнодорожная школа.

Помню, как мы всем классом не раз ходили в Малиновый лес за цветами, ягодами, грибами, а в жару — купаться на пруд у мельницы колхоза имени Чапаева или к водокачке к Ивану Алексеевичу. У нее тоже была запруда через Атмисс. Так называется наша речка. Чистая и спокойная, и кажется мне, что лучше нашего Атмисса-речки на свете нет. Класс наш был дружный. Когда началась война, то через год ребят, кто был годен к строевой службе, взяли на фронт... Было им по семнадцати с небольшим. Взяли Сашу, Диму, Колю, Ваню, двух Анатолиев, Петра, Илюшу и других. На многих уже пришли похоронки. На этом и закончилась наша юность и девичьи мечты. Нас в Каменке не бомбили, и живых гитлеровцев мы не видели. Но в госпиталь привозили раненых, и мы помогали их выгружать из вагонов, дежурили в палатах. В Каменку приехало много эвакуированных. Они рассказали нам о зверствах, чинимых фашистами. Смотрели в кино «Секретарь райкома» и «Два бойца», а песня «Темная ночь, только пули свистят по степи...» стала нашей любимой. Лучше всего у нас получалась «Вставай, страна огромная». Поем ее и плачем, и, может быть, именно эта песня позвала нас в военкомат. Пошлите на фронт, и не как-нибудь, а снайперами. Читали мы о девушке-снайпере Людмиле Павличенко. Одна, а сколько фашистов уложила. Нам хотелось быть та-

кими, как Зоя Космодемьянская и Лиза Чайкина. Беспокоило и волновало лишь одно: выдержим ли, хватит ли сил? Повезло пятерым: Жене Панькиной, Вере Фомичевой, Тосе Лукичевой, Маше Пискуновой и мне. Комиссия нас утвердила сюда, в женскую школу снайперов. Сергей Викторович — главный врач госпиталя — сказал: «Девчата здоровы, и зрение прекрасное». И вот мы здесь. Ну что же, держись, девчата, не вешай нос!

1 октября 1943 года. Пятница. Кончилась наша лагерная жизнь. Переехали под Подольск. Станция Силикатная. Расположили в помещении какой-то школы. Нары снова двухъярусные. Зато тепло. В палатках же было в последние дни холодно. Чихали и кашляли.

20 октября 1943 года. Среда. Заболел майор — военный топограф. Два часа свободных. Кто пишет письма домой, кто читает. А я решила выписать слова о ненависти к фашистам.

Илья Эренбург: «Ненависть, как и любовь, присуща только чистым и горячим сердцам. Мы ненавидим фашизм потому, что любим людей, детей, землю, деревья, лошадей, смех, книги, тепло дружеской руки, потому что любим жизнь».

Алексей Толстой: «Ты любишь свою жену и ребенка, выверни наизнанку свою любовь, чтобы она болела и сочилась кровью... Убей зверя, это твоя священная заповедь!»

Константин Симонов: «Если немца убил твой брат — это брат, а не ты солдат».

Не к немцам как нации у нас ненависть, а к оккупантам, врагам, напавшим на Советскую Родину.

7 ноября 1943 года. Воскресенье. Вчера наши войска освободили Киев... Большой группой с «увольнительными» в карманах мы поехали в Москву, чтобы с Крымского моста наблюдать салют. Это было чудесное, волнующее и незабываемое зрелище. 24 залпа из 324 орудий... Много батарей стояло невдалеке, прямо на набережной Москвы-реки. Бухали пушки, в небе гирлянды разноцветных огней, радостные лица москвичей. Многие кричали «ура!». Мы тоже. Возвращались в Подольск уставшие, радостные, но и грустные. Почему? Киев взяли, а мы еще все готовимся. От Киева до границы рукой подать. Неужели не успеем до конца войны?

18 декабря 1943 года. Суббота. Наши уже у Кирово-

града. Все вперед и вперед на запад. Но и мы здесь не зря хлеб едим. Грызем гранит военной науки. Закалку мы получили хорошую. Ну и что же, что девушки? Пусть парни посмотрели бы, как мы научились сами строить блиндажи, рыть окопы, оборудовать палатки, делать мишени... В общем, делать все, что должен уметь делать солдат. Самое главное, конечно, — это снайперская учеба. Учимся метко стрелять, хорошо окапываться, замаскировываться, ориентироваться на местности.

16 января 1944 года. Воскресенье. Сегодня большой праздник. Вручение нашей школе Боевого Красного Знамени, присужденного ей Президиумом Верховного Совета СССР, и принятие присяги. В 10.00 было торжественное построение. Знамя нам вручали представители НКО и ЦК ВЛКСМ. С речью выступила наш начальник политотдела майор Екатерина Никифоровна Никифорова. Она замечательный человек. Как-то умеет сочетать требовательность с доброжелательностью и теплотой. Не зря девчата называют ее за глаза «мама Катя». Говорила она взволнованно, горячо, упомянула многих выпускниц, отличившихся в боях.

— Мы гордимся своими выпускницами, — сказала она.— Уверены, что и вы, будущие снайперы, оправдаете наше доверие...

Перед каждым взводом столик, покрытый красной материей. Рядом с ним стояли офицеры. На столике текст присяги и лист для росписи. По вызову мы поочередно подходили к столу, брали текст и читали его вслух: «Я, гражданка Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Красной Армии...».

У всех у нас дрожал голос, а на глазах были слезы... После чтения присяги и подписи каждый подходил к Боевому знамени, становился на одно колено и целовал его темно-красный бархат... С этого часа мы настоящие воины Советского Союза.

Начальник школы полковник Кольчак поздравил нас, а потом был церемониальный марш. Шли строевым под оркестр. Все это незабываемо. Потом был праздничный обед. На второе котлеты, на третье компот из сухофруктов. А после — кино, танцы, самодеятельность... Заснуть не могли долго. Дневальная даже охрипла: «Прекратить разговорчики! Отбой!» А нам хотелось выговориться, разгрузиться от впечатлений дня...

13 февраля 1944 года. Воскресенье. Были занятия по тактике. На фронте всякое может быть, и по программе мы должны знать и уметь командовать в бою не только отделением, но и взводом, ротой. Мы с Женей Панькиной командовали вчера ротой. Тема: «Рота в наступлении». На занятиях присутствовал сам начальник школы полковник Кольчак. Сначала он ознакомился с тем, как мы знаем параграфы из БУПа. Так сокращенно называется Боевой устав пехоты. Меня спросил параграф 28. Я отчеканила наизусть: «Бой — это есть самое тяжелое испытание моральных и физических качеств бойца. Часто в бой приходится вступать после длительного марша и вести его днем и ночью» и т. д.

Он похвалил. «Молодец»,— говорит. А потом поставил вводную задачу. Где противник, какие у него огневые средства и прочее. Нам предстояло преодолеть небольшой ручей и штурмом взять высоту, захватив окопы «противника». Я вела первую часть, а потом он сказал: «Вы убиты! Командует Панькина». Женя не растерялась. Крикнула: «Рота! Слушай мою команду!» И успешно довела до конца вторую часть. Полковник остался доволен, объявил нам благодарность и премировал билетами в Большой театр на спектакль «Лебединое озеро».

1 июня 1944 года. Четверг. Сегодня нам выдали снайперские книжки. Начальник политотдела Никифорова («мама Катя»), сказала: «Это вам напоминание, что скоро на фронт». Мы дружно закричали: «Ура!» Потом она сказала, чтобы берегли их. Снайпер — это единственная военная специальность, где ведется точный учет уничтоженного врага. Артиллеристы, летчики, танкисты и даже пехотинцы такого личного учета не ведут. В книжке есть памятка снайперу — истребителю фашистов. В ней сказано: «Снайпер — меткий стрелок — имеет основной задачей уничтожение офицеров, наблюдателей, связных, орудийных и пулеметных расчетов, экипажей остановившихся танков, низко летящих самолетов противника». Перечислены обязанности снайпера. Их много: «1) Поражать с первого выстрела; 2) маскироваться и подготовлять запасные окопы; 3) сохранять оружие и оптику; 4) уметь определять расстояние и выслеживать цель; 5) уметь действовать ночью; 6) терпеливо выслеживать момент, чтобы поразить цель; 7) держать связь с командиром и

соседями; 8) слаженно (на пару) работать с наблюдателем».

Все это надо не только знать наизусть, но и уметь претворять на практике. Пока у меня все хорошо получается. Считаюсь отличником боевой и политической подготовки. А как будет в бою? Это ведь не в кино, а по-настоящему. Кругом убивают, и ты должна убивать...

19 июня 1944 года. Понедельник. Кто первый крикнул: «Девчата, приказ пришел, на фронт едем!» — не знаю. Но в спальне поднялся страшный крик и визг. Ура! Ура! Ура! Девочки целовались, обнимались, прыгали, в воздух летели подушки. Наконец-то конец учебе! На фронт! А мне стало что-то не по себе. Нет, не сразу, а когда откричались и отпрыгались. А скольких недосчитаемся к концу войны? Может, и меня не будет. Будет мама выходить к пассажирскому из Москвы, а дочки ее любимой все нет и нет...

Нас целую группу посылают на 3-й Прибалтийский фронт снайперами.

25 июня 1944 года. Воскресенье. Только что вернулась из Москвы. Это наша последняя туда поездка. Сначала электричкой до Курского вокзала, потом на метро до Охотного ряда, а там три минуты — и Красная площадь. Пришли к Мавзолею Ленина. Мавзолей закрыт. Толки ходят разные. Одни говорят, что тело Ленина увезли за Урал, другие, что он здесь. Часовые же замерли у дверей. Значит, здесь. Постояли напротив по команде «смирно», приложив по Уставу руку к виску... Прощай, дорогой наш Владимир Ильич! Прощай, Кремль! Мы едем завтра на фронт, и если Родина потребует, то отдадим свою жизнь. Возвращались в Подольск молча.

28 июля 1944 года. Пятница. Третий Прибалтийский фронт. Нас направили в 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Дивизия имеет много заслуг и считается дивизией прорыва. Распределили по полкам, батальонам, ротам. Сразу же включились во фронтовую жизнь. Все, что дала нам школа, очень пригодилось здесь, на фронте.

Но главное — это боевой настрой.

Жене и мне повезло. Нас направили в одно подразделение.

На днях наш фронт освободил город Псков. Впереди Балтика.

3 августа 1944 года. Четверг. Вчера был наш первый по-настоящему боевой день. Вместе со стрелками мы находились в траншеях, когда гитлеровцы сначала обстреляли наши позиции, а потом пошли в атаку... Вот они, настоящие, живые фрицы! Сколько ненависти накопилось в каждом из нас к оккупантам! Шли они пьяные, во весь рост, что-то кричали и стреляли беcприцельно из автоматов. Не знаю, испугалась ли я, овладело ли мной чувство страха? Нет! По-моему, держалась как и все. Рядом со мной были наши девушки. Кто-то из них, по-моему Вера Фомичева, крикнул: «Девчата, дураков-то сколько!» «Дураками» мы в школе называли фанерные мишени в рост человека. Была такая задача на скорострельность. Шесть «дураков» надо было поразить за 35 секунд... Вот эти-то «дураки», на этот раз не фанерные, а живые, поднимались на нас в атаку девять раз, а мы их били. Девушки стреляли из своих ВТ спокойно, подражая бывалым фронтовикам. Жалко, что стрельба была общей и снайперского счета никто не открыл. Все атаки фашистов захлебнулись, а потом подошли «тридцатьчетверки», наши поднялись в контратаку и выбили гитлеровцев из хутора. Девушки в контратаку не ходили. Командир роты запретил. Сказал: «Это не снайперское дело». К вечеру бой закончился, потерь не было. Раненых отправили в тыл... Старший лейтенант похвалил всех нас. Сейчас вечер. Темнеет. Фрицы запускают ракеты. Значит, боятся. Земля-то чужая...

5 августа 1944 года. Суббота. По-прежнему в обороне. Где-то справа идет большой бой, видны всполохи и слышен гул орудий, а у нас тихо. Вчера ходила в боевое охранение. Надо было приглядеться, выбрать позицию для снайперской охоты. В боевом охранении стрелковое отделение под командованием старшего сержанта Василия Степановича Кравчука. Он украинец, откуда-то из-под Винницы, и призван в конце сорок третьего, после освобождения. Все его зовут не по званию, а просто Степаныч. Дядька он хороший. Меня он зовет дочкой. Дома у него осталась, как он говорит, «жинка», а «дивчину», мою ровесницу, фашисты в неволю угнали. «Только у тебя, дочка, очи голубые, а моя черноокая». Оказывается, что с «германом» он еще в ту, «першу», войну воевал. Степаныч заядлый охотник. Он рассказывал, как ходил на зайцев в «засиды».

Просидела в боевом охранении всю ночь. До фрицев близко: сто-сто пятьдесят метров. Они в хуторе, а мы на высоте. Кое-где кустарник, сосны. Фрицы все время светят. Один какой-то нахал пустит ракету и орет: «Рус, плати за свет!» Ну, что же, заплатим. Дай срок. Слышно, как они на губной гармошке играют... Звери, а ведут себя как дети.

13 августа 1944 года. Воскресенье. Снова была у Степаныча. Вчера у него вражеский снайпер убил бойца-связиста. Когда тот исправлял связь от штаба батальона до боевого охранения. Я видела его. Молодой, совсем еще мальчик. Лет семнадцати. Лежит, а в глазах вроде удивление, и улыбка на губах. Может быть, умирая, маму вспомнил. Степаныч показал мне на сарай и сказал: «Там сидит гад, тот, что Володьку убил... Вот бы ты его, дочка!..»

14 августа 1944 года. Понедельник. Все-таки расплатилась я за Володю... Открыла свой снайперский счет. Почти сутки сидела метрах в тридцати от Степаныча... На «засидах», это он так по-украински снайперскую засаду называет. Немец что-то заподозрил или заметил, потому что возле меня два раза его пули цвыркнули. Ладно, думаю, посмотрим, кто кого. Уже солнце садилось, вижу, черепица одна шевелится, вроде приподнимается. Очевидно, он новую позицию выбирал... Выстрелила, не утерпела. Не прошло и минуты, стал он из чердака на лестницу вылезать, рукав красный, в крови. Значит, я в руку его ранила. Подождала я, пока его голова покажется, и выстрелила еще раз. Упал он с лестницы на землю, подергался и не шевелится. Все. Когда стемнело, приползла к Степанычу, а он говорит: «Я в бинокль все видел, дочка. Молодец! Отомстила за Володьку». А мне нерадостно. Человека ведь убила. А Степаныч мне: «Не горюй, не люди это, а звери». И еще добавил, что месть— это хорошее дело, если она честна и справедлива.

Доложила командиру роты. Он сказал: «Я уже знаю. Мне о твоем фрице артиллеристы-разведчики зуммерили. Он их все время в напряжении держал. Теперь дышат спокойно».

16 августа 1944 года. Среда. Вчера была на охоте в паре с Женей Панькиной. У меня уже счет открыт, а у Жени пока одни неудачи. Ночью еще отрыли себе ячейку, замаскировались... Маскировка — первое условие успеха.

Второе условие — терпение, а уж меткость стрельбы завершает успех снайпера. Всему этому нас учили в Подольске... Рассвело. Лежим без движения, почти не дыша. Наконец видим, что-то шевелится. Оптика у нас хорошая. Цель видна отлично. Гитлеровец, очевидно, меняет огневую позицию ручного пулемета. Мгновение — и он в перекрестии, осталось нажать спусковой крючок. Шепчу Жене: «Стреляй!» А она толкает меня локтем и говорит: «Анюта! Не могу, он на моего отца похож. Смотри, усы как у отца...»

Пока мы шептались, гитлеровец спрятался. Упустили мы его. Женя ужасно переживала. Пришлось ее утешать... А через полчаса враг пошел в наступление на нас, разведка боем. И тут мы стреляли гитлеровцев беспощадно. Не жалостью к человеку, а ненавистью к фашистским зверям были полны наши сердца.

18 августа 1944 года. Пятница. Получила письмо от мамы. Пишет, что волнуется и переживает за меня. Что молит бога, чтобы сберег меня, ее младшую и любимую дочку, от пули. Вот про бога она напрасно. Сберечь меня может только воинская судьба. Кому что положено. Так и в песне поется: «И что положено кому, пусть каждый совершит». Еще мама пишет, что многие эвакуированные стали уезжать из Каменки на освобожденные от фашистов земли. У нас в доме еще с октября 1941 года жила эвакуированная из города Запорожья семья слесаря-инструментальщика Михаила Абрамовича Шустера. Приютила мама их как родных. Отвела лучшую комнату, поделилась своими продуктами. Их было пять человек. Сейчас мама пишет, что Шустеры получили комнату на заводе, который за два года построили на пустыре. Говорят, что завод работает для фронта...

22 августа 1944 года. Вторник. Пусть здесь страшно, бой, а все-таки лучше, чем в Подольске. Сутки на снайперском посту, а потом сутки отдыха. Выспишься, и есть время сесть за свои записки. Пиши сколько хочешь. А там 20 минут свободного времени, и все по расписанию. Кормят здесь хорошо. Всего вволю, так что наедаемся. Вместо водки, от которой мы отказались, и табака нам дают шоколад. Красота! Помню, как в лагерях, если останется от обеда горбушка, то в тихий час не заснешь, пока ее не съешь. К нам, девушкам, относятся все хорошо, есть, верно, и такие, что пытаются заигрывать, ухажи-

вать. Но девушки ведут себя достойно. Не для романов мы просились на фронт, а чтобы бить фашистов.

9 сентября 1944 года. Суббота. Вот уже больше месяца, как мы в своей 52-й гвардейской дивизии 3-го Прибалтийского фронта. Давно я не делала записей. Все некогда, да и устаем смертельно. Каждый день в засадах, как за зверями, охотимся за фашистами. Иногда завидуем пехотинцам и артиллеристам. Они всегда в коллективе, всегда чувствуют локоть друг друга, а здесь лежишь со своей винтовкой на сырой земле, снизу сыро, а сверху дождь, и, часами не двигаясь, ждешь цели... Сегодня утром была большая удача. Смотрю, в линзе оптического прицела появилась какая-то долговязая фигура. Судя по серебряным погонам и нашивкам, офицер, а может, унтер-офицер. Вот он остановился, пытается прикурить. Но ветер задувает зажигалку. Закрутился. Наконец встал спиной к ветру, прикуривает... Вот грудь его совпала с острием вертикальной нити прицела. Плавно, как на учении, нажимаю спусковой крючок, раздается сухой хлопок выстрела, моя ВТ толкает в плечо и дергается вверх. Фашиста качнуло, затем он повалился, словно подломленный. Одним зверем стало меньше.

10 сентября 1944 года. Суббота. Ночью 7 сентября наша рота вброд, под непрерывным обстрелом вражеского пулемета, перешла небольшую речушку Вяйка-эмииги, так, кажется, ее называют по-местному. Быстро окопались, вылили из сапог воду, а затем уже кое-как отжали свое обмундирование. Шинели, винтовки и боеприпасы несли над головой. Только немного подветрило, как начался мелкий прибалтийский дождь. Вскоре стало светать, оттерли винтовки, приготовились... Женя все время хотела посмотреть, а как ведут себя фрицы. Пришлось уговаривать ее не делать этого. Но она настаивала. Тогда я вывинтила шомпол, повесила на него Женину пилотку и подняла ее слегка над бруствером. Пилотка моментально была прострелена разрывной пулей. Мы переглянулись. Женя, бледная, как мел, прошептала: «Я, Анюта, обязана тебе жизнью». Уж не знаю как, но через две-три минуты командир роты капитан Щербинин узнал о случившемся. По цепи пошла его команда: «Не высовываться!» Противник был от нас метрах в 100—130, на опушке леса, мы же вкопались в берег. На левом фланге нашей роты лес был ближе, и гитлеровцы вчера решили

провести разведку боем. Там стояли наши пулеметчики. Время уже шло к исходу дня, как забила немецкая артиллерия. От разрывов и гари стало темно. Наши тоже стали стрелять в сторону леса. Причем наш огонь был сильнее, и попытка противника сбросить нас не удалась... Когда стемнело, мы стали перевязывать раненых, а солдаты переправляли их на тот берег. Ночью переправилась вся рота, и мы вышли на пополнение.

11 сентября 1944 года. Понедельник. Получили пополнение. Все молодые ребята лет семнадцати, в синих «фезеушниковских» бушлатах, необстрелянные. Занимаемся с ними, пристреливаем винтовки, обучаем прицельной стрельбе.

14 сентября 1944 года. Четверг. Сегодня утром командир полка вручил мне и Жене Панькиной ордена Славы III степени. О такой высокой награде мы и мечтать не смели. Оказывается, это за то, что еще в августе наша снайперская пара уничтожила боевые расчеты двух пулеметов. В тот же день мы с Женей убили еще двух офицеров... Командир роты представил нас обеих к награде, а 25 августа генерал подписал приказ о награждении.

Мы, как и следует по Уставу, ответили: «Служу Советскому Союзу!» Награждали многих, но девушек было только мы две. Нас пригласили на завтрак. Стол был накрыт белой скатертью, стояла закуска и красивые бутылки трофейного вина. Были тосты за победу. Начальник штаба пригласил выпить за боевых подруг, это значит — за нас. Все было торжественно и волнующе. Когда вернулись в свою роту, то встретили нас прямо-таки восторженно. Все поздравляли, а Степаныч подошел ко мне, расцеловал, потом погладил по голове и сказал: «Рад за тебя, дочка! Присягу исполняй, но будь осторожна!» Старшина по случаю нашего награждения к положенным, как всегда, ста граммам добавил всем бойцам из своих «тайных резервов» еще пятьдесят. «Это за наших девчат!» — сказал он.

15 сентября 1944 года. Пятница. Убита Женя Панькина. Случилось все это так. Накануне нас двоих командир батальона назначил в соседнюю третью роту. Народ здесь новый, необстрелянный, из только что прибывшего пополнения. С нашими, из первой роты, их даже сравнивать нельзя. Но приказ есть приказ. Распрощались со своими и пошли. Устроились хорошо. Отвели нам под-

вальчик в разрушенном доме. Судя по постройкам, здесь жил какой-то кулак.

Еще с утра у Жени было приподнятое настроение. Она все напевала свою любимую песенку «Огонек» и то и дело вынимала из кармана кандидатскую партийную карточку, которую несколько дней назад ей вручил начальник политотдела. Она радовалась, а мне почему-то было грустно, и всякие нехорошие мысли лезли в голову. Так бывает иногда перед большим боем. Вот и стала я ее просить: «Женя, если со мной что случится страшное, то сообщи все маме, но напиши как-нибудь получше...» Почему-то мне не так себя было жалко, как маму.

А Женя мне говорит весело так: «Не грусти, Анюта, все будет хорошо. Прогоним фрицев, поедем домой, в Каменку...»

В девять часов прогремел залп нескольких «катюш» — сигнал к переправе через небольшую речушку с мудреным литовским названием и к атаке... На нашем участке было очень много артиллерии. Говорили тысячи стволов. Грохот, визг был ужасный. Что только не летело в воздухе! В ушах сплошной гул и звон. Мы удачно переправились вброд через речушку, но тут получилась какая-то заминка, промедление... Очевидно, потому, что обстрелянных солдат было десятка полтора, а остальные новички из пополнения. Снайперы же в атаку ходят в исключительных случаях, а нас было в роте четверо, и все девчата. Видим: заминка. Враг опомнится и спихнет нас в речку... Вот здесь мы встали, кто-то из нас крикнул: «За Родину!» И мы побежали вперед. Уже после артиллеристы рассказывали, как они волновались: «Видим в бинокль, четыре девчонки бегут». Метров двадцать было так, а потом и вся рота поднялась... Вот на этих-то двадцати метрах атаки и ранило смертельно мою лучшую подругу еще по Каменке Женю Паныкину. У ее могилы мы поклялись отомстить врагу.

1 октября 1944 года. Воскресенье. Вчера был невезучий день. Я со своей новой напарницей Фаиной Власовой почти сутки пролежала в каком-то болотце в напрасном ожидании. Сверху мокро и снизу вода... Позиция наша была на ничейной земле. Позади наше боевое охранение, впереди гитлеровцы. А там, где мы лежим, ничейная земля. По-моему, это неправильно. Как это ничейная? Поче-

му ничейная? Она наша. Советская, а не ничейная. И там, где фашисты, тоже наша земля и живут там наши советские люди. Не живут, а страдают и ждут, когда мы их освободим от оккупантов.

Спать хотелось страшно. Но нельзя этого делать. Ведь гитлеровцы могут послать к нам поиск за «языком». Поэтому и смотрим ночью в темноту до одурения и прислушиваемся к каждому шороху. Одно развлечение — ихние ракеты. Светят. Боятся. Но ведут себя осторожно. Ни один гад не высунулся. Досада.

16 октября 1944 года. Понедельник. Вчера был самый счастливый день в моей жизни... На рассвете удалось из своей «засиды» снять гитлеровского наблюдателя. Вел он себя нахально и все время с биноклем в руках высовывался из окопа, что-то высматривая на нашей стороне. Вот гад! Я выбрала момент и выстрелила. Целилась в грудь. Наповал. Даже руками взмахнул. Будто за воздух хватался. Что было! Фашисты сразу же открыли стрельбу из пулеметов и автоматов. Раз десять по месту, где я находилась, ударила их пушка. Спасло меня от неминуемой смерти то, что место для «засиды» я выбрала в разрушенном коровнике. Стены толстые, бетонные... Сидела, притаясь, до вечера. Пусть думают, что я убита, что «рассчитались» за своего наблюдателя. Так что пережила я «страсти господни», как моя бабушка говорила. Руки и ноги тряслись. Немного бодрило то, что недалеко от меня находилось боевое охранение Степаныча, а за стеной коровника сидели два артиллериста-разведчика.

Вернулась в роту по-темному. Не успела еще поесть, как вызвал старший лейтенант и говорит: «В политотдел тебя, Анюта, вызывают за партийным документом».

Через час я уже была в политотделе. Начальник сказал: «А ну, дайте посмотреть вашу снайперскую книжку...» А в ней уже было записано 14 фрицев. Он похвалил и пожелал мне, чтобы когда я стану членом партии, то счет мой был удвоен. Я пообещала. Потом полковник вручил мне кандидатскую карточку. «Береги как зеницу ока,— сказал он,— желаю тебе быть достойной дочерью нашей партии». Потом поинтересовался, за что мне дали орден Славы. Я рассказала ему, как мы с Женей перебили пулеметные расчеты и двух офицеров, рассказала о печальной судьбе Жени. Полковник сказал: «Война

жестока, я сам недавно получил известие о гибели своего восемнадцатилетнего сына в Карпатах...»

Когда я из политотдела возвратилась в роту, то все меня поздравляли с вступлением в партию. Такого не забудешь.

18 декабря 1944 года. Понедельник. Все время движемся вперед. Нашу 3-ю ударную армию передали 1-му Белорусскому фронту. Из сорока девушек-снайперов, прибывших в 52-ю гвардейскую, осталось только семь. Остальные убиты или ранены. Здесь, на 1-м Белорусском, мы встретились со многими девушками-снайперами из нашей школы. Командование создало из всех нас роту, вошедшую в 1-й батальон 153-го армейского полка. Командиром роты назначили Нину Лобковскую. Она лейтенант и имеет на своем снайперском счету 89 убитых фрицев. Всего в нашей роте 82 девушки. Меня назначили старшиной. Лобковская сказала: «Обеспечивай питание, обувь, обмундирование, боекомплект, следи за внешним видом и состоянием оружия». Одним словом, старшина отвечает за все. Составила список, завела тетрадь. Фамилия, имя, отчество, воинское звание, личный счет и домашний адрес. Интересно, что только трое, когда писали адрес, указали отцов, у остальных — мамы, сестры, тети... Вот что такое война.

10 января 1945 года. Среда. Вот и пришел сорок пятый... Когда же кончится война? Новый год мы встретили на марше. Войска то преследуют врага, то делают форсированные переходы. Нас передали 1-му Белорусскому. Все эти дни делали большие переходы по 40—50 километров в сутки. Шли мы при полной боевой выкладке, а когда приходили к назначенному пункту отдыха, то валились спать прямо в верхней одежде и в обуви, так как ноги сильно отекали, и снять сапоги было невозможно. Если снимешь, то уже не обуешься. Марш совершали в целях маскировки в основном ночью. Идешь и идешь, а куда идешь неизвестно, и спать все время хочется... Если бы мне сказали, что можно спать на ходу, то никогда не поверила бы никому. А оказывается, можно. Я сама спала и за девушками наблюдала... Вот идет рота, вроде бы ровно. Конечно, это не четкий строй, но и не толпа. В колонне по четыре, и какого-то равнения в затылок и в шеренге придерживаются... Вдруг от строя отделяется фигура и делает несколько шагов в сторону.

Два, три, четыре, пять... Потом останавливается и бегом догоняет роту. Это человек спал. Несколько секунд, но спал. Со мной тоже такое бывало. И даже сны снятся, и обязательно что-нибудь домашнее. А война — никогда! Очевидно, так уж устроен наш мозг. Он хочет, чтобы человек отдохнул, переключился. Я спрашивала девочек, что им снится. По-разному отвечают, но никто о войне не говорит. И еще одно. Как ни трудно нам, но настроение бодрое, приподнятое. Идем-то ведь на запад. Кое-где стоят указатели: до Берлина столько-то километров. И этих «столько-то» становится все меньше.

18 января 1945 года. Четверг. Вчера взяли Варшаву. Сначала были мы в резерве и готовились к тому, чтобы освободить столицу Польши. Нам, снайперам, пришлось обучать новое пополнение меткой стрельбе в условиях уличного боя. Ребята оправдали наши труды, и многие из них дрались отлично. В Варшаву вступили вместе с частями Первой армии Войска Польского. Весь город был объят пламенем и дымом. Гитлеровцы расправились с этим городом беспощадно. С утра местных жителей не было видно, но, по мере того как бой стал стихать, нам стали встречаться варшавяне.

Измученные люди на колясках, телегах везли своих детей и оставшиеся жалкие пожитки. Поляки радостно приветствовали нас, старались пожать нам руки. Никогда не забуду, как один старый поляк в шляпе и длинном черном пальто подошел ко мне, взял мои руки и, поцеловав их, сказал по-русски: «Пани! Вы герой, вы рыцарь! Польша не забудет вашего подвига!» Я очень смутилась, никто мне никогда руки не целовал, только в книгах про это читала.

29 января 1945 года. Понедельник. Войска 1-го Белорусского фронта пересекли границу Германии. Наконец-то сбылись мечты советских людей. Теперь фашистам не уйти от расплаты за свои преступления.

10 марта 1945 года. Суббота. Померания. Вчера начальник штаба армии генерал-майор Буштанович дал нашей роте приказ охранять на участке в пять километров шоссейную дорогу, на которой может появиться враг.

Стало известно, что на стыке между двумя нашими армиями удалось прорваться из кольца окружения десититысячной группировке противника. Вся эта масса двигалась на соединение со своими частями через тылы на-

шей 3-й ударной армии. На ликвидацию этой группировки были брошены резервные части, в том числе и наша рота снайперов.

Нам выделили 3 автомашины, боеприпасы, пулеметы, автоматы. Всю роту расположили снайперскими парами и отдельными группами. Окопались, замаскировались. Одна автомашина осталась в нашем распоряжении, а две ушли. На машине установили станковый пулемет, я пристроилась около него. Обложились мешками с землей. Через каждые 25—30 минут мы проезжали с командиром роты Ниной Лобковской по дороге на своем участке. К полуночи мы заметили немцев, которые двигались по белому полю вдоль опушки леса. На левом фланге сразу завязался бой. Девчата подпустили гитлеровцев поближе и открыли огонь. Несколько фрицев было убито, а остальные убежали в лес. Вскоре загорелся бой на правом фланге. Мы быстро сняли несколько снайперских пар с ближайшего участка и подвезли на машине к месту перестрелки. Девочки быстро повели огонь кто из винтовок, кто из автоматов, а я строчила из пулемета. Фрицев наколотили много и пятерых взяли в плен. Среди них оказался обер-лейтенант, адъютант командира дивизии. Пленные сообщили, что в лесу несколько сот солдат и офицеров, которые ждут сигнала о возможности перехода через шоссе. Обер-лейтенанта всего трясло от злости и обиды, что он попал в плен к «русским фрау».

Машина сделала свое дело. Благодаря ей наше маленькое подразделение приобрело маневренность. У противника создалось впечатление, что ему противостоит крупная воинская часть. Гитлеровцам и в голову не пришло, что здесь сражаются одни девушки. К утру мы взяли в плен 27 фрицев и еще многих перебили. Жалко, что убитых не записали в наши снайперские книжки. Командир сказала, что в этом бою мы были не снайперами, а просто стрелковым подразделением, выполняющим самостоятельную задачу. Очень жаль. Но ничего не поделаешь.

Пленные были уже не те вояки, которые ворвались в нашу страну в сорок первом... Выглядели они жалкими и ничтожными. Утром, часов в девять, нас сменила рота автоматчиков, приехавших на машинах. На этих же машинах вместе с пленными мы и поехали в свое расположение. Девчонки всю дорогу издевались над обер-лей-

тенантом. Изображали, как немцы хотели маршировать по Москве, высмеивали бесноватого Гитлера, а одна толстушка надувала щеки и пела по-немецки какую-то песенку... Кончилось тем, что все запели «Катюшу», и мы не удивились, когда несколько немцев стали нам подпевать. Один обер-лейтенант зло кусал губы. Тоже мне тевтонский рыцарь!

Так мы встретили Международный Женский день 8-е марта. Командование объявило нам всем благодарность...

12 марта 1945 года. Понедельник. Нет в моей снайперской книжке записи на 10 гитлеровцев, которых я уложила, будучи контуженой. Это было еще в Прибалтике, в 52-й гвардейской. Шел сильный бой на окраине местечка под названием Виллета. Недалеко от меня разорвалась мина, взрывной волной меня ударило о противоположную сторону окопа и засыпало землей. Откопала меня моя снайперская пара. Я была без сознания, а когда очнулась, то почувствовала резкую боль в ушах, в голове. Отправили меня в медсанбат. Он располагался в большом сарае, и раненых было очень много, около двухсот человек. Лежали мы все на полу, застеленном соломой. Недалеко от меня лежал лейтенант из нашего батальона. Ранен он был в живот. Был он еще в сознании, узнал меня и стал просить, чтобы я его пристрелила. Но я не понимала, о чем он говорит, так как ничего не слышала, оглохла. Вижу по его губам и слезам, что он обиделся, сердится, а не пойму в чем дело. В это время подошла санитарка, села со мной рядом и написала мне его просьбу. Я встала, посмотрела на него. Лицо у старшего лейтенанта было желтым, измученным от боли. Почему-то сразу вспомнилось, что за несколько дней до сегодняшнего он нам рассказывал о том, что в Ленинграде у него жена и должен вот-вот кто-то родиться.

Я стала его убеждать, что все обойдется, что надо бороться за жизнь, что, может быть, он уже папа... А он все качал головой, как бы не соглашаясь со мной. Уж больно ему было тяжело. Но тут подошла автомашина, и мы его первого положили на носилки. Вдруг вижу, все засуетились. Оказалось, что невдалеке появились гитлеровцы. Все, кто мог стрелять, залегли недалеко от сарая. Я тут же подхватила чей-то автомат, хотя и не

расставалась со своей винтовкой. Сначала, пока немцы были далеко, стреляла из винтовки. Один солдат, раненный в руку, все время подкладывал мне патроны. Огонь мой был прицельным. Когда фрицы подошли поближе, то и остальные солдаты начали стрелять. Очевидно, это была какая-то заблудившаяся группа немецких солдат, которых в то время в Прибалтике было немало. Оказалось, пока немцы были далеко, то все следили за моей стрельбой, в том числе и тот солдат, который подкладывал мне патроны. Когда же немцы приблизились и стрельбу открыли все, немцы, поняв, что здесь не один стрелок, а целое подразделение, отошли в лес.

Вот все затихло, и солдат стал мне показывать на пальцах, что мною убито десять гитлеровцев. Мы погрузили тяжелораненых, в том числе и старшего лейтенанта, и я ушла в свой батальон. Вскоре во фронтовой газете появилась корреспонденция о том, как снайпер гвардии старший сержант Вострикова стреляла по врагу, защищая раненых.

Я не обиделась на газету. Пусть не Вострухина, а Вострикова. Главное, что я выполнила свой долг.

В медсанбат я больше не пошла. Боялась, что отправят в госпиталь и я отстану от подруг и от своей части. Попросилась в хозвзвод и несколько недель, пока не стала кое-что слышать, чистила там картошку.

20 апреля 1945 года. Пятница. Давно уже для нас кончилась снайперская «работа». Все вперед и вперед. В наступлении снайперы могут быть использованы только как стрелки. Нас, по-моему, просто берегли. Нельзя сказать, чтобы мы бездельничали и даром ели фронтовой хлеб. Были и боевые эпизоды, но о них я уже писала.

Еще в середине марта наша 3-я ударная стала готовиться к решающему штурму фашистского логова.

Теперь у нас еще одна специальность. Прожектористки. В конце марта прибыла прожекторная часть. Откуда их столько взяли? Обслуживающий персонал в основном девушки. К этой прожекторной части и прикомандировали нашу снайперскую роту. Дали на время и инструкторов, чтобы, изучив материальную часть прожекторных установок, наши девушки помогли прожектористкам выполнять боевую задачу.

В ночь на 15 апреля мы по приказу вывели на перед-

ний край в заранее выкопанные укрытия прожекторы и автомашины и хорошо их замаскировали. На каждый прожектор выделили по снайперской паре. Когда все было готово, противник внезапно открыл беглый минометный огонь. Одна из машин загорелась, но девчонки быстро забросали пламя землей.

Вот темнота окутала землю, и на передний край стали выдвигаться «катюши». Все мы волновались и, не смыкая глаз, ждали условного сигнала. Наконец взвились яркие ракеты, гул орудий всколыхнул воздух. Полчаса, а может быть, и больше наши вели ураганный огонь по врагу. Потом в небо врезалось несколько огненных лучей прожекторов — сигнал подготовиться к атаке. И тут же были включены все прожекторы. Они ослепили врага, он был ошеломлен и не смог вести прицельного огня. Пошли вперед наши танки, за ними пехота. Гитлеровцы в панике стали отступать, а мы все светили и светили... Прошло еще время, и враг, опомнившись, открыл огонь по прожекторным установкам. У нас одну прожектористку ранило, и ее сразу же заменила снайпер сержант Фаина Власова. Она включила прожектор и направила его луч в сторону противника. У нашей машины осколком перебило провод. Маша Логунова и я помогли шоферу найти обрыв. В этом бою погибла одна прожектористка и две были ранены. Это только на участке, где были мы... Наши девочки остались целы и невредимы. Когда мы ехали обратно, шла большая группа пленных. Увидев наш прожектор, они догадались, что это было не новое секретное оружие, а хитрость русского «Ивана». Так они говорили.

29 апреля 1945 года. Воскресенье. Пишу поздно. Наверно, уже полночь. Идет страшный бой за Берлин. Главное — это техника. Говорили, что наши подвезли на железнодорожных платформах крепостные орудия, у которых снаряд весом полтонны, и бухают ими по укреплениям гитлеровцев. В воздухе сплошная пыль, смрад, дым. Божьего света не видно. Грохот сплошной. Дома горят, рушатся, а они все не сдаются.

30 апреля 1945 года. Понедельник. Сегодня вечером забежал к нам агитатор из политотдела. «Радуйтесь, девочки! — говорит.— Наша 3-я ударная в историю вошла. Днем 150-я стрелковая дивизия генерала Шатилова первой ворвалась в рейхстаг... Дело к концу идет. Сам ко-

мандарм Кузнецов боем руководит. Знамя наше Красное над рейхстагом. Командарм об этом маршалу Жукову доложил. В три часа дня... Но эсэсовцы не сдаются. Подожгли здание и отчаянно сопротивляются...»

Мы обрадовались страшно. Как же — Красное знамя над рейхстагом! Кричали «ура!» Хотели майора качать. Он еле удрал. «Не могу, — кричит, — щекотки боюсь. Мне к рейхстагу надо, это я в редакцию ездил, а к вам по пути...»

Отпустили мы его. Долго смеялись. В рейхстаг рвался, а щекотки боится. Веселый мужик! День был полон радости и восторгов. Сколько ждали советские люди, чтобы логово фашистского зверя взять. Ставлю точку и буду писать маме. Пусть не беспокоится. А на душе-то как хорошо...

10 мая 1945 года. Четверг. Вчера всеобщая радость, восторг, слезы, объятия, поцелуи — и жуткая стрельба на рассвете. Стреляли все. И наш генерал, и повара. Выпустила патронов десять. Потом уже вспомнила, что я старшина, и стала наводить порядок... Трудное это было дело. Состоялось построение. Митинг. Играл оркестр. Потом танцы. Кавалеры наши надушены, во всем блеске, при орденах. Победа... Уже когда ложились спать, взгрустнулось. Вспомнила свою Женю...

11 мая 1945 года. Пятница. Берлин все дымится... В воздухе запах гари, тлена. Из-под развалин откапывают трупы. Побывали в рейхстаге, имперской канцелярии, у Бранденбургских ворот... Все. Больше писать не буду. Скоро домой. К маме. В Каменку хочу. Снится мне наша Привокзальная улица.

15 мая 1945 года. Вторник. Вот и кончилась война. Сегодня передали последнюю сводку Советского Информбюро. В ней говорилось о том, что прием пленных на всех фронтах закончен. Настала пора подвести итоги. Вот я и смотрю в свою тетрадку и без всякого чувства зависти думаю о снайперской удаче каждой из нас. Больше всех уничтоженных фашистов у девушек первого выпуска. Они начали свой боевой путь не как мы с Прибалтики, а с Калининского фронта в 1942 году, когда я еще ходила в десятый класс. Самый большой счет у нашего командира Нины Лобковской — 89, потом у Люды Оняновой из Соликамска, у ней — 87, у Веры Артамоновой из Москвы — 86, у Ани Виноградовой из Иванова — 82... Есть

по семидесяти и по шестидесяти. Всем им здорово повезло. Но есть девушки, которые хотя и вели себя смело и участвовали в боях, но снайперского счета не открыли. Это Лапина, Грачева, Киреева, Сидорова, Губина... Не повезло и моей каменской подружке Вере Фомичевой. Но все говорят, что и в обороне и в наступлении вела она себя отчаянно и ничем не отличалась от бывалых солдат. И все-таки итог внушительный: 1973 уничтоженных фашиста. Таковы боевые результаты нашей снайперской роты в составе 82 девушек. Вспоминаю Степаныча. Он говорил: у охотника кроме умения стрелять еще должна быть удача. Кому из наших девушек повезло больше, кому меньше, но все они честно выполнили свой долг перед Родиной.

24 мая 1945 года. Четверг. Было торжественное построение. Награждали наших девушек. Мне вручили орден Славы II степени. Вот мама будет рада...

25 мая 1945 года. Пятница. Наконец-то мы расстались с брюками. На днях нам выдали новое обмундирование. Защитные гимнастерки, синие шерстяные юбки, юфтовые сапоги, пилотки. Подгоняем, суживаем, подшиваем и поем... Какая-то добрая душа позаботилась.

28 мая 1945 года. Понедельник. Весна... Отцвели яблони, вишни. Здесь все раньше, чем у нас. Европа. Находимся в пригороде Берлина в каком-то большом здании-дворце. Комнат много. Обстановка для нас невиданная. Какой-то немецкий буржуй здесь жил. Испугался и удрал в неизвестном направлении... Оставил старика дворника. Он немного разговаривает по-русски. Был у нас в плену до революции, работал где-то у кулака под Саратовом. Про своего сына он говорит: «Сталинград — капут. Волга, Волга. Гросс-река. Ошень далеко». Сам он какой-то испуганный. Приходят к нему внуки. Девочка и мальчик лет пяти. Наши девушки с ними играют, угощают военторговскими конфетами, печеньем. Старик смотрит на наши забавы с его внуками, плачет: «Рюсский девочки добрий...»

У него, оказывается, еще сын в плену: «Цурюк надо, домой надо». Показываем ему картинки из журналов. На них разрушенный Сталинград, сожженные деревни и поселки... Объясняем, что это надо построить тем, кто напал на нас. Старик кивает головой. Вроде понимает, а потом встает и кричит: «Гитлер — сволошь!»

И еще весенние трудности. Я старшина, и обязанностей у меня много. А тут у всех любовь... Эпидемия. Десятками приходят в разных званиях: ефрейторы-автоматчики, лейтенанты-танкисты. Все разыскивают «сестренку». Не будет же наша девушка-часовой или дневальный стрелять в них. У ребят на груди и медали и ордена, да ничего и плохого-то они не делают... Просто хотят познакомиться, приглашают в кино, на танцы. И наши тоже как с ума сошли. Давай увольнительную. А мне надо всем пример показывать. Тоже хотелось бы на танцы, а если пойдешь, то вся рота разбежится. Уже были и самоволки. Пока отделываемся нарядами. Командир полка уже говорил нашему командному составу: «Я, конечно, понимаю: война кончилась, а тут еще весна... Но как-нибудь дотяните без ЧП». Ночью пойду считать, и обязательно одной, а то и двух нет. Да и не учтешь их всех. Комнат много, электричества нет, темно. Какой же тут счет? Так, проформа одна. Не скажу, чтобы мною девушки были довольны. Я уже слышала брошенные мне в спину прозвища «синий чулок», «классная дама»... А мне тоже нравится капитан из дивизионной разведки, но... оказывается, он женат, и у него трое детей. Пусть я буду «синим чулком», но обязанности старшины буду выполнять добросовестно. Зоя Космодемьянская цитировала в своем дневнике слова Чернышевского: «Умри, но не давай поцелуя без любви». Толкую девчатам, ставлю ее в пример.

Обстановка в роте шумная. Все поют лирические песни, пишут письма, шепчутся. Скорее бы домой. Пешком бы, кажется, ушла на свою родную Привокзальную улицу, к маме...

15 июня 1945 года. Пятница. Нет, не могу не записать это великое событие в моей жизни. Я получила партийный билет. Стала членом партии. Вручили мне эту дорогую сердцу каждого советского человека красную книжечку в политотделе спецчастей нашей Третьей ударной армии. Вручил начальник политотдела. Он долго беседовал со мной, расспрашивал о боях, в которых я участвовала, интересовался моими планами на будущее. Я все ему рассказала про Женю, про то, что за время прохождения кандидатского стажа мною было уничтожено тридцать гитлеровцев. Учиться я вряд ли смогу. После контузии слух плохой, да и суставной ревматизм себе на-

жила в холодном болоте, в Прибалтике... Сказала, что буду работать лаборанткой на своем элеваторе в Каменке.

10 июля 1945 года. Вторник. Готовимся домой. Сдала оружие, с которым была в боях с 1 августа прошлого года. Родная винтовка ВТ № 1232. Запомню этот номер на всю жизнь. Пусть на мою долю досталось только 283 дня войны, но я выполнила свой долг. Горжусь этим. Сегодня из Берлина на Родину отправился первый эшелон с демобилизованными. Скоро домой...»

А. В. Назаров

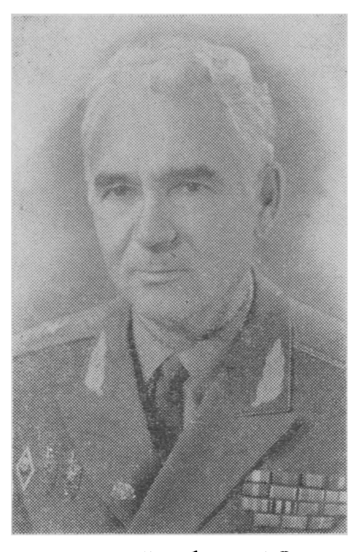
ПАРТИЗАНСКИМИ ДОРОГАМИ

— Расскажите, какое задание вы получили от немцев? — вдруг перебил мой рассказ следователь, которому я уже битый час доказывал, что я, Назаров, не фашистский шпион, а советский разведчик. Я понял, что мои слова и на этот раз не убедили его. Отправляя меня в камеру, следователь сказал, чтобы я хорошенько подумал и на следующем допросе не выкручивался, а откровенно признался во всем.

Вот так-так! Представляю, как бы смеялись мои товарищи-чекисты, если бы узнали, что меня здесь принимают за фашистского агента. Однако мне было вовсе не до смеха. Время военное, обстановка на фронтах тяжелая. Кто знает, когда запросы обо мне и моем товарище Саше Громове дойдут в нужные инстанции. Да и дойдут ли вообще? Дело осложнялось тем, что вместе с нами в тюрьме находились такие, кто действительно был заброшен в тыл Красной Армии под видом работников милиции, чекистов.

Каждый человек в трудные, поворотные дни своей жизни всегда вспоминает прошлое. В перерывах между допросами я перебирал в памяти прожитые годы. Вспомнилось детство, прошедшее в поселке шахты № 6 «Красная Звезда» Буденновского района Донецкой области. Затем — учеба в школе, на рабфаке. Работа на шахте. Снова учеба — в Рубежанском химико-технологическом институте Ворошиловградской области. С четвертого курса института я был призван в органы государственной безопасности. По окончании в 1939 году школы НКВД получил направление на работу в коллектив чекистов города Калинина.

За вереницей событий и фактов мне виделись люди — родные, друзья, товарищи. Вот отец — Владимир Дмитриевич Назаров, неутомимый труженик, выходец из

Член бюро Ульяновского обкома КПСС, начальник Управления Комитета государственной безопасности при СМ СССР по Ульяновской области генерал-майор А. В. Назаров родился в 1917 году в Донбассе в семье шахтера. По окончании семилетки работал на шахте. Затем окончил металлургический рабфак и Рубежанский химико-технологический институт. В 1939 году по комсомольскому набору был призван на работу в органы государственной безопасности. После окончания школы НКВД работал в городе Калинине.

В самом начале войны, 9 июля 1941 года, был переброшен в тыл врага. Затем был командиром специальной партизанской бригады имени Дениса Давыдова, действовавшей в годы войны на территории Калининской, Псковской, Новгородской и бывшей Великолукской областей, в Братском партизанском крае (так назывался тогда район, контролируемый партизанами на стыке прибалтийских республик, Белоруссии и западных областей Российской Федерации). По окончании Отечественной войны продолжал служить в органах госбезопасности.

За боевые действия в тылу врага, долголетнюю образцовую службу в органах государственной безопасности А. В. Назаров удостоен звания почетного чекиста, награжден орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и другими боевыми и трудовыми наградами.

крестьян, подростком приобщившийся к профессии шахтера и навсегда оставшийся им. Мать — Прасковья Моисеевна, постоянно занятая хлопотами по дому. С волнением и беспокойством мне часто вспоминалась семья, жена Катюша. Где она теперь? Как-то им живется в эту суровую годину?..

Одно за другим в сознании всплывали лица друзей детства, однокашников по институту. Хотя и недолго мне довелось поработать в Калинине, приобрел я и здесь немало хороших и верных товарищей, таких, как Федя Болденков, Витя Баранов, Вася Гусев, Ваня Антонов, знающих и любящих свое дело, горячо преданных Родине.

Но мысли то и дело возвращались к первым дням войны, когда вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну внезапно и круто нарушило жизнь советских людей. Я старался припомнить все подробности своего первого разведывательного задания. Ведь об этом надо было еще раз как можно убедительнее рассказать следователю. И я вспоминал, вспоминал...

В начале июля 1941 года мне доверили работать в тылу фашистской армии. Короткий и напряженный курс подготовки к переброске в тыл врага, обучение тайнописи, шифровальному делу, вживание в ненавистную (но что поделаешь!) роль антисоветского элемента. День и ночь я заучивал детали своей новой биографии, привыкал к новой фамилии, всматривался в документы, которыми снабдили меня в соответствии с разработанной для меня легендой.

По этой легенде я — бывший уголовник, противник Советской власти. Отбывал якобы наказание в советской тюрьме в городе Калинине. Чтобы не попасть впросак, пришлось тщательно изучить расположение камер и двора калининской тюрьмы, ее внутренний распорядок, тюремный «язык». Вместе со мной готовился к разведывательной работе в тылу врага мой товарищ Саша Громов.

...Наша группа осела в городе Нелидово Калининской области. Я устроился продавцом в хлебном магазине. Моя работа в магазине была удобным прикрытием для осуществления явок с разведчиками, сбора разведывательных данных и для наблюдения за обстановкой в городе.

Поначалу пришлось немало поволноваться. Ведь за короткий срок, который был отпущен для нашей подготовки, нельзя было выработать «рецепты» на все случаи жизни. В ряде ситуаций главную роль в успехе дела играли смекалка, трезвый и точный расчет, умение найти правильное и единственное решение для достижения цели...

Непредвиденное случилось в первые же дни после моего внедрения продавцом в один из хлебных магазинов Нелидова. Я никогда не работал за прилавком. Знакомство с этой профессией у меня было чисто «визуальное». Бывало, до войны в булочных любовался, как легко орудуют у весов продавцы в белых халатах. Хлеб

тогда чаще всего продавался на вес — не так, как сейчас, штучными буханками. Попросишь взвесить килограмм — продавщица возьмет буханку, положит под широченный нож, укрепленный на замысловатом коромысле-рычаге — раз! И готово — получай свой килограмм. Точно, как в аптеке, без довесков.

Мне же пришлось работать продавцом в военное время, когда хлеб «отпускался» по спискам — по полкило, триста, двести и даже сто граммов. Вот и попробуй, не имея никакого опыта, от двухкилограммовой буханки точно отрезать двухсотграммовый кусочек...

И я резал. Положишь на весы, а они показывают не двести, а несколько больше. Отрезáю лишнее — но теперь уже меньше нормы. Добавляешь кусочек. Все это я делал очень медленно, очередь волновалась.

К концу распродажи хлеба получалась большая кучка обрезков, которую никто не хотел покупать в счет своего пайка, а требовал положенную ему норму целым куском.

В первые дни на обрезки уходил и мой паек, и паек моих друзей. Но самое главное — такая работа грозила привлечь ко мне внимание со всеми вытекающими последствиями. Ведь кто-нибудь мог заинтересоваться, что заставило меня стать продавцом, не имея на то никакой сноровки.

Пришлось срочно внедрять своего человека в пекарню, чтобы с его помощью отправлять в наш магазин на буханку, другую хлеба больше нормы. Когда такой человек там появился, стало легче. Если и было немного лишнего на весах, больше резать не стремился. Своим же, советским людям отпускал хлеб, а запас кой-какой теперь имелся. Но обрезки все-таки были. Старался незаметно их убирать с прилавка.

Так, помогая друг другу, мы осваивались с обстановкой. Если условия позволяли действовать наверняка, мы с Сашей Громовым совершали боевые вылазки. Например, нам удалось в районе озера Цебло подорвать два средних фашистских танка.

После выполнения задания мы стали готовиться к переходу через линию фронта. Ночью со всеми предосторожностями переплыли реку Ловать в районе города Холм Новгородской области. Здесь были задержаны боевым охранением Красной Армии. У нас были изъяты

документы прикрытия, с которыми мы действовали в тылу врага. У меня изъяли паспорт, военный билет, справку о судимости и отбытии наказания, два пистолета и гранату...

Трудно сказать, как долго бы длилось следствие по нашему делу, если бы не случай. Однажды на прогулке к группе заключенных, где находился и я, подошел генерал. Он спросил, почему мы не даем правдивых показаний следователю, а затем, обведя всех внимательным взглядом, вдруг воскликнул: «А ты как сюда попал?» Мы не сразу поняли, к кому относятся эти слова, и недоуменно переглянулись. Тогда генерал указал пальцем на меня и вновь повторил вопрос. Я ответил, что уже давно нахожусь здесь. А сам терялся в догадках, откуда он меня знает.

— А где же твой напарник? — поинтересовался генерал. Тут я понял, что он знает о нас гораздо больше, чем я мог думать.

Нам было приказано подняться. Когда мы вышли из охраняемого пограничниками круга, генерал поздоровался с нами.

Нас тут же освободили. Через некоторое время мы уже докладывали своему руководству о выполнении первого разведывательного задания. Этот случай стал для меня большим жизненным уроком. Он еще раз наглядно и убедительно показал, что чекисту надо быть всегда готовым к самым неожиданным поворотам, иметь крепкие нервы и выдержку.

Героическая борьба советского народа в тылу врага — это одна из самых ярких и незабываемых страниц истории Великой Отечественной войны. Вдохновителем и организатором ее была Коммунистическая партия. Используя богатый опыт и боевые традиции освободительных войн прошлого, советский народ применял самые разнообразные методы и способы борьбы с врагом: вооруженное нападение, саботаж всех мероприятий оккупационных властей, политическая работа среди советских людей, а также в войсках противника с целью их разложения, использование всех средств для подрыва боевых и моральных сил немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Калининский областной комитет партии, выполняя директиву Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от два-

дцать девятого июня 1941 года, в крайне тяжелых условиях создавал подпольные партийные и комсомольские организации, партизанские отряды и диверсионные группы в тылу противника. Этой важной и ответственной работой непосредственно руководил первый секретарь Калининского обкома партии И. П. Бойцов.

В героическую борьбу советского народа с ненавистным врагом свою лепту внесли и наши чекисты. По указанию партийных органов Управление НКВД по Калининской области с первого дня войны приступило к осуществлению мероприятий, которые, в частности, предусматривали организацию и подготовку чекистских групп для выполнения специальных заданий на оккупированной территории области.

Эти группы, как правило, формировались из коммунистов, комсомольцев и молодежи, прошедших военную подготовку в армии, по линии всевобуча или в организациях Осоавиахима и изъявивших желание бороться с фашистскими оккупантами во вражеском тылу. За время войны органами госбезопасности было сформировано много таких групп и отрядов.

Действуя в тылу врага, они выполняли разведывательные и контрразведывательные задания, уничтожали фашистских пособников и предателей Родины, совершали диверсии на транспортных коммуникациях врага, выводили из строя линии связи, громили вражеские гарнизоны, вели бои с карателями, распространяли на временно оккупированной территории советские газеты и листовки, обеспечивали переправу через линию фронта и сопровождали по вражескому тылу ответственных партийных работников и представителей штаба фронта, выполнявших особые задания партии и военного командования, выводили с оккупированной территории семьи партийно-советского актива, детей, родители которых были замучены фашистами.

Руководили калининскими чекистами в тот период Д. С. Токарев, М. В. Крашенинников. Формирование, обучение и переброску в тыл врага осуществляли чекисты А. Т. Рыжиков, В. А. Максимов, В. Д. Котлов, С. И. Павлов, И. Н. Кураев, М. И. Библов, Г. К. Рассадов, И. С. Деревянко, А. П. Постников и другие товарищи. Особенно большую помощь наши чекисты оказали Калининскому, а затем 2-му Прибалтийскому фронтам.

Об активной боевой деятельности чекистских партизанских групп свидетельствуют, в частности, такие данные. С пятнадцатого июля по первое ноября 1942 года двадцать семь групп совершили шестьдесят рейдов через линию фронта в тыл врага. На участках железных дорог Новосокольники — Сущево, Новосокольники—Себеж, Новосокольники — Невель, Новосокольники — Великие Луки и Великие Луки — Невель они подорвали тридцать шесть воинских эшелонов противника и уничтожили при этом тридцать семь паровозов, тысячу семь вагонов с живой силой, техникой, боеприпасами и другими военными грузами, взорвали восемь железнодорожных мостов. Около четырехсот гитлеровских солдат и офицеров и тридцать предателей Родины нашли свою гибель от руки патриотов.

Командирами групп были Александр Щеголев, Константин Иванов, Николай Грудин, Федор Яковлев, Виктор Терещатов, Игорь Веньчагов, Анатолий Бухвостов, Игорь Чистяков, Александр Лопуховский, Анатолий Нейман, Владимир Веселов. Отважными бойцами себя показали Николай Горячев, Юрий Козлов, Вениамин Чуркин, Юрий Соловьев, Юрий Соколов и десятки других. Много ценных данных о фашистской армии добывали наши мужественные разведчицы М. П. Глазарева, З. И. Рудько-Степанова, М. С. Журавлева-Козлова и другие.

После выполнения первого разведывательного задания мне было поручено командование партизанским отрядом, который совершал глубокие рейды по вражеским тылам совместно с 29-м кавалерийским полком 29-й армии.

...Лето 1943 года. Фронт в районе Великих Лук стабилизировался. Гитлеровцы создали глубоко эшелонированную оборону. Партизанским формированиям, в том числе и чекистским, стало крайне трудно переходить линию фронта без боя. А каждый бой неизбежно приводил к потерям в личном составе. Кроме того, стабилизация фронта вызвала определенные трудности в осуществлении руководства партизанскими группами, в снабжении их продовольствием, снаряжением и боеприпасами.

В этих условиях более целесообразным являлось объединение партизанских сил в крупные подразделения.

Командование приняло решение о создании специальной чекистской партизанской бригады. Мне было оказано большое доверие командовать этой бригадой. Ее первоначальное формирование началось в июне 1943 года в городе Торопце Калининской области. В состав бригады вошли бойцы и командиры чекистских групп, неоднократно выполнявшие боевые задания в тылу врага, хорошо зарекомендовавшие себя в борьбе с фашистами.

К концу июля бригада была полностью сформирована, вооружена, снабжена всем необходимым. Для связи с Центром мы получили радиостанции, опытных радистов.

Забегая несколько вперед, скажу, что в организации боевой деятельности бригады и ее повседневной жизни моими первыми и надежными помощниками являлись друзья-чекисты В. Я. Новиков, В. Г. Таранченко, М. И. Кудрявский.

Во многих боях отличились командиры и политработники, совсем еще юные в те годы, но верные сыны нашей Родины: И. И. Веньчагов, В. И. Терещатов, А. А. Лопуховский, А. Ф. Храмов, В. И. Беляков, Г. П. Богданов, В. С. Разгулов; бойцы А. М. Николаев, М. И. Иванов, В. Д. Соколов, В. А. Беценко, С. А. Алексеев, А. П. Голубев, Н. Н. Ершов, В. Г. Соловьев, Ф. С. Ловиков, Е. И. Бойко, Ю. И. Соколов, П. С. Сергеичев, Б. Н. Ширяев, Н. А. Орлов, С. А. Курзин и наши славные боевые подруги А. Д. Крашенинникова-Васильева, Н. П. Пастухова-Иванова, Е. П. Ловикова-Носова.

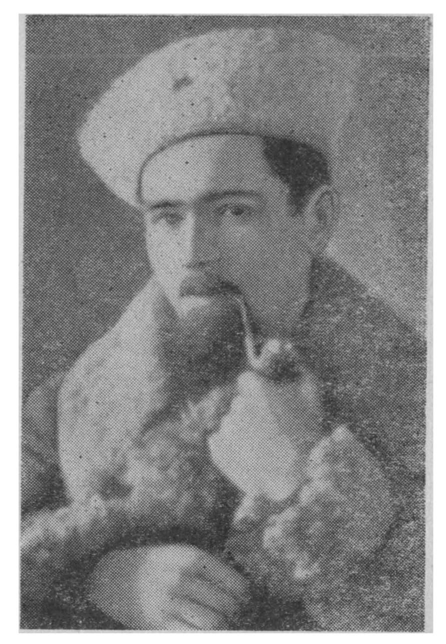
Лучшие бойцы, проверенные на труднейших боевых заданиях, пополнили партийные ряды нашей бригады. Вот что пишет в своей книге «Пылающий лес» секретарь подпольного райкома партии Владимир Иванович Марго:

«Хорошие контакты с подпольным райкомом партии поддерживали Александр Владимирович Назаров и Вениамин Яковлевич Новиков — командир и комиссар партизанской бригады имени Дениса Давыдова... Бригада имела особые задачи, состояла почти вся из молодежи.

Помню, как мы в конце 1943 года на бюро райкома принимали кандидатами в члены партии бойцов и командиров этой бригады В. И. Терещатова, С. А. Курзи-

на, Н. П. Пастухову, Г. П. Богданова и других. Все члены бюро райкома проголосовали за достойное пополнение семьи коммунистов.

Среди принятых в кандидаты партии был комсомолец Альберт Храмов. Запомнилась мне его боевая биография. В шестнадцать лет пошел воевать, в восемнадцать — уже командир отряда. Да где! В чекистской бригаде...»

Командир партизанской бригады имени Дениса Давыдова А. В. Назаров.

Четвертого августа с прифронтового аэродрома в поселке Старая Торопа началась переброска бригады на планерах и самолетах в район деревни Гарани Россонского района в Белоруссии. К сожалению, операция не обошлась без потерь. Пятого августа один из планеров при посадке наскочил на мину и подорвался. Погиб Михаил Пожарский, комсомолец из Торжка, пять человек получили ранения.

Бригаде помимо особого задания поручалось вести разведку и осуществлять контрразведывательную работу в оккупированных врагом западных районах Калининской области и в сопредельных районах Белоруссии и Латвии, в тесном взаимодействии с местными подпольными партийными организациями и партизанскими соединениями срывать все мероприятия фашистских военных и гражданских властей, совершать диверсии на транспорте и линиях связи, уничтожать пособников врага, распространять среди населения советскую литературу. Бригада также должна была установить связь с чекистскими группами и разведчиками, действовавшими в тылу

врага по заданию органов госбезопасности Калининской области, и руководить их деятельностью.

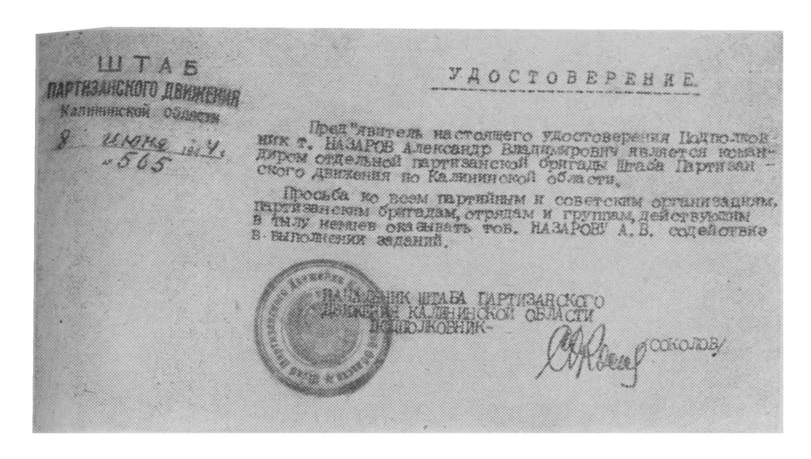
В первые же дни после переброски мы приступили к выполнению поставленных задач, а в начале сентября 1943 года из Россонского района бригада перешла к месту постоянной дислокации в Себежский район. Здесь мы установили тесную связь с Себежским подпольным райкомом партии, находившимся при 5-й Калининской партизанской бригаде В. И. Марго, и штабом Калининского партизанского корпуса — при 3-й Калининской партизанской бригаде А. М. Гаврилова. Бригада в разное время располагалась в деревнях Себежского района — Морозовке, Бакланицах и Рубанах Томсенского сельсовета, Козельцах и Лубьеве Борисенского сельсовета. Базовый лагерь находился в трех километрах на север от деревни Лубьево, в лесном массиве. Самолеты с Большой земли принимали на поляне возле деревни Лубьево.

Мы решили назвать свою бригаду именем Дениса Давыдова, прославленного русского партизана Отечественной войны 1812 года. Этим именем подчеркивалась преемственность боевых традиций нашего народа, беспощадного в борьбе с чужеземными поработителями. Местные жители окрестили нас «москвичами», поскольку партизаны были «нездешними». Так и закрепилось наименование — Московская партизанская бригада имени Дениса Давыдова.

Наши группы регулярно совершали рейды в Идрицкий, Пустошкинский, Кудеверьский, Новоржевский, Опочецкий и Красногородский районы, где дислоцировались разведывательные точки. В Белоруссию и Латвию ходили на операции, как правило, с местными партизанскими соединениями или их представителями.

Находясь во вражеском тылу на территории Братского партизанского края, наша бригада совместно с 3-й 4-й, 5-й и 10-й калининскими бригадами и отрядом латышских партизан В. П. Самсона участвовали во всех боях с карателями. Мы совершили ряд рейдов в Латвию, в Лудзенском районе помогли местным партизанам разгромить два вражеских гарнизона.

На железной дороге Москва—Рига, между станциями Идрица—Зилупе, подорвали двенадцать эшелонов, уничтожив двенадцать паровозов и более ста двадцати вагонов с живой силой и техникой врага, следовавшими

ШТАБ
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
Калининской области
8 июня 194 г.
№ 565

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель настоящего удостоверения Подполковник т. НАЗАРОВ Александр Владимирович является командиром отдельной партизанской бригады Штаба Партизанского движения по Калининской области.

Просьба ко всем партийным и советским организациям, партизанским бригадам, отрядам и группам, действующим в тылу немцев оказывать тов. НАЗАРОВУ А. В. содействие в выполнении заданий.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПОДПОЛКОВНИК- /СОКОЛОВ/

Партизанское удостоверение А. В. Назарова.

на фронт. После каждой диверсии движение на железной дороге парализовалось на длительное время.

Большая боевая работа проводилась на шоссейных дорогах. Мы громили автоколонны и штабные машины, устраивали завалы. Помню, как на автомагистрали между Опочкой и Пустошкой в январе 1944 года подбили легковую штабную автомашину. В ней оказались два крупных чина СС: один из них имел звание, приравнивавшееся к генеральскому, другой — подполковник инженерной службы. Были захвачены ценные документы.

Рассказать о всех боевых действиях нашего подразделения невозможно. И все же хочется хотя бы на одном примере показать, как советские люди проявляли выдержку, настойчивость, героизм в борьбе с врагом.

...Это была несколько рискованная, но оправданно дерзкая операция. Молодые чекисты-партизаны проявили себя в ней зрелыми бойцами, готовыми сделать все, чтобы выполнить задание командования.

После сокрушительных ударов нашей армии на других участках огромного фронта враг ожидал, что советские войска могут перейти в наступление и в районе Великих Лук в направлении на Прибалтику. Фашисты в начале 1944 года стали лихорадочно готовиться к обороне. Они возвели новые укрепления, усилили охрану железных дорог и автомагистралей, подтягивали войска

и технику. Со станции Есенники к фронту была построена узкоколейная железная дорога. В прифронтовой полосе проведен ряд карательных экспедиций против партизан, создана густая сеть новых гарнизонов, состоявших из так называемых «казаков» (власовцев).

В этих условиях разведывательная деятельность партизан в квадрате Опочка — Новоржев, Пустошка — Идрица была сильно ограничена. Однако советскому командованию в это время особенно нужны были данные о намерениях противника, его силе, укреплениях.

По просьбе штаба 2-го Прибалтийского фронта Центр приказал нашей бригаде срочно выяснить обстановку в этом районе.

Неоднократные попытки захватить «языка» на автомагистрали между Опочкой и Пустошкой оказались безуспешными из-за сильной охраны и интенсивного движения, а в ряде случаев «языки» захватывались мертвыми.

Не выполнить задание? Нет, это было не в правилах партизан! И тут-то родился дерзкий план: проникнуть в ближайший гарнизон в селе Лобово под видом немецких солдат и «казаков»-власовцев.

За выполнение операции взялись Альберт Храмов, Александр Николаев и еще два бойца, владевшие немецким языком. Они оделись в немецкую военную форму, а Храмову и Николаеву пришлось нацепить опознавательные знаки «казаков». Разведчики намеревались захватить «языка» и скрытно вывезти его.

В случае провала отход группы должны были прикрывать пулеметный расчет и бойцы, вооруженные снайперскими винтовками. Они расположились в кустарнике на возвышенности недалеко от гарнизона.

Перед тем как отправиться в путь, партизаны соответствующим образом «обработали» себя самогоном (прополоскали рот и облили одежду), приняв вид загулявших «казаков»-власовцев. С собой прихватили несколько бутылок самогона, две курицы и котелок меду. При въезде в Лобово группа была остановлена немецким сторожевым постом. Партизан, выдавший себя за немецкого солдата, поприветствовал их и сказал, что вот, мол, наконец-то он разыскал этих вечно пьяных «русских свиней» и теперь везет их в свою часть. Все было так естественно, что не вызвало у немцев подозрений. Затем он спросил, где можно остановиться в гарнизоне на час-другой, чтобы от-

дохнуть и поесть. Немцы показали на ближайшие дома, объяснив, что там размещено меньше солдат.

Партизаны зашли в один из домов, где находились два обер-ефрейтора. Немцы согласились перекусить вместе с «гостями». Храмов, подражая повадкам власовцев, в грубой форме потребовал от хозяйки, чтобы она побыстрее приготовила яичницу и дала сала. Николаев поставил на стол самогон.

Вскоре началось пиршество. Николаев разлил самогон по кружкам. За едой и выпивкой зашел разговор о том, что в соседней деревне Полихново живут хорошие девчата, у которых есть мед. (Мед заранее нами был припасен.) Партизаны с ухмылками предложили немцам съездить туда — эта деревня ведь совсем рядом, за часполтора можно, мол, управиться. Немцы сначала колебались: они не опьянели еще настолько, чтобы решиться на это. Но постепенно самогон разбирал их все больше. Когда партизаны сказали, что меду много и его можно привезти господам офицерам, которые, конечно, будут очень довольны, обер-ефрейторы расхрабрились. Они быстро оделись, взяли оружие — автомат, карабин и пистолет, а также котелки для меда, сели с Николаевым в сани и поехали в Полихново. Храмов ехал во вторых санях. Он несколько задержался в доме и, пользуясь суматохой, захватил с собой ранцы немцев.

Таким образом, первая часть операции успешно удалась: партизаны привезли фашистов в Полихново. Сначала им действительно преподнесли угощение — мед в сотах. Они с жадностью набросились на лакомство. Но вдруг раздалась команда: «Хэнде хох!» Николаев схватил принадлежавшие фашистам автомат и карабин, Храмов быстро выдернул из кобуры у одного из них парабеллум. Немцы сначала глупо заулыбались, думая, что это шутка, а затем один из них уронил голову на стол и заплакал. Другой попытался вырваться и выскочить на улицу, но оба они были связаны и уложены в сани.

Вся эта операция проходила среди бела дня и продолжалась чуть более двух часов. Захваченные фашисты дали ценные сведения, и в таком объеме, что радистам пришлось много поработать, чтобы передать их в Центр.

Конечно, не всегда наши операции и боевые действия проходили столь удачно. Бригада несла и потери. Перед

нами был сильный и коварный враг. И в борьбе с ним погибло немало славных бойцов. С душевной болью я вспоминаю этих еще совсем молодых людей, отдавших жизнь за свободу и счастье Родины, — Героя Советского Союза Николая Горячева, Филимона Ловикова, Димитрия Контовского, Эдуарда Лайзана, Павла Чернышева, Владимира Комкова, Виталия Королькова, Федора Шилина, Виталия Колокольчикова.

Расскажу об одном из них — Васе Белякове несколько подробнее, так как черты его биографии и личности, боевые заслуги во многом были типичными для молодых бойцов бригады.

Фамилия его родителей, крестьян села Кузнечихи Есеновического района Калининской области, Лешкичевы. Однако Васю из-за очень светлых волос в селе прозвали Беляком. И это прозвище настолько пристало к нему, что впоследствии, как это частенько случалось на селе, превратилось в фамилию, которая затем вошла и в официальные документы.

Биография у Васи несложная: семилетка, потом Вышневолоцкий текстильный техникум. После второго курса учеба оборвалась: началась война. Отец ушел на фронт, а Вася — на курсы инструкторов-пулеметчиков при Осоавиахиме. В составе истребительного батальона нес охрану важных объектов, участвовал в спасательных работах после бомбежек, выезжал на ликвидацию вражеских парашютистов и лазутчиков.

После окончания курсов Вася был зачислен в чекистский партизанский отряд «Мститель». Перед выходом на задание в июне 1942 года его приняли в комсомол. На заседании бюро Вышневолоцкого горкома ВЛКСМ он сказал: «Я горжусь тем, что меня зачислили в партизанский отряд. Я имею хорошую военную подготовку и с честью оправдаю доверие комсомола, который удовлетворил мою просьбу о направлении в тыл врага».

Свое слово Вася сдержал. В составе чекистских партизанских групп он шесть раз ходил через линию фронта в тыл врага, принимал участие в боях и диверсиях. На его счету шесть подорванных фашистских эшелонов. Летом 1942 года в районе Новосокольников его группа взорвала мост во время движения по нему эшелона с техникой для железнодорожных ремонтно-восстановительных работ. На длительное время было парализовано

движение по железной дороге, снабжавшей значительный участок фронта. В октябре 1943 года в районе Себежа Вася Беляков организовал взрыв воинского эшелона. Буквально через несколько минут в него с ходу врезался другой эшелон. По данным разведки, было уничтожено два паровоза, двенадцать вагонов, два тяжелых самоходных орудия, погибло пятьдесят три и ранено более ста фашистов.

Учитывая боевой опыт Белякова, командование бригады доверило ему работу с нашими разведчиками, внедрившимися в немецкие военные и гражданские учреждения в городе Себеже. В ночь на пятое ноября 1943 года он и сопровождавшие его бойцы Виталий Гребенщиков и Сергей Мочалов, следовавшие на связь с разведчиками в окрестностях Себежа, попали в засаду и были окружены врагами. На предложение сдаться они ответили автоматным огнем. В коротком и неравном бою Мочалов был убит, а Беляков и Гребенщиков ранены и захвачены в плен.

Свидетельницей последних дней жизни героев-партизан оказалась жительница города Себежа Ф. К. Громова, содержавшаяся в той же тюрьме, в которую попали Беляков и Гребенщиков. Громова ухаживала за раненым Василием в течение пяти суток. Фашисты несколько раз допрашивали партизана, пытками и уговорами добиваясь от него нужных сведений. Он мужественно перенес все издевательства, но не произнес ни слова. Десятого ноября 1943 года Вася Беляков скончался. Гребенщикова в середине ноября гитлеровцы расстреляли. Их трупы немцы сожгли в районе Петуховского переезда вблизи станции Себеж.

Комсомольцы научно-исследовательского института атомных реакторов Госатома города Димитровграда Ульяновской области изготовили краснозвездные обелиски и установили их на местах гибели и захоронения наших партизан в Себежском и Опочецком районах Псковской области.

Успехи партизанского движения были бы невозможны без широкой помощи и участия честных советских людей, оставшихся по разным причинам на временно оккупированной фашистскими захватчиками территории. Советские патриоты люто ненавидели фашистов, всеми способами вели борьбу с врагом. Несмотря на жестокие рас-

правы фашистских карателей за связь с партизанами, мы никогда не испытывали недостатка в добровольных помощниках. Они собирали для нас разведывательную информацию, добывали вражеские документы секретного характера, в необходимых случаях выполняли обязанности проводников, распространяли полученную от нас литературу, снабжали партизан продуктами питания.

Когда я думаю о связи нашей бригады с населением, мне вспоминаются десятки имен славных советских патриотов. Большого уважения партизан заслужила жительница села Зажогино Новосокольнического района Акулина Андреевна Сергеева. Летом 1942 года она помогла нам совершить диверсию: подорвать два воинских эшелона с живой силой и техникой врага. Ценную услугу оказали жители деревни Дмитрово Себежского района С. М. Пахомов, И. С. Кононов и их семьи. Осенью и зимой 1943 года они систематически сообщали в бригаду о передвижении и дислокации немецких войск, их отношении к местному населению. С помощью Пахомова и Кононова в районе разъездов Кузнецовка и Осетки были подорваны несколько вражеских эшелонов, следовавших к линии фронта.

Никогда не забудется имя Анны Александровны Ивановой, учительницы из села Сунгурово Новосокольнического района. Она собирала для нас разведывательную информацию, распространяла в окрестных деревнях газету «Правда» и листовки «Вести с Советской Родины». Нужно было иметь большое мужество, чтобы решиться на это. У нее были малолетний сын и несовершеннолетняя сестра мужа, расстрелянного фашистами.

Г. Т. Трофимову было под шестьдесят, когда началась война. Жил он в это время с женой, дочерью и сыном. Трое других сыновей служили в Красной Армии. Старика Трофимова односельчане хорошо знали и относились к нему с уважением. В свое время он работал председателем колхоза. Когда пришли немцы и начали назначать бургомистров волостей, жители Бардовского сельсовета Бежаницкого района попросили Трофимова согласиться на эту должность. Так он стал «слугой» оккупантов. Обычно немцы назначали на подобные должности откровенных негодяев, и те служили им верой и правдой, но в данном случае кандидатура оказалась для фашистов явно неудачной.

Несмотря на требование военного коменданта, бардовские коммунисты в комендатуру отмечаться не пошли. Всем им на свой страх и риск («Коль придется, так будем качаться на одной березе») Трофимов оформил немецкие паспорта. Документами он снабжал и военнопленных, бежавших из лагерей. Многим местным жителям Трофимов помог избежать фашистской каторги — отправки на принудительную работу в Германию.

Наша бригада также установила связь с Трофимовым. Он помогал партизанам очень активно: информировал о карательных экспедициях, передавал приказы, инструкции оккупантов, касающиеся гражданского управления (надо сказать, что такие документы у немцев строго учитывались).

Хотелось бы подчеркнуть, что с фашистами активно боролись представители всех братских национальностей.

С благодарностью вспоминается эстонская семья Петра Яковлевича Яниса. Он, его жена Мария Лаврентьевна, сын Павел и племянница Антонина Каннели собирали сведения о дислокации фашистских войск, полицейских гарнизонах, охране военных объектов и коммуникаций, выясняли, где они устраивают засады и кто из местных жителей помогает врагам, добывали фашистские документы, распространяли среди местного населения доставляемые нами экземпляры газеты «Правда», листовки «Вести с Советской Родины» и другую литературу.

Действенная помощь семьи Янис и многих советских патриотов Псковщины позволила нашим группам (командиры Владимир Иванов и Альберт Храмов) успешно провести ряд крупных диверсий на железных дорогах Москва — Рига (между станциями Ново-Сокольники — Маево) и Ленинград — Киев (разъезд Власье). Было подорвано шесть эшелонов противника с живой силой и военной техникой, а также получена и передана советскому командованию информация о дислокации и передвижении фашистских войск на участке фронта южнее Великих Лук.

Партизаны добывали много ценных фашистских документов, имевших большое военное и разведывательное значение. Все эти документы своевременно отправлялись на Большую землю.

На Большую землю... При этих словах мне вспоминаются наши славные летчики, с которыми у партизан установились исключительно теплые отношения. Боевая

дружба и взаимовыручка авиаторов и народных мстителей играли немаловажную роль в успешной борьбе с оккупантами. Сотни боевых вылетов сделали летчики в расположение партизан, доставляя боеприпасы и продовольствие, обратными рейсами вывозя раненых.

После ряда проведенных нами смелых, дерзких операций командование фашистской армии бросило против партизан значительно превосходящие силы и окружило бригаду. В длительных и ожесточенных боях мы несли большие потери, истощались наши боеприпасы. Положение было крайне тяжелое. В радиограмме на Большую землю мы поклялись, что будем биться до последнего и живыми не сдадимся.

Постоянную связь с нашей бригадой поддерживали летчики 368-го авиационного полка 15-й авиационной армии (начальник штаба армии генерал-майор Соковнин), неоднократно к нам прилетали и помощник командира эскадрильи И. Н. Серегин, штурман В. А. Никитин, старший техник М. П. Жигалкин и другие. Помню, как нам сбросили груз и вместе с ним короткую записку. В ней говорилось:

«Здравствуйте, братья-партизаны! Шлем вам наш гвардейский пламенный привет. Мы, экипаж в количестве трех человек: Гатаулин, Устинов, Клименков, сбрасываем вам подарки с Большой свободной земли... Ждите, мы придем скоро!»

Один из членов этого экипажа Герой Советского Союза Гатаулин живет сейчас в городе Перми.

Чекисты-партизаны и летчики выполнили еще одну важную операцию, о которой необходимо рассказать. Под ударами Красной Армии немецко-фашистские войска несли огромные потери. Их госпитали были переполнены ранеными, для лечения которых требовалась кровь. И здесь фашисты остались верны своей звериной, бесчеловечной сущности. Они решили выкачивать кровь у советских детей. Тысячам малышей и подростков грозила гибель.

Советское правительство дало указание партизанам спасти детей. Наша бригада приняла активное участие в этой операции. Мы подготовили несколько аэродромов, свозили туда детей, каждому из них в карман клали записку, в которой указывались фамилия и имя ребенка, а также другие нужные сведения. Немало рейсов соверши-

ли в те дни наши бесстрашные летчики во имя гуманной цели — спасения маленьких граждан Советской страны.

Эти заметки-воспоминания в силу своей краткости, конечно, не претендуют на сколько-нибудь полное описание разведывательной деятельности и боевых операций партизан-чекистов в годы Великой Отечественной войны, в них невозможно было и упомянуть всех боевых друзей, в том числе и отдавших жизнь. Но хочется надеяться, что они позволят читателю составить себе хотя бы некоторое представление об их роли во всенародной борьбе с врагом.

Бойцам и командирам 201-й
воздушно-десантной бригады
имени С. М. Кирова

ПАРАШЮТИСТЫ

Даугавпилс

Узкие улицы, как будто сжатые с обеих сторон невысокими домами под красной черепицей,— таким вижу я латвийский город Даугавпилс, на окраине которого в летних лагерях размещалась наша 201-я воздушно-десантная бригада имени С. М. Кирова, входившая в состав 5-го воздушно-десантного корпуса. Здесь встретили мы грозное утро двадцать второго июня 1941 года.

Командир бригады полковник Гадалин сидел за столом в своем кабинете и рассматривал топографическую карту.

— Да... Вероломно...— задумчиво говорил он, помечая что-то карандашом на карте. Потом снял телефонную трубку:

— Алло!.. Алло!.. Прошу срочно 2-72. Да... 2-72. Товарищ генерал!.. Что?.. Нет его?.. А кто за него?.. Товарищ начальник! Докладывает Гадалин. Какие будут указания? Это я знаю, все готово... Но... Слушаюсь... Есть!

Бросив трубку, Гадалин встал и, взволнованный, начал ходить по кабинету.

— Разрешите?

— Входите,— ответил Гадалин, не оборачиваясь.

— Майор Манухин! Разрешите доложить: части проверены и построены в полной боевой готовности.

Гадалин пригласил Манухина к столу. Один за другим в кабинет входили командиры частей, докладывали о готовности.

Когда все собрались, Гадалин подошел к стене, сдвинул занавеску, за которой висела оперативная карта.

— Товарищи командиры! Долго задерживать вас не буду, не время сейчас... Общая обстановка детально пока не известна, но, по данным нашей разведки, вот прибли-

Никанор Александрович Шевяков с первых дней Великой Отечественной войны сражался в составе 201-й воздушно-десантной бригады имени С. М. Кирова сначала в должности заместителя командира отдельного воздушно-десантного батальона по политической части, потом — заместителя начальника политотдела бригады. Принимал участие в боях за Даугавпилс, Малиновку (Латвия), где был ранен. После госпиталя в составе 5-го воздушного десантного корпуса воевал под городами Орлом и Мценском. Потом корпус в срочном порядке был переброшен под Москву на Малоярославское направление, вступил в ожесточенные схватки с немецко-фашистскими захватчиками, рвавшимися к столице. Весь период оборонительных и наступательных боевых действий Шевяков исполнял обязанности начальника политотдела.

После переформирования десантных частей в стрелковые соединения Н. А. Шевяков участвовал в боях за освобождение Северного Кавказа, Донбасса. В начале 1944 года вновь был направлен в воздушно-десантные войска и в составе 9-й гвардейской армии освобождал Венгрию, Австрию и Чехословакию.

За участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками награжден орденами и медалями. Гвардии полковник в отставке.

зительно в этом районе,— Гадалин указал карандашом на карте район города Шяуляй,— немцы высадили парашютный десант. Нам приказано выслать на его уничтожение один батальон... Начальнику штаба бригады подготовить приказ и поставить боевую задачу перед командиром первого батальона.

— Есть! — коротко бросил Манухин.

После некоторого уточнения Гадалин приказал всем идти по своим местам.

...Яркие лучи утреннего солнца озаряли безоблачное небо. Чистый, накануне подметенный плац мирно вырисовывался на возвышенности. Там стройными рядами

стояли спортивные снаряды. А все поле окаймляла беговая дорожка, посыпанная свежим песком. Все это было подготовлено к спортивным играм, все это стало сегодня никому не нужным.

Бригада была построена по всему плацу буквой П. На середину вынесли стол, покрытый красным полотнищем. На правом фланге колыхалось боевое знамя.

Выступали бойцы, командиры. Все клялись беспощадно бить ненавистного врага, клялись не посрамить имя кировцев.

Потом был зачитан приказ — первый боевой приказ 201-й воздушно-десантной бригады имени С. М. Кирова.

Рядовых Колоскова, Птахина и Катасонова капитан Федоров вызвал к себе на опушку леса. Он сидел на старом пне, в одной руке — потухшая папироса, в другой — прутик, которым что-то чертил на земле. Что так взволновало капитана? Получен приказ — уничтожить военное имущество.

«А не вредительство ли тут?» — думал капитан. Но и другого выхода нет: приказ есть приказ, его надо выполнять...

Недалеко от Федорова уже стояли вызванные им красноармейцы. Объяснив задачу, капитан поднялся с пня и приказал Катасонову:

— Вы в этой группе назначаетесь старшим и сейчас пойдете в распоряжение начальника ПДС *, а по выполнении задания возвратитесь в свою часть и лично обо всем доложите мне.

— Слушаюсь,— ответил Катасонов, повторив приказание.

— Разрешите выполнять?

— Идите!

Федоров снова сел, закурил, достал карту и начал ее изучать.

Подошел заместитель по политической части старший политрук Козлов, сел рядом и стал смотреть на разложенную капитаном карту.

— Вот такие дела, комиссар,— не поднимая головы, произнес Федоров.

* ПДС — парашютно-десантная служба.

— Какие дела, Михаил Александрович? — спросил Козлов.

— Жечь... Все, что годами своим трудом создавал наш народ, будем уничтожать.

— А какой другой выход вы предлагаете?

— Эх, комиссар! Да разве тебе не известно, сколько законсервированных новых автомашин стоит на нефтебазе? Около тысячи штук... Разве нельзя их взять? Загрузить этим имуществом и отправить в глубокий тыл?

— А где возьмешь такое количество шоферов? — спросил Козлов.

— Мобилизовать местных и частично для руководства наших.— Федоров остановился, подумал и почти раздраженно добавил: — Если бы наше начальство имело на плечах голову, сделать все можно, а не шарахаться в крайности. Уничтожить легче, чем сохранить... Хотя у нас принято приказы не обсуждать, но думать и действовать инициативно никому не запрещено... Нас сюда прислали не в бирюльки играть, а защищать Родину. Вот это и волнует меня, дорогой мой Ванюша! А ты говоришь — какие дела...

Помолчав, Федоров спросил:

— Ну как настроение бойцов? Что нового?

— Настроение неплохое, но многое непонятно... Задают вопрос: когда будем драться, какова обстановка на фронте? Очень трудно добиться толкового объяснения от наших штабистов, все почти ничего не знают. Но говорят, что все части нашего гарнизона объединяют в единую группу...

— Да... Мне кажется, действует вражеская рука. Но нас с толку не собьешь, и мы будем бить и бить врага, где бы он ни появлялся! Об этом и надо рассказывать бойцам и командирам...

Командование корпуса и бригады приняло решение: выйти из лагеря в назначенное место и занять оборону. Вперед была отправлена усиленная разведка. Весь автотранспорт загружен боеприпасами, горючим и продовольствием. Но большая часть боевого имущества, в том числе все парашютное хозяйство, оставалось на месте.

Быстро опустел лагерь. Всюду валялись разбитые ящики, табуретки, кровати, какие-то бумаги. Окна в лет-

них бараках раскрыты. Там, где стояли лагерные палатки, валялись разбросанные доски. Столовые, магазины закрыты на висячие замки, но окна в них были выставлены.

Недалеко от складов стояла группа бойцов. Начальник ПДС бригады капитан Ломов что-то объяснял им, размахивая руками.

Катасонов со своей группой стоял несколько в стороне.

— Ясна задача? — спросил капитан Ломов.

Все молчали.

— Вопросов нет? По местам! — скомандовал он.

Разошлись, гремя привязанными наспех котелками Катасонов со своей группой пошел в направлении парашютных складов.

— Что только творится на белом свете,— проговорил Птахин, идя позади своих товарищей.— Сами делали и сами свое добро уничтожаем...

— Да замолчи ты, Птаха,— резко обернувшись, проговорил Колосков.— Без тебя тошно, а ты тут еще сердобольничаешь.

Потом, когда Птахин подошел ближе, тихо сказал:

— А что ж, по-твоему,— все оставить фашистам? Чтобы они на них спустились на наши головы? — Эх, Птаха! Малосознательный ты: война, брат, требует жертв, может, завтра ты сам сгоришь, как эта тряпка.

Через несколько минут весь лагерь был окутан дымом. Бойцы перебегали с места на место, торопились быстрее выполнить это тяжелое задание.

Катасонов со своей группой прибыл на КП батальона уже в полночь. К ним вышел капитан Федоров.

— Товарищ капитан, ваш приказ выполнили,— доложил Катасонов.

Узнав подробности, капитан отправил бойцов в свои подразделения.

— Товарищ капитан! Как вы думаете, что из этого получится? — обратился к Федорову Чернов.

— Война, Женя.

Федоров с первых дней службы называл своего связного-мотоциклиста по имени.

— Да, но ведь мы не имеем определенной задачи.

— Имеем — драться и бить немцев. Вот и все. Что тебе еще надо?

— Но почему же все бегут?

— Успокойся, Женя, на войне все бывает... Ты пойми: это такая война, которой в истории человечества еще не было.— Немного подумав, Федоров добавил: — Да и вряд ли будет...

— А скажите, товарищ капитан, если немцы...

Раздался оглушительный взрыв.

— Взорван мост. Молодцы, ребята, молодец, товарищ Рябов,— сказал Федоров и снял пилотку.— Этот взрыв — наш сигнал. Передайте подразделениям быть готовыми к бою...

— Да...— протянул Чернов.— Сильный взрыв, у меня в ушах заложило.

— Будет еще сильней, привыкай, Женя,— сказал капитан.— Помнишь финскую, так сейчас в несколько раз будет тяжелее. Трудно даже определить, какая тяжесть ляжет на плечи нашего народа...

Полковник Гадалин, сидя в блиндаже, нервничал: не было связи с корпусом.

— Командиров батальонов ко мне! — приказал полковник.

— Воздух! — раздался сигнал с наблюдательного пункта.

С запада в направлении обороны шли десять «юнкерсов». Зенитного огня не было... По чьей-то команде по самолетам открыли ружейно-пулеметную стрельбу. Все закипело: стрельба, разрывы бомб... Вдруг по всей обороне пронеслось «ура!». Падал первый «юнкерс»...

Разведка донесла, что немцы подтянули к реке танки, артиллерию и ищут переправу...

Начался обстрел участка обороны. Появились раненые, убитые...

Одна из бригад корпуса вела бой в районе кладбища. Туда по приказу Гадалина были направлены малые танки капитана Петухова. Они с ходу врезались в пехоту противника. Тогда фашисты открыли огонь из тяжелых орудий. Три танкетки сгорели, остальные вышли из боя. Командир батальона Петухов был ранен.

Немцы, построив переправу, начали подтягивать свои танковые части... Наша артиллерия открыла огонь, противник ответил тем же. Началась артиллерийская дуэль.

В районе вокзала и на восточной окраине города горели дома. Бой перебрасывался с одного участка на другой. Десантники дрались за каждый квадратный метр.

Немцы местами прорвали оборону — к окраине города вышли фашистские танки.

На командный пункт батальона на автомашине привезли тяжело раненного командира саперного взвода лейтенанта Рябова. Прибывшие с ним бойцы-саперы доложили обстановку. Оказалось, что в колонне машин и людей на мост въехали переодетые в форму наших командиров немцы. На середине моста они открыли автоматный огонь по охраняющим берег саперам. Саперы открыли ответный огонь. Часть переодетых немцев была убита прямо в кузове, остальные выскочили и залегли на мосту. Автомашина не дошла до берега, свалилась под откос.

В это же время к мосту подъехало еще несколько немецких автомашин с солдатами. Они сразу же открыли огонь. Часть саперов, находившихся на мосту, завязала рукопашный бой с переодетыми немцами. В этот момент лейтенанта Рябова ранило. Создалось критическое положение, нужно было срочно взорвать мост, так как с горы к нему мчались немецкие мотоциклисты, автомашины, а ключи от взрывной машины были в кармане у лейтенанта Рябова.

Пока саперы вели огонь с подъезжающими немцами, боец Алтубаев быстро нашел Рябова, взял у него ключи и взорвал мост вместе с вошедшими на него немцами и их машинами. Два сапера не успели уйти с моста — погибли.

Погрузив раненых и оружие в машину, окружным ходом остатки взвода прибыли в свою часть. Боевое задание саперы выполнили.

Обстановка с каждым часом усложнялась. Связи с корпусом все не было.

Полковник Гадалин приказал послать в штаб корпуса офицера связи, но в это время оттуда прибыл капитан Останин.

— Товарищ полковник! Вам пакет из штаба корпуса.

— Вы из корпуса? — спросил Гадалин.

Н. А. Шевяков (в центре). 1941 г.

— Так точно, из оперативного отдела, капитан Останин.

— Что нового?

— Все, что в пакете, другого ничего нет.

Гадалин быстро вскрыл конверт, прочитал и передал его начальнику штаба:

— Срочно дать команду частям и подразделениям.

И снова взял пакет у начальника штаба.

— Как это понимать, товарищ Манухин?

— Понять не трудно: все части и соединения гарнизона отныне подчиняются созданной группе под командованием генерал-лейтенанта Акимова,— ответил Манухин.

— Это понятно, но мне не ясна структура — то ли это армия, то ли корпус?

— Товарищ полковник! — ответил Останин.— Это временное явление вызвано необходимостью создавшегося положения...

Части и подразделения, получив приказ, в ночь начали отход. Двигались по лесным дорогам и просекам...

— Боец Катасонов! Ко мне! — громко приказал капитан Федоров.

С винтовкой через плечо, саперной лопатой, флягой и двумя полными вещевыми мешками Катасонов подбежал к капитану.

— Боец Катасонов по вашему приказу прибыл!

— Ты помнишь былые походы,— сказал капитан,— когда мы совершали марши и броски?

— Так точно, товарищ капитан! — бойко ответил Катасонов.

— Так вот, сегодня вы будете замыкающим в колонне и также будете докладывать мне о всех товарищах, которые по каким-либо причинам начнут отставать!

— Слушаюсь, товарищ капитан! Разрешите выполнять?

— Обождите! — сказал Федоров.— А если будет туго, то пой песню. Помнишь, как мы с тобой когда-то пели — «В котлах моих нет больше пару»?

— Так точно! — отрапортовал Катасонов и скрылся в гуще леса.

Бригада отходила, вместе с ней, прикрывая отступавших, шел батальон капитана Федорова.

Птахин пришел в подразделение только к вечеру.

— Где ты был? — спросил Катасонов.

— Где был, там меня уже нет,— ответил Птахин, а потом начал рассказывать: — Ты знаешь, Миша, какое дело, брат? Ужас... Когда мы начали движение, меня послали в боковое охранение, нас было трое... И что ты думаешь? Не прошли и километра, как видим: на лесной просеке стоит разбитая автомашина. Подошли, смотрим: машина наша, людей никого нет, мотор весь разбит. Заглянули в кузов, там лежат огромные черные кожаные баулы, замки на цепях. Полоснули один ножом, и что ты думаешь там было? Деньги, много пачек, и все сотенные. Ох ты, мать честная, что же делать? Донести их все никакой силы не хватит.

— Ну и что же вы с ними сделали? — спросил Катасонов.

— Я стал предлагать сжечь, и конец всему. Ты знаешь, мы с тобой больше добра спалили, а это тем более. Но товарищи стали возражать, и мы тогда решили нало-

жить полные вещевые мешки, сколько влезет, и шагом марш...

А времени прошло уже много, чувствуем, что далеко отстали. Я тогда ребятам говорю: вы идите прямо, а я пойду немного правее, может, кого из наших встречу. Ну вот и пошел. Иду, иду, и все мне кажется, что не в ту сторону... Одним словом, покрутился я в лесу и попал к полотну железной дороги, прислушался — ни души... Только слышны орудийные выстрелы... Ну, думаю, пропал ни за что. Устал до чертиков, а тут еще эти деньги оттянули все плечи...

— Бросил бы их, да и все тут, на кой черт они тебе нужны? — сказал Катасонов.

— Как зачем? А если бы я пришел без денег и не передал их начфину, могли подумать, что я их прикарманил.

— Да кто мог знать, сколько их было у тебя? А потом ты говоришь, в машине осталось еще больше?

— Нет, остальные мы вместе с машиной сожгли... Ну так вот, иду, иду, как вдруг пошел такой ливень, гром, молния, темнота — глаз выколи... Залез я в трубу, что под железнодорожным полотном, думаю: темь, куда идти? Когда дождь стих, выбрал погуще кустарник и решил часок отдохнуть. И, понимаешь, Миша, как только лег, сразу уснул... Сквозь сон услышал стрельбу из винтовок, ну, думаю, попался. Открываю глаза, светает. Схватил мешок и винтовку, перебежал опушку. Шагов этак через пятьдесят вижу: идут автомашины, а в кузовах — немцы в касках. Я снова в кусты: что я один с ними сделаю? Но не прошло и минуты, как справа от меня застрочил наш пулемет. Что тут творилось, ужас! Машины полезли друг на друга, фашисты начали на ходу соскакивать и убегать влево от меня... Эх! Думаю: была ни была, снял винтовку и начал лупить бегущих немцев под шум пулемета. Вероятно, штук пять ухлопал. Потом они все залегли, и пулемет наш затих. А тут вижу: бронемашина появилась. Ну, я сжался в кустах, сижу. Пулемет снова заработал...

Так вот, Миша, когда все стихло, я поднялся. Никого нет, только одна обгорелая немецкая бронемашина стояла на поляне и несколько десятков убитых немцев валялось... Поднялся я тогда на ноги и пошел туда, откуда стрелял наш пулемет. Он был весь разбит, а сбоку

лежал мертвый сержант, лицо все изуродовано... Думаю: надо похоронить его. Вырыл этак с полметра, земля мокрая, глубже не выроешь. Положил его вверх лицом, накрыл шинелью, сделал бугорок и на нем поставил разбитый пулемет, вроде памятника.— Птахин глубоко вздохнул, вытер лицо рукавом гимнастерки.— Пока догонял вас, сдал деньги начфину, и, как видишь, я снова с тобой, друг мой Миша. А ты говоришь, где я был... Так что я почин сделал, пяток фрицев убавил.

— Да, ты молодец! А где же остальные двое? — спросил Катасонов.

— Они еще утром сдали начфину деньги...

— Ну что ж, теперь готовься снова к бою, утром будем наступать,— объявил Катасонов.

— Вот это дело, а то все отход, да отход,— обрадовался Птахин.

Малиновка

Командный пункт бригады находился на небольшой поляне, в плетневом сарае, где хранилось свежее сено. Полковник Гадалин вызвал к себе всех командиров частей и подразделений.

— Завтра на рассвете второй и третий батальоны при поддержке артиллерии начнут наступление вдоль шоссе в направлении деревни Малиновка. Захватив деревню, занять оборону на западной ее окраине. На рассвете к нам в помощь прибудет стрелковая дивизия. Кроме того, на наш участок ожидается танковая часть.

Весь день и ночь командно-политический состав находился в подразделениях, знакомили личный состав с боевым заданием. Для многих это был первый бой, первое крещение...

Разведка доложила, что основные силы противника движутся по шоссейной дороге в направлении города Резекне. В Малиновке немцы остановились, выставив охрану на восточной окраине деревни. Часть сил движется правее шоссе, по проселочным дорогам.

Как только забрезжил рассвет, части бригады изготовились к атаке. Лесистая местность скрывала подходы к деревне и давала возможность, особенно правому флангу, подойти к ней почти вплотную.

Шамиль Гусейнов и Колосков шли впереди. Вдруг они услышали хруст веток: кто-то шел им навстречу. Колосков поднял автомат. Из кустов, оглядываясь по сторонам, вышел Катасонов и с ним Птахин. Шамиль вцепился в грудь Катасонова.

— Ты что тут делаешь, Явсей? — Он так звал Катасонова.

Катасонов сам не ожидал такой встречи.

— Мы справа...— начал он.

— Что справа?

— Наше отделение... Правофланговое... Рядом огороды, и там никого нет. Я иду доложить командиру роты...

— Пошли с нами,— предложил Шамиль.

— Не могу, надо доложить командиру...

В это время к ним подошел старший политрук Козлов.

— В чем дело, Шамиль? — спросил Козлов. Потом увидел Катасонова и Птахина: — А вы почему здесь?

Катасонов доложил обстановку и хотел идти. Вдруг слева раздались ружейно-пулеметные выстрелы, сначала редко, потом слились в сплошной треск.

— Приготовиться,— скомандовал Козлов.

Все залегли. Подбежали остальные бойцы головной роты. Не прошло и трех минут, как показались немцы.

— Не стрелять! Подпустить ближе,— тихо передал команду Козлов.

Птахин лежал чуть в стороне за деревом. Вдруг перед ним как из-под земли выросли два немца. Один из них заорал: «Цурюк!» Птахин, не раздумывая, вскочил на ноги и с разбегу всадил ему в спину штык винтовки. Немец всем туловищем навалился на винтовку, и Птахин никак не мог ее вытащить. Второй немец, увидев Птахина, поднял автомат, но выстрелить не успел: Катасонов почти в упор выстрелил в него.

По огородам из стороны в сторону метались фашисты. Началась рукопашная схватка, в центре которой оказался Шамиль. Стрелять стало невозможно: поразишь своих. Шамиль и Катасонов били прикладами автоматов, стреляли в упор по бегущим. Подбежали к плетню, стали бросать гранаты. И тут увидели, как два здоровенных немца за руки волокли Птахина. Еще немного, и они скроются за углом каменного сарая. Шамиль прицелился

и дал две короткие очереди. Немцы упали почти у самого сарая. Нагнувшись, Шамиль побежал по канаве, с улицы по нему открыли огонь, он пополз по-пластунски. В это время несколько наших бойцов подбежали к сараю и открыли огонь. Шамиль подполз к убитым немцам, под ними лежал Птахин. Считая его убитым, он потянул его за ноги, чтобы вытащить из-под убитых... Птахин вскочил и кинулся бежать в обратном направлении.

— Куда ты, Птаха? — закричал Шамиль.

Но Птахина и след простыл. Когда Шамиль был уже около сарая, к нему вместе с Катасоновым подполз весь в крови Птахин.

— Ты ранен? — спросил Шамиль.

— Нет,— ответил Птахин.

— А куда ты убегал?

— За винтовкой.

— Ну ладно, за мной! — крикнул Шамиль, и они перебежками стали продвигаться ближе к улице. В это время основные силы батальона ворвались в огороды, сады, где добивали остатки укрывшихся фашистов. Бой перебросился на улицу...

К одному из сараев подбежал капитан Федоров. Уточнив обстановку, разведвзводу и правофланговой роте приказал очистить от немцев огороды вплоть до центра деревни.

Наступило утро двадцать восьмого июня 1941 года. Моросил мелкий дождь. С западной окраины деревни начался артиллерийский обстрел противника, снаряды рвались чуть правее огородов — на опушке леса.

Катасонов подошел к углу сарая, вынул из вещмешка флягу и начал смывать с лица кровь.

— Товарищ Катасонов, ко мне! — позвал Федоров.— Срочно найдите Козлова и передайте ему, что я буду вон у того сарая. Понял?

— Так точно! — Нагнувшись, Катасонов побежал по картофельному полю.

Артиллерийский огонь усилился. В центре деревни послышалась ружейно-пулеметная стрельба.

Немцы, почувствовав мощный удар, начали подтягивать новые силы. К полудню огонь артиллерии и минометов противника усилился настолько, что продвигаться дальше было невозможно. Но основные силы наших частей были уже на западной окраине деревни.

Вдруг с колокольни церкви застрочили пулеметы, наши потери увеличились. Чтобы уничтожить эту фашистскую огневую точку, начальник штаба бригады майор Манухин перебежал через улицу и направился к нашей батарее, стоявшей в переулке, на ходу отдавая приказ открыть огонь по колокольне. В это время из-за угла дома неожиданно выскочил немецкий офицер и в упор из пистолета убил Манухина.

Наши бойцы тут же расстреляли фашиста. Артиллеристы открыли огонь по колокольне. С двух выстрелов купол церкви вместе с колоколами разлетелся на куски. Пулеметы замолчали.

Второй батальон вместе с курсантами бригадной школы снова поднялся в атаку.

Уничтожив немцев в траншеях, взвод лейтенанта Кушнира начал преследовать убегающих фашистов. В это время слева от деревянного сарая открыла огонь немецкая пушка, лейтенант Кушнир был убит, взвод залег в густой траве. Вслед за пушкой с этого же места начал вести огонь станковый пулемет противника. Старший лейтенант Дудин подозвал курсантов Свиридова и Азизбекова и поставил перед ними задачу: уничтожить огневые точки гранатами.

Дудин спустился в траншею, отсюда удобнее было следить за действиями противника. Когда мы со связным Алтубаевым подползли к нему, я спросил:

— Как дела, Павел?

— Неважно, товарищ комиссар, пулемет и пушка не дают головы поднять... Где же наши танки? — с возмущением спросил Дудин.— Я послал двух курсантов, одного уже или убили, или ранили, лежит без движения.

— Павел! — сказал я тогда Дудину.— Второму батальону тоже не сладко... Нужно искать выход.

Мы с Алтубаевым вылезли из траншеи и поползли к деревне, где в огородах я видел один наш танк. Ползти было очень трудно: мешали шинель, автомат и гранаты. В полный рост идти было опасно: противник вел прицельный ружейно-пулеметный огонь. В это время мы увидели, как по густой и высокой ржи бойцы везли на телеге раненого командира 2-го батальона капитана Берадзе. Как его заместитель по политической части, я принял командование батальоном. Когда мы подошли к танку,

танкисты что-то доказывали адъютанту комбрига. Узнав в чем дело, я сказал:

— Садитесь в машину, я покажу вам огневые точки противника.— И, вскочив на танк, начал спускаться в люк.

Командир машины сказал:

— Мы все не поместимся, ложитесь сбоку башни...

— Сбоку так сбоку, давай полный вперед!

Машина с ревом двинулась в направлении сарая. Артиллерия противника открыла огонь... Доехав до своих передовых подразделений, я на полном ходу свалился с машины. Подползли бойцы, думая, что я убит.

— Это какая рота? — спросил я у них.

— Курсанты,— ответил один.

Так я снова оказался рядом с Дудиным. Танк на большой скорости промчался в обратном направлении, а через несколько минут у разрушенного сарая снова заработал пулемет.

— Ну как дела, Павел? — снова спросил я Дудина

— Да как? Танк разбил сарай в щепки, и пушка замерла, а вот пулемет уцелел... Да и не видно что-то Азизбекова.— И Дудин стал смотреть в бинокль.

— Что видно на нашем левом фланге? — спросил я его.

Дудин молчал.

— Что с вами, Павел? — Я поднялся и увидел сочившуюся кровь на его затылке. Дудин был убит. Двое курсантов отнесли тело своего командира в глубь траншеи и начали рыть могилу...

По цепи передали команду: «Приостановить наступление, окопаться».

Мы с Алтубаевым поползли вдоль цепи, передавая эту команду. Здесь-то меня и ранило. Алтубаев перевязал меня и помог отойти в укрытие...

Заняв оборону, десантники до самой темноты укрепляли ее, готовясь к отражению атак.

Ночью, разобравшись в обстановке, части бригады сосредоточились в лесу. Противник основными силами прошел в обход деревни Малиновки и начал продвигаться в направлении города Резекне, где в эту ночь немцы выбросили парашютный десант.

Генерал армии Д. Д. Лелюшенко в своей книге «Москва — Сталинград — Берлин — Прага» так описал

эти бои: «В боях под Даугавпилсом 28 июня 21-й механизированный корпус в тесном взаимодействии с авиацией и десантниками нанес серьезный урон частям 56-го моторизованного корпуса врага. Много танков, орудий и минометов было подбито и уничтожено. Около тысячи вражеских солдат и офицеров остались на поле боя».

Скупые строки. Сколько за ними боев, поражений и побед, сколько человеческих жизней!

Летний дождь лил по-осеннему, не переставая. Сквозь его стену бойцы бригады двигались по лесной чаще. Изредка попадались небольшие поляны, которые приходилось обходить, чтобы не быть замеченными с воздуха. Впереди и где-то справа часто слышались артиллерийские раскаты. Двигаться по размокшей почве с каждым часом становилось все труднее.

Рано утром передовые подразделения вышли к открытому полю. Леса кончились. Пришлось организовывать дневку и приводить части в боевой порядок.

На опушке леса, около штабеля непиленых дров, расположился КП командира бригады. По другую сторону дровяного забора с телефонной аппаратурой возились связисты. А чуть дальше, у кустов колючей ежевики, выстукивал позывные радист Нечипорук. Около него с раскрытой картой стоял комиссар бригады Киреев и внимательно следил за работой радиста. Нечипорук вызывал, переключал и ждал ответа.

— Ну как? — неторопливо спрашивал Киреев.

— Молчат, товарищ комиссар.

— Тогда переходи на микрофон,— приказал Киреев.

Взяв в руки микрофон, Нечипорук начал вызывать:

— Ока, Ока, Ока! Как слышите? Прием...— В наушниках сначала послышался треск, долгий писк. Потом голос:

— Я — Ока, я — Ока, слышу вас хорошо, как поняли? Прием...

— Позвать десятого,— приказал Киреев.

Через несколько минут отозвался десятый. Киреев переговорил по кодовой таблице с генералом Безуглым и направился к комбригу.

— Петр Кузьмич! С Безуглым я связался, они находятся приблизительно вот в этом квадрате,— показал он на карте.— Я думаю, что к ним пробраться будет легко. Возьму всех раненых на автомашину и поеду туда. По приезде доложу вам обстановку...

— Это будет неплохо, Сергей Николаевич! — согласился Гадалин.— Только не задерживайся и учти, что в двадцать три тридцать мы выступаем по маршруту,— Гадалин показал на карте основной и запасной маршруты движения. Потом поднялся, пожал руку Кирееву: — Желаю успеха. Как стемнеет, двигайся. Будь осторожен, возьми с собой радиста, в случае чего — радируй.

— Я думаю, Петр Кузьмич, взять Нечипорука.

— Не возражаю.

Быстро стемнело. Недалеко от КП стоял подготовленный «газик». Киреев еще раз обошел вокруг машины, посмотрел в кузов и сел в кабину.

— Поехали,— приказал шоферу Киреев.

Из кузова постучали в кабину. Киреев вышел.

— В чем дело?

— Товарищ комиссар, подождите минутку: для охраны дают еще одного бойца, Птахина. Он побежал за вещевым мешком, сейчас придет.

Подбежал Птахин.

— Осторожно там, в кузове, не зашибите раненых,— предупредил Киреев.

Автомашина двинулась вдоль опушки, потом свернула на проселочную дорогу. Путь предстоял нелегкий, без зажженных фар, по незнакомой местности. Часто попадались разветвления малозаметных дорог. Нужно было проехать около двадцати километров. Киреев положил на колени карту. Периодически включая фонарик, он следил за маршрутом.

Вдали замелькали красные огоньки. Гришин сбавил скорость. Киреев приказал остановиться. Вышел из кабины, стал прислушиваться. Стреляли где-то справа. «Недалеко»,— подумал Киреев, сел в кабину, посмотрел еще раз на карту.

— Поехали, только тихо.

Скоро показалась темная роща. Остановились. Киреев приказал Птахину:

— Осторожно пройдите ближе к роще, посмотрите, что там есть.

Птахин вернулся быстро.

— В лесу стоят танки, но чьи они — неизвестно. Вплотную подходить не стал.

— Идите и узнайте, что за танки, только будьте осторожнее.

Птахин снова, но уже рысцой побежал к роще. Когда он стал приближаться к силуэтам танков, его окликнули по-немецки: «Хальт!» И сразу же — выстрел. Снарядом оторвало левый борт автомашины. Волной взрыва в машине открылись дверцы. Киреев и Гришин залегли. Когда подбежал Птахин, они быстро сняли двоих тяжелораненых, остальные выскочили сами. Раздался второй выстрел, снаряд разорвался сбоку радиатора, капот отлетел в сторону. Автомашина загорелась, осветила местность. Киреев, Птахин и Гришин с двумя ранеными залегли в кювете.

— Быстрее несите раненых влево к роще,— приказал Киреев.

Подбежал радист Нечипорук, за спиной радиостанция, в правой руке пистолет.

— Товарищ комиссар! Вы не ранены?

— Нет. Где люди?

— Все в роще, идемте туда.

Собрались все на опушке леса. Птахин доложил, что двоих вновь ранило, но легко.

— Сколько всего нас? Проверьте, товарищ Птахин,— приказал Киреев.

— Восемь человек раненых, из них трое тяжело, остальные могут двигаться, да нас с вами четверо,— всего двенадцать,— подытожил Птахин.

— Для двоих сделайте носилки из жердей, Нечипоруку связаться со своими и доложить обстановку.

— Здесь близко немцы, товарищ комиссар, они могут нас запеленговать,— ответил Нечипорук.

— Не запеленгуют, это какое-то небольшое танковое подразделение, они сами боятся, раз по одной машине стреляют из пушки.

Нечипорук снял с плеч рацию, начал вызывать. Птахин с Гришиным пошли в лес искать жерди для носилок. Киреев подошел к радисту, стал ожидать вызова. Но на позывные никто не отвечал. Не прошло и получаса, как в направлении наших частей послышалась сильная стрельба. С каждой минутой треск выстрелов нарастал,

потом послышались взрывы мин. Нечипорук начал вызывать «Оку», но и она не отвечала. Пришли с жердями Птахин и Гришин и стали мастерить из плащ-палаток носилки.

Невдалеке заработали танковые моторы, и через некоторое время залязгали гусеницы. Шум их то затихал, то снова нарастал. Немецкие танки уходили.

Светало, наступал новый день. Ружейно-пулеметная стрельба на западе продолжалась, но звуки разрывов уходили в сторону. Изредка слышались артиллерийские выстрелы.

Не добившись по рации связи с частями и соединениями, Киреев решил продвигаться, пока совсем не рассвело, ближе к соединению Безуглого. Положив на носилки раненых, группа двинулась в путь. Сначала шли просекой, но потом, когда она круто повернула на юг, пришлось идти по азимуту на освещенный зарей горизонт. День предвещал быть ясным и жарким. Послышался лай собаки. Остановились. Носилки с ранеными опустили на землю, тяжело раненный сержант попросил пить. Киреев нагнулся к сержанту и спросил:

— Как самочувствие?

— Плохо.

Птахин подошел к Кирееву и доложил:

— Недалеко отсюда на поляне стоит домик, по-видимому лесника. Вокруг никого нет, кроме привязанной на цепи собаки.

— Сходите вдвоем с Гришиным и узнайте, кто есть в этом доме,— приказал Киреев.— Гранаты держите в руке. В дом войдет один, а второй пусть стоит в стороне, на всякий случай,— добавил Киреев.

Скоро Гришин вернулся.

— В доме одна старуха, разговаривает только по-латышски. Птахин остался охранять дом.

Подошли к дому. Навстречу вышла старуха латышка и, увидев раненых, принесла чистые полотенца.

Птахин с Гришиным подошли к колодцу и стали умываться. Они готовились идти в разведку на разъезд...

Как только Киреев уехал, Гадалин приказал отправить разведку по новому маршруту, по которому должны были двигаться части бригады. Эта задача была возложена на взвод Шамиля. Остальные разведывательные подразделения получили задачу прикрывать фланги. Но

обстоятельства сложились по-другому. Только ушел взвод Шамиля, как над головами на бреющем полете пролетел немецкий самолет, за ним появились «мессершмитты», которые открыли огонь вдоль опушки леса. Не дожидаясь результатов разведки, Гадалин приказал срочно выходить из леса и двигаться по намеченным маршрутам. Забрав раненых, части вышли на открытую местность. Свою автомашину Гадалин передал санитарной части для тяжелораненых, сам направился в голову колонны.

Не успели пройти и километра, как слева послышалась ружейно-пулеметная стрельба. Левофланговый батальон залег и открыл ответный огонь.

Когда взвод Шамиля вошел в рощу, раздались ружейные выстрелы. Шамиль приказал остановиться.

— Андрей! — позвал он Колоскова.— Возьми двух бойцов, и идите вдоль опушки. Через сто метров замаскируйтесь. С остальными я пойду в глубь леса, там будем ждать от тебя посыльного. Ясно?

— Так точно, товарищ командир!

Взвод замаскировался в густом кустарнике.

Через некоторое время послышался тихий треск валежника.

— Пропуск! — тихо окликнул Шамиль.

— Это я, товарищ командир! От Колоскова.

— Я... Я... Так нельзя,— упрекнул Шамиль.— Ты что, забыл пропуск?

— Да нет, не забыл, а услышал твой голос и машинально сказал...

— Ну что там?

— Взял двух фрицев, они без оружия, что-то лопочут, руки подняли, трясутся. Что с ними делать?

— Ведите сюда! — приказал Шамиль.— А Колосков пусть сидит там.

Когда немцев подвели к Шамилю, оба как по команде подняли руки. Шамиль по-немецки знал несколько слов, но подходящих к этому случаю не вспомнил.

— Русь балакать можешь?

Немцы молчали.

— Шпрехен зи руссиш? — донесся голос стоявшего рядом разведчика.

— Во... Во... Давай спрашивай их, раз умеешь балакать с ними,— сказал Шамиль.

— Да нет, товарищ командир. Я почти ничего не знаю. А они ответили «найн», значит, по-русски говорить не могут.

— Ну ладно, свяжите им руки и ведите к командиру, там с ними разберутся. Зовите Колоскова,— приказал Шамиль.

В роще показалась большая группа людей. Шамиль приказал всем лечь и приготовиться к бою. Люди приближались, и уже можно было различать лица. Шамиль вскочил и побежал к ним навстречу.

— Товарищ комиссар! Как вы сюда попали? — радостно воскликнул Шамиль.

— К тебе в гости, товарищ Шамиль! — ответил Родионов.— Ну как у тебя тут дела?

— Нормально, товарищ комиссар. Двух фрицев отправили к командиру, сами к нам прибежали, без оружия.

— А-а-а... Это с грузовой машины, в них мы стреляли, но, шут их побери, не попали, и они убежали. Молодец, Шамиль, а мы думали, что они ушли совсем...

...Немецкому командованию стало известно, что кроме разрозненных групп в их тылу в лесах действует корпус парашютистов-десантников, которым командует прославленный еще на фронтах гражданской войны генерал Безуглый. Фашисты решили обойти парашютистов с флангов, окружить их и уничтожить.

В ночь на тридцатое июня немецкое командование решило покончить с красными парашютистами в районе станции Аглона.

В это время около дома лесника, близ изгороди, на самодельных носилках лежали два раненых бойца. Чуть в стороне, в тени деревьев, на зеленой лужайке, полукругом расположились бойцы. В середине, облокотившись на срубленное дерево, сидел старший батальонный комиссар Киреев.

— Обстановка для нас сложилась неблагоприятная,— говорил он глухим голосом.— Связь со штабом потеряна, кончилось продовольствие. Всюду рыщут немецкие автоматчики.

Киреев встал, подошел к раненым, опустился на колено:

— Как самочувствие?

— Плохо, товарищ комиссар.

— Потерпите...

— Оставьте нас здесь,— сказал боец, раненный в грудь,— ведь мы для вас обуза...

— Тут недалеко есть хутор, постараемся укрыть вас у надежных людей, а может быть, удастся пробиться и найти своих.— Киреев вызвал радиста и приказал ему еще раз попытаться установить связь со штабом корпуса. «Ока» молчала... К радисту подошли бойцы Птахин и Гришин и стали внимательно смотреть, как ловко Нечипорук выстукивает точки-тире...

— Вы готовы? — спросил комиссар Птахина.

— Все в порядке.

— Повтори задачу!

— Если дойдем до разъезда и никого не обнаружим, Гришин возвращается к вам, а я буду вести наблюдение и дожидаться вас.

Птахин был моложе Гришина, но почему-то его всегда назначали старшим. То ли считали его более расторопным и сообразительным, то ли своим боевым видом он внушал начальству уверенность в выполнении любого приказа. Вот и сейчас он был старшим...

Вскоре показался разъезд. Подходили осторожно. Здание станции было разрушено, вокруг никого не было.

Гришин вернулся доложить обстановку, Птахин остался ждать.

Скоро на станцию пришла вся группа. Киреев отдал новое распоряжение:

— Раненых спрятать в сарае, хорошо замаскировать. Гришину готовить автодрезину, всем остальным занять оборону. Птахину наблюдать за дорогой.

Птахин с автоматом сел около небольшого пролома, из которого хорошо просматривалось все пристанционное полотно железной дороги, достал кисет и хотел закурить. И тут заметил, как по кювету к станции цепочкой двигаются гитлеровцы. Их было одиннадцать. Птахин предупредил товарищей и приготовил автомат и гранаты. Немцы двигались медленно, оглядываясь по сторонам. Подпустив их поближе, Птахин дал длинную очередь из автомата. Тут же открыли огонь и остальные бойцы.

Немцы залегли и открыли ответный огонь. В это время Птахин увидел, что к нему ползут два немца. Оглядываясь в сторону стреляющих, они быстро приблизились к стене...

— Хэндэ хох! — громко крикнул Птахин и наставил на них дуло автомата. Немцы от неожиданности бросили оружие и подняли руки.

— Мы... свой,— дрожащим голосом промямлил один.— Я... русский... я... переводчик...

— Вяжи руки сзади своему другу,— приказал Птахин,— быстрей...

К Птахину подбежал Гришин и, увидев двух связанных немцев, спросил удивленно:

— Это кто такие?

— Они хотели укрыться от вашего огня и приползли ко мне, вот и сидят теперь, трясутся... Один русский, говорит, переводчиком был,— пояснил Птахин.

— Фамилия? — спросил Гришин.

— Подловцев,— еле выговорил он.

— Значит, Подлецов! Фамилия правильная... Ну с ними разберутся, пошли к комиссару...

После допроса пленных Киреев приказал Птахину доставить их в штаб.

— Привяжи им покрепче руки и двигай.

Киреев отвел в сторону Птахина, показал на карте, где искать штаб, и передал, что нужно доложить полковнику.

— Учти, Птахин: все, что я тебе сказал, очень важно и секретно. В случае чего — в рай их.

Птахин быстро связал пленным руки и скомандовал:

— Вперед, подлецы! И не оглядываться.

Киреев, отправляя пленных в бригаду, надеялся получить от них ценные сведения. Штаб должен быть в районе Мельдери. Но его там не оказалось. Птахину пришлось принимать самостоятельное решение: идти в направлении населенного пункта Воровка, где предполагал встретить своих.

Пленные шли очень медленно, и Птахину пришлось неоднократно предупреждать, что если они не прибавят шагу, то он не ручается за их жизнь, особенно это относилось к переводчику «Подлецову», которому Птахин так и сказал:

— Продырявлю затылок, если будешь так идти...

Солнце палило беспощадно, по сторонам проселочной дороги стояла высокая рожь.

— Слушай, Подлец! Садись, привал,— громко приказал Птахин.

— Сиди вот тут и карауль ваши морды... А по-моему, шлепнуть тут тебя с твоим другом, и... возни меньше.

Долго бы еще выливал свою злость Птахин в адрес непрошеных гостей, да вдали заметил людей, которые шли обочиной высокой ржи... Птахин взял автомат, пленным приказал лечь и не шевелиться.

Через несколько минут Птахин узнал своих. Впереди шли Колосков и Шамиль. Птахин так обрадовался, что хотел было бежать к ним навстречу, но, посмотрев в сторону пленных, стал около них и начал махать пилоткой.

Резекне

В первых числах июля одна из десантных частей бригады оказалась в особенно тяжелом положении. Противник, взяв ее в полукольцо, упорно стремился завершить окружение. Атаки фашистов носили ожесточенный характер. Десантники активно оборонялись, а когда были на исходе боеприпасы, вступали в рукопашный бой.

С таким донесением в штаб бригады на трофейных мотоциклах прибыли разведчики Роман Птахин и Андрей Колосков. Прочитав донесение и выслушав разведчиков, командир бригады гвардии полковник Гадалин принял решение: немедленно послать в эту часть боеприпасы. Сопровождать автомашину с срочным грузом было приказано комсоргу управления 201-й бригады сержанту Георгию Кокашинскому.

Кокашинский был опытным десантником, поэтому Гадалин именно ему доверил это ответственное задание.

— Имей в виду, сержант,— сказал командир на прощание,— обстановка часто меняется, будь всегда в полной боевой...

— Задание будет выполнено, товарищ гвардии полковник!

...Тяжелогруженая машина двинулась на запад, туда, откуда доносились раскаты тяжелых боев. Ехали осторожно, все время сверяя свой путь по карте. Малейшее отклонение — попадешь к фашистам «в гости». Но не

Г. Р. Кокашинский

зря о Кокашинском говорили в подразделении как о человеке разумной отваги. Он был настоящим десантником.

К вечеру автомашина вошла в лес. В глубине его Кокашинский, как и предполагал, нашел своих.

Машину быстро разгрузили, боеприпасы тут же стали разносить по подразделениям. А Кокашинский поспешил засветло возвратиться в штаб, чтобы доложить о выполнении задания.

Когда выехали на проселочную дорогу, над головой пролетел самолет-разведчик...

«Еще немного проедем, и мы за островком леса, а там свернем на боковую грунтовую дорогу, так будет безопаснее и быстрее...» — так думал Кокашинский, всматриваясь в просветы лесной просеки. Когда подъехали к лесному островку, из расступившихся кустов внезапно вырвались немецкие мотоциклисты.

Что делать? На раздумье не было времени, все решили секунды.

— Сережа! Дави их,— приказал Кокашинский шоферу и тут же вынул чеку из гранаты. Мотор яростно взревел, но колеса пробуксовывали в песке. Вражеские мотоциклисты кубарем слетели с мотоциклов и залегли у обочины дороги, открыв огонь.

Когда до немецких мотоциклистов оставалось метров двадцать-двадцать пять, разбитый мотор заглох. Кокашинский и шофер быстро выскочили из кабины и бросили гранаты. В это время Кокашинского ранило в бок и плечо. Левая рука сразу перестала слушаться. Он выхватил правой пистолет и начал отстреливаться от подбегающих

немцев. Сергея тоже ранило, по его лицу текла кровь, но он все же продолжал стрелять.

Кончились патроны... Тогда в ход снова пошли гранаты. Чеку Кокашинский вынимал зубами, так как левая рука висела плетью. Вдруг острая боль пронзила правую руку, потом — шею.

И тут Кокашинский увидел, что один мотоцикл начал разворачиваться. Подхватив у убитого немца автомат, он ударил по мотоциклу длинными очередями. Ответной очередью мотоциклист ранил сержанта еще раз в ногу. Кокашинский встал на колени и выстрелил... Автоматчик был убит, и водитель, сбросив его с сиденья, умчался в гущу леса.

Наступила тишина. На какие-то доли секунды тело стало невесомым, словно спускалось под куполом парашюта, и так знакомо шумел в ушах ветер.

Стиснув зубы, Кокашинский встал на ноги. Девять фашистских трупов лежали в разных позах. На рогатых касках сбоку стрелы-зигзаги. Это знак СС «Мертвая голова». «Матерые волки, за убитого парашютиста им дают железный крест»,— устало подумал он.

Взяв у убитых документы, Кокашинский с Сергеем кое-как перевязали свои раны. Решили: Сергей, как легкораненый, отправится вперед, чтобы доложить командованию о выполнении задания и о сложившейся обстановке. Шофер ушел в направлении Резекне.

Кокашинский тоже побрел вперед, держа гранату наготове.

Три километра прошел раненый сержант. Когда его встретили наши разведчики, силы совсем покинули его, и он потерял сознание.

Санинструктор разведывательной роты Ходарченко насчитал восемь пулевых ран...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от первого ноября 1942 года за проявленные мужество и отвагу в бою с немецкими захватчиками старший сержант Георгий Романович Кокашинский награжден орденом Красного Знамени.

Части и подразделения десантников, получившие от Кокашинского патроны, гранаты и снаряды, в эту ночь отразили несколько яростных атак противника и организованно отошли на новый рубеж.

М. А. Федоров.

В ночь со второго на третье июля 1941 года, прикрывая отход, наши части продолжали вести ожесточенные бои с превосходящими силами противника. Когда штабные машины и грузовики с ранеными проезжали мостик на окраине Резекне, их встретили выстрелы. Передние машины загорелись. В отблесках пламени явственно были видны фигуры перебегающих фашистов. Десантники открыли огонь. М. Тымчук, А. Бондаренко, Г. Пискун, Б. Буркацкий вступили в неравную схватку с немецкими автоматчиками, спасая своих раненых товарищей.

Особенно сильный бой разгорелся около больницы, где осталось несколько раненых. Взвод разведчиков вместе с Птахиным и Колосковым буквально на несколько минут опередил фашистов, которые со двора пытались проникнуть в больницу. Птахин залез на чердак и через слуховое окно открыл огонь из автомата, а когда немцы попытались скрыться за деревьями, бросил две гранаты.

Погрузив раненых в трофейные мотоциклы, Птахин и Колосков на полном газу проскочили через весь город и выехали на восточную его окраину. Птахин даже в такой суматохе умудрился прихватить три немецких автомата и один ручной пулемет.

— Пригодится, — сказал он, когда догнал в лесу колонну 3-го отдельного воздушно-десантного батальона.

Доложив обстановку капитану Федорову, Птахин и Колосков отправились к командиру взвода разведчиков Шамилю Гусейнову.

В это время в расположение батальона въехала легковая машина, из нее вышел командир корпуса генерал Безуглый. После взаимных приветствий, генерал приказал Федорову:

— Немедленно меняйте маршрут и ведите батальон на Себеж.

Гадалин радостно встретил Федорова: несколько дней от него не было никаких сведений.

— Товарищ Федоров! — Гадалин открыл карту: — Вот видите дефиле между двумя озерами и дорогу, ведущую на Себеж? Вам предстоит оборонять этот участок. От вас зависит судьба Себежа и многих наших отходящих частей...

Участок обороны хотя и небольшой, но значительный: шоссе. И, пожалуй, самое трудное было в том, что батальон Федорова имел всего лишь три сорокапятимиллиметровые пушки и два крупнокалиберных пулемета. Правда, некоторые десантники имели бутылки с горючей смесью, гранаты.

Заняв участок обороны, бойцы начали окапываться, занимать огневые позиции. Едва успели закрепиться, как на батальон двинулись сначала два танка, потом еще четыре. Возникла угроза уничтожения наших пушек.

Федоров решил оттянуть две пушки назад. Чтобы подбодрить бойцов, он спокойно встал во весь рост и не спеша зашагал к своим артиллеристам. Танки противника двигались медленно и вели огонь по правому флангу. Федоров уже подошел к первому артиллерийскому расчету, как вдруг столб огня и пыли взметнулся почти рядом с ним. Больше он ничего не помнил...

Артиллеристы открыли по танкам огонь. Вот один из них загорелся, другой закрутился волчком. Появилась немецкая пехота. Бой загорелся по всей обороне. Дымились уже три немецких танка, но и наши две пушки были разбиты.

Тогда десантники поднялись и пошли в контратаку. Шамиль Гусейнов, Птахин, Катасонов ворвались в гущу вражеской пехоты. То здесь, то там гремело «ура!».

Но тут появились немецкие бронетранспортеры и еще танки. Силы были далеко не равными, и десантники отошли в лес...

Когда Евгений Чернов увидел, что капитан Федоров упал, он кинулся к нему. Под сильным огнем Чернов вынес капитана из боя на спине. В роще у ручья он осмотрел его и убедился, что он жив, дышит.

Шофер Б. Мамаев привез Федорова в Себеж и поместил в каком-то пустом доме. Начальник штаба корпуса подполковник Суржик прислал хирурга Харченко.

Хотя Федоров был нетранспортабельным, его отправили в сопровождении рядового Карлова в тыл. На станции Идрица немцы разбомбили поезд. Раненый Карлов вынес потерявшего сознание Федорова из горящего вагона, потом с помощью местных жителей доставил его на аэродром.

Больше года провалялся капитан Федоров в госпиталях. Потом снова фронт, снова бои — до победы было еще далеко...

КРЕПЧЕ ЛЮБОЙ БРОНИ

Накануне

На рассвете двадцать второго июня 1941 года эшелон, с которым я следовал как представитель 114-го танкового полка, прибыл на станцию Проскуров (ныне Хмельницк). Меня разбудил начальник эшелона старший лейтенант Глущенко и с сияющей улыбкой доложил: «Прибыли на станцию назначения, приказано разгружаться».

Было чему радоваться! Еще месяц назад наш полк был расквартирован (если можно применить это слово в данном случае) в степи на границе с Монгольской Народной Республикой. Ни кустика, ни привычных деревенских домиков, ни лощин — только порывистый ветер прижимает к земле прошлогоднюю сухую траву, бросает в лицо песок. И вдруг такой контраст: тихое теплое утро, кругом зелень. Только что отцвели сады, и медовый запах струится в воздухе.

Мы почему-то думали, что нас направят в лагерь, и были приятно удивлены, когда комендант станции предложил разместиться в маленьком военном городке Ракове.

Приехав на место, я обошел все казармы, нашел штаб полка — точнее, это был, видимо, штаб дивизии — и нигде никого не обнаружил. Странно... Я зашел в какой-то кабинет, включил репродуктор и уселся на диван с высокой спинкой, обшитой черным дерматином.

Правительственное сообщение, услышанное по радио, совершенно ошеломило меня. Война! Война с гитлеровской Германией.

Жизнь каждого из нас будто остановилась на миг, чтобы начаться вновь, но уже совсем по-другому. Правда, недавняя передислокация вызвала в военной среде

В свой первый бой с фашистами Ефим Максимович Ковалев вступил на шестой день после начала Великой Отечественной войны. Воевал на Западной Украине в составе 114-го танкового полка 57-й танковой дивизии Юго-Западного фронта. Защищал Смоленск, Москву, командовал гвардейской танковой бригадой, которая освобождала от фашистских захватчиков многие города нашей страны. Закончил войну в боях за Прагу в качестве командующего бронетанковыми и механизированными войсками 60-й армии 4-го Украинского фронта. Был награжден девятью орденами и восьмью медалями, в том числе орденом Ленина.

Ныне генерал-майор в отставке Е. М. Ковалев является членом Советского комитета ветеранов войны.

определенное настроение (некоторые открыто связывали ее с предстоящей войной), но конкретно никто ничего не знал. Кроме того, в газетах появилась заметка, опровергающая сообщения некоторых агентств о сосредоточении немецких войск у наших границ. Это был конец всем кривотолкам. И вот то памятное утро, пустой кабинет с черным диваном, первая фронтовая сводка...

Что делать?

Я знал, что штаб полка с командиром идут со вторым эшелоном. Значит, до его прибытия вся ответственность за судьбу разведывательной и саперной рот ложится на меня. Отдав распоряжения, я выехал в поле и выбрал подходящее место для размещения полка вне военного городка. Дальше оставалось только ждать.

Эшелон прибыл к вечеру. Командир полка одобрил мои действия и тут же приказал маскировать район размещения и рыть щели для личного состава. Об этом я как-то не догадался...

С эшелоном прибыл мой старый приятель политрук Павел Федорович Копранов. С ним мы служили вместе в 53-м запасном танковом батальоне в городе Уральске. Он был секретарем комсомольской организации батальо-

на, я — партийной. Павел в молодости работал секретарем комсомольской организации на Саратовском заводе комбайнов. В армии стал заместителем командира батальона по политической части. Трудолюбивый и неугомонный, он обладал большими организаторскими способностями, был нетерпим к недостаткам и без оглядки критиковал любые промахи и ошибки, невзирая на лица. Слово партии для него было непререкаемым.

Копранов рассказал, что эшелон в пути обстреляли немецкие самолеты, но все обошлось благополучно. Потом пренебрежительно добавил:

— И куда они лезут?! Один-два наших удара, и конец войне.

Но конца войны он, к сожалению, так и не увидел. В первых же боях Павел Федорович Копранов погиб.

...Пока полк прибывал и сосредотачивался, немцы неоднократно бомбили Проскуров, но полк не беспокоили, видимо не обнаружив его.

Сведений о противнике мы не имели, но из сводок информбюро и других источников догадывались, что скоро будем втянуты в бой. Хотя и ходили слухи об отправке в свою дивизию, которую — это стало известно позже — перенацелили на Смоленское направление, возложив на нее оборону Смоленска.

57-я танковая дивизия, ранее входившая в состав 16-й армии, распоряжением начальника Генерального штаба была переподчинена 19-й армии и после разгрузки из эшелонов сразу вступила в бой, усиливая первую мотострелковую дивизию 7-го механизированного корпуса.

Как бы там ни было, командир полка отдал распоряжение загрузить танки боеприпасами, кстати, и везти их было не на чем. Транспортный батальон полка ушел с дивизией на Смоленское направление, а в батальонах, кроме штабных машин и машин с кухнями, других не было.

Кроме того, пришлось на ходу организовывать специальные занятия по укладке боеприпасов в танк и владению ручной гранатой.

Бичука вызвали в Шепетовку к командиру. С ним выехали заместитель командира полка по политической части батальонный комиссар Соловьев, начальник штаба полка майор А. Рязанцев. Возвратившись, они собрали командиров батальонов, заместителей по политической

части, командиров отдельных подразделений и сообщили, что противник высадил «десант» и занял город Острог. Нашему полку приказано уничтожить «десант». При этом все трое были так спокойны и невозмутимы, что создавалось впечатление не предстоящего боя, а обыкновенных полковых учений.

Я принялся, как и положено, за составление расчета на марш. Начальник штаба написал короткий приказ, и примерно около двух часов двадцать шестого июня 1941 года полк выступил в поход.

Слово «десант» я взял в кавычки вот почему: немцы, использовав отсутствие необходимого взаимодействия между 5-й и 6-й армиями Юго-Западного фронта, бросили в направлении Острога два моторизованных корпуса. Таким образом, полку пришлось вести бои не с высадившимся воздушным десантом, а с моторизованными войсками противника, введенными в образовавшийся между нашими армиями прорыв.

Первый бой

Танки были старых марок, но технически исправные, механики-водители подготовлены хорошо. Противник нас не беспокоил, и полк к исходу дня сосредоточился в лесу севернее Изославля. К этому времени подъехал командир 57-й танковой дивизии полковник Мишулин, и Бичук доложил ему об успешном завершении марша.

В ожидании горючего, скучая и наслаждаясь лесной прохладой, собрались около штабного автобуса, замаскированного на опушке поляны. Солнечный июньский день. Вековые дубы, раскинув густые кроны, надежно заслоняют от знойного полуденного солнца. Тихо. Лишь изредка раздастся гул пролетающих над лесом немецких самолетов. С удовольствием растянулись на мягкой, душистой траве. Иногда перебросимся друг с другом ничего не значащими словами, и каждый продолжает думать о своем.

— Прут, сволочи,— зло говорит Бичук.

— Ничего, зубы поломают,— подхватывает Рязанцев.— Старые укрепрайоны разоружили, а новые создать не успели — вот они и прорвались.

— А ты откуда это знаешь? — приподнимаясь, спрашивает батальонный комиссар Соловьев.

— Встретил вчера одного красноармейца. Бежит босиком, без ремня, без пилотки, в гимнастерке и брюках. Остановил его, спросил откуда. Он мне и рассказал: строили укрепленный район на новой границе, а когда немцы перешли в наступление, все разбежались. Оружия не было...

— И ты ему поверил? Его надо было задержать и передать куда следует.

— А я так и сделал! Задержал и отправил в военкомат.

— Вот и правильно,— согласился батальонный комиссар.

— Да-а, — тяжело вздохнув, вставая и приглаживая свои ершистые, седеющие волосы, протянул Бичук,— теперь, пока не создадим сплошного фронта, немцев не задержим. Надо их бить где только можно, чтобы тормозить наступление и дать возможность подойти нашим резервам.

Появился командир 3-го танкового батальона капитан Митрясов и доложил, что все отставшие на марше танки прибыли и батальон после заправки готов вступить в бой. За ним доложили и остальные командиры батальонов.

Вскоре пришло донесение разведки: на подступах к Острогу встретились с разведывательными группами моторизованного противника, в самом городе большое скопление танков, артиллерии и пехоты, три наших танка сгорели, командир роты старший лейтенант Мамченко ранен.

Андрей Филиппович Бичук тут же вызвал командиров батальонов, вывел их на высотку, откуда хорошо просматривался город. Задача такова: совместно с 109-й мотострелковой дивизией уничтожить противника, освободить город. Тут же командир полка поставил каждому батальону свою задачу: первый атакует с фронта, второй и третий обходят город с севера и юга. Химический батальон, наступая за первым танковым, должен быть готов развернуться за его левым флангом и уничтожить живую силу и огневые точки противника, прикрывающиеся домами.

Забегая вперед, скажу о том, какую роль во фронто-

вой операции играли 109-я мотострелковая дивизия и 114-й танковый полк, составляющие основу так называемой группы Лукина. Сошлюсь на книгу Маршала Советского Союза Ивана Христофоровича Баграмяна «Так начиналась война», в которой он пишет: «Группа Лукина приняла на себя весь удар фашистских танковых и моторизованных войск, прорвавшихся на Острогско-Шепетовском направлении, и остановила их». Далее: «Его малочисленные и наспех сколоченные части находились на острие главного удара фашистских войск, и приходилось удивляться, как они еще держатся. Как они такими скромными силами целую неделю удерживали натиск фашистской танковой лавины? Сколько энергии и решительности потребовало это от командиров! Какую стойкость и самопожертвование проявили бойцы!»

Противник как на подступах к городу, так и на его окраине оказывал упорное сопротивление нашему первому танковому батальону. Фашисты поставили противотанковые пушки в подвалах и прямо в домах, превратив окна в амбразуры. Пулеметы и живую силу расположили по чердакам и в других укрытиях. Однако, когда наши второй и третий батальоны обошли их фланги, они оставили город и отошли на запад. Несомненно, этому успеху способствовали контратаки на других участках 8-го, 15-го, 9-го, 19-го мехкорпусов, наносивших удары по фашистским полчищам.

Еще с рассветом, как и в предыдущие дни, авиация противника эскадрилья за эскадрильей шла на восток, проходила над нами и, к нашему большому удивлению, не бомбардировала, видимо считая этот объект не заслуживающим внимания. Но зато когда мы вышли на западную окраину города, на нас буквально насели самолеты и не отставали до самой ночи. Они штурмовали не только скопления танков, но гонялись даже за отдельными машинами.

Передвигаясь за боевыми порядками полка на полуторке, я сидел в кабине рядом с шофером Приданцевым, а командиры из штаба стояли в кузове, опираясь на кабину. Вот и нас заметил немецкий стервятник. Пошел в пике на машину, поливая огнем из пулемета. Шофер, не на шутку испугавшись — и не удивительно, это была первая серьезная встреча с вражеской авиацией,— метнул в сторону, потом в другую, и, пока я успел схватить руль,

уже выскочил из кабины и побежал к лесу. Повыскакивали и командиры штаба из кузова, тоже побежали на опушку леса. А самолет все пикировал, стрелял и стрелял. Вцепившись в руль, я как-то неожиданно для себя оказался на месте водителя, рванул прямо по полю к опушке леса. Не потому, что оказался смелее всех, просто захотелось спасти машину. К счастью, все остались целы и невредимы, только кузов машины в нескольких местах был прострелен.

В этой первой схватке с врагом искусство и героизм показали бойцы химического батальона. Противник оказал упорное сопротивление на окраине города. Установив противотанковые пушки у кирпичных зданий и ведя ураганный огонь по нашим танкам, он вынудил их остановиться. Тогда командир полка приказал атаковать командиру четвертого батальона капитану Артамонову. Экипажи смело пошли на артиллерию и, умело маневрируя, подошли к ней вплотную. Немцы в панике побросали пушки и начали отходить, попадая под огонь тех батальонов, которые обошли город с севера и юга.

В этом бою мы впервые увидели и разбитые танки противника. Артамонов притащил несколько противотанковых тридцатисемимиллиметровых пушек. Почти все сбежались смотреть.

Мы в этом бою понесли незначительные потери. После боя за Острог полк уже в сумерках сосредоточился в лесу западнее города. Там под диктовку командира полка на тетрадном листе бумаги простым карандашом я написал боевое донесение № 1 на имя командующего 16-й армией генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Лукина. В нем указывалось, что город Острог от противника освобожден, полк сосредоточен в таких-то координатах, ждем дальнейших указаний.

Горечь отступления

Наше донесение до адресата не дошло, потому что к этому времени ни командира дивизии, ни командующего армией в Шепетовке уже не было, и посланный с донесением командир взвода разведывательной роты в полк не возвратился. Оставалось одно: действовать согласно складывающейся обстановке.

На рассвете командир полка выслал разведку вперед

и на фланги, а саперам приказал проверить мосты на реке Горынь. Река осталась у нас в тылу — на случай выхода полка для погрузки на станции Славута или Шепетовка. Вскоре разведка с флангов доложила, что справа и слева противник колоннами движется на восток. Другие разведчики никаких данных не передавали...

Удалось захватить в плен немецкого мотоциклиста. Крепкого телосложения, упитанный, он вел себя исключительно нагло, вызывающе. К сожалению, среди нас не нашлось ни одного офицера, знающего немецкий язык, и никаких данных от него мы не получили. Всех нас поразила тупая самоуверенность этого немца, а еще больше — набитый барахлом багажник люльки. Чего только там не было! Прихватил даже женское белье...

Тем временем стало известно, что все переправы через реку Горынь заняты противником. Мы оказались в тылу врага. Как быть? Возвращаться назад и попытаться использовать для переправы единственный железнодорожный мост, от которого мы находились километрах в тридцати? Командиру саперной роты лейтенанту Маслову было приказано удерживать мост до подхода полка. Маслов имел боевой опыт, который приобрел еще в боях с японскими самураями на реке Халхин-Гол, командуя там взводом. За боевые успехи и героизм был награжден орденом Красного Знамени. Не подвел и здесь.

Умело расставив людей, на вооружении которых были только карабины, ручные гранаты и несколько килограммов взрывчатки, Маслов приказал им закопаться и ждать приказа. Он понимал, что полк находится далеко и если противник обнаружит роту, то немедленно примет меры к ее уничтожению. Его прогноз оправдался.

Немцы не замедлили с атакой, но, получив отпор, подтянули минометы, усилили пехоту артиллерией и после короткой артминометной подготовки вторично атаковали горстку храбрецов, насчитывающую около шестидесяти человек. Однако и на этот раз откатились назад. Тогда они вызвали авиацию и после бомбардировки смело пошли на уничтожение остатков роты. Но просчитались. Заместитель командира роты по политической части младший политрук Тулупов повел смельчаков в контратаку, и немцы, не выдержав рукопашной схватки, опять отступили. Мост был удержан до подхода полка.

Противник понял наши намерения и еще при движе-

нии танков к мосту начал наносить бомбовые удары по нашей колонне. Атака пришлась на 3-й танковый батальон, который еще не успел сосредоточиться. Спасая положение, Бичук решил контратаковать противника силами двух батальонов. Четвертый начал переправляться на другую сторону реки.

Авиация противника все время висела над мостом, замедляя и без того медленную переправу. Однако контратака сделала свое дело, немцы притихли и дали возможность переправиться и занять оборону на восточном берегу реки.

В этот день мы понесли невосполнимые потери. Помимо водителей погибло много командиров. Тяжело ранен командир 1-го танкового батальона капитан Комаринский, погиб комиссар старший политрук Лейканд, тяжело ранен механик-водитель сержант Колчин. О последнем хочется сказать подробнее. Истекая кровью, он привел танк с тяжело раненным командиром батальона и трупом комиссара на наблюдательный пункт и, убедившись, что доставил их в надежные руки, потерял сознание.

В этом бою погиб и мой верный друг, человек чистой души и доброго сердца Павел Федорович Копранов.

Яркой звездой промелькнула жизнь этого человека. Грозный 1919 год. Банды Деникина рвутся к Москве. Казачьи атаманы, царские генералы прилагают все усилия, чтобы задушить молодую Советскую Республику. Их путь к Москве усеян виселицами и трупами борцов за народное дело. Спасаясь от расправы, трудовое население Дона вынуждено бежать от своих насиженных мест под защиту Красной Армии. Вместе с жителями горняцкого рабочего поселка Белая Калитва бежал и семилетний Павлушка, сын потомственного шахтера Федора Копранова.

Десятки километров прошли беженцы, пока не оказались на железнодорожной станции, находящейся в руках Красной Армии. Отсюда под проливным дождем, без теплой одежды, без продуктов и средств к существованию добрался Павлушка до Царицына на открытой платформе вместе с тифозными больными и трупами умерших людей. Потом оказался в Саратове, который тоже не мог встретить беженцев хлебом-солью. Но, как ни тяжело было в городе, о детях позаботились. Детский дом стал

П. Ф. Копранов.

родным для Павла. Воспитатели и сверстники-детдомовцы полюбили голубоглазого светловолосого мальчугана за его тихий нрав и отзывчивое сердце. Подростком Павлуша был хрупким и застенчивым, но шли годы, он окреп, стал общительным и не по возрасту серьезным и рассудительным. «У этого парня золотые руки», — говорили мастера производственного обучения. Недаром, когда организовался «Детский красный городок» — своего рода техническая школа, в числе первых в нее попал и Павлуша. Там он со свойственной ему настойчивостью освоил слесарное дело, и вскоре комиссия присвоила ему шестой разряд.

С отличными результатами Павел закончил семилетку, вступил в комсомол, устроился работать в железнодорожные мастерские. Здесь его сразу заметили и выбрали секретарем комсомольской организации. Павел умело сочетал производственную работу с общественной. Вскоре он стал комсоргом электромеханического завода, а потом — секретарем комитета ВЛКСМ крупнейшего в городе завода комбайнов. Коммунисты приняли его в свои ряды.

В 1933 году Павла Копранова призвали в армию и направили в отдельный танковый батальон. Любили солдаты своего комсомольского вожака за справедливую требовательность, за чуткость и отзывчивость. Шли к нему со всякими вопросами, и не было случая, чтобы уходили неудовлетворенными. Как-то умел он находить дорожку к сердцу солдата, сержанта, молодого командира. Затем Павел Федорович стал заместителем командира

танковой роты по политической части, а в войну вступил в должности комиссара танкового батальона в звании политрука.

Тяжело переживали воины гибель своего любимого комиссара. Они поклялись беспощадно мстить фашистам за смерть товарища и слово свое сдержали.

Командир взвода младший лейтенант Алехин, прикрывая переправу танков по железнодорожному мосту, знал о превосходстве пушек фашистских танков (у них стояла семидесятипятимиллиметровая пушка, а на нашем Т-26 — сорокапятимиллиметровая), поэтому подпустил ползущие на него громады на самое близкое расстояние и с первого выстрела зажег фашистский танк. Затем подбил второй.

Обнаружив танк Алехина, фашисты сосредоточили весь огонь по нему и подожгли его. Тогда Алехин, не задумываясь, дал команду идти на таран. Ведя огонь с горящей машины, он успел зажечь еще один танк, но протаранить противника не успел: его танк вспыхнул факелом...

Командир роты старший лейтенант Николай Кузнецов, пересаживаясь с одного танка на другой, ни на шаг не отступал с занятой позиции, ведя огонь по наседающему врагу. Не силой, а мужеством своим рота Кузнецова до самого вечера сдерживала превосходящие силы противника, обеспечивая переправу полка по железнодорожному мосту.

Немцы шли на всякие ухищрения. Проверяя ход переправы, я заметил двух пограничников. «Откуда они взялись? Ведь мы же, по существу, в тылу врага»,— подумал я. Вызвали уполномоченного особого отдела капитана Еремеева и установили, что это фашисты в форме советских пограничников.

Появилась какая-то рыжеволосая девушка, при проверке оказавшаяся предательницей. Так же, как и парень, который прикидывался бежавшим из Острога евреем.

Мы еще не теряли надежды на погрузку в Славуте или Шепетовке. После того как несколько оторвались от противника, мы сосредоточились в лесу, заняв круговую оборону и перехватив шоссе и железнодорожную ветку Славута — Шепетовка.

Уже в сумерках второго июля немцы предприняли

ожесточенную атаку. В бой вступил наш 3-й танковый батальон под командованием капитана Митрясова.

Главный удар пришелся вдоль шоссе. Забухали пушки, полетели светящиеся противотанковые болванки и светлячки трассирующих пуль. Немцы непрерывно освещали местность ракетами. Рискуя, лейтенант Кирилин с шестью танками, прикрываясь ночной темнотой, зашел с фланга и открыл ураганный огонь. Немцы дрогнули и прекратили атаку.

В течение следующего дня фашисты вели разведку боем. К вечеру, после авиационной и артиллерийской подготовки, они значительными силами атаковали и сумели прорваться в направлении Шепетовки. Нам ничего не оставалось делать, как двинуться туда же параллельным путем, вдоль железной дороги.

Ранним утром четвертого июля мы прошли по главной улице Шепетовки. Горели дома, нефтебаза, весь город был в огне. Полк занял оборону восточнее поселка, прикрыв развертывание подошедшей стрелковой дивизии. Целый день мы вели бой совместно, отражая непрерывные атаки. Но силы были неравные. Потеряв тринадцать танков и большое количество экипажей, воевавших уже в пешем строю, мы начали отход в направлении Новый Мирополь. Это был наш последний бой на этом направлении...

Подсчитав остатки полка, который легко размещался на один эшелон, я пошел к начальнику штаба, затем — к командиру полка. Бичук встретил меня приказом:

— Возьми «газик», поезжай в Киев и разыщи там штаб фронта. Добейся подвижного состава для погрузки полка и отправки в свою дивизию. Там, видимо, знают, где она. Желаю успеха!

Я впервые ощутил недовольство приказанием майора. Во-первых, Киева я совершенно не знал. Во-вторых, мне было непонятно, почему с таким ответственным поручением посылают именно меня, всего-навсего капитана по званию и начальника первой части полка по должности. Но приказ есть приказ, тем более в военное время. Я попросил разрешения приступить к выполнению задания, вышел из палатки. Мне показалось, что Бичук и Рязанцев страшно удручены большими потерями и не хотят лишний раз показываться на глаза начальству.

...После долгих поисков мне удалось найти штаб Юго-

Западного фронта и даже дойти до приемной начальника штаба фронта генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева. Я был приятно удивлен порядком в штабе и даже самым размещением его в подземелье с лифтами. Особенно меня удивила спокойная, деловая обстановка, которая, как мне казалось, никак не вязалась с обстановкой на фронте.

Встретил меня дежурный в звании подполковника. Внимательно выслушав, он нанес на карту место сосредоточения полка и пошел на доклад к начальнику штаба. Выйдя из кабинета, он раскрыл блокнот и с моих слов записал некоторые данные о боях, проведенных полком. Затем сказал, куда сдать заявку на эшелон, и дал номер телефона службы эвакуации.

По вполне понятным причинам подвижной состав нам сразу не подали. Положение на фронтах осложнялось. Передаваемые сводки были одна другой мрачнее. «В чем дело? — думал я.— Армия у нас сильная, а мы вынуждены отступать». Вспомнилось, как еще под Острогом захватили несколько немецких пушек. Ведь это же смех, даже по сравнению с нашей противотанковой! А если взять нашу корпусную артиллерию, дивизионную. Она не хуже, а лучше немецкой. Сильнее и наши артиллеристы! А мы отступаем... Рассматривал я и немецкие танки — тоже ничего особенного. Правда, броня потолще и калибр пушки больше, чем на наших Т-26, но ни в какое сравнение не идут они с нашими новыми марками — Т-34 и КВ. А мы отступаем... Почему? Конечно, основная причина наших неудач — вероломное, внезапное нападение врага. Но неужели разведка и контрразведка не знали о готовящемся нападении? Ведь немцы сосредоточили у наших границ массу войск, как это могло пройти незамеченным?

Нет сомнения, что к общим упущениям приплюсовались и частные, как объективные, так и субъективные. Если бы мы в боях за Острог и в дальнейшем проявили инициативу и настойчивость в поисках связи с другими частями, мы несомненно добились бы большего успеха. Кроме того, слаба была наша разведка, и мы почти всегда встречались с превосходящими силами противника, с ходу вступали в бой. Если к этому добавить, что подразделения не умели быстро разворачиваться для принятия боя, то становятся вполне объяснимыми те потери,

которые мы несли при каждом столкновении с фашистами.

Были и другие причины наших неудач. Разумеется, их устранение не могло привести к поражению значительно превосходящих сил противника, но понесенные полком жертвы могли быть значительно меньше. А главное — все эти недостатки не могут затмить подвигов, которые свершались солдатами и офицерами полка во имя будущей победы. Люди проявляли беспримерную храбрость, смелость и героизм в борьбе с гитлеровскими полчищами. Никто не жалел ни сил, ни своей жизни.

На протяжении всех боев меня восхищало непоколебимое упорство и храбрость командира полка майора Бичука, заместителя командира полка по политической части батальонного комиссара Соловьева и начальника штаба полка майора Александра Рязанцева. Они воодушевляли весь личный состав полка на смертельную схватку с врагом.

Я надеюсь, что меня простят те товарищи, которые мною не упомянуты, но вполне заслуживают этого. Перечислить всех просто невозможно...

...Наконец нам подали железнодорожный состав. Мы погрузили весь полк и двинулись на Смоленск. На станции Дядьково нас остановили и, несмотря ни на какие просьбы, продержали около двух суток. Откровенно говоря, настаивать было неудобно, потому что все дороги были забиты. Командир полка послал меня вперед — установить связь с дивизией. Почти на руках мы сгрузили «газик» и вместе с инструктором политотдела старшим политруком Лушниковым направились разыскивать дивизию. В Брянске нас предупредили, что на Смоленск поезда не идут. Проехали Киров, Спас-Деменск. В Ельне совершенно спокойно позавтракали, заехали к коменданту города, который уточнил наш маршрут, а кстати, рассказал об обстановке. Затем тронулись на Смоленск.

Когда отъехали километров тридцать, нас остановил подполковник-танкист в короткой кожаной тужурке и предупредил, что дальше ехать нельзя. Пока мы разговаривали с ним, стоявшие в засаде танки открыли огонь по подходящему противнику. Где-то в стороне захлопали винтовочные выстрелы и застрекотали пулеметы. Нам ничего не оставалось, как вернуться обратно. Заехав к коменданту, у которого мы только что были, мы заста-

ли совершенно другую обстановку: все куда-то спешили, что-то тащили, сам комендант давал распоряжения совсем не таким тоном, как час-два назад. Город сразу опустел. На окраине, у дома на лавочке, сидел старичок — единственный человек на всей улице. Мы остановили машину, подошли.

— А вы что же, и бомбежки не боитесь? — спросил Лушников.

— Я что, век свой прожил. А вот вы почему не прячетесь, ведь у вас еще работы много впереди,— ехидно ответил старик.

— А у нас какая работа?

— Вы же этих антихристов сюда пустили, а выгонять их — нам прикажете?! — сердито пробурчал дед.

— Нет дедушка, мы пустили — мы и выгонять будем. А вы поможете.

— Ничего не сделаешь. Раз сами не справляетесь, придется помогать. А выгонять их надо,— заключил он.— Думаю, что еще встретимся, только скорее приходите. А может быть, Ельню и не сдадут, а?

Выехав за город, мы ужаснулись. Вся дорога на Спас-Деменск забита людьми. Повозки, загруженные домашним имуществом; женщины, дети, старики; коровы привязаны к повозкам и просто идут на поводу — все перемешалось на дороге, и издали кажется, что ничего не движется, а стоит на одном месте. Откуда ни возьмись самолеты. Люди бросились прочь, побросав свой скарб. А сверху их поливают свинцом из пулеметов. Вот уже много раненых, убитых, а они все штурмуют и штурмуют. Этого забыть нельзя...

К вечеру мы приехали в Вязьму, где застали наш разгружающийся эшелон. В ожидании распоряжений я написал короткий отчет о боевых действиях полка и на этом закончил свою службу в должности начальника 1-й части 114-го танкового полка 57-й танковой дивизии.

Коротким оказался век этого полка. В августе он был расформирован, как и вся 57-я дивизия. Но боевой коллектив полка навсегда останется в моей памяти, ибо ничто так не сплачивает людей, как война с ее буднями. Нигде так быстро не познаются люди — друзья и недруги, герои и трусы, свои и чужие, — нигде, как на фронте.

Смоленское сражение было в самом разгаре, когда полковой эшелон прибыл на станцию Вязьма и после разгрузки сосредоточился в еловом лесу западнее города.

Мы попытались связаться с командиром дивизии, чтобы получить указания о дальнейших действиях, но это нам не удалось, и мы обратились непосредственно в штаб Западного фронта. Штаб дал распоряжение зачислить нас на все виды довольствия при вяземском гарнизоне и находиться на месте до особых указаний.

В вяземских лесах войск было очень мало и боя не слышно. Лишь изредка в сумерках пролетали фашистские самолеты, и опять все стихало. Разными путями доходили слухи, что в районе Смоленска идут жаркие бои и что наша дивизия воюет успешно. Говорили, что немцы распространили листовки с обещанием большого вознаграждения «за голову командира дивизии полковника Мишулина». Действительного положения мы не знали, но душа радовалась успехам дивизии, и мы жалели, что нет там нашего полка, а значит, половины всех танков, положенных дивизии.

Но однажды Бичук приехал из штаба фронта и объявил: за успешные действия дивизии полковнику Мишулину присвоено звание Героя Советского Союза и чин генерал-лейтенанта. Однако вскоре эти радости были омрачены новыми сообщениями: дивизия ведет тяжелые бои в окружении, и полку приказано быть готовым принять выходящих из окружения людей. Они шли поодиночке и группами. Вскоре их набралось столько, что все части дивизии были фактически вновь сформированы. Приехал полковник М. И. Симиновский, на которого было возложено формирование новой дивизии, посадил меня к себе в «эмку» и перевез в другое место того же вяземского леса, поближе к магистрали Москва — Минск. На другой день я уже выехал за получением автомобилей в район города Гжатска. Так началось формирование 112-й мотострелковой дивизии. Оно проходило очень быстро. С каждым днем увеличивалась площадь леса, занимаемая штабом, появлялись новые офицеры. Вскоре прибыл командир дивизии полковник А. В. Гладков.

Все прибывшие командиры, а также многие солдаты и сержанты уже прошли суровую школу первых боев

с немецкими захватчиками. А потому, не теряя ни минуты, сразу приступили к практическим занятиям, вплоть до стрельбы по самолетам противника. Занятия проводились с учетом первых боев, проведенных с оккупантами. Основное внимание обращалось на методы борьбы с танками противника. Рассказывались и показывались уязвимые места танков, все было направлено на то, чтобы боец мог смело вести борьбу с танком противника и не боялся в случае необходимости вступить в единоборство.

Двенадцатого сентября 1941 года в распоряжение командующего 16-й армией поступила 112-я мотострелковая дивизия. Она заняла оборону на плацдарме: двумя мотострелковыми полками на западном берегу реки Вопь, на рубеже Новоселье — Западное — Самойлово — высота 217,9 — станция Ярцево; одним мотострелковым полком на восточном берегу, на рубеже Хатынь — Новоселье.

Некоторое время перед фронтом обороны дивизии было относительно спокойно. Велась артиллерийская перестрелка с обеих сторон, иногда строчили как бы пробные автоматные или пулеметные очереди, слышались отдельные винтовочные выстрелы. В ночное время отчетливо просматривался передний край обороны противника, систематически освещаемый световыми ракетами. Их немцы не экономили, видимо потому, что не совсем уверенно чувствовали себя на чужой земле.

На меня, как на помощника начальника оперативного отделения штаба дивизии, была возложена задача ежедневно к определенному времени представлять оперативную сводку за прошедшие сутки. Задача как будто не сложная, но, чтобы ее выполнить, нужно было знать положение войск досконально, и не только положение, но и то, чем они занимались, какие события произошли у них за минувшие сутки. Легче было составить эту сводку. чем добиться, чтобы она была подписана начальником штаба. Будучи исключительно эрудированным, Симиновский был еще и пунктуален, чрезвычайно требователен к каждому документу, как к его форме, так и к содержанию. Эта школа мне впоследствии очень пригодилась.

Штаб дивизии разместился на восточном берегу реки Вопь в лесу. Сначала по-старинке устроились кто как мог, но частый артиллерийский обстрел заставил зарыться в землю, да и время уже стало прохладное, и я впер-

вые испытал прелести жизни в блиндаже под бревенчатым накатом.

С первых дней моего пребывания в мотострелковой дивизии я почувствовал, что слабовато разбираюсь и в общевойсковой тактике, и в знании стрелкового оружия, и в огневой подготовке. Если в первые дни я еще надеялся на формирование танкового полка при дивизии, то позже стало совершенно ясно: его не будет. Мне нужно было спешно овладевать искусством общевойскового боя, за что я и взялся, используя затишье, установившееся на некоторое время на нашем участке фронта.

О своем намерении я совершенно честно доложил начальнику оперативного отделения. Он, видимо, меня правильно понял, и я стал каждый день с утра до вечера ходить на плацдарм за рекой и присматриваться к каждой мелочи. Там я постиг многое, за что очень благодарен начальнику оперативного отделения майору Лихолетову, командиру мотострелкового полка подполковнику Рязанцеву и другим товарищам.

Не проявляя особой активности, немцы все же то на одном, то на другом участке нашей обороны проводили разведку отдельными группами. По всей вероятности, они хотели прощупать наш передний край и установить прочность обороны.

Как-то я приехал в мотострелковый полк, занимавший оборону на правом фланге плацдарма, зашел в приютившуюся на склоне маленького овражка землянку командира полка подполковника Рязанцева. Вблизи то и дело с недолетами и перелетами рвались мины, громыхая чаще и чаще. Затем зона разрывов стала увеличиваться. Выйдя из землянки, мы увидели пехоту противника перед районом обороны второго батальона. На других участках обороны было сравнительно спокойно, но ружейно-пулеметный огонь и артиллерийский обстрел значительно усилились. То, что мы занимали плацдарм на западном берегу реки Вопь, никак не устраивало немцев: во-первых, с плацдарма хорошо просматривался передний край их обороны, а на некоторых участках — даже ее глубина; во-вторых, наличие в тылу нашего первого эшелона водной преграды лишало их возможности подготовить переправу заранее и пойти в наступление, от которого они еще не отказались.

Командир полка доложил обстановку и свои выводы

командиру дивизии: противник ставит перед собой ограниченные цели, планирует лишить нас плацдарма на западном берегу реки и, если удастся, форсировать ее и создать на восточном берегу исходный район для последующего наступления.

Авиацию противник не применил в связи с нелетной погодой.

Очередная ожесточенная атака немцев была отбита, и противник понес большие потери. Особенно эффективен был огонь дивизионной артиллерии и армейского зенитного дивизиона. Окрыленные победой бойцы и командиры в один голос просили передать командиру дивизии просьбу о немедленном переходе в наступление.

— Мы же их обязательно разгромим! — говорили они.

Даже командиры полков поддерживали эти настроения. Не знаю, под их влиянием или по указанию сверху, как у нас часто говорят, но вышло так, что вскоре уже составлялся план наступления дивизии. А еще через день или два я повез его на утверждение командующему 16-й армией генерал-майору Рокоссовскому.

На линии нашей обороны продолжалось относительное спокойствие, не замечалось каких-либо перемен и у наших соседей. План наступления был утвержден, и дивизия упорно готовилась к нему. Нежданно-негаданно поступило распоряжение об укреплении обороны в полосе дивизии. Как снег на голову пришло сообщение: противник, превосходящий силами, прорвал нашу оборону на стыке 19-й и 30-й армий в районе Вердино и в полосе обороны 43-й армии в районе западнее Кирова и развивает наступление в общем направлении на Москву. Нам приказывалось оставить один полк для обороны полосы дивизии с последующим прикрытием отхода, остальным частям подготовиться к обороне и занять новый рубеж западнее города Вязьмы.

С пятого октября 1941 года дивизия прикрывала отход войск на главном направлении вдоль магистрали Москва — Минск, начиная от Ярцева и кончая районом общих боев в окружении. Нам пришлось вести непрерывно арьергардные бои с наседающими вдоль магистрали немецкими частями.

После получения приказа о занятии нового рубежа я с группой офицеров был направлен для рекогносцировки

местности в районе расположения штаба. Однако занимать новый рубеж нам не пришлось. Пока, отступая, мы вели арьергардные бои, противник моторизованными корпусами отрезал пути отхода.

Получив задание выйти из окружения, командир дивизии полковник Гладков собрал командиров частей, проинформировал о сложившейся обстановке и поставил задачу: прикрываясь одним полком с запада, двумя полками при поддержке артиллерии прорываться на восток. Прорыв начать с утра одиннадцатого октября. Командующему артиллерией подполковнику Дудину собрать все боеприпасы на огневые позиции и во время артиллерийской подготовки дать такой огонь, чтобы стволы покраснели. В дальнейшем в случае неудачи все орудия вывести из строя, иначе говоря — взорвать. Всем пробиваться на восток и ориентировочно сосредоточиваться в районе, который командир дивизии указал на карте.

Кольцо окружения, несмотря на упорное сопротивление наших войск, с каждым днем сжималось. Утром одиннадцатого октября, как было приказано, началась артиллерийская подготовка, и почти одновременно два полка пошли в атаку. За ними — все остальные. Немцы открыли ответный ураганный огонь и перешли в контратаку. Завязался ожесточенный бой, вплоть до рукопашных схваток. Многие успели втянуться в лес, а там, рассеявшись, начали действовать группами. Мы «просачивались» на свободу.

Выход из окружения

Казалось, мы вырвались из окружения, будто и огонь уже прекратился, но победу торжествовать было еще рано. Куда ни ткнешься — везде огонь врага, без боя даже лесную полянку не перейдешь. Не поймешь порой, где немцы, а где свои, кругом лес и повсюду стреляют. То застрочат автоматы и пулеметы, то раздастся громкое русское «ура»...

Блуждая по лесу в поисках выхода, мы наткнулись на расположение санитарного батальона, который действовал на полную мощность, невзирая на окружающую обстановку.

Обыкновенные автобусы, перевозившие в мирное время людей, были заполнены тяжелоранеными красноармейцами и офицерами. Кого перевязывали, кого внимательно и осторожно приподнимали, чтобы поудобнее положить, кого кормили из ложечки, а некоторым прямо здесь делали несложные операции. Короче говоря, шла обыденная госпитальная работа.

Проходя около одного из автобусов, я заметил знакомое лицо, заскочил внутрь и сразу убедился, что не ошибся. На заднем сиденье, бледный от потери крови, лежал старший лейтенант Стехин. Увидел я и капитана Карпенко, тоже сослуживца по 50-й танковой бригаде и 114-му танковому полку. Оба хотя и старались показаться спокойными, но было ясно, что дела их плохи.

Я никак не мог придумать, как им помочь. Помолчали, подумали каждый про себя. Стехин тяжело вздохнул и со свойственным ему оптимизмом сказал:

— Хватит голову ломать, будем спасаться как сможем. Но живыми в руки не сдадимся, для себя одну прибережем.

Простившись, я вышел из автобуса, не теряя надежды на спасение товарищей. Встретил майора Мирошникова, который тоже хорошо знал Стехина и Карпенко. Собрали команду человек в пятнадцать и решил вывести их из окружения. Сделали из плащ-палатки носилки, и я повел команду в расположение медико-санитарного батальона, но на том месте никого не было... В 1947 году на вокзале в Харькове я встретил жену Стехина, которая рассказала, что он уже майор и работает в учебном танковом полку. Судьба капитана Карпенко остается пока неизвестной.

В поисках путей из окружения к вечеру одиннадцатого октября мы собрались в одном лесу. Набралось тысячи полторы, может быть, и больше солдат и офицеров. Откуда-то появился артиллерийский дивизион корпусной артиллерии, даже танк Т-34, совершенно исправный. Стало известно, что здесь где-то находится какой-то генерал, у которого имеется план выхода из окружения, одобренный, как нам сказали, даже Генеральным штабом. Эти слухи быстро распространялись, и группа войск, если ее можно так назвать, росла с каждым часом.

Меня подозвал комиссар нашей дивизии Свиридов, приказал разыскать генерала и узнать что и как.

Минут через десять мне указали на техническую летучку — там генерал. Я беспрепятственно зашел, предварительно спросив разрешения, доложил, кем я послан и зачем. Генерал, одетый в шинель и фуражку (в полной боевой форме), приподнял голову и усталым голосом, глядя на меня в упор покрасневшими от бессонных ночей глазами, очень дружелюбно спросил:

— А у вас есть карта?

— Есть,— сказал я и достал ее из планшета.

Генерал взял карту, развернул ее на верстаке поверх своей и, отыскав нужный район, красным карандашом обозначил наше расположение. Затем стрелой указал направление прорыва, а ниже подписал: «23.00 с началом артогня артиллерийского дивизиона» и добавил:

— Надо предупредить людей, чтобы с началом атаки не жалели патронов и как можно громче кричали «ура». До встречи на Большой земле.

Ровно в двадцать три ноль-ноль артиллерийский дивизион открыл огонь, а через несколько минут поднялась неимоверная ружейно-пулеметная трескотня и грянуло «ура!».

Немцы безусловно не ожидали такого натиска и такой смелой атаки, тем более ночью. Они открыли огонь уже тогда, когда мы глубоко вклинились в их боевые порядки и продолжали продвигаться на восток. К утру мы вышли к железной дороге Вязьма — Бахмутово южнее Вязьмы. Мы, конечно, знали, что вырвались только из внутреннего кольца окружения, но и это вселяло уверенность в будущие успехи.

Дерзкий ночной прорыв и успешный дневной бой, видимо, вызвали тревогу у немцев, и они начали концентрировать солидные силы на пути нашего продвижения. Не проходило дня, чтобы не было боя. Силы наши постепенно таяли, боеприпасы кончались. Чем ближе продвигались к Москве, тем тяжелее становилось. Совершенно голодные, без сна и отдыха, люди шли и сражались, не щадя своей жизни, причем не только шли, но спешили прийти быстрее, чтобы принять участие в боях за Москву — столицу нашей Родины.

Сколько передумали мы, шагая по лесам и болотам Смоленщины и Подмосковья в снег и дождь, днем и

ночью. Перенося трудности, мы понимали, что еще труднее будет впереди. Враг под Москвой, и по своей воле он не уйдет, его надо бить и гнать. Мы верили, что такое время настанет, и спешили его приблизить.

...К своим мы вышли на фронте обороны 5-й армии, в полосе, занимаемой передовыми частями только что прибывшей из резерва ставки 82-й мотострелковой дивизии.

Уполномоченный особого отдела дивизии вызвал командно-начальствующий состав, проверил документы и сказал, что все солдаты и сержанты должны направляться на сборный пункт в Кубенку, а командно-начальствующий состав — в Перхушково.

Навстречу шли подразделения стрелковой дивизии, видимо только разгрузившиеся. Все в новеньких полушубках, ушанках, ватных шароварах. Они вселяли уверенность в победу. А нам вспоминались дрожащие от холода гитлеровские вояки... Они болтали, что Москву уже захватили, что правительство бежало неизвестно куда, что Красной Армии уже не существует и воевать не с кем. Слухи распространялись самые нелепые. Но мы убедились, что не зря спешили к Москве.

Строгая и суровая в те дни была наша столица.

В Перхушково мы встретили многих из 112-й МСД. Там были все командиры мотострелковых полков, много штабных командиров и командно-начальствующего состава из частей дивизии. Мы были зачислены на довольствие и вместе с другими впервые за долгие месяцы спали хоть и на полу, не раздеваясь, но в доме под крышей, и это был для нас настоящий праздник.

За нами Москва

Первое генеральное наступление немцев на Москву разбилось о величайшую стойкость и выдержку героических воинов Красной Армии. И те, кто мужественно сражался в окружении под Вязьмой и Брянском, сковывая крупные силы врага, и те, кто, отступая с тяжелыми боями, наносил немецким танковым войскам большие потери, и те, кто, прибывая из тыла страны, с ходу вступал в смертельный бой с гитлеровцами, рвавшимися к

Москве,— все они внесли достойный вклад в отражение наступления фашистской армии на Москву.

Однако некоторое ослабление напряженности на подступах к Москве в начале ноября было временным. Гитлеровские авантюристы лихорадочно готовились к новому наступлению. На этот раз они рассчитывали взять советскую столицу ударами с северо-востока и юго-востока, для чего ими были созданы соответствующие группировки.

В те дни подполковник А. К. Малыгин приступил к формированию 28-й танковой бригады.

Сначала она формировалась в Наро-Фоминске, но в связи с приближением противника к городу передислоцировалась в лагерь Костерево Московского военного округа, а впоследствии была направлена в распоряжение командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова.

Используя некоторое затишье, стороны предпринимали все меры к перегруппировке войск. Придавая важное значение захвату Волоколамского узла обороны, немецкое командование направило в помощь наступавшим там войскам еще один моторизованный корпус. Командующий войсками Западного фронта генерал армии Г. К. Жуков, учитывая создавшееся положение, усиливал войска 16-й армии своими резервами. 28-я танковая бригада вводилась в подчинение командующего 16-й армией генерала К. К. Рокоссовского.

«Чтобы помешать перегруппировке вражеских сил,— писал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский в статье, опубликованной в книге «За Москву, за Родину»,— требовалось сбить противника с выгодных позиций, нанести ему частные контрудары. Важно было выбить противника из деревни Скирманово, занимая которую он обстреливал наши коммуникации и в любое время мог легко выйти на Волоколамское шоссе и, таким образом, отрезать пути сообщения нашей армии с тылом и Москвой».

Скирманово раскинулось на южном берегу большого оврага, окруженное со всех сторон густым лесом. Захватив Рузу и Скирманово, гитлеровцы создали угрозу выхода на Волоколамское шоссе. Именно поэтому командование фронта категорически требовало выбить немцев из Скирманово.

Накануне боев в бригаду приехал К. К. Рокоссовский. Он побывал у мотострелков, танкистов, побеседовал с красноармейцами, командирами. Посоветовал, как лучше организовать взаимодействие с другими частями, в частности с 1-й гвардейской танковой бригадой и 27-й танковой бригадой. Предупредил, что не следует пускать танки прямо на доты, лучше блокировать долговременные огневые точки небольшими штурмовыми группами.

Мы знали, что после наших неудавшихся попыток овладеть Скирмановым немцы усилили свою оборону, подтянули в этот район дополнительные силы. Но сведения эти надо было уточнить, а значит — достать «языка».

Командир бригады вызвал из разведывательного взвода сержанта Захара Рахматулина и без предисловий сказал:

— Нам очень нужен пленный.

— Будет пленный! — ответил тот.

Долго виднелась на снегу цепочка смельчаков из десяти разведчиков во главе с Рахматулиным. Разведчики пробрались через лес между деревнями Скирманово и Покровское и засели в остовах сгоревших танков на Козловском кладбище, расположенном у самой большой дороги. Мороз стоял лютый, в броне сгоревших танков было нестерпимо холодно. Но немцы не заставили себя долго ждать: на дороге появилась колонна, человек сорок-пятьдесят. Не ожидая опасности, они вели себя беспечно: переговаривались, смеялись, курили.

Рахматулин первым полоснул из автомата по колонне. Немцы заметались, но пули разведчиков везде находили фашистов. Наметанным глазом сержант заметил здоровенного немца, метнувшегося на кладбище. Выскочив из танка, он бросился на притаившегося за могилой фашиста, связал его, и, когда в стане врага поднялась пальба, наши разведчики вместе со своей жертвой были уже в нейтральной зоне. А «язык» оказался «длинный»: фельдфебель знал много.

Ранним утром двенадцатого ноября, после артиллерийской подготовки, которая была сосредоточена главным образом на высоту 264,3, танки, а за ними и мотопехота пошли в атаку. В обороне немцев была мертвая тишина. Но когда наши танки пошли на высоту, а мотопехота изготовилась для броска к дотам, ожила огневая

система противника. Его огневые средства повели шквальный огонь с предельной напряженностью. Завязалось решающее сражение за деревню Скирманово.

Артиллеристы усилили огонь по высоте. Под прикрытием танков и артиллерийского огня политрук мотострелковой роты Смольковец, возглавляя тринадцать храбрецов, бросился на высоту. В это время у окопа немцев появился танк старшего лейтенанта Петрова. Воспользовавшись прикрытием, Смольковец ворвался в окоп.

Кандидат в члены партии старший лейтенант Петров перед этим боем подал заявление о приеме в партию. В борьбе за высоту был ранен командир роты средних танков Герой Советского Союза капитан Васильев. Петров взял командование ротой на себя и повел танкистов на высоту. Был ранен, и танк его оказался подбитым, но Петров, превозмогая неимоверную боль и истекая кровью, вышел из танка и повел мотопехоту в атаку. За этот подвиг он был награжден орденом Красного Знамени.

У капитана Васильева загорелась машина, но он не прекращал огня и буквально за несколько секунд до того, как танк взорвался, вышел из него и был вывезен с поля боя на танкетке. А. Ф. Васильев награжден орденом Красного Знамени.

Танк младшего лейтенанта Исупова был сильно поврежден и остановился. Казалось, что все живое в танке уничтожено. Видя, что машина застыла на месте, немцы смело направились к ней. Но вот башня резко повернулась, и танк повел огонь из пушки и пулемета. Исупов со своим экипажем зажег два танка противника и, пользуясь замешательством, вывел свою машину с поля боя.

Командир танка Т-60 лейтенант Тимербаев и механик-водитель Ветров на своем малом танке вступили в единоборство с противником. От прямого попадания их танк загорелся, но они продолжали вести огонь до той минуты, пока не сгорели сами...

Сломив упорное сопротивление на высоте с отметкой 264,3, части бригады ворвались на южную окраину Скирманово, а тринадцатого ноября овладели деревней Козлово. Потом передали занятый участок 1306-му стрелковому полку 18-й Московской стрелковой дивизии.

Вот что пишет Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский в сборнике «За Москву, за Родину» об этом бое: «Рано утром 12 ноября, после артиллерийской подготовки, в которой впервые участвовали «катюши», началось наступление. Весь день и всю ночь шел жаркий бой. 13 ноября наши части ворвались в Скирманово. В лощине возле деревни образовалось настоящее кладбище подбитых немецких танков, орудий, автомашин и другой техники, валялись сотни трупов фашистских захватчиков».

Однако главные бои были еще впереди. Еще двенадцатого августа 1941 года в дополнение к директиве № 34, давая указание на действие группы армий («Центр»), Гитлер указывал:

«Лишь после полной ликвидации угрожающего положения на флангах и пополнения танковых групп будут созданы условия для наступления на широком фронте глубоко эшелонированными фланговыми группировками против крупных сил противника, сосредоточенных для обороны Москвы.

Цель данного наступления состоит в том, чтобы еще до наступления зимы овладеть всем комплексом государственных экономических и коммуникационных центров противника в районе Москвы и тем самым лишить его возможности восстановить разгромленные вооруженные силы и нарушить работу аппарата государственного управления».

Хотя сопротивление сил Красной Армии и заставило самого же Гитлера отказаться временно от этой задачи, но для поддержания своего престижа он вынужден был еще раз пойти на авантюру и попытаться захватить Москву до наступления зимних холодов.

Несомненно, об этом авантюризме гитлеровцев знало и наше Верховное Главнокомандование, знал Центральный Комитет партии и Советское правительство и принимали соответствующие меры. Знали командующие фронтов и командующие армий, стоящие на близких подступах к Москве.

Центральный орган нашей партии газета «Правда» третьего ноября 1941 года в передовой статье писала: «Перед всеми нашими бойцами Можайского, Малоярославецкого, Волоколамского и Калининского направлений, перед всеми воинами, обороняющими подступы к Москве,

стоит теперь величайшая историческая задача — выдержать и этот новый напор гитлеровских полчищ, встретить его железной стойкостью, мужеством, самоотверженностью».

Готовился к решающей схватке с ненавистным врагом и личный состав бригады.

Седьмого ноября к нам приехали трудящиеся Фрунзенского района Москвы и представители Московского областного комитета РОКК, которые взяли шефство над бригадой и вели его до самого конца войны.

После завершения разгрома скирманово-козловской группировки противника и передачи этого участка для обороны 1306-му стрелковому полку приказом командующего 16-й армии бригада была подчинена командиру кавалерийской группы генералу Доватору. Уточнив силы бригады и посоветовавшись с командиром бригады, Доватор поставил такую задачу: занять оборону на рубеже Сычи — Городище — Шелудьково и любой ценой не допустить прорыва противника к Волоколамскому шоссе.

В четырнадцать тридцать шестнадцатого ноября 1941 года противник силою до ста танков и до двух батальонов пехоты атаковал деревню Сычи. Танки противника шли стеной, за ними следовала пехота. Смяли оборону мотострелкового батальона, уничтожили противотанковое орудие вместе с тягачом и расчетом. Но при дальнейшем наступлении наткнулись на танковую засаду, предусмотрительно расставленную как раз на курсе наступления немецких танков.

Танк КВ под командованием капитана В. И. Разрядова, стоящий в засаде на южной окраине Язвище, своим метким огнем подбил и сжег пять танков противника, чем задержал его до подхода конницы.

Танк Т-34 под командованием младшего политрука И. Е. Бармина своим метким огнем подбил и сжег десять танков противника. С первых дней Илья Бармин участвовал в трех атаках, из которых он неизменно выходил победителем. Указом Президиума Верховного Совета СССР он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Потерпев поражение, противник не отказался от своих намерений прорваться на Волоколамское шоссе. В течение семнадцатого, восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого ноября немцы предприняли яростные атаки

на обороняемый бригадой рубеж и каждый раз были вынуждены откатываться назад. Поставленная задача была выполнена с честью.

За героизм и бесстрашие командованием бригады было представлено к правительственным наградам сорок четыре человека. Все они были награждены.

...Трудно описать все подвиги воинов, защищавших нашу столицу и нашу любимую Родину. Но память о них вечно будет жить в наших сердцах. Эти люди были крепче любой брони.

БРАТЦЫ

Мы вышли из войны.
В дыму за нами стелется дорога.
Мы нынче как-то ближе быть
должны,
Ведь нас осталось в мире так
немного.

Константин Ваншенкин.

1. Память...

В жизни порою наступают такие моменты, когда чувствуешь, что настало время разобрать накопившиеся за годы впечатления и мысли, проверить их и пересмотреть, чтобы не уподобиться скряге, гибнущему под грузом неведомых сокровищ. Я почувствовала это в Керчи и Севастополе, где собрались тысячи гостей, чтобы отметить тридцатилетие со дня освобождения этих городов.

Стояли погожие дни. Солнце всходило из-за пологих высот, покрытых цветущими садами. В такие минуты мысли бывают особенно четки, как эти вишневые сады на фоне голубого неба, и память, раскрыв свой бездонный кошель, подсовывает тебе то разговоры тридцатилетней давности, то лица людей, с которыми встречался и которые, думалось, давно забыты...

Воспоминания о пережитом врывались в меня тревожно и взволнованно вместе с шумом моря. Память моя, словно в трубочке калейдоскопа, складывала все новые и новые узоры из цветных осколков.

В бурлящем вокруг меня водовороте людей трудно было отыскать знакомые лица, и не только потому, что все мы «повзрослели» на целых тридцать лет, а потому, что съехалось сюда уйма народу... Вдруг слышу, кто-то меня окликнул. Оборачиваюсь: Бочаров! Бывший командир

Ольга Тимофеевна Голубева-Терес в ряды Советской Армии вступила добровольно сразу же после окончания средней школы. Сначала была санинструктором, медсестрой в военном санитарном поезде Юго-Западного фронта. Однажды от раненого летчика она узнала, что Герой Советского Союза М. Раскова формирует женскую авиационную часть. В г. Энгельс — место формирования части — О. Голубева-Терес прибыла в январе 1942 года. В женском авиаполку она стала мастером по электрооборудованию самолетов. Но ей очень хотелось летать. Тайно ото всех учила аэронавигацию, решала задачи, осваивала ветрочет, линейку...

Рапорт за рапортом писала командованию: «Примите экзамены. Допустите к полетам». Недоверчивость наконец была сломлена. Штурман полка Герой Советского Союза (посмертно) Евгения Руднева по четыре часа ежедневно экзаменовала ее целую неделю. «Допустить к полетам»,— наконец записала она. Вскоре О. Голубева-Терес летала уже самостоятельно. Вывозила новичков, лидировала группы. В конце войны стала штурманом звена. Всего сделала шестьсот боевых вылетов. После войны поступила в Военный институт иностранных языков. В 1951 году закончила его по специальности: испанский и английский языки. Служила в Советской Армии до декабря 1955 года. Награждена четырьмя боевыми орденами: Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, Славы — и многими медалями. Капитан запаса. Член КПСС.

889-го Новороссийского авиационного полка, с которым мы прошли боевой путь от Кавказа до Германии.

Парни из полка подполковника К. Д. Бочарова первыми в 4-й воздушной армии стали называть нас «сестричками». Правда, сначала они относились к нам слегка насмешливо, покровительственно. Но очень скоро насмешливость сменилась чувством заботливого товарищества. Иначе не могло и быть. Мы выполняли одинаковую с ними работу. Она объединяла людей, заставляя вместе переживать горе утрат и делить радость побед.

— Тебя ищет Федоров, — сказал мне Бочаров.

— Федоров?

— Да, механик из нашего полка.

Его пояснение мне ничего не сказало.

— Федоров?.. Убей, не помню.

— Не напрягайте память, — с добродушной улыбкой сказал мне Николай Дмитриевич Федоров, когда мы наконец встретились. — Вряд ли вы запомнили скромного «технаря», каким я был тогда. Да и виделись мы всего раз-два. Я искал вас, чтобы попросить помощи: хочу разыскать родных своего летчика Юры Лачинова. Он — саратовский. Знаю точно. Когда Юра погиб, я писал в Саратов. В войну где-то адрес потерялся. Года три назад писал в адресный, не ответили. Поможете? Да... Мне сказали, что в ваших краях живет Виктор Невзоров. Как он? Встречаетесь?

Я кивнула: да-да, встречаюсь с Виктором, нас судьба сталкивала часто. А впервые я увидела его перед нашим КП — зеленом в желтых пятнах вагончике, — долговязого, смуглого парня в собачьих унтах и кожаном шлеме, сдвинутом на затылок.

— Подбили, — объяснила мне механик Вера Маменко, — до своих не дотянул, самолет весь в дырках, штурман ранен.

Он сидел на траве: кого-то ждал. Задумчиво курил и прислушивался к докладам прибывающих с задания экипажей.

— Все вернулись? — спросил он у меня.

— Сегодня все, — ответила я, сделав ударение на «сегодня».

— На передний край летали?

— Не слышишь доклады, что ли? — обиделась я. — Летали туда же, куда и вы, и даже дальше.

— Ну да-а... — не то насмешливо, не то задумчиво протянул он.

— Посмотри карту, если хочешь.

Он взял мой планшет и бортжурнал. С любопытством долго их разглядывал и в то же время прислушивался к оживленному обсуждению экипажами послеполетной ночи.

За нами пришла машина, мы попрыгали в кузов полуторки.

Летчик продолжал сидеть на траве.

— Эй, парень! — крикнули ему сразу несколько девушек. — Поехали завтракать. Да побыстрее!

Казалось, он только и ждал этого «побыстрее», чтобы прыгнуть в кузов машины.

— Хорошо быть длинному, — позавидовала Оля Яковлева, маленькая и изящная девушка.

— Не жалуюсь, — скупо ответил он.

— Кстати, а как тебя звать?

— Виктор Невзоров.

— Ну, а нас ты вряд ли сразу запомнишь.

Машина подкатила к столовой. Мы наперебой угощали Виктора то кашей, то пирожками. Смеясь, выставили перед ним батарею стаканов с вином, которое нам выдавали после боевых полетов и к которому, кстати сказать, мы были равнодушны.

— Выпей, парень, за наше здоровье! — сказала одна.

— И за счастье! — подхватила другая.

— За победу! — закричали все.

Виктор смущенно улыбался.

— Не могу столько.

— Не водка же. Сухое...

Он был смущен. Но мало-помалу разговорился.

— Я много слышал о женском полке, но, откровенно говоря, не верил, что летаете на сильно укрепленные цели. И очень жалел вас. Бедненькие, думал, как они там без мужчин управляются. Плачут, поди, и ПО-2 от слез размокает. И мотор ржавеет. — Конец фразы он закончил под дружный смех.

— Управляемся, Виктор, — ответила Зоя Парфенова, русская красавица с тяжелой золотистой косой вокруг головы. — Куда денешься? Не до слез.

— А я боялся, что вы зареванные...

— Чудак! Да веселее девчонок нет на свете! — засмеялась Женя Жигуленко.

— Вижу, какие вы языкастые.

— Ну, это тоже наше оружие.

За ним пришла машина.

— До свидания, сестренки! — махнул он нам рукой.

Виктор оказался общительным и веселым парнем. У него обнаружились знакомые летчицы, с которыми он до войны учился в аэроклубе. С Юлей Пашковой вместе инструкторами работали. Так что он чаще других бывал в нашем полку. По очереди влюблялся. И не раз выручал на своей «Чайке» многих наших девчат... Спустя

двадцать лет после войны я увидела его на встрече ветеранов 4-й воздушной армии, но в сутолоке и многолюдье, когда тебя со всех сторон тормошат, мы едва смогли перекинуться двумя-тремя фразами.

И вот недавно я иду по старинной улочке Вольска и вдруг слышу веселый, знакомый голос:

— Ба! Кого вижу?! Сестричка!..

Мой «братец» Виктор Невзоров. В тщательно пригнанной военной форме. На плечах по-прежнему погоны. Все такой же длинный, худой. Только вот постарел, глаза посветлели, темные волосы тронула седина. Но весел, здоров.

— Какими судьбами? Откуда?

— Здесь в доме отдыха. Из Саратова. А ты?

— Я живу здесь.

— Вот не знала!

Он стоит рядом со мной посредине тротуара, мой старый товарищ, летчик Витька Невзоров. Нас толкают прохожие, с неудовольствием оборачиваются, ворчат: «Стали тут на дороге!..» Другие с любопытством прислушиваются к нашему разговору, сочувственно улыбаются, понимая, что встретились старые друзья.

— Пойдем ко мне. Я тут недалеко живу. Познакомлю с женой. Да ты знаешь ее. Вооруженцем в нашем полку была. Машенька... Помнишь?

И я сразу вспомнила! Крым. Короткая майская ночь. Мы возвращались с четвертого боевого вылета на блокировку немецкого аэродрома у Севастополя. Немцы яростно огрызались, посылая в небо огромное количество снарядов. И каждый раз, вырываясь из огненного ада, мы испытывали удовольствие оттого, что живы.

Как ни выгадывали мы, как ни рассчитывали, а пятый вылет сделать не успевали, если пойдем на свой аэродром. А тут на полпути под нами лежит Бочаровский.

— Нин, заправимся у «родственников»?

Нина, не ответив, пошла на посадку.

Сели. Зарулили. Подбежала девушка и весело крикнула:

— Сестрички! Какими судьбами?

Это была Машенька.

— Послушай, распорядись, чтобы нас без очереди заправили.

Она засмеялась:

— Шутить изволите. Не за командира ли вы приняли меня?

В это время подошел командир полка К. Д. Бочаров:

— Что случилось, девочки?

«Девочки...» Он и по сей день нас так называет, всегда любезный и вежливый Бочаров. Он мне казался пожилым, хотя в ту пору вряд ли ему исполнилось тридцать. А летчики звали его «батя», может быть, за то, что он, распоряжаясь людьми, проявлял большую принципиальность и чуткость. Умел разговаривать с подчиненными не как старший с младшими, а как человек с человеком. Казалось, что Бочаров знал о своих людях больше, чем они сами о себе. Он, конечно, предвидел, что нас не похвалят за дополнительный самовольный вылет, но даже и вида не подал.

Пока механик заправлял самолет, а Машенька с другими вооруженцами подвешивала бомбы, прилетел Невзоров со штурманом Митей Резваным.

— О, нашего полку прибыло! — обрадовались они.

— Не радуйтесь, — из-под плоскости самолета ответила Маша, — они возьмут у нас бомбы взаймы и улетят.

— Не только бомбы, — вмешалась Нина. — Мы за Машей прилетели. К себе в женский полк увезем.

— Не выйдет. Не отдадим. Она облагораживает наше мужское общество.

Перекинулись шутками, набрали ворох приветов для своих подруг и улетели, пробыв у них не более десяти минут. В тот вылет нас чуть-чуть не сбили. Но «чуть-чуть» не считается. Вырвались, хотя машина была немного повреждена...

Невзоров тянул меня за собой, рассказывая о своем городе, его достопримечательностях, его будущем.

— Смотри, какой домина. Нравится?

— Ничего.

— Что «ничего»? Да ты знаешь, тут была грязная площадь, когда я приехал. А теперь смотри, какой чудо-сквер вокруг этого здания. Да я тебе еще покажу город. Новые районы. Парк. Училище. Техникумы. Заводы. Волгу.

— Сочиняешь программу экскурсии?

Наконец мы подошли к большому дому. На втором этаже позвонили. Открыла дверь немного располневшая, но в общем мало изменившаяся Машенька.

— Смотри, кого я привел!

Мы не были подругами, очень мало встречались, но Мария Ивановна не то сразу узнала меня, не то догадалась, что я из женского полка.

— Ой, как здорово! Я так рада.

Она помогла мне раздеться, ввела в комнату. Квартира у них большая, уютная — ничего лишнего, только необходимые вещи. Сразу видишь, что живет здесь семья военного, привыкшая кочевать по гарнизонам. Мария Ивановна накрывала на стол и рассказывала.

— Одни остались. Старший сын с семьей в Куйбышеве. Авиационный инженер. Младший — офицер. Оба женаты.

Виктор и Маша поженились в День Победы. Первые годы они жили в отдаленных гарнизонах. Родился сын, потом другой... Многого не хватало. Мирились. Виктор много летал.

Машенька рассказывала мне о житье-бытье в гарнизонах вдали от городов, о своих сыновьях, о работе в женсовете, в родительском комитете.

Я спросила у Марии Ивановны, счастлива ли она.

— Это зависит от того, как понимать счастье. Для мужа — это вскакивать чуть свет и исчезать до позднего вечера, быть всегда в деле, за всем следить, ничего не пропускать мимо себя. Для меня — это видеть здоровыми и счастливыми мужа и сыновей. — Тут она улыбнулась и добавила: — Счастье слушать щебетанье внучат. Видеть счастливые лица людей.

У нее в глазах все та же улыбка, что и четверть века назад. Они не забыли фронтовые годы. Это — на всю жизнь. Часто, очень часто они вспоминают свой полк, фронтовых друзей и тех, кто не дожил.

— С каждой редкой встречей, — говорит Невзоров,— я все больше привязывался к вам. Ну совсем-совсем родные. Мы переживали, когда кто задерживался, не возвращался, погибал. Метались от злости и рвались в небо. Погибла Юля Пашкова. Юлька... Отчаянная головушка. Смелая до безрассудства. Певунья и плясунья. В аэроклубе все в нее были влюблены. Ее нет! Непостижимо... Мы любили вас по-братски. Помнишь, никто никогда не хлопнул фамильярно по плечу, не схватил дерзко за руку, не сказал грубость. Сначала меня поразила Марина Чечнева. Черноглазая, с мальчишескими порывистыми ухватками. Острая на язык и летала здорово. Потом я увидел

Зою Парфенову. Светлая коса вокруг головы, спокойная улыбка, тихий, ласковый голос. До чего женственна, трудно представить ее в огне!

Мы засиделись до утра. Говорили, как в лихорадке, опрокидывая год за годом, мешая годы юности и все, что было потом.

Теперь часто звенит в моей квартире телефон.

— Ответьте Вольску...

Я знаю, что там живут мои верные друзья Невзоровы.

Мы идем с Федоровым по мысу Херсонес. Под ногами звенят гильзы и осколки. Валяются и рукоятки от гранат. Земля, покрытая железным панцирем из пуль, гильз, осколков и искалеченного оружия, — это севастопольская земля, мыс Херсонес. Чудятся голоса моряков. Их много осталось здесь. А может, это кричат чайки, парящие в небе.

Мы молча идем к памятнику. Устремленный вверх обелиск словно плывет в синем майском небе. На граните памятника орден Победы. Рядом выбиты слова: «Вечная слава героям...» Здесь всегда гуляет ветер. Потому что мыс с трех сторон окружен морем.

Я спрашиваю Николая Дмитриевича о его однополчанах Коле Мацепе, Мите Резване, Павле Яремчуке, Саше Языкове, Николае Баркове, а сама вглядываюсь вдаль.

Когда-то небо над Херсонесом сверкало разноцветными пучками пуль и снарядов и пробиться к херсонесскому аэродрому было очень трудно. Нам на помощь летели «братцы» на устаревших истребителях «Чайка».

— Выбрасывать самолеты было жалко, — вспоминает Федоров, — совсем ведь целые. Ну, конечно, драться с «мессером» они не могли. Не та скорость. А вот ночью «Чайки» могли службу нести. У нас тогда целая эскадрилья на «Чайках» летала.

Я закрываю глаза и отчетливо вижу стартовые огни вражеского летного поля. Мы продираемся туда сквозь огонь, маневрируя. И вдруг у самой цели лес прожекторов взметнулся нам навстречу. Поймали! Только бы осколки не задели бомбы... Карабкаемся вверх, падаем вниз, а они, проклятые, цепко держат. Совсем рядом промчалась темная тень — истребитель!

— Фриц! — хотела я крикнуть летчице, но тут же по-

няла, что ошиблась. Внизу одна за другой рвались бомбы. Потух один, потом второй луч, и мы — свободны!

— Милые братцы, спасибо, — сказала в переговорную трубку летчица.

Кто был в том полете — Невзоров? Мацепа? Барков? Языков? Или еще кто другой? Одним словом, братцы «Чайки» часто выручали нас.

С того времени прошла почти целая жизнь. Мы стоим с Федоровым у обелиска на Херсонесе и вспоминаем. Я смотрю на товарища, прошедшего боевой путь рядом с нами. И вдруг, как бы перенесясь в те далекие годы, я увидела Федорова в замасленной куртке, с ветошью в руках около нашей машины.

— Вспомнила! — обрадованно крикнула я, схватив за руку Николая Дмитриевича.

— Что? — Он даже вздрогнул от неожиданности.

— Да вас вспомнила. Господи, как я могла забыть...

Как-то в марте мы с летчицей Клавой Рожковой полетели в госпиталь навестить раненую подружку. На маршруте попали в полосу снегопада. Забило снегом трубку Пито, отказал указатель скорости. Темнело. Лететь дальше было рискованно, и мы сели на «братский» аэродром. Нас встретил высокий парень, помог нам зарулить машину на стоянку, закрепить ее и зачехлить. Потом проводил на КП, откуда нас повели в столовую, а затем определили на ночлег. Пока мы спали, техники устранили все неисправности.

— Кому сказать сердечное спасибо? — обратилась Клава к группе механиков.

— Да вот ему, Коле Федорову, — сказал Женя Бинен, техник звена, указывая на знакомого уже нам парня. — Он у нас работящий парнишка. Рационализатор. В общем, творческий товарищ.

«Творческий товарищ» смутился:

— Все мы рады вам помочь...

— Вот спасибо, ребята!

— Чего там!..

С тех пор прошла целая жизнь. Николай Федоров стал инженером, оставаясь рационализатором и новатором. Люди встречаются и расходятся. Но хорошие люди всегда живут в памяти. Они словно идут все время рядом с тобой.

2. А любовь потом...

Как-то утром я бежала на работу и лицом к лицу столкнулась с бывшим командиром дивизии. Прошло почти два десятка лет, как я видела его последний раз, но он мало изменился. Плотная спортивная фигура, уверенная и прямая посадка головы, смуглое лицо с выдающимися скулами, пристальные темные глаза и плотно сжатые губы — все это было очень знакомо.

— Стрекоза? — спросил он. Я смутилась. Пора бы забыть это прозвище. Еще на фронте, вручая мне орден Славы, он сказал: «На вид стрекоза...» Девчата подхватили, и понеслось...

Генерал заметил мое замешательство:

— Ну-ну, не обижаться. Куда мчишь сломя голову?

— На занятия. Студенты ждать не будут.

— Преподавателем, значит?

— А вы? Здесь живете?

— Нет, в командировке.

— Приходите в гости. Вот адрес.

Он пришел задолго до назначенного времени. Я достала фронтовые фотографии. Он долго листал альбом. Потом перебирал фотографии. Кого-то искал. В его лице что-то дрогнуло, когда он взял фотографию Ольги Санфировой. Долго-долго смотрел. И вдруг — неожиданно:

— Я любил ее. В те годы, где бы я ни был, в небе или на земле у рации, я думал о ней. Когда прилетал к вам в полк, мне хотелось хотя бы взглянуть на нее.

Я слушала, боясь шелохнуться. И в то же время мне было как-то неловко: несмотря на изменившееся положение, я не могла воспринять его как товарища. Хотя годы как-то сравняли нас, он все равно оставался для меня командиром.

— В вашем полку было много красивых девчат, но Оля...

Я сразу представила себе Ольгу Санфирову, командира 2-й эскадрильи. Среднего роста, стройная. С очень тонкой талией, туго стянутой широким ремнем. Кожа ее лица и шеи смуглая и нежная, несмотря на ветры и непогоду. Карие глаза ласково и доверчиво глядят на людей из-под ломаных густых черных бровей. Всегда спокойная. Вот только однажды голос ее сорвался.

— Уйдите! — резко крикнула она девчатам, которые

радостно тормошили ее и Руфу Гашеву. — Уйдите! Заплачу...

Они только что живые и невредимые выбрались из-за линии фронта. В ночь на первое мая их сбили. Самолет плюхнулся на опушке небольшого леска. Удачно. Ни ушибов, ни ранений. Машину подожгли и, спотыкаясь, побежали от нее, углубляясь в лесок. Что делать дальше, куда идти? Направо — война, налево — война. Кругом война. Они пошли на восток. Где-то совсем близко были враги. Впереди железная дорога, ее надо пересечь, а там через каждые пятьдесят метров — немецкие патрули. Что делать? Надо ползти. Кругом ровное поле, ни кустика. Скоро рассвет. Остановились передохнуть и услышали кваканье лягушек. Поползли на лягушачью песню, попали в болото. Весь первомайский день пересидели в болоте. Ночью поползли опять. Хотели встать, но сразу же автоматная очередь. Второго мая пересидели в зарослях уже другого болота. Отметили день рождения Ольги. Руфа в карманах брюк нашла щепотку отсыревших семечек и преподнесла их Ольге. По-братски поделили, но голод не усмирили. Жажду утолили болотной водой.

С наступлением темноты выбрались из болота и пошли по ухабистому, изрытому полю. Не было у них никаких желаний, кроме желания упасть на землю и уснуть мертвым сном. Смутно, как в бреду, виделось то одно, то другое из того, что было еще недавно. То слышался грохот зениток, то ощущалось падение самолета. Шум ветра в ушах. И тишина. Молчали. Берегли силы. Совсем близко повисла ракета. Лежали долго. Испугаться не хватило сил.

Ноги уже не слушались. Шли. Падали. Ползли. Пробирались сквозь колючий кустарник. Через овраг, противотанковый ров, через кучи сваленных деревьев, «форсировали» два ручья. Только бы доползти, только бы добраться до своих. И снова взвились ракеты, освещая большую площадь вокруг. Вжались в землю. Перестали дышать. Совсем рядом послышалась немецкая речь. Только бы пронесло. Ушли. Снова поползли. На локтях. Левую руку вперед — подтянулись. Правую руку с пистолетом вперед — подтянулись. К рассвету подползли к какому-то рву. По ту сторону смутно угадывались люди.

— Кто?

— Свои.

Через ров помогли перебраться бойцы из боевого охранения. Проводили к командиру. И вот они, грязные, голодные, уставшие, бредут среди своих, боясь расплакаться на глазах у всех. На резкое «уйдите!» никто не обиделся.

Одно за другим всплывали в моей памяти события из Ольгиной жизни, а генерал, меж тем, не выпуская из рук фотографию Санфировой, все говорил мне о своей любви. Я молча слушала.

— Ваш полк был на особом положении, я и не имел права вот так просто прийти к ней и сказать...

— Вызвали бы да сказали.

— Не-е-т. Допусти я вольность, за мной потянулись бы и другие. Не мог.

— Что же, она так и не узнала?

— Нет. Когда мне доложили о ее гибели, не поверил. Помчался в полк... Увидев закрытый гроб, чуть не упал на него. Хотелось завыть, упасть на землю и грызть ее. Не хотелось верить. Совсем недавно она меня везла в штаб. Перед тем как подняться в кабину самолета, Оля пристегнула ремешками шлем, вынула зеркальце, взглянула в него и внезапно, обернувшись ко мне, лукаво улыбнулась: «Как, товарищ командир, летная форма мне к лицу?»

Я был ошеломлен этой милой дерзостью. И словно онемел, не зная, что ответить. Очнулся от ее ласкового, заботливого голоса: «Что же это вы в кожанке? Простудитесь...»

«Спасибо. Лететь немного. Я закаленный...» Я не помню, о чем мы говорили в полете. Осталось только ощущение счастья. И вот эта милая лукавая девушка передо мной в заколоченном гробу.

— Откройте! — приказал я. Но подошел врач и стал мне объяснять: «Мины... Разрывы... На части...» Я плохо его понимал...

Раньше мне казалось, что мужчины не отличаются особой чувствительностью и склонностью к переживаниям. Но это мнение пришлось изменить именно тогда, когда я увидела командира дивизии у гроба.

Обычно очень спокойный, с негромким голосом, на этот раз он был суетлив, нервозен, несдержан. Выглядел усталым. Ему было лет тридцать, но бледное, с покрасневшими веками, измученными глазами и глубокими

морщинами лицо делало его стариком. Мне показалось, что он постарел вот здесь, на глазах у всех, у закрытого гроба с останками Ольги.

Командир хотел что-то сказать, но голос дрогнул, он махнул рукой и отошел от гроба.

Ольга любила летать. И летала много. Не боялась, несмотря на многие тяжелые испытания. Обычно после тяжелых аварий человеку тяжело перешагнуть через свой страх. По Ольге этого сказать было нельзя, хотя на ее долю выпало много трудных полетов, тяжелых аварий, сложных заданий.

Эта ночь была не труднее других. Уже много ночей мы летали за Нарев. Маршрут знаком. Известны все огневые точки, прожекторы. Немцы бьют здорово. Но ведь и раньше били. Не первый год воюем, привыкли. Погода стоит плохая. И к непогоде привыкли. Но и в обычном полете может всякое случиться. Вот и на этот раз... Обстрел начался уже после того, как они отбомбились.

И вдруг штурман Руфа Гашева, обернувшись, увидела темный хвост дыма с гаснущими в нем искорками.

— Горим!

— Потянем, — спокойно сказала Ольга и попыталась сбить пламя резким скольжением.

Огонь распространялся. Уже жаром полыхало в лицо, уже дым застилал плоскости, и нечем стало дышать, а она все тянула и тянула, потому что внизу были враги, а впереди, совсем уже близко, линия фронта.

Огонь подобрался к штурманской кабине.

— Прыгай! — приказала Санфирова.

— А ты?

— Прыгай! — Ольга обернулась, потрясла кулаком:— Прыгай, Руфа! И я...

Руфа неохотно поднялась и, перевалившись через борт кабины, пропала в плотной пелене дыма. Дернула за кольцо. Парашют не раскрылся. Мимо проплыла на парашюте Оля. «Прыгнула»,— облегченно вздохнула Руфа и снова дернула за кольцо. Не раскрывается! С отчаянием рванула еще раз. Сильный рывок. Раскрылся. Удар о землю. На секунду выключилось сознание, перед глазами проплыли яркие точки. Руфа приземлилась в нейтральной полосе на противотанковом минном поле. Санфирова — на пехотном. Взрывы последовали один за другим

и, заглушая их, до окопов донесся пронзительный девичий крик...

В почетном карауле вытянулись мы и наши «братцы», приехавшие проститься с Олей. Переживали все. Командир дивизии улетел сразу же после похорон. Нам было не до него...

Генерал вглядывался в Олино лицо на фотокарточке и все говорил, говорил.

— После потери Оли во мне что-то разладилось. Я много летал. Уставал, но стоило мне лечь в постель — в голове что-то щелкало, и я часами лежал и таращил глаза...

Вряд ли кто знал о его страданиях. Сколько же надо было иметь выдержки этому человеку! После войны он еще долго не мог жениться. В женщинах искал Ольгу. А она была неповторимой...

3. На дорогах войны

Керчь. Санатории, дома отдыха вдоль пролива, приморский бульвар... Я спешу подняться на Митридат. На горе обелиск Славы. На трех крыльях постамента установлены пушки со стволами, поднятыми к небу. Обелиск окружен невысокой белой каменной стеной. Спустя тридцать лет я стою на горе, которая ощетинивалась против нас десятками вражеских прожекторов и зениток. Я помню другую Керчь — задыхающуюся от жажды, в дыму пожарищ и разрывов...

Мы с Ниной Ульяненко возвращались с бомбежки, обходя огневые трассы и прожекторы. Небо над Митридатом сверкало разноцветным «фейерверком» из снарядов и пуль. И вдруг:

— Горит! — крикнула я, увидев, как маленький пылающий комочек, разбрызгивая огненные стрелы, падает на землю, а из кабины штурмана летят красные, зеленые, белые огни. Это рвались ракеты — то ли от нестерпимого жара, то ли штурман посылала свой прощальный привет летящим следом подругам. На земле самолет взорвался. Мне показалось, что я даже слышала взрыв, что, в общем-то, невероятно...

Потрясенные, мы молчали. Казалось, что и мотор приумолк.

— Докладывай о маршруте, — сказала летчица, чтобы только не молчать.

— Это Женя...

Нина молчала.

— Это Женя! — крикнула я. — Ее время...

— Замолчи! — зло сказала Нина. — Ты просто обалдела от страха.

Ей не хотелось верить в гибель Жени Рудневой и Паши Прокофьевой.

Мне и сейчас мерещатся синие-синие глаза Жени, ее серьезный взгляд, добрая улыбка и тихий ласковый голос. Мы любили слушать ее сказки, легенды о звездах, стихи.

И сказки, и стихи уносили куда-то далеко-далеко, где царила тишина и покой. Они приносили радость и одновременно тревогу. Как слушали все остальные — не знаю. Я забывала обо всем на свете.

Что ж?! От смерти некуда деваться,
Видно, я умру, не долюбя.
Смертушка, душой прошу тебя —
Дай ты мне еще поцеловаться!

Никак не могу заглушить в себе чистый Женин голос. Он звенит во мне.

До моего плеча кто-то слегка коснулся: «Пора идти». Я вздрогнула, но тут же вспомнила: на ночную гору карабкалась не одна, а в сопровождении бывшего старшины из звена связи дивизии. Некогда высокий, плечистый, Василий Сидорович Иваненко сильно сдал. Да, годы никого не красят. Когда-то густые кудри совсем вылезли, и ростом вроде бы стал меньше. Встретившись с ним в гостинице, я было прошла мимо, не узнала. Он окликнул меня.

— Не узнаете?

Наверное, каждый человек чувствует себя неловко, когда не узнает кого-то, с кем приходилось встречаться на дорогах войны.

— Постойте, постойте... — попыталась я притвориться, что вспоминаю, но он грубовато перебил:

— Зря не сбросил тебя с машины на той ухабистой дороге. Ишь, зазналась как...

— Ой, Василий Сидорович! Все помню. Ничего не забыла!

Кто может забыть фронтовые дороги? Большие и малые, шоссейные и ухабистые. До невозможности изъезженные, избитые, изрытые воронками от фугасок. Летом пыльные, весной и осенью утопающие в грязи, зимой занесенные снегами...

Уже несколько дней еду на полуторке, догоняя свой полк. Кузов машины доверху нагружен запчастями к самолетам, и мы просто чудом удерживаемся на верхотуре.

Клубится за машиной пыль, за спиной полыхают зарницы. До нас доносятся приглушенные раскаты грома. Только это не гром. Позади идет бой. Там война.

А здесь, где прыгает по ухабам наша полуторка, еще войны нет. Она сюда только идет.

Мы объезжаем, где возможно, колонны, спешим к городу, где надеемся отдохнуть, утолить жажду и голод. Солнце продирается с трудом сквозь густую пыль. Жара. А мы спешим вперед, а впереди... Что впереди? Мы же отступаем! Гудит и гудит земля, по которой нескончаемым потоком печатает свой трудный шаг пехота.

С каждой минутой все настойчивее, все злее гудят в небе немецкие самолеты. Отчетливо выписанные контуры их чернеют на склоне синего ласкового неба. Бомбежке, наверное, никогда не будет конца. Город кровоточит живыми ранами. Пахнет дымом, во многих местах полыхают пожары. Самый большой — в районе железной дороги: там стояли цистерны с горючим. На тротуарах валяются какие-то столы, чемоданы, тряпье. Сухой ветер метет по улицам обрывки бумаг. Мы с большим трудом выбираемся из горящего города на шоссе. Картина, открывшаяся нам, повергает в отчаяние: по самому шоссе и по обочинам, прижимаясь к посадкам, двигались сплошным потоком отступающие войска: артиллерия, машины, обозы, кухни, пехота. Брели беженцы. Ковыляли раненые из разбомбленных госпиталя и санитарного поезда. Со стороны казалось, что потоком этим никто не управляет, а хлещет он сам, как вода из пробитой плотины, и ни остановить его, ни направить в какое-то русло невозможно. Раненые поднимали костыли, клюшки, просили подвезти, а шофер гнал машину без остановки. Я ругалась со старшиной, называя его черст-

вым, жестоким, просила остановить машину и подвезти тех, бредущих... Плакала, выкрикивала злые слова: «Вы хуже этих «железяк», что везете! Бездушные!.. Ненавижу!»

— Ну-ну, полегче! — буркнул старшина и зло добавил: — Железки сбросить не могу. Это запчасти. Раненого могу взять. Одного. Вместо тебя.

— Останови машину! Сойду...

В это время показались немецкие самолеты, и шофер свернул машину в придорожные лесопосадки. Мы спрыгнули с кузова. Самолеты летели к посадкам, и я побежала в сторону от машины. Земля из-под ног стремительно уплывала. Бежала я неимоверно широким шагом. Внезапно о кого-то споткнулась. Гляжу: лежит в луже крови женщина, уткнувшись лицом в примятую траву. Из уха тонким ручейком стекала еще не потускневшая кровь. Из-под нее раздавался какой-то захлебывающийся писк. Я закричала. Подбежали шофер, старшина. Наклонились над женщиной. Перевернули: мертва. Развернули кружевной сверток, лежащий под ней. Девочка! Шофер хотел ее взять на руки, но она снова запищала, сжалась, как испуганный зверек, и потянулась к мертвой женщине. Кровь... Ребенок... Гул самолетов... Стрельба...: Мне было страшно:

— Иди ко мне, моя маленькая. Моя славная детонька... — Я вздрогнула: суровый старшина — и этот нежный голос! Девочка всхлипнула и протянула ему руки. Он нежно прижал ее к груди.

Между тем фашистские самолеты улетели. Мы опять забрались в кузов. Из чехлов и шинелей мужчины соорудили гнездо и положили в него девочку. Сначала оттуда доносились слабые всхлипывания, но скоро девочка успокоилась и затихла. Шофер вел машину, объезжая каждую неровность.

Усталое клонилось к горизонту солнце. Над головой опять повисли колченогие «мессеры». Господи, как нелепо устроена жизнь! Беги, прячься, зарывайся в землю, дрожи. Сделав круг, самолеты ушли. На землю спустилась темнота, а мы все еще ехали. О сне никто не помышлял. Торопливые, охрипшие голоса, скрип и скрежет машин, пронзительные ноты тормозов будили тишину. Части все шли. Шли, разбавленные беженцами. Плакали дети. С трудом мы выбрались из толчеи, неразберихи и

хаоса на свободную дорогу. По обочинам залегла гнетущая мертвая тишина. Машина подпрыгивала на ухабах. Два, пять, десять километров. Внезапно впереди показались силуэты домов.

Как человеку мало надо, чтобы быть счастливым. Пахнущий кислым хлебом и сырой глиной домик казался пределом мечтаний! Жизнь все-таки прекрасна! Стоит жить. Я сбросила сапоги и прошлепала к лавке, ощущая радость покоя. Старшина передал мне спящую девочку, но она тут же проснулась и потянулась к нему.

— Папа, папа...

— Ох ты, мой найденыш. Что же мне делать с тобой?—Он нежно перебирал ее пушистые волосы. В хату вошла старая женщина. Неприязненно спросила:

— Далеко немцы?

Мы молчали, а девчушка вдруг засмеялась и что-то залепетала, указывая на старуху.

— Господи боже ты мой! И дите за собой таскают. Чья? — Голос потеплел.

— Нашли.

— И куда же вы тащите ее?

Старшина пожал плечами, а старуха запричитала. На ее стоны из комнаты вышла статная молодая женщина.

— Что это вы, мама?

Но, увидев девочку, тоже заплакала:

— А мой — умер... Недавно... Оставьте ее нам.

— Жалко мне... — вздохнул старшина. — Как своя кровная. Мои-то потерялись...

— Ребенку забота нужна. Женские руки. А тебе — воевать надо.

— Ясное дело.

Женщина протянула к девочке руки:

— Пойдем попьем молочка, мое солнышко.

Девочка крепко обхватила красную шею старшины, прижалась к нему, и казалось, оторвать ее было невозможно. Сели за стол. Старшина неловко поил девочку молоком, белые струйки стекали по груди и крупными каплями падали на пол. Насытившись, девочка уснула на руках Василия Сидоровича. Он передал ее хозяйке и подсел ко мне.

— Почему не ешь?

— Тошнит...

— Небось теперь не скажешь: «Подумаешь, война!»

В его голосе чувствовалась ласка, утешение:

— Война — это война. Кто кого. И, видно, мы в чем-то сваляли дурака, раз нас немец жмет. Но вот увидишь, верх одержит тот, кто против войны. А мы против. И мы его одолеем. Только нюни распускать не надо.

На рассвете мы покидали гостеприимный дом, оставив там найденыша. Она крепко спала.

Старшина помог мне найти свой полк. Простились сердечно.

И вот через тридцать лет...

— Я спрашивала о вас.

— Я ушел в морскую пехоту. Был ранен. Снова дрался. Как и все, в общем.

— А семья?

— Не нашел.

— А девочка...

— Ездил. Искал. Фамилию женщины не догадался записать. Не нашел.

— Как вы прожили эти тридцать лет?

— Правильно, думаю. Не хитрил. Не приспосабливался. Работал. Восстанавливал. Строил. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Вырастил трех детей. Повезло: нашел хорошую женщину.

Мы идем по ночному городу. Керчане спят. Полностью отстроенный белокаменный город свято хранит память о прошлом. Память... Она нужна, чтобы находить силы для защиты мира. Она нужна и для молодых...

4. Дневной полет

День был ярким, веселым. В небе, высоком и чистом, сияло сильное, горячее солнце. Леса застыли по берегам реки зеленою лавой. В одну улицу растянулась деревня. В каждой избе на постое летчицы и техники женского полка. За околицей села на берегу реки на небольшом лугу разместилось летное поле. Самолеты прилепились к самой околице тесным рядом.

После дневного отдыха мы идем на обед в столовую— длинный дощатый сарай. Около нее сидит человек двадцать пять немцев.

— Кто такие?

— Не видишь? Фрицы пожаловали.
— Откуда?
— В плен пришли сдаваться...

В белорусских лесах осталось много крупных вражеских группировок. Одни на что-то еще надеялись, дрались, другие сдавались в плен. Под тенью сарая сидели наши враги. Было что-то беспомощное и несчастное в этих обросших щетиной людях, шевельнулось даже какое-то чувство жалости к ним: мол, как могли их одурачить и послать на эту войну. Но ведь это они только что стреляли из лесов в наши самолеты. А сейчас подобострастно смотрят на нас, девчат, и бормочут униженно: «Гитлер капут».

Подошла Нина Данилова и бойко заговорила с ними по-немецки. Они обрадованно закивали головами.

— Ишь, гады, — пожала плечами Нина. — Гитлер их обманул. Детки несмышленые.

Кто-то из девчат принес им в котелках обед, и они жадно принялись за еду.

— Наголодались в лесах, — жалостливо сказала официантка.

— Пожалей-пожалей, — с мукой и злостью произнесла Зинаида Горман, у которой немцы уничтожили и сына, и родителей, и вообще всех родственников.

Подбежала связная и передала мне приказ срочно явиться на аэродром в полном боевом снаряжении.

На летном поле стоял «чужой» ПО-2. Около него — майор Е. Д. Бершанская и незнакомый летчик. Среднего роста, стройный, черноволосый, он напоминал индейца из увлекательных романов Купера, которыми мы зачитывались в школе. С любопытством скосив на него глаза, я доложила:

— Товарищ командир, по вашему приказанию прибыла...

— Знакомься: летчик Мусин. Полетишь с ним на бомбежку.

Я невольно поглядела на небо: голубое-голубое. Ни облачка. Разгар летнего дня.

Командир продолжала:

— Их обстреляли из того леса, — она показала рукой на противоположный берег реки, — штурмана тяжело ранили...

И тут я увидела чуть поодаль от самолета в траве носилки. Зеленые кустики травы и полевые цветы обрамля-

ли лицо штурмана, подчеркивая его смертельную бледность. Послышался слабый стон.

Подошли еще два экипажа, и майор поставила нам задачу: набрать над аэродромом высоту пятьсот метров и лететь за реку, где в лесу сосредоточилась часть противника.

— Выполняйте!

— Есть!

Я недовольно поплелась за Мусиным. Он остановился, поджидая меня.

— Не хочется лететь?

— Вот еще!

Лететь я всегда была готова с радостью. Но вот с парнем мне не приходилось летать, и потому боялась промаха. Ведь по мне, по моему полету он будет судить о всех девчатах-штурманах.

Подбежала Полина Ульянова.

— Не дрейфь, — шепнула со смехом. —Не заблудись...

— Отстань...

Заблудиться было негде. Цель прямо за рекой. Только бы не промахнуться. К машине подошли молча. Я полезла в кабину и невольно отпрянула: приборная доска и борта были густо забрызганы кровью.

— Подожди. Сейчас вытру...

Я прислонилась к плоскости, наблюдая за ним. Летчику нелегко давалась эта работа. Лицо исказила гримаса боли. Скрипнув зубами, сказал:

— Садись. Покрепче пристегнись. Дадим сволочам за Сашку...

Мусин вырулил машину на старт. В ожидании разрешения на взлет обернулся ко мне и ободряюще тряхнул головой.

Странно, первый раз вижу человека и лечу с ним неведомо на что. Вверяю ему свою жизнь. Как окончится наш полет, никто не знает. Кто он, этот парень? Откуда? Как его звать?

— Полетим на бреющем, — прервал мои мысли Мусин. — Фрицы не дураки сидеть в том же месте. Могли переместиться. Ты получше смотри.

— Ладно, — согласилась я сразу, но тут же вспомнила приказ командира: «Высота полета пятьсот метров». Сказать? А вдруг засмеет: «Струсила?» Будь, что будет. Не скажу.

ПО-2 легко поднялся и тут же пересек реку.

Со стремительной скоростью на нас надвигалась громада леса. В том месте, где фашисты обстреляли экипаж Мусина, их не оказалось. Мы изменили курс.

— Немцы!

Мусин кивнул мне в ответ головой: «Вижу».

Лесные просеки были забиты немецкой пехотой, пушками и обозами. Сначала мы прошли над ними, чтобы выявить их намерения, не думают ли они сдаваться в плен. Но фашисты встретили нас жестоким огнем, от которого затрясся наш «кукурузник».

Мусин рванул машину вправо, в укрытие широкой просеки. Вот-вот плоскости заденут за ветки деревьев. У меня все завертелось перед глазами: и небо, и лес, и река. Но это длилось мгновение. Ушли! Летчик выровнял самолет, набрал метров триста и сделал новый заход. Я прицеливалась. Вокруг самолета ухало, гремело... Ох и тряхануло нас взрывной волной от своих бомб! Привязные ремни прямо впились в тело, удерживая меня в кабине.

Когда Мусин посадил машину, я отправилась докладывать. Выслушав меня, майор Бершанская холодно спросила:

— Почему пошли бреющим?

— Надо было посмотреть, куда переместились немцы.

— Один посмотрел...— указала она на раненого штурмана, который в ожидании санитарного самолета все еще лежал на носилках. Мне нечего было сказать. И опять мы полетели с Мусиным...

— Пойдем так же? — спросил он, будто не замечая моего расстроенного лица. — Не боишься?

— Как надо, так и пойдем.

Все началось сначала. Самолет вздрагивал, трещал, дрожал. На земле и в воздухе бушевала война... Все смешалось в один жуткий грохот и дым.

Затем мы прошли низко-низко над рекой и сели на свой аэродром без традиционной «коробочки». Подрулили к стоянке. Мусин посмотрел в сторону, где были носилки. Техник опередила вопрос.

— Его увезли. Жить будет.

Мотор смолк. Мы впервые посмотрели внимательно друг на друга.

— Как самочувствие? — Он улыбнулся мне.

— Нормально, — отозвалась я.

— В экипаж ко мне пойдешь?

— А ты к нам в полк перейдешь?

— У вас командир грозная. За что она тебя отчитала?

— А... так просто. Ерунда. Идем обедать.

— Спасибо. Полечу домой. Доложу. Потом к Сашке в госпиталь.

Я протянула ему руку:

— До победы?

— Доживем! Пока...

И улетел. Я побрела к столовой.

Немцы по-прежнему сидели в тени сарая, покуривая и тихо переговариваясь между собой.

Есть не хотелось. Я легла на землю около столовой. В далекой синеве плыли редкие сизые облака. Небо сквозь них казалось туманным и таинственным. Я следила за неторопливым передвижением облаков, чувствуя, как тает, улетучивается в груди обида от только что полученного выговора от командира. Перед глазами неожиданно встало страшное месиво из орудий, повозок и человеческих тел, которое мы оставили на дымящейся лесной дороге. Неужели после этой войны люди еще когда-нибудь повторят это? Нет, эта война многих и многому научила. И прежде всего вот этих измученных виноватых немцев, что сидят сейчас у сарая. Видно, порядком им осточертела война, если даже плену радуются.

Главное — ничего потом не забыть. Чем крепче будет память о том, что такое война, тем крепче будет мир. Об этом людям никогда не надо забывать.

ОЧЕРКИ...

Мы сотни верст и тыщи верст земли,
Родной земли, завещанной отцами,
Топча ее, в страде войны прошли
С оглохшими от горечи сердцами.

А. Твардовский. 1944 г.

ЗАРЕВО НАД ПЛЮССОЙ

За окнами падал снег. Снег на исходе 1973 года, а мы говорили о событиях тридцатилетней давности, и за белой пряжей снегопада вставали картины войны. Бывший партизанский комиссар, а ныне начальник производственного отдела Саратовского завода строительных машин Виталий Дмитриевич Зайцев рассказывал о своей боевой молодости. За три неистовых года борьбы во вражеском тылу Виталием Дмитриевичем было пережито столько, что обилие фактов вызывало нечто вроде восторженной растерянности.

Размышляя о том, что и как буду писать, я все чаще возвращался в мыслях к одной из операций, проведенной партизанами Псковщины. Поэтому, отбросив колебания, я решил, что если писать, то писать надо только о ней. Мой очерк охватывает всего три дня, да и то отдельными штрихами, но если представить, что таких дней в жизни Виталия Дмитриевича было более тысячи, то картина будет достаточно полной.

1

В конце сентября 1943 года на дороге между селами Лышнице и Островно, что на севере Псковской области, можно было видеть двух всадников. Впереди на гнедом резвом коне ехал чернобровый и скуластый, отдаленно напоминавший своим обликом степного кочевника молодой человек двадцати трех лет в шинели без погон, перепоясанной солдатским ремнем, на котором висел пистолет в кобуре и две гранаты. Позади его скакал на вороной лошади белокурый парень. Он был на два-три года моложе своего спутника. Одет также в полувоенную форму. На груди его болтался трофейный немецкий автомат.

В. Д. Зайцев.

Первый из всадников был комиссар шестой Ленинградской партизанской бригады Виталий Дмитриевич Зайцев, второй — его ординарец Анатолий Иванов.

Всадники галопом выскочили на лесистый холм, пестро раскрашенный осенним листопадом, и остановились. Конь под Зайцевым фыркнул и ударил копытом.

— Может, подождем охрану, товарищ комиссар? — сказал ординарец.

Зайцев из-под ладони посмотрел на Лышницы. Из села выезжало шестеро конников — разведчики бригады, сопровождавшие комиссара во всех поездках.

— Догонят. —Зайцев повернул коня и взмахнул плетью.

Копыта лошадей гулко застучали по дороге, схваченной первыми заморозками. Стоял один из тех ясных, погожих дней, какие иногда дарит осень в пору прощания с солнечным теплом. Над безмолвными, будто погруженными в чуткую дрему полями и лесами было покойно и тихо. Виталий Дмитриевич ехал, сдерживая коня, нетерпеливо дергавшего повод, и обдумывал свое выступление на собрании партийной группы в Островно. В голове без затруднения, сам собой складывался план речи, и его радовало то, что он хотел сказать сельским коммунистам.

Многое переменилось к лучшему в последние дни войны. Красная Армия, одержав победу на Курской дуге, вела наступление на всех фронтах. Близился день полного прорыва блокады Ленинграда. Вместе с нарастающими ударами советских войск крепло, набирая грозную силу,

партизанское движение. Шестая бригада контролировала несколько районов площадью в четыреста квадратных километров. Здесь были восстановлены тридцать сельских Советов, объединявших больше сотни сел и деревень. По соседству успешно действовали другие партизанские соединения. В большинстве районов Псковской области немцы оказались блокированными и запертыми в крупных населенных пунктах, расположенных на железнодорожных и шоссейных магистралях. Партизаны теперь не прятались в лесах, а жили открыто, в деревнях, чувствуя себя безраздельными хозяевами на отвоеванной земле.

«Однако, — подумал комиссар, — надо будет сказать и о том, что обольщаться успехами не следует. Враг еще силен, и ждать от него можно что угодно».

Словно в подтверждение этой мысли позади раздались выстрелы. Зайцев круто повернул коня и увидел разведчиков, во весь опор скакавших по дороге.

— Товарищ комиссар, немцы! — крикнул, подлетев, передний из них.

— Где немцы? — встревоженно спросил Зайцев. — Откуда они взялись?

— Вышли из-за кустов. Там проселочная дорога. Мы их обстреляли. Одного уложили. Остальные разбежались.

— Сколько их было?

— Мы видели человек пять. Не иначе как дозор.

Зайцев задумался. В местах, которые контролировали партизаны, немцы небольшими группами не появлялись. Значит, поблизости двигалась или регулярная часть, или каратели.

— Товарищ комиссар, смотрите — «костыль» летит!— крикнул кто-то из разведчиков.

Зайцев присмотрелся и в отдалении на голубом фоне неба увидел черный силуэт немецкого самолета-разведчика. «Ну так и есть. Летит, сволочь, на Козлово и Волково, будто знает, что там расположены основные силы бригады». Комиссара охватила тревога. Послав двух разведчиков в Островно сообщить, что собрание переносится на другое время, он кружным путем погнал лошадь в расположение бригады.

Зайцев скакал по лесной дороге, безошибочно ориентируясь на местности. Все тут было ему знакомо: каждая тропка, каждое дерево. Еще в августе 1941 года военная

судьба забросила его, мастера Саратовского завода строительных машин, в Псковскую область, и он стал партизаном. Три года, вначале в должности политрука роты, а потом комиссара отряда и полка, сражался он во вражеском тылу, исколесил почти всю Псковщину, и стала она для него обжитой и близкой едва ли не больше, чем родная саратовская земля.

Зайцев гнал во весь дух коня, и в голове его роились беспокойные мысли. В последние дни в связи с готовящимся наступлением Ленинградского фронта перед его бригадой была поставлена задача — парализовать движение на Варшавской железной дороге между Лугой и Псковом. Она имела далеко идущие оперативно-тактические цели — лишить немецкое командование важной коммуникации, затруднить снабжение вражеских войск вооружением, боеприпасами, продовольствием, а затем, при наступлении, отрезать путь отхода немцам, не дать им вывезти технику, награбленное добро.

Командование бригады решило первым делом напасть на станцию Плюсса. Разгромить вражеский гарнизон, разрушить пристанционное хозяйство и железнодорожные пути.

Последнее время Зайцев только и жил мыслью о готовящейся операции и теперь, обнаружив немцев невдалеке от расположения бригады, не на шутку встревожился. Не решило ли фашистское командование упредить партизан и снарядило карательную экспедицию, чтобы не дать нам нарушить движение на Варшавской железной дороге? Мысли комиссара вернулись к двум партизанским деревням —Козлово и Волково. Накануне здесь собралась почти вся бригада для пополнения. Был объявлен санитарный день. Топились бани, пахло дымом и березовыми вениками. «Вот это будет баня, если немцы застанут врасплох»,—подумалось Зайцеву, и у него похолодело в груди при мысли, чем это может кончиться. В Козлово и Волково располагалось все бригадное хозяйство —различные службы, боеприпасы, продовольствие. Много там было раненых и больных. Разгром этих деревень повлек бы за собой невосполнимые жертвы и надолго лишил бы бригаду боеспособности. И это теперь, когда от нее требовалась высокая боевая активность.

У него несколько отлегло от сердца лишь тогда, когда он подскакал к Козлово. Беспорядочной стрельбы, людей, выбегающих голыми из бань, как ему представлялось, он не увидел. В деревне было тихо, и выглядела она опустевшей. На мгновение Зайцеву стало неловко за свой испуг: «Фу ты! Надо ж было так переполошиться!» Пришпорив коня, он выехал на улицу. Навстречу выкатилась повозка. Нахлестывая лошадей, на ней сидел пожилой, седоусый партизан.

— Стой! — остановил его Зайцев.—Куда?

— Тпр-ру! За ранеными. За деревню скачите, товарищ комиссар. Там все наши. Оборону занимают. Немец прет. Сила, говорят...

Фашисты шли со стороны озера Черное. Конная партизанская разведка обнаружила их на дороге к Козлово и Волково. В колонне насчитывалось до шестисот человек. Каратели были вооружены автоматами, пулеметами, тяжелыми минометами и противотанковыми пушками. Двигаясь вдоль берега реки Черной, они быстро приближались к расположению бригады. Разведчики не спускали с них глаз.

Зайцев выскочил за деревню. На бугре в старых окопах, вырытых еще в начале войны какой-то нашей частью, партизаны занимали оборону. Комиссара встретил помощник начальника штаба бригады Богданов.

— Где комбриг? — спросил Зайцев.

— В Быково, в третий отряд вместе с начальником штаба уехал. Я послал за ними. Вот оборону занимаем.

— Правильно делаете. Отойти не успеем.

Богданов доложил обстановку. Зайцев поднялся на бугор и осмотрел местность. Впереди простиралось поле, слева свинцово поблескивала река, справа темнел лес. Место, занятое под оборону, ему понравилось. Теперь, находясь с людьми в бригаде, он был совершенно спокоен. Мысль работала четко и ясно.

— На фланги надо выставить пулеметы и замаскировать как следует. Есть возможность устроить немцам ловушку. Живо! Встретим немцев коржами с маком. Как вы считаете, товарищи? — обратился Зайцев к партизанам.

— Не впервой. Накладем гансам, — отозвался рослый

и курчавый, похожий на цыгана партизан, деловито раскладывавший на бруствере окопа гранаты.

— Ты в случае чего рот пошире раскрывай, Микеша,— посоветовал ему сосед, белобрысый, смешливый парень.

— Это зачем?

— Зубы показывай фрицам. Они у тебя как у тигра. Пятак перекусывают. Ей-бо!

По траншее прокатился смех. Рассмеялся и Зайцев.

К бугру подскакали командир и начальник штаба бригады. Передав взмыленного коня ординарцу, комбриг Объедков бегом забрался на взгорок. Небольшого роста, сухощавый и необыкновенно подвижный, он быстрым и легким шагом прошел по ходу сообщения.

— Здорово, орлы! — послышался его зычный голос. — Э, да вы тут совсем неплохо устроились. Добро! Добро!

Наметанным командирским глазом он с ходу по достоинству оценил оборону.

— Вижу, вижу, — перебил он Богданова, подошедшего к нему с докладом.— Хорошо распорядились. А вот о тылах надо лучше побеспокоиться. Пошлите человека, чтобы все службы, раненых и безоружных новобранцев отвели в безопасное место — вот туда, за холм, между Козлово и речкой. Быстро! И маскировка чтоб была. Заманим немцев в «мешок» и ударим, чтобы света белого не взвидели.

В сложной боевой обстановке комбриг чувствовал себя как рыба в воде. На мгновение Зайцев залюбовался им. Встретившись с ним взглядом, Объедков приветливо кивнул:

— Где думаешь определиться, комиссар?

— Решил пойти на правый фланг, — ответил Зайцев.

— Правильно, — тряхнул выбившимся из-под фуражки чубом комбриг. — Там самое ответственное место. Давай двигай. Времени в обрез.

Укрываясь кустарником, Зайцев обходным путем побежал на правый фланг. На опушке леса, искусно замаскировавшись, лежали партизаны.

— Братцы! — весело проговорил кто-то из них. — Комиссар к нам. Нашего полку прибыло.

— Тихо ты, звонарь! — пришикнули на него.

Ничто так высоко не ценилось партизанами в полит-

работниках, как их боевой пример и личные боевые качества. Это было самое действенное средство агитации, и Зайцев умел с блеском пользоваться им. Редко кто мог так, как он, сохранять в трудную минуту боя хладнокровие и выдержку, действовать мужественно и отважно. Он безукоризненно стрелял из любого вида оружия, гранаты бросал со снайперской точностью, мог при случае водить автомашину и даже танк, что не раз выручало его в сложных перипетиях партизанской войны.

Осмотревшись, Зайцев остался доволен размещением партизан — засады делать они умели — и прилег рядом с расчетом станкового пулемета. Ему смущенно улыбнулся заряжающий, совсем еще зеленый парнишка, набивавший патронами ленту. Пальцы рук его чуть приметно подрагивали.

— Первый раз в бою? — спросил Зайцев.

— Нет, второй.

— Стреляный, — пробасил наводчик. Могучего сложения, он глыбой возвышался за пулеметом. — Не трусь, Петруха, — не съест муха.

— Я не трушу. С чего ты взял, — парень обиженно вздернул верхнюю губу, покрытую белесым пушком.

— Конечно, не трусит, — поддержал молодого партизана Зайцев. — Еще героем станет. Все девушки в округе заглядываться будут.

— Ну, вы скажете, — парень шмыгнул носом, опахнув Зайцева благодарным взглядом голубых глаз.

Справа, заставив насторожиться, раздались хлопки выстрелов. Зайцев приподнял голову и увидел на дороге спешившихся с лошадей разведчиков бригады. Укрываясь за деревьями, они перестреливались с авангардом вражеской колонны. Со стороны немцев стрельба становилась все чаще и злее. «Лишь бы не разгадали нашего замысла»,— беспокойно подумалось Зайцеву. Все зависело от того, зайдут или не зайдут немцы в ловушку. В противном случае пришлось бы принимать очень тяжелый бой. А вооружены партизаны были значительно хуже карателей. Бригада в эти дни еще только формировалась.

Разведчики, сделав вид, что струхнули, сели на коней и скрылись в лесу. Через некоторое время они снова, будто дразня немцев, появились на дороге.

— Заманивают, — обернувшись, осклабился наводчик. — Давай, давай, братва!

Вскоре совсем рядом раздался топот копыт: разведчики, нахлестывая лошадей, проскакали к бугру и, проскочив окопы, скрылись на окраине Козлово.

— Приготовиться! — передал по цепи Зайцев. — Без команды не стрелять. Кто слабый — сразу отползай в кусты.

Последнюю фразу комиссар произнес, усмехнувшись. Знал, что она всегда безотказно действует на психику слабонервных.

На дороге раздался гулкий топот. Прямо перед засадой партизан показалась голова колонны немецкого авангарда. Впереди шли два полицая-проводника. С бугра из окопов раздалось несколько одиночных выстрелов. Огонь преднамеренно велся вялый. Надо было у немцев создать впечатление, что им не оказывается серьезного сопротивления. Фланги молчали. Зайцев видел, как у наводчика, слившегося с пулеметом, вздулись желваки на скулах. Вслед за авангардом по дороге густо повалили основные силы вражеской колонны. Для острастки фашисты постреливали по бугру и по деревням. Потом они стали разворачиваться вправо и влево, намереваясь обойти бугор и взять Козлово и Волково в клещи.

С холма светящимся пунктиром протянулась очередь трассирующих пуль — командир бригады подал сигнал на открытие огня. С фронта и с флангов на врага обрушился свинцовый шквал. Немцы заметались по полю. На дороге, против того места, где находился Зайцев, сгрудились повозки с минометами и пушками. Ездовые стали поворачивать лошадей. Образовалась свалка. Две повозки, сцепившись колесами, опрокинулись в кювет. Оборвав постромки, серая лошадь в яблоках с заливистым ржанием понеслась по обочине дороги в лес. За ней, обезумев от страха, побежал солдат-ездовой, но потом вдруг повернул прямо на пулемет и, срезанный очередью, упал.

Паника, как огонь сухую солому, охватила немцев. Напрасно кричали, размахивая парабеллумами, офицеры, пытаясь остановить солдат. Вначале они пятились, беспорядочно отстреливаясь, а потом обратились в повальное бегство.

Из-за холма с гиканьем и свистом выскочили на конях бригадные разведчики. Впереди, сверкая клинком, скакал их командир Иван Смирнов. На бугре грянуло «ура». Это поднял в атаку партизан правого фланга Зайцев. На-

чалось преследование удиравшего врага, которое длилось до вечерних сумерек. Немцы оставили на поле боя более трехсот убитых, две противотанковые пушки, три тяжелых миномета, ящики с минами и патронами. Уцелевшие каратели убежали туда, откуда пришли, — к деревне Заречной, где их добила вторая партизанская бригада Н. И. Синельникова.

3

Усталый, но довольный Зайцев возвратился к вечеру в Козлово. На улице встретился с комбригом.

— Расчихвостили карателей в хвост и гриву, а, комиссар? — весело крикнул он еще издали.

— Да, теперь и попариться можно, — пошутил Зайцев. — Не остыли еще бани?

— Подтопим, если остыли. — Смеясь, Объедков покопался в кармане брюк и достал смятый листок бумаги. — Не читал?

Глянув на листок, Зайцев узнал немецкую листовку. Днем немцы много их сбросили над Козлово и Волково.

— Нет, не читал, — ответил Зайцев. — Но у меня тоже имеется. Ординарец подобрал.

— А листовочка любопытная. Пойдем в штаб, почитаем.

В штабе, просторной деревенской избе, было полутемно. В окнах синели вечерние сумерки. Комбриг зажег керосиновую лампу на столе, усмехнулся:

— Про нас с тобой написано. Послушай, что пишут, сукины сыны.

Листовка, написанная в духе геббельсовской пропаганды, предсказывала неминуемую гибель всем, кто противится новому порядку на оккупированной гитлеровцами земле, и призывала партизан сложить оружие и прийти с повинной. В конце описывались приметы Объедкова и Зайцева, которые именовались «большевистскими бандитами и смутьянами». За них было обещано большое вознаграждение — двадцать пять тысяч марок, железные кресты и... двадцать гектаров земли каждому, кто доставит этих людей оккупационным властям живыми или мертвыми.

— Каково? — прочитав листовку, рассмеялся Объедков. — Видать, здорово припекло, если не скупятся на

такие посулы. И ведь, должно быть, всерьез рассчитывают, что кто-нибудь из партизан клюнет на эту удочку.

— Партизаны уже сегодня дали ответ на эту писульку, — сказал Зайцев.

В избу, оживленно разговаривая, вошли начальник особого отдела Захаров и начальник штаба Крицков.

— Это у тебя от молодости, — говорил Захаров Крицкову, который был его на семь лет моложе. Впрочем, и самому Захарову недавно исполнилось всего тридцать два года.

— О чем разговор? — спросил Объедков.

— Да вот настаивает на безотлагательном выступлении к станции Плюсса, — кивнул на Крицкова Захаров. — Вскружил ему голову успех сегодняшнего боя. А на станции, по агентурным данным, ни много ни мало — пять тысяч человек.

Зайцев не без удовольствия окинул взглядом юношески стройную, по-военному подтянутую фигуру начальника штаба. Он любил этого человека. Судьба его во многом была схожа с его собственной: Крицков воевал с самого начала войны, с середины сорок первого стал партизаном, командовал ротой, отрядом, потом возглавлял штаб полка, а теперь бригады. Зайцеву понравилось что, едва выйдя из боя, Крицков уже думал о Плюсской операции. Ему самому мысль о ней не давала покоя.

— Вы меня, Николай Иванович, молодостью не попрекайте, — спокойно, с достоинством сказал Крицков, проходя к столу и садясь на лавку. — Как ни крути, операцию надо начинать. Уверен, что так же думают комбриг и комиссар.

— Вот у меня где эта операция, — ударил себя по шее Объедков. — Сегодня утром из Ленинграда получена еще одна шифровка: требуют все силы бросить на Варшавскую железную дорогу, от мелких диверсионных налетов перейти к широким тактическим действиям. Завтра соберем совещание и обговорим операцию.

— Давайте-ка все деловые разговоры перенесем на завтра, — сказал Захаров. — Зам. по тылу в баню приглашает. Может, пойдем попарим косточки?

— Ох и любитель же ты до этого дела! — лукаво прищурился Объедков.

— Не один я, — Захаров кивнул на Зайцева. — Комиссар тоже горазд посидеть на полке с веником.

Все рассмеялись, вспомнив, как месяц назад начальника особого отдела и комиссара чуть было в бане не застукали немцы.

В то время партизаны еще скитались по лесам. В беспрерывных тревогах и заботах Зайцев почти все лето не мылся в бане и белье заносил так, что оно стало расползаться от пота. Однажды вечером Захаров отозвал его в сторонку и сказал:

— Есть возможность помыться. Одна женщина в соседней деревне истопила баню. Банька на отшибе — на опушке за речкой. Кругом тихо. Пойдем?

Искушение было велико, и Зайцев согласился. Каратели уже несколько дней не беспокоили партизан, у комиссара выдалось свободное время, и он, уведомив ординарца, пошел с Захаровым. Они прошли лесом, перебрались по сходням через небольшую речушку, подошли к бане и осмотрелись. Баня, действительно, располагалась очень удобно, в стороне от деревни. Минуту-другую стояли курили. Догорала вечерняя заря, окрашивая воду в речке и тальник на берегу в розовый цвет. Вокруг не было видно ни души.

— Пошли, Виталий Дмитриевич, — бросив цигарку, весело подмигнул Захаров.

В предбаннике на лавке лежали две пары чистого белья и березовые веники. Они разделись и, прихватив с собой на всякий случай оружие, вошли в душное тепло бани.

— Ух, какая благодать!

Николай Иванович, большой любитель попариться, плеснул на каменку ковш воды и полез на полок. Через минуту, потонув в клубах сухого, горячего пара, он уже яростно нахлестывал себя веником. Стал париться и Зайцев. Отдавшись опьяняющему удовольствию мытья, они забыли осторожность: выбегали из бани, ныряли в речке, а потом снова парились.

— Ну, с меня хватит, — изнемогая, сказал наконец Зайцев и, окатившись холодной водой, вышел в предбанник. Чувствуя приятную истому во всем теле, потянулся за бельем и оцепенел, вдруг услышав неподалеку, за стенкой бани, немецкую речь. «Ну, кажется, влипли!» — Зайцев приоткрыл дверь в баню. Захаров продолжал нахлестывать себя веником.

— Кончай! — махнул ему Зайцев. — Немцы!

— Врешь?! — Захаров выронил веник и кубарем скатился с полка.

Они торопливо оделись, взяли в руки автоматы и замерли, не зная что дальше делать. Немцы, видимо ничего не подозревая, продолжали между собой неторопливый разговор. Судя по голосам, их было не больше трех человек. Где-то неподалеку гудели машины. Как позднее стало известно, на дороге у деревни остановилась немецкая часть, следовавшая на фронт.

Зайцев протянул руку и вытащил тряпку из отдушины в стене бани.

— Что собираешься делать? — шепнул Захаров.

— Брошу гранату — под шумок проскочим.

Граната взорвалась, со свистом ударив осколками по стене.

Открыв дверь, первым стремглав метнулся в вечерний сумрак Захаров, за ним — Зайцев. Выбежав к речке, он побежал по берегу, отыскивая сходни. Сзади кричали немцы. Прокатившись гулким эхом в лесу, полоснули автоматные очереди. Над головой засвистели пули. Зайцев бросился в речку. Захаров опередил его и, переправившись вброд на тот берег, открыл огонь, укрывшись за деревом. Немцы сосредоточили стрельбу по нему. Добравшись до берега, Зайцев забежал в лес и стал стрелять, прикрывая отход Захарова.

Через пять минут они встретились на лесной дороге.

— Однако попарились, — шумно вздохнул Захаров, и они громко расхохотались.

•

— Ох и хотелось же мне тогда вздуть вас по первое число, — сказал Объедков. — Мы же, как услышали тогда выстрелы и узнали от ординарца, что вы мыться ушли, весь лагерь в ружье подняли.

— Ну, теперь-то опасности нет, — примиряюще улыбнулся Захаров.— Пошли, пока пар не ушел.

На улице деревни царило что-то вроде праздничного оживления. Дымили походные кухни. Курчавился дым над избами, сизыми столбами поднимаясь в темно-синее вечернее небо. Играла гармошка, и чей-то заливистый тенор под ее лихие переборы звонко выкрикивал частушку:

Похвалялись гитлерюги:
Нахватаем орденов!
Наступали по всей форме —
Удирали без штанов.

— Вот черти! — с восхищением сказал За́харов. — Это они определенно про сегодняшний бой сочинили.

— А признайся, Виталий Дмитриевич, — вдруг спросил Зайцева Объедков, — струхнул тогда в бане-то?

— Да как сказать, — неопределенно ответил Зайцев. — Помню, острое чувство досады меня охватило, что глупо попался. Не хотелось по-дурацки погибать. А страх? Нет, не припомню. Мне столько раз во время войны приходилось лицом к лицу встречаться со смертью, что чувство это, должно быть, притупилось, уступив место злости. Как-то летом сорок второго года мне с командиром нашего отряда Федором Сорокиным пришлось участвовать в одной рискованной операции — приводить в исполнение смертный приговор над немецким комендантом Славковского района. Большой был изверг и негодяй, многих наших людей замучил, и партизаны с подпольщиками приговорили его к расстрелу. Выбрали мы место встречи с комендантом людное: узнали от подпольщиков, что он будет проводить собрание старост района в клубе одного местного совхоза, и пожаловали на него. Подпольщики, чтобы нам способнее было стрелять, выдвинули нас с Сорокиным в президиум. И вот сижу я на сцене. Впереди меня кроме коменданта еще три офицерских затылка торчат. За сценой в зале до десятка полицаев глаза таращат, да и старосты в большинстве своем сволочной народ. Думаю: как сейчас прикончим коменданта, разорвут нас на клочки. Риск был очень большой. Но, скажу без рисовки, страха не было. В груди кипела одна ненависть. «Сейчас, — думаю, — придет тебе конец, фашистская гиена. Сейчас...» Комендант поднялся, чтоб открыть собрание. Сорокин мигнул мне: «Действуй!» Выхватили мы пистолеты, и не успели немцы протянуть руки к кобурам, как свалились замертво.

Полицаи было схватились за карабины, но их тут же охладили наши люди из подпольщиков. Один из них прыгнул на стул и во весь голос крикнул: «Спокойно! Не двигаться! Клуб окружен партизанами».

Полицаи сразу притихли. Их обезоружили и увели. А мы с Сорокиным остались со старостами, чтобы продол-

жить собрание, понятно, в ином направлении: надо было провести с ними кое-какую агитационную работу, чтобы заставить работать на нас.

— Да, такое и со мной случалось, — раздумчиво проговорил Объедков. — Страшное и великое это чувство — ненависть, когда оно рождено борьбой за правое дело.

4

На следующий день Зайцев поднялся затемно. Наскоро умылся, позавтракал и сразу же втянулся в водоворот бригадных дел. С утра вместе с комбригом и начальником штаба он побывал в четвертом отряде: надо было закончить его формирование, раздать новобранцам трофейное оружие, организовать их обучение. Более часа отнял разбор вчерашнего боя. Зайцев выступил с политинформацией.

Дел в этот день, как всегда, было много, и все они так или иначе были связаны с подготовкой Плюсской операции. В одиннадцать часов дня Зайцев зашел к начальнику особого отдела. Бригадные разведчики, день назад побывавшие в Плюссе, донесли, что туда согнано до тысячи мужчин и молодых женщин для отправки в Германию. Тревожась за их судьбу, комиссар решил узнать у Захарова, не поступило ли к нему каких-либо сведений о том, когда немцы намереваются отправлять людей.

В избе у Захарова сидела девушка в белой пуховой шали, спущенной на плечи. Статная, голубоглазая, с русыми вьющимися волосами — настоящая русская красавица.

— Знакомься, Виталий Дмитриевич, — кивнул на девушку Захаров. — Люся. Наша разведчица из Плюссы. Принесла интересные сведения.

Зайцев насторожился, надеясь выяснить интересовавший его вопрос. Но сведения оказались другого сорта.

— Люся рассказывает, — продолжал Захаров, — что помощник коменданта майор Кригер, — он улыбнулся, — сделал ей предложение. Как тебе это нравится? Сама она, кажется, не в восторге.

Девушка пренебрежительно повела бровью:

— Пропади он пропадом, старый козел.

— Ну, не такой уж он старый, — заметил Захаров. — Мужчина хоть куда. Только вот что-то господь бог долго смерти ему не дает. Это не дело. Помочь ему надо...

— Ты что задумал? — спросил Зайцев.

— Помочь Кригеру сыграть свадьбу — ни больше ни меньше, — усмехнулся Захаров, и лицо его стало строгим, в уголках губ залегли жесткие складки. — Такую свадьбу, — он сжал кулак, — чтобы всем чертям стало тошно. Ну, об этом потом. А теперь вот Люсю надо убедить, что свадьба эта необходима. Фиктивная, понимаешь, Люся, фиктивная! Мы ему, селадону косорылому, и пальцем к тебе притронуться не дадим.

Девушка глубоко вздохнула и набросила на голову шаль.

— Ладно. Быть по-вашему.

— Ну вот и отлично! Ты у нас умница. О дне «свадьбы» мы тебя известим. Иди, голубушка.

Девушка поднялась с лавки и, попрощавшись, вышла.

— Что известно о людях, согнанных в Плюссу? — спросил Зайцев.

— Собираются отправлять, а когда — установить пока не удалось.

Зайцев нахмурился. Было ясно, что надо форсировать подготовку Плюсской операции, но где гарантия, что не сегодня-завтра немцы угонят людей в Германию? Про себя комиссар решил, что не следует ни одного дня прекращать диверсионную работу на железной дороге. Это будет отвлекать фашистов и в то же время затруднит отправку железнодорожных составов, а следовательно, и угон людей в Германию.

— А свадьба не того? — осторожно спросил Зайцев Захарова. — На кино не будет смахивать?

— Да ты что, за мальчишку меня принимаешь? — обиделся Захаров. — В Плюссе у немцев многочисленный гарнизон. Они вооружены минометами и пушками. У них более десятка станковых пулеметов. У нас и десятой доли нет того, что у них. Тут без хитрости никак не обойдешься. Уверен, что ты меня поддержишь на совещании.

Совещание состоялось после полудня. Плюсская операция готовилась секретно, и поэтому собралось на него строго ограниченное число лиц: Объедков, Зайцев, Захаров, Крицков и заместитель комбрига по разведке Болсунов.

Совещание открыл комбриг.

— Не знаю, как вы, товарищи, но я, честно говоря, волнуюсь, — сказал он. — Волнуюсь не потому, что чего-то боюсь, а потому, что обсуждаем мы операцию, чрезвычайно важную и по значению, и по масштабам. О таком дерзком налете на большой немецкий гарнизон еще недавно мы могли только мечтать. Комендант Плюссы хвастается, что партизаны к нему и носа не сунут. Два года, дескать, не трогали, и теперь у них кишка тонка. Тем хуже для него. Давайте хорошенько подумаем, как нам сбить спесь с гитлеровского бахвала.

После комбрига выступили Захаров, Болсунов и Крицков. Первый рассказал о данных агентурной разведки, второй — войсковой, а начальник штаба ознакомил со схемой расположения огневых точек и караульных постов в Плюссе. Все это уже было известно Зайцеву, но слушал он внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова. Ему нравился спокойный и деловой настрой совещания, объективность и исчерпывающая ясность в суждениях товарищей о противнике. Это были зрелые организаторы партизанской войны, неизмеримо выросшие по сравнению с тем, чем они были в первые дни борьбы в тылу врага.

Зайцеву все больше нравилась мысль Захарова использовать «свадьбу» майора Кригера при проведении операции. Когда начальник особого отдела завел об этом разговор, он первый поддержал его.

— Затея стоящая. Мне известно, что в Плюссе процветают самогонщики. Их, понятно, ловят, но реквизированную самогонку немцы пьют с удовольствием. Надо завезти туда как можно больше этого зелья перед «свадьбой». Пусть перепьется весь гарнизон.

Предложение угостить немцев самогонкой вызвало веселое оживление.

Обговорив и уточнив детали подготовки и проведения операции, комбриг закрыл совещание.

При выходе из штаба Зайцева остановил политрук Жигарев. Он был мрачнее тучи.

— Что случилось, Михаил Тихонович? — спросил комиссар.

Волнуясь, Жигарев рассказал, что в селе Нежадово немцы собираются сжечь детский дом.

— Не может быть! — оторопел Зайцев.

— Точно говорю, — заверил Жигарев.

Оказалось, что кто-то из ребятишек навел наших разведчиков на склад с зерном, которое немцы собирались вывезти. Разведчики сожгли его. Узнав об этом, немецкий комендант пришел в ярость и приказал сжечь детский дом.

— Ах, гад! — Зайцев стиснул кулаки.

То, что рассказывал Жигарев, походило на правду. Зверствуя, фашисты не щадили даже детей. В мае сорок третьего партизаны отбили у них детский дом в селе Полна. Согнав сюда ребятишек, гитлеровцы вовсю трубили о гуманности оккупационных властей. Когда же Зайцев увидел освобожденных от немецкой опеки ребятишек, у него от боли сжалось сердце. Перед ним были живые скелетики с восковыми лицами, с высохшими, истонченными ручонками, на которых просвечивалась каждая косточка. Немецкие врачи брали у детей кровь и переливали раненым солдатам. Обескровленных и изнеможденных ребятишек увозили в крытых машинах и топили в Чудском озере.

— Надо спасать детей, — решительно сказал Зайцев.

До самого вечера комиссар не слезал с коня. Для спасения детей были снаряжены две роты автоматчиков. Стремительным налетом на Нежадово партизаны смяли немецкий гарнизон, вывели из детского дома ребятишек, посадили их на подводы и так же внезапно исчезли из села, как и появились.

Поздно вечером, разместив детей в соседних деревнях, Зайцев возвращался в бригаду. В ушах звучал умоляющий детский голос: «Дяденька партизан, не оставляйте нас! Я боюсь. Меня бить будут. Дяденька партизан!» Кричала девочка, которую он переносил с повозки в избу. Худенькое тело девочки казалось невесомым. Зайцев бережно прижимал ее к себе, уговаривал, и горький ком подступал к его горлу.

5

Подготовка операции, между тем, шла полным ходом. Провести ее было намечено в ночь на восемнадцатое октября. К этому времени, скрытно совершив сорокакилометровый марш, отряды бригады выдвинулись к Плюссе.

Постепенно накапливаясь, сосредоточились на болоте Соколиный Мох в двух километрах от станции, откуда немцы меньше всего ожидали нападения партизан.

Был серый, пасмурный день. С неба, низко нависавшего темно-лиловыми тучами, сеялся мелкий, как крупа, снег. Под ногами потрескивал ледок. Зайцев шел по болоту, осматривая район сосредоточения. Вокруг торчали кочки, чернел продутый осенними ветрами кустарник. Лишь зеленевшие то в одном, то в другом месте мохнатые лапы елей и пихт скрашивали безрадостную картину. Лес так густо покрывал болото, что партизан почти не было видно. Только сдержанный говор выдавал их присутствие. Партизаны пока не знали, что готовится под Плюссой, но все, конечно, понимали, что привели их не клюкву собирать. Нигде не было видно, чтоб кто-нибудь разжег костер, хотя холод порядком донимал людей.

На кучке валежника под елью сидела группа партизан. Политрук роты Сергей Соколов читал им сводку Совинформбюро.

Зайцев поздоровался.

— Как настроение, товарищи?

— Бодрое. Идем ко дну, — бойко ответил парень в лохматой заячьей шапке.

— Что так?

— Да вот сидим и дятлу завидуем. Он стучит на елке, работает, а мы тут с утра без дела мерзнем. Долго еще ждать, товарищ комиссар?

— Потерпите немножко. Скоро жарко станет.— Зайцев запрокинул голову и посмотрел на дятла, деловито обрабатывавшего сук на соседнем дереве.— А птичка и впрямь молодчина. На нас работает. Маскирует. Соколов, — обратился комиссар к политруку, — у нас в роте немало бывалых партизан. Да и сами вы воробей стреляный. Закончите читать сводку — поделитесь опытом, как надо действовать в ночном бою. Пригодится.

— Будет сделано, — по-военному щелкнул каблуками больших, явно не по размеру ботинок Соколов.

«Стреляный воробей» сам был еще очень молод. Студент Ленинградского судостроительного института Сергей Соколов год назад пришел в партизанский отряд робким и нескладным парнем. Долго не мог привыкнуть к трудной и беспокойной партизанской жизни и в первое

время не раз попадал в беду. Однажды уснул на посту и только благодаря заступничеству Зайцева избежал расстрела. Комиссар пожалел молодого партизана и не ошибся. Правда, ему еще немало пришлось повозиться с Соколовым, однако недаром. Неузнаваемым со временем стал ленинградский студент — дисциплинирован, смел, находчив в бою. И как политрук роты он теперь был на своем месте.

Зайцев обходил район сосредоточения, беседовал с людьми, и для всех у него находилось доброе, подбадривающее слово, так необходимое людям перед боем.

На лесной прогалине, где остановился штаб бригады, Зайцева окликнул Объедков. Комбриг был чем-то озабочен.

— Вот почитай, — Объедков протянул комиссару радиограмму, полученную из Ленинграда. В ней начальник штаба партизанского движения М. Н. Никитин в категорической форме приказывал взорвать мост у станции Плюсса. При разработке операции штабом бригады это не планировалось. Намечалось лишь разрушить станцию, железнодорожные пути и разгромить гарнизон в поселке. План этот был утвержден руководством партизанского движения в Ленинграде, но в последний момент там сочли необходимым внести в него изменения.

— Что будем делать? — озадаченно спросил Объедков. — Никитин оставляет на наше усмотрение налет на гарнизон. Может, ограничимся взрывом моста и разгромом станции?

— Да, сюрприз! — вздохнул Зайцев. — Мост-то под усиленной охраной. Там пулеметный дзот. А на противоположном берегу реки в Заплюсье, которое контролирует соседняя бригада, минометная и пушечная батареи. Так?

— Так. Орешек крепкий. Разгрызть его будет не просто. А разгрызать, так его перетак, придется.

— Давай соберем коммунистов и посоветуемся, как поступить, — подумав, предложил комиссар.

— Что ж, это дело, — согласился комбриг. — Время пока терпит. Давай скликай коммунистов.

От этого партийного собрания не осталось протокола: президиум не избирался. Проходило оно под открытым небом. Сыпался снег, покрывая белой бахромой старые нахмуренные ели. Снег белел на шапках и плечах

коммунистов. У всех — строгие, озабоченные лица. Немногословными были выступления. Мнения сошлись на одном: поскольку налет на поселок тщательно продуман и подготовлен, отказываться от разгрома гарнизона не следует — провести его одновременно со взрывом моста. Зайцева порадовало единодушие коммунистов. В их словах чувствовалась уверенность в высокой боеспособности бригады, в том, что ей по плечу выполнение сложных тактических задач.

— Вот как мы размахнулись! — сказал Объедков Зайцеву, когда коммунисты разошлись по отрядам, и задорно тряхнул чубом, припудренным снегом. — Как там свадьба? На мази?

— Будет свадьба, — в тон ему ответил Зайцев. — Двадцать бидонов самогону в Плюссу завезли. Захаров постарался.

— Ну, пусть повеселятся. В последний раз. Похмеляться не придется, — усмехнулся комбриг.

6

Темны осенние ночи на Псковщине. Выбравшись из леса на железнодорожную насыпь, Зайцев остановился, чтобы перевести дыхание, и не сразу сообразил, что он уже почти у цели. В чернильно густой темноте двумя желтыми квадратами светились окна вокзала. Пыхтел, бросая на заснеженную платформу желтые пятна света, маневровый паровоз.

Зайцев оглянулся. На насыпь один за другим выползали партизаны. Кто-то, не сдержавшись, сдавленно кашлянул. Ему тотчас запечатали рот ладонью.

— Замри!

До станции было рукой подать, и Зайцев, затаившись, стал ждать условного сигнала. Его должен был подать комбриг, находившийся на левом фланге. Еще левее двигался первый отряд, которому было приказано взорвать мост. Где-то справа, скрытые ночной тьмой, к поселку подбирались два отряда во главе с эстонцем Артте и украинцем Койченко. С ними находился начальник штаба Крицков.

Зайцев ждал сигнала и разглядывал смутно маячившие на путях два состава. В одном из них находились наши люди, подготовленные к отправке в Германию. Комиссар, ни на один день не забывавший о них, беспокоил-

ся, чтобы в горячке боя кто-нибудь не пострадал от взрывов и стрельбы, и теперь напряженно всматривался, стараясь угадать, в котором из составов находились люди.

—Тихо-то как, — прошептал лежавший рядом ординарец. — Слышите, в поселке, кажется, поют?

— Веселятся, — усмехнулся комиссар.

В поселке шел горой свадебный пир. В здании бывшего районного госбанка было полное застолье гостей, собравшихся поздравить молодожена Вилли Кригера. Длинный, словно жердь, жених с трудом держался на ногах и все лез обниматься к невесте. Люся, бледная как полотно, неподвижно сидела в переднем углу, с напряжением вслушиваясь, когда же в поселке загремят выстрелы и она будет избавлена от этой мучительной пытки.

Ровно в час ночи небо над станцией прочертила пунктирная строчка трассирующих пуль. То был сигнал налета. Поднявшись, Зайцев спрыгнул с насыпи и, увлекая за собой партизан, побежал по железнодорожным путям. Из темноты, метнувшись испуганной тенью, выросла фигура часового.

— Хальт! — раздался сдавленный крик. Не дав немцу закончить фразу, Зайцев свалил его прикладом автомата.

Различая в темноте друг друга по белым нарукавным повязкам, партизаны бесшумно растеклись по железнодорожным путям. Каждый заранее знал, где и с кем будет действовать. Подрывники группами по три-четыре человека устремились к своим объектам. Зайцев с автоматчиками бросился к воинскому эшелону. В короткой огневой стычке партизаны сбили охрану и ударили по окнам из автоматов. В вагонах заметались, закричали немцы.

— Партизанен! Партизанен! — донеслось до Зайцева.

Крик потонул в оглушительном грохоте. Сотрясая воздух, в нескольких местах почти одновременно раздались взрывы. Качнувшись, рухнула водокачка, запылали вокзал, станционные постройки. На железнодорожных путях, озаренных багровыми отсветами пожара, стало светло как днем. Зайцев теперь ясно видел эшелон — зеленые пассажирские вагоны и коричневые платформы с боевой техникой. Из разбитых окон сизыми клубами валил дым. Эшелон тоже горел. Из огня выскакивали полуодетые гитлеровцы. Автоматчики, окружив состав, укладывали их короткими хлесткими очередями.

Зайцев тоже стрелял, но мозг, не переставая, сверлила мысль о людях, которых он должен был спасти. Более десятка красных товарных вагонов загудели от криков, когда он с партизанами подбежал к составу и стал сбивать запоры с дверей. На волю, смеясь и плача, высыпали пестро одетые парни и девушки.

— Всем отходить в лес за линию! — крикнул Зайцев.

Вагоны быстро опустели, и у Зайцева словно гора спала с плеч. Пробиваясь сквозь густой, удушливый дым, окутавший станцию, он выбежал за горящий вокзал. По дороге от поселка с ревом бежало стадо коров. В глазах их отражался свет пожара — они казались налитыми кровью. Зайцев отскочил в сторону и увидел бегущего за коровами партизана.

— Стой! Куда?

— Скот гоню. У немцев отбили.

— Как там, в поселке?

— Все в порядке. Драпают гансы.

Бой в поселке, как и на станции, удался. Отряды Арте и Койченко, сняв бесшумно караульные посты, скрытно проникли в селенье и завязали бой у здания комендатуры. В короткой вихревой схватке она была разгромлена и подожжена. Не допировал свадьбы майор Кригер. Вместе с другими офицерами, приглашенными на торжество, он нашел смерть от партизанских гранат. Перепившийся гарнизон поселка был частью истреблен, частью рассеян.

Труднее сложилась обстановка на левом фланге. Вначале здесь все шло по задуманному плану. Командиру отряда Лозину с группой партизан удалось прорваться к реке, уничтожить охрану, забросать гранатами дзот и захватить мост. По сигналу к мосту стали выдвигаться подрывники во главе с политруком Жигаревым. Еще две-три минуты, и они бы достигли мостовых опор. Но в это время из Заплюсья с пригорка прямой наводкой ударили пушки и минометы. На подступах к мосту взметнулись фонтаны взрывов. Снаряды и мины ложились столь густо, что пробиться сквозь них не было никакой возможности. Подрывники залегли. На них сыпались комья земли, над головами свистели осколки. Партизаны плотно прижимались к земле, закрывая собой взрывчатку, и рисковали каждую минуту взлететь вместе с ней на воздух.

Между тем напор немцев усиливался. На противоположной стороне моста застрочили пулеметы, ринулись в атаку автоматчики. Отсеченный артиллерийским огнем, Лозин яростно отбивался. На нем уже в трех местах была прострелена кожаная куртка. Погибла партизанка Ника Миньковская, комсомолец Егор Семенов, тяжело ранило ординарца командира отряда Дмитрия Лямина.

Обстановка накалилась до крайней степени. Уходили драгоценные минуты, исключительные по своему значению в скоротечном партизанском бою.

За грохотом и воем разрывов поднялся во весь рост комиссар отряда Борис Сластников. Человек редкого мужества, он был живой легендой среди партизан. В начале войны, сражаясь в кавалерийской части, Сластников при выходе из окружения был контужен и оказался в немецком плену. Он совершил несколько беспримерных по своей дерзости побегов. При освобождении Красной Армией районного центра Струги-Красные на Псковщине на стене разрушенного здания госбанка, где была тюрьма гестапо, партизаны нашли надпись: «Увели на расстрел. Б. Сластников». Из-под расстрела он тоже ушел, сполна отомстив гитлеровцам за все муки, которые перенес за колючей проволокой лагерей и в застенках гестаповской тюрьмы.

— За мной! —крикнул комиссар.

От воронки к воронке, ползком и короткими перебежками вслед за Сластниковым подрывники стали выдвигаться к мосту. Добрались не все, но взрывчатка была все же доставлена к опорам.

Подрывники заложили заряды. За железной вязью мостовых перил, отстреливаясь, стал отходить Лозин с партизанами. Их прикрывал, лежа за пулеметом, политрук роты Сергей Соколов. На него наседали немцы, все еще, видимо, надеясь отбросить партизан от моста и не дать его взорвать.

— Отходи, Соколов! Отходи! — закричал Лозин.

Политрук продолжал стрельбу, сдерживая натиск гитлеровцев.

— Отходи!

Из-под опор моста, охватив их гроздьями слепящего света, вырвалось пламя. Раздался страшный взрыв. Когда дым развеялся, партизаны увидели, что на том месте,

где лежал за пулеметом Соколов, зиял огромный пролом. Искореженные фермы моста свисали в темную воду реки, окрашенную заревом пожаров...

Отходя с партизанами в пункт сбора бригады, Зайцев шагал по лесной дороге, припорошенной снегом, и перед глазами его стояла картина гибели Сергея Соколова, ленинградского студента, мечтавшего строить океанские корабли. Говорят, что человек грубеет на войне. Может быть. Но Зайцев не замечал этого за собой. Он переживал потерю каждого близкого ему человека. Горько было думать комиссару о гибели Соколова. Но, жалея его, он в то же время гордился им. В голове складывался текст листовки, которую он намеревался посвятить памяти политрука. Впереди еще много было жестоких и кровопролитных боев.

ПИСЬМА СЫНА

Письмо пришло издалека —
Его взволнованно писала
К труду привыкшая рука,
Печать войны на нем лежала.
Пропахший порохом листок,
Неровный, торопливый почерк,—
Но кто читал и слушал — мог
Проникнуть в душу этих строчек.

В. Тимохин. 1941 г.

Зажав под мышкой букет цветов, Борис в последний раз пошел в свою школу, на выпускной бал. Потом до рассвета бродили гурьбой по Красной площади и набережной Москвы-реки.

— Вот и кончилась наша юность, ребята. Разлетимся теперь в разные стороны, — сказал Витя Феоктистов. — Кто в институт, кто на завод, кто в армию. Пройдут годы, смотришь: один — важный ученый, другой — инженер-изобретатель, третий — исследователь Арктики, четвертый — генерал.

— Эх, куда махнул. А о тех, кто вас, «товарищ генерал», кормить и одевать будет, забыл? — сострила Люся Емельянова, и все засмеялись.

— А кем ты будешь, Люсенька? — спросила Марго Баграмян.

— А я еще и сама не знаю, — ответила Люся, украдкой взглянув на Бориса.

— Я тоже еще не решил, куда пойду. Наверное, в строительный. Но знаю одно: кем бы ни стал, главное, чтобы не стыдно было за бесцельно прожитое. Помните, как у Николая Островского?..

— Правильно, Борька! — загалдели ребята.

О чем только не говорили в ту ночь. А потом пели песни. И, конечно, любимую Бориса:

Спят курганы темные,
Солнцем опаленные.
И туманы белые
Ходят чередой.

Договорились завтра встретиться в парке имени Горького, у главного входа. А назавтра грянула война.

Из семьи Дмитриевских первым ушел на фронт Николай Михайлович, отец Бориса. Участник гражданской войны, он не мог не быть там, где решалась судьба Советской власти. Солдатом Ростокинской дивизии народного ополчения сражался он под Вязьмой. С октября 1941 года от него перестали приходить письма.

Бориса призвали в армию двенадцатого августа 1941 года. В тот день Анна Ивановна не узнала сына. В его ладной, красивой фигуре появилось что-то совсем новое, мужское. Лицо повзрослело, стало темным. Его направили не на фронт, куда рвался, а в Саратов, в танковое училище: армии требовались офицеры-танкисты.

Первое письмо прислал со станции Татищево. Коротенькое, взволнованное. Потом письма пошли одно за другим, почти каждую неделю одно-два письма.

...Анна Ивановна достает из ящика стола большую серую папку. На ней надпись: «Борины письма». Их много. Больше сотни. Разложены по годам. Это самое дорогое, что осталось от него. С каким волнением и тревогой ждала она их в те годы. Борис был любящим, нежным сыном. И вот впервые в жизни она рассталась с ним. Казалось, что с Борисом ушла и частица ее сердца. Как он там? Все ли у него ладно на военной службе?

Из истории 2-го Саратовского танкового училища имени генерал-лейтенанта танковых войск Волоха:

«...С началом войны училище перешло с двухлетней программы на восьмимесячный срок обучения. Вся работа и учеба проходили под лозунгом: «Учиться и обучать по-военному!». Главное внимание — практическим занятиям с материальной частью в парке, в огневом городке, на танкодроме, полигоне, в поле. Рабочий день — двенадцать часов. Личное время курсантов отменено. Сокращены часы массовой работы. Уменьшено время на завтрак, обед и ужин. Время стало самым дорогим в жизни личного состава училища.

Каждый курсант стремился как можно быстрее и лучше познать материальную часть танка и оружия, научиться в совершенстве командовать экипажем танка и танковым взводом во всех видах боя.

...Наряду с учебой личный состав училища работал на строительстве оборонительных рубежей вокруг Саратова. В период с октября по декабрь 1941 года училище строило оборону по реке 2-я Гу-

селка, на высоте Жарин Бугор, в районах Разбойщины и Кумысной поляны...»

Курсант Дмитриевский учился настойчиво, с большим желанием. Это видно по письмам, которые он аккуратно писал матери.

«29/X-1941 г.

Милая мама!

Ты, наверное, очень волнуешься, не получая от меня писем. Последнее письмо я написал семь дней назад. В эти дни я ничего тебе написать не мог: был в походе. Наш батальон послали на работу, рыть окопы для училища. Срок работы — четыре дня. Накануне (22-го) выдали новые портянки и теплые рубашки. В три часа подъем и в путь-дорожку дальнюю. Идти примерно километров 25. Ну, мы их быстренько отмахали и примерно в 12 уже взялись за работу. Как просто это пишется! На деле пришлось туговато. Главное — это холод... Причем мороз был какой-то сухой с таким же сухим ветром...

...В общем, к концу четвертого дня я имел два обморожения (нос и нога) и благодарность от командира взвода за отличную работу.

Сообщи мне все, что ты знаешь о папе. Как ты себя чувствуешь? Береги себя. У меня в отношении учебы все по-прежнему в порядке...

Целую много, много раз. Твой сын Борис».

«3/XI-1941 г.

Дорогая мама!

...На днях я послал тебе письмо, в котором описал жизнь на работе.

...Ну, в общем, 29 числа был уже дома. Как приятно после шести дней работы войти в подразделение. Прямо-таки как будто приехал в Москву. Да, теперь училище стало для меня домом. Я так привык, что сейчас не думаю о другой жизни. Первого числа был в наряде. Сейчас у нас опять начались систематические занятия. Занимаюсь я, как и прежде, хорошо. Живу тоже хорошо. Страдаю по куреву и конвертам... Очень скучаю о тебе, о папе. Напиши, что нового ты знаешь о папе. Пиши всю

правду. Мама, напиши, как сейчас в Москве? Напиши подробно о налетах!.. Живу мечтами, что скоро опять будем вместе. Скорее бы кончить училище и на фронт. Пиши как можно чаще. Заходит ли к тебе Люся? Еще раз прошу, береги себя.

Целую тысячу раз. Твой сын Борис».

В тяжелые дни сорок первого, когда враг угрожал самой Москве, Бориса все время не покидала тревога за родной город. В письмах из училища к матери и любимой девушке он часто спрашивает об этом. А у самого попрежнему все думы только об одном: скорей бы на фронт.

«4/XI-1941 г.

...Здравствуй, Люся!

Как в Москве? Здорово ей достается? Где прячешься? Интересно, немцы бросают еще зажигалки или теперь только фугасными лупят? Помнишь, когда я уезжал, зажигалок было совсем мало. Но зато от фугасов сколько домов разрушено в нашем районе. Он все целится в Кремль, конечно, но не попадет...

Настроение у нас в училище отличное. Ни на минуту не теряем уверенности в нашей полной победе. Хочется скорее, как можно скорее получить звание и ехать на фронт».

Он прочитывает скупые газетные строчки о жестоких боях под Москвой, внимательно ловит каждое слово политрука на политинформации. И всей душой рвется туда, где бушует пламя войны. Когда Борис узнает, что след отца затерялся где-то под Смоленском и от него уже несколько недель не приходят домой письма, ему еще труднее стало сдерживать себя от горячего желания самому защищать Москву, свой дом, свою страну, бить и бить фашистскую нечисть. Он не мог поверить в гибель отца и в письмах к матери старается тоже убедить ее в этом.

«19/XI-1941 г.

Милая, дорогая мама!

Сегодня, 19/XI-41 г., получил твое письмо, посланное 31/X по авиапочте...

...Мне в училище живется очень хорошо. О папе старайся не думать. Будем надеяться, мама, что с ним все благополучно, что он жив-здоров.

...На днях ко мне в училище заходил Артур. Я с ним говорил около часа. После этого я его больше не видел. Он говорил, что с минуты на минуту должен уехать на фронт. Так что, я думаю, в настоящее время он уже на фронте. Учусь я пока хорошо. Скоро, думаю, училище окончу... Целую крепко. Твой сын Борис».

Артур Петровский был другом детства и юности Бориса. Жили они в одном доме. И вот глубокой осенью сорок первого оба оказались в Саратове.

— Наша воинская часть, — вспоминает Артур Владимирович Петровский, ныне академик, — находилась на формировании под Саратовом. Оттуда я ходил к Борису два или три раза в Саратовское танковое училище. Помню, последний раз он выбежал ко мне в одной гимнастерке к проходной. Было морозно. Я гнал его обратно, а он не уходил. Мы все не могли наговориться. Через несколько дней я уехал на фронт.

«22/XI-1941 г.

Милая мама!

Что-то от тебя опять нет писем. В последнее время письма из Москвы никому не приходят. Но все-таки пиши чаще. Твои письма дают мне заряды бодрости и сил и в то же время мое единственное развлечение.

Сейчас у нас много занятий на улице. Так что теплые вещи, которые ты мне прислала, очень пригодились...

Занятия стали более разнообразными. За день и по снегу поползаешь, и историей партии займешься, и курсом боевых машин...

Говорят, что скоро будут зачеты за весь курс, и нас переведут на второй».

«8/XII-1941 г.

...Вчера, после чуть ли не двухмесячного перерыва, у нас был выходной день. Мне удалось отпроситься в город на 12 часов. Вот погулял! В этот день морозило (было около 30°). Но что значит мороз, когда ты один раз за два

месяца попал в город. Время мы (нас было трое) провели весьма продуктивно. Гуляли по городу, смотрели кино «Майская ночь»... Очень интересен сам город. Саратов превратился в шумный, многонациональный город. После кино, уже вечером, возвращались домой. И знаешь? Вечером Саратов очень похож на Москву. Та же маскировка, те же куда-то торопящиеся фигурки... Как сейчас жизнь в Москве? Напиши, мама, как можно подробнее... У меня все в порядке. Целую, твой сын Борис».

По письмам Анна Ивановна знала, чем занимался Борис вчера, сегодня, о чем спорил с товарищами, как радовали его наши победы на фронте.

«21/XII-1941 г.

Дорогая мамочка!

У нас начались проверочные испытания по всем предметам. Работать приходится порядком. Уже на «отлично» сдал физо.

Тетя Шура пишет, что ты очень переживаешь. Напрасно, мамочка... Папка, я теперь в этом уверен, жив-здоров. Если даже попал в окружение, то это не так уж страшно. Особенно теперь, когда наша Красная Армия перешла в наступление.

Мне, мамочка, осталось учиться совсем немного. Скоро поеду на фронт. Эх, скорей бы! Учусь, как и раньше, хорошо. Живем с ребятами весело, дружно. С питанием хорошо. Мама, как сейчас в Москве? Наверно, всеобщее ликование. Здорово им дали! Но это еще цветочки, ягодки будут позже. Только бы твоему сыну до фронта добраться. Верно? Обо мне не беспокойся. У меня дела на великий палец. Еще раз прошу, не волнуйся...»

«25/XII-1941 г.

Сейчас сдаю еще зачеты. К 1-му должен закончить. Пока сдаю на «отлично». Недавно был в гарнизонном карауле. Назначили разводящим. За отличное несение службы получил... благодарность. Я теперь командир отделения. Скоро должен получить звание сержанта. С работой справляюсь, хотя командирский авторитет завоевать у своих же ребят трудновато. Но, как говорится, время и труд — все перетрут».

«Конец декабря 1941 г.

Через несколько минут начнется комсомольское собрание. Меня будут принимать в комсомол. Здорово! Живу замечательно, хотя... и очень устал. Все это время пришлось много заниматься. Сейчас выяснилось, что имею только отличные отметки по всем 18-ти предметам, т. е. «отличник».

«1/I-1942 г.

Дорогая мама! Поздравляю тебя с Новым годом! По правде сказать, очень грустно в такие дни вдали от родных мест, от тебя, дорогая. Но ничего не поделаешь — война. Ох уж этот Гитлер!..

Я себя утешаю тем, что 1943 год встречу сразу за два года, и за 42-й и за 43-й. Мы горячо верим в наш скорый, радостный праздник. Испытания все сдал. Что и говорить: здорово мне помогла физическая закалка, которую я получил в средней школе. Да, спорт, особенно если им заниматься с детства,— неоценимая штука!

Пиши чаще. Обо мне не волнуйся — все будет в порядке. Целую. Твой сын Борис».

«Январь, 1942 г.

Пишу тебе письмо, когда все население наше спит. А мне неохота. Сегодня выходной, и я днем здорово, как у нас говорят, «замкнул на массу». Уложил своих и вот пишу... Как уже писал, со мной много знакомых по Москве, но друзей-товарищей я себе нашел новых. Самых близких у меня два друга, настоящих, в которых я уверен, как в себе. Оба они Толи, оба из Москвы, из нашего Фрунзенского района... У нас, у троих, прямо-таки коммуна. Даже деньги и те общие. Одного Толю хотели переводить учиться на лейтенанта, но мы приложили все усилия и остались вместе. А вообще мы все хотели переходить на лейтенанта. Мечтаем вместе попасть на фронт. Прямо-таки как в песне «Три танкиста, три веселых друга...». Молодость берет свое. Посылаю свою фотокарточку. Вышел плохо, целые сутки до этого был в карауле... Но это не так уж важно. Правда? Чай, не красна девица...»

— Наше училище готовило офицеров по профилю тяжелых танков, — рассказывает бывший комиссар училища, ныне полковник в отставке Иван Тихонович Ерофеев. — Еще перед войной курсанты изучали пятибашенный тяжелый танк Т-35, экипаж которого состоял из одиннадцати человек. Настоящий сухопутный броненосец. Но он оказался слабоманевренным на поле боя, да и броня его была слабовата. Потом получили тяжелый танк КВ. Его броня была не по зубам ни одной противотанковой пушке врага. Курсанты были в восторге, что им придется воевать на таких машинах. С июля 1942 года мы перешли на подготовку командиров-танкистов по профилю среднего танка Т-34.

В основном мы готовили командиров танков и танковых взводов, — в зависимости от полученных на экзаменах оценок. Но были у нас две роты, выпускавшие военных техников. Им приходилось изучать несколько типов боевых машин, в том числе и английских, поступавших в Советский Союз по ленд-лизу. Часто курсанты-техники стремились перейти в роты, выпускавшие лейтенантов. Это объяснялось тем, что выпускники-лейтенанты в большинстве своем сразу же отправлялись на фронт, а воентехники — зачастую в тыловые подразделения.

Но все курсанты учились с большим напряжением. День был загружен до предела. Учиться и жить приходилось порой в неотапливаемых помещениях, при отсутствии электросвета и воды. В казармах — нары в три яруса. Участились тревоги и налеты вражеской авиации на город, вынуждавшие отрывать курсантов от боевой подготовки для выполнения различных работ. Почти ежедневно курсанты и командиры ходили в гарнизонный наряд, несли патрульную службу в городе. Но они не падали духом, упорно овладевали боевой техникой и оружием, приобретали практические навыки, необходимые для победы над фашистскими захватчиками. Их единым стремлением было скорее закончить училище и уехать на фронт.

«20/I-1942 г.

Приступили к изучению нового танка. В конце февраля окончим дизель и поедем на практику в Челябинск. Скорей бы!.. Обо мне не волнуйся. В армии я научился

быть рассудительным и осмотрительным. Так что от моей вспыльчивости и неосторожности мало что осталось».

«28/I-1942 г.

Ты пишешь опять, что очень хочешь видеть меня воентехником. И все же я предпочел бы стать лейтенантом... Я не особенно любитель возиться с машинами. Выстукивать их и чинить. А люблю я, вернее, сейчас полюбил — работать с людьми, суметь их перековать, сделать так, чтобы они были военными людьми в полном смысле этого слова...»

«1/II-1942 г.

Только сейчас было собрание училища. Выступал комиссар. Много интересного порассказал... Есть новенькое насчет выпуска из училища. Выпускать теперь будут по разрядам, т. е. согласно полученным отметкам... Когда я окончу училище — ничего не известно. Срок учебы, по всей вероятности, продолжат... Дело в том, что у нас в училище изучают очень дорогую новую машину, отсюда вывод: знать ее нужно как можно лучше...»

«2/III-1942 г.

К нам приехал один лейтенант с фронта (его ранило, и он уже не годится). Рассказывал много интересного. Наматываю на ус. Все в жизни, а на фронте в особенности, пригодится. Он как раз командовал той машиной, которую мы изучаем. Говорит (да не только он), что ее никакой снаряд не пробивает... Вот такие машины мне придется чинить, а может быть, и на них воевать. Хорошо бы последнее!»

«1/V-1942 г.

Да, дорогая, спешу сообщить радостную новость. Пятого числа мы должны ехать в Челябинск. После Челябинска — государственные экзамены. А там фронт».

«1—2/VI-1942 г.

Итак, я в Челябинске... Встретили ребят из нашей роты (выпущенных). Они уже приняли танки и скоро едут на фронт...

Сегодня оформился на завод... Буду работать на ЧТЗ в качестве простого рабочего. Сам соберу несколько раз танк. Сам его отрегулирую».

«Июль 1942 года.

Наконец-то нашел свободную минутку, чтобы написать письмо. Ты, мамуся, не удивляйся, что я тебе так редко пишу. Страшно занят... Работаю по 15—16 часов. Вчера же даже 17½. Но работой доволен. Сейчас делаю то, чем придется заниматься на фронте... Танк и его ремонт освоил вполне.

...Скажу откровенно: не люблю я копаться в «железках», когда другие воюют. Я рожден быть летчиком или танкистом. Как увижу летящий самолет, аж сердце сжимается от зависти к летчику. А какое чувство испытываешь, когда, сидя за рычагами бронированной машины, мчишься вперед и никаких преград не знаешь! Но все-таки я заставил себя смириться с болтами, ключами и отвертками. Так что пока, видимо, буду техником... Эх, фронт, фронт! Туда, наверное, раньше будущей весны не попадешь...»

В письме от двадцать второго декабря 1942 года Борис с радостью сообщает матери, что он все-таки сдал экзамены на строевого командира:

«...Правда, я получил «пос» по топографии. И, вероятно, схвачу «мл. лейтенанта». Но я и этому рад. Видно, мамка, мне суждено быть строевым командиром, а не «смазчиком», как в шутку здесь называют техников. Наконец-то фронт для меня стал чем-то реальным...»

Но вот училище окончено. И Борис может теперь признаться матери:

«27/I-1943 г.

...Да, мамуся, иногда приходилось очень трудно. Приходилось и не есть по двое суток, а потом еще делать

35-километровые переходы в стужу, по колено в снегу. Но все осталось позади. Теперь отдыхаю... Мне предстоит еще разок-другой слазить в танк, и я вполне готов к «мясорубке». Ты мне в одном письме писала, что, как мать, не хочешь, чтобы я попал на фронт. Я понимаю тебя, мамуся. Но на фронт я стремлюсь всей душой, всем существом».

Однако на фронт Борис попадет еще не скоро. Из училища получит назначение в Челябинск, в запасной танковый полк. Там в маршевых ротах он сколачивает и учит членов своего экипажа, срабатывается с людьми. В составе маршевой роты доезжает до Саратова, сдает танк гвардейской части и снова возвращается в Челябинск.

Лишь двадцать девятого апреля 1943 года он напишет матери:

«Поздравляю, мамуся, тебя с праздником 1 Мая. Желаю тебе хорошего здоровья.

...Не хотел тебе писать, что еду на фронт, но подумал и решил, что лучше написать. Ты только, дорогая, не волнуйся. Я стал за это время более выдержан, на рожон не полезу. Я очень хорошо знаю танк, прекрасно стреляю из танкового оружия, свой экипаж хорошо выучил, так что чувствую себя уверенно. К фронту буду подъезжать в конце мая. Свой новый адрес сообщу. Обо мне не волнуйся. Все будет в порядке, и скоро я вернусь домой живой и здоровый.

Нежно целую тебя. Твой сын Борис».

Рассказывает боевой друг Бориса Дмитриевского Зиновий Тримайло:

— После окончания 2-го Саратовского танкового училища в марте 1943 года я был направлен в Челябинск, в 7-й запасной танковый полк командиром танкового взвода. Там я познакомился с младшим лейтенантом Борисом Дмитриевским, который командовал танком Т-34 в нашей маршевой роте. После получения танков и проведения их испытаний на занятиях по вождению и тактике с боевой стрельбой наша маршевая рота в составе двадцати двух танков была отправлена на Воронежский фронт. Мы вместе с Дмитриевским прибыли в 3-ю

гвардейскую танковую бригаду, которая находилась под Белгородом. Двадцать седьмого мая 1943 года нас зачислили в списки части, в 1-й танковый батальон, как лучших по обучению танковых экипажей, и с тех пор мы воевали в ее составе на многих фронтах Великой Отечественной войны.

С большой гордостью за честь служить в прославленном танковом соединении пишет Борис:

«17/V-1943 г.

Моя дорогая! Ну вот, наконец собрался написать письмо. Долгонько не удавалось. Сейчас нахожусь недалеко от Воронежа, в гвардейской бригаде. Многих наших ребят снова отправили назад, а я остался, чему бесконечно рад. Живу хорошо. Расположились в лесу. Питание отличное.

Мои новые товарищи рассказывают много интересного. Они прошли с боями от Волги до Ростова, т. е. около 300 км. В бригаде на одного ненагражденного приходится человек десять орденоносцев. В общем, наша часть лучшая в армии, и я горжусь этим.

По службе у меня все в порядке. Хорошо сработался с экипажем. Пиши скорей».

В письмах от двадцать восьмого мая и шестого июня 1943 года он снова подчеркивает, что находится в гвардейской части, о которой знает весь Советский Союз, что часть эта входит в 3-й гвардейский Котельниковский танковый корпус, отличившийся в боях под Сталинградом.

Затем в письмах Бориса наступил большой перерыв. Анна Ивановна сильно встревожилась. Ведь сын на фронте. Мало ли что может случиться. По газетным сообщениям она знала, что в районе Курска идут жестокие танковые бои с немцами. А часть, где служит Борис, гвардейская, прославленная. Значит, и он где-то там.

Наконец письмо пришло. Написано оно было двенадцатого июля 1943 года. Борис просит извинить, что так редко пишет. Писать почти нет возможности: все время в переездах. Сейчас опять на платформе, едет в далекие края.

«...Последнее время стояли около Тулы, километрах в двух от Ясной Поляны. Два раза был в доме Льва Толстого. Побывал на его могилке... Жили там в лесу. Кругом ягоды, грибы, хоть ведра набирай...»

Дмитриевскому очень хочется попасть туда, где идут сражения:

«...Но и сейчас, наверное, туда не попадешь, так как наша часть находится в резерве Ставки, и бросают ее в бой лишь в решающий момент».

«8/VIII-1943 г.

Сегодня хорошие известия. Наши взяли Орел и Белгород. То-то вчера самолетики разлетались. И сколько их летит! Вот как переменилась наша армия, наша техника. Теперь уже нет и помина об обороне... До последнего времени в тактике преобладала оборона, а теперь исключительно прорыв, наступление».

Через неделю Борис пишет, что находится недалеко от передовой. Уже слышна орудийная стрельба. Но в боях еще не участвовал.

«...Сейчас решаются большие дела. И я уверен, что решаются они в нашу пользу. Да, крепко дают фрицам прикурить! Где-то недалеко отсюда наши войска завершают уничтожение двух окруженных немецких дивизий. Но это пустяки по сравнению с тем, что ожидает гитлеровцев в скором времени.

Вот пишу тебе письмо, а надо мной пролетают сотни наших самолетов: одни — на бомбежку, другие — за новым грузом. По дорогам встречаются изуродованные немецкие орудия, машины, танки. Приятно видеть перевернутые кверху брюхом те самые «тигры», которые считались у немцев как неуязвимые. А сколько этих танков захватили наши войска! Слышал я, что только в одном бою недавно захвачено 43 машины...

Сегодня мне за проведенный марш и за хорошую работу присвоили звание гвардейца. Теперь у меня справа на груди висит гвардейский значок. Остается свободной левая часть, но и она со временем будет иметь кое-что. Чувствую себя очень хорошо как физически, так и морально. Еще бы, ведь скоро в бой! С этим письмом посы-

лаю тебе справку, которую просила. Вчера отослал 1000 рублей. На днях пошлю еще. Обо мне не беспокойся. Передай привет всем родным. Целую крепко-крепко. Твой сын Борис».

Танковая бригада, в которую попал Борис Дмитриевский, была одной из лучших в Красной Армии. Она сформировалась в сентябре 1941 года. В тревожные дни сорок первого вела ожесточенные бои с гитлеровцами в районе Лужно-Лычково, под Рогачевом, освобождала Клин. За умелые боевые действия под Москвой ей одиннадцатого января 1942 года, одной из первых среди танковых бригад, присвоили звание гвардейской. В июле 1942 года 3-я гвардейская танковая бригада в составе 7-го танкового корпуса сражалась с крупными силами врага на Брянском фронте, в районе Землянска, отбивая яростные атаки гитлеровцев, рвавшихся к Воронежу. Затем в августе и сентябре 1942 года вместе с корпусом вела оборонительные сражения, а в ноябре — декабре 1942 года участвовала в контрнаступлении советских войск на Дону, громила отборные части немецкого генерала Манштейна в районе Котельниково. За эти бои танковый корпус был преобразован в 3-й гвардейский с наименованием Котельниковский, а его командир генерал П. А. Ротмистров (ныне главный маршал бронетанковых войск) награжден орденом Суворова.

За два года боев бригада несколько раз выводилась в резерв, чтобы пополниться людьми и техникой. Но и эти короткие передышки были наполнены упорной боевой учебой, дотошными разборами проведенных боев, изучением сильных и слабых сторон противостоящего противника. Бывалые воины настойчиво передавали молодым свой опыт, на собственных примерах учили их умению бить врага наверняка. Сразу же после прибытия нового пополнения ветераны бригады знакомили молодых бойцов и командиров с наиболее яркими этапами боевого пути гвардейского соединения. На одном из первых занятий Борис услышал взволнованный рассказ командира 1-го батальона гвардии майора Тарасова о впечатляющей атаке гвардейцев.

Было это четырнадцатого декабря 1942 года во время ликвидации плацдарма противника между реками Чиром и Доном. 3-я гвардейская бригада во взаимодействии

с другими частями корпуса наступала на станицу Верхне-Чирскую. Незадолго до этого на фронт приехала делегация трудящихся Октябрьского района города Саратова. В торжественной обстановке, перед строем танкистам вручили шефское Красное знамя. Шефство саратовцев над гвардейцами началось в октябре 1942 года, когда бригада стояла на окраине Саратова на доукомплектовании. Тогда на заводах и фабриках района побывали командир бригады полковник И. А. Вовченко, начальник политотдела И. В. Сидякин и другие танкисты, а в подразделениях бригады выступали руководящие работники района и рабочие заводов во главе с первым секретарем райкома партии Е. Я. Коноплянниковой.

Между саратовцами и воинами бригады установилась крепкая дружба. В те дни инженеры, техники и члены танковых экипажей бригады с инженерно-техническими работниками и рабочими ремонтного завода долго хлопотали над тем, как защитить броню на танках в местах, наиболее уязвимых для семидесятипятимиллиметровых кумулятивных снарядов вражеских орудий. На лобовую часть танка и башни поставили дополнительные броневые листы и резиновые прокладки. Кумулятивный снаряд, пробивая дополнительную броню, застревал в резине. Потом, после боя, танкисты видели, как их танки становились похожими на ежей: так много застревало в их стальном теле снарядов, с которыми и ходили какое-то время машины. Вот с такими «экранами» и пошли тогда в атаку КВ и «тридцатьчетверки» на вражеские позиции в районе Верхне-Чирской. Первую линию траншей прошли успешно. Но на окраине станицы танки и пехота были остановлены шквальным огнем противника: только в полосе наступления бригады огонь вели до ста противотанковых пушек и десятки фашистских танков. Несколько наших машин было подбито и подожжено, пехота залегла, понеся большие потери. Наступление приостановилось.

— Почему топчетесь на месте? — кричал по рации комбриг. — Я вас не узнаю, гвардейцы!

Требовалось немедленно продвинуться вперед, не дать противнику возможности расстреливать наши танки и пехоту. Но как? В резерве у командира бригады ни одного танка: все брошено в огонь и дым. А надо во что бы то ни стало добиться перелома. И вот у комбрига

Вовченко мелькнула дерзкая мысль. И он подал команду своему экипажу:

— Красное знамя вперед!.. Слышите? Бек, Кулаков, Гущин! Знамя сюда! Старшина Кулаков! Расчехлите знамя!

Комбриг открыл люк и, став ногами на командирское сиденье, схватил древко знамени, поднял его над танком. И его КВ помчался через боевые порядки бригады вперед. Красное знамя развернулось под сильным ветром. Кругом летели осколки снарядов и мин, свистели пули. Но полковник крепко сжимал в руке древко. Он видел, что знамя стало уже той магической силой, какая звала танкистов вперед, придавала им силу, отвагу и решительность. Не надо было никаких словесных приказов и команд. У всех на виду алое знамя. Его видят уже танкисты всех батальонов. И боевые машины сильнее набирают скорость. Лавина танков идет в атаку единым порывом. Впереди и по бокам машины комбрига мчится несколько танков, прикрывая своими телами танк-знаменосец. Гул моторов и грохот орудийных выстрелов, словно боевая песня, разносятся вокруг по равнине. Из-под гусениц летит снег и земля, поднимается снежная круговерть. Вражеская танковая колонна была смята в считанные минуты могучим ударом советских танкистов. Уже дымились по степи многие танки врага, другие повертывали назад. Раздавлены гусеницами и разбиты метким огнем танковых пушек фашистские батареи.

Но тут на советские танки наваливаются фашистские штурмовики. Вражеские летчики видят, что танкисты атакуют под красным знаменем, знают цену знамени в атаке гвардейцев и поэтому люто набрасываются на танк-знаменосец. Механик-водитель танка Бек, сжав в руках рычаги управления, кидает машину то вправо, то влево, то резко тормозит и дает задний ход, то снова мчится вперед. Бомбы рвутся в тех местах, где несколько секунд назад шел танк. Танк подкидывает взрывной волной, но он, как заколдованный, идет и идет дальше. Красное знамя, побитое осколками и пулями, как пламя вьется над башней. Стрелок-радист Кулаков беспрерывно бьет по самолетам из зенитной установки. Но вот вражеские самолеты резко сворачивают с курса, уходят в сторону. Танкисты видят, как наши краснозвездные ястребки устремляются в атаку на крестатых коршунов, и

те, не выдержав, трусливо утекают в направлении своего аэродрома.

Красное знамя изрешечено осколками и пулями. По руке комбрига, сжимавшей древко знамени, струится кровь. Семь дыр насчитали потом на реглане полковника. Переправа через реку Чир в руках гвардейцев. Боевая задача выполнена успешно.

Вот в такую бригаду и посчастливилось попасть Борису Дмитриевскому и Зиновию Тримайло. В ее составе друзья участвовали потом в боях на Украине и в Белоруссии, в Молдавии и Прибалтике, в Польше и Восточной Пруссии. Жители Полтавы и Борисова, Минска и Вильнюса со слезами радости встречали своих освободителей гвардейцев-танкистов.

Первое боевое крещение младший лейтенант Борис Дмитриевский получил в бою за город Ахтырку Сумской области двадцатого августа 1943 года. В этот день танк Дмитриевского совместно с другими экипажами стремительно атаковал противника, уничтожил одного «тигра», миномет с расчетом и две автомашины с боеприпасами. На другой день в составе своего 1-го гвардейского танкового батальона Борис мужественно отбивал контратаки большой группы танков противника, не отступив ни на шаг с занимаемого рубежа. Его экипаж уничтожил еще один танк, два орудия и бронетранспортер. Вот как об этом рассказывает генерал И. А. Вовченко, бывший командир бригады, ставший затем командиром 3-го Котельниковского танкового корпуса:

«...Ахтырка являлась важным плацдармом фашистов на левом берегу Ворсклы. Восемь дней шли упорные бои за этот плацдарм. Несколько раз переходил он из рук в руки. Вместе с войсками генералов Полубоярова и Трофименко здесь мужественно дрались и бригады нашего корпуса. Сюда противник перебросил свои лучшие танковые дивизии СС «Великая Германия», «Викинг», «Мертвая голова», бросавшиеся в бешеные контратаки».

Продвижение наших танков вперед задерживалось тем, что у врага было немало тяжелых танков «тигр» и самоходных установок «фердинанд», которые в прямом бою уничтожить не так легко... Но наши танкисты противопоставляли бронированной силе врага воинскую сметку, мужество и решительность. Еще в Калинине, в апреле 1942 года, в период формирования 7-го танкового

корпуса, на башнях всех танков 3-й гвардейской танковой бригады были сделаны белые круги с цифрой «3» в середине круга. Под цифрой — две перекрещенные стрелы. Впоследствии такая эмблема была на танках всех частей 3-го гвардейского Котельниковского корпуса. Танки с гвардейской эмблемой всегда бросали в дрожь гитлеровских вояк. «Драй панцер! Драй панцер!» — в страхе бормотали захваченные в плен фашисты, завидев эмблему гвардейских танков.

«...Через перископ я вижу,— пишет генерал Вовченко, — танк имени бывшего комиссара 1-го танкового батальона Дмитрия Ларченко, погибшего в неравном, но геройском бою в марте 1943 года. Сейчас им командует лейтенант Борис Дмитриевский, недавний выпускник Саратовского танкового училища, москвич. Рассказывали, что письма от матери Борис читает всей роте: такие они сердечные, как будто мать обращается не только к своему Боре, а и к его товарищам. Рота вместе писала и отвечала Борисовой матери. Были в тех письмах и такие слова: «Не вернемся домой, пока наши танки не пройдут по улицам Берлина!»

А до Берлина еще так далеко. Мы лишь под Ахтыркой, а бои напряженные, жарче пекла. Борис Дмитриевский ведет так машину, как будто он не новичок, а ветеран, умело сочетает маневр с артиллерийским и пулеметным огнем танка. «Дмитрий Ларченко» подминает под себя пулеметные гнезда, противника, петляет зигзагами между вражескими орудиями. Еще миг — и танк развертывается, мчится на полной скорости, бьет в кормовую часть «тигра». «Тигр» задымился. Другой «тигр» ударом снаряда вывел из строя ходовую часть танка «Дмитрий Ларченко». Охваченная пламенем машина остановилась. Из нее выскочили Дмитриевский и два танкиста. Все раненые. Но командир и один танкист могли двигаться. Дмитриевский заметил другой наш танк — неподвижный, но целый. Он стоял неподалеку на изрытой воронками стерне. Танкисты потушили огонь на своих комбинезонах и поползли к нему.

— Лейтенант! Слышишь? Мотор! Мотор!

Мотор неподвижного танка работал на холостом ходу. Дмитриевский и его товарищ влезли в танк. Перед их глазами предстала страшная картина: все члены экипажа были посечены осколками снаряда. Дно танка за-

лито кровью. Дмитриевский сел за рычаги управления, а его танкист занял место заряжающего. Танк пошел в бой».

Сам Борис в письме к матери расскажет об этом так:

«23/VIII-1943 г.

Дорогая мама!

...Ну вот наконец-то я свободен! Я тебе даже не писал, мамка, что уже воевал... Целую неделю не вылезал из танка. Ходил в две атаки. Во вторую мы подбили четыре «тигра». Вчера же фрицы предприняли сильную контратаку «тиграми». Драка была сильная. Немцы делали отчаянные попытки вырваться из окружения как раз в том месте, где стояли мы. Но гвардия стоит крепко! Интересно! Взяли мы в плен одного гитлеровского офицера из дивизии «Мертвая голова», так он здорово испугался, когда увидел эмблему нашей части. Крепко запомнили разбойники битву на Волге! И сейчас напоминание о тех днях бросает их в дрожь.

В позавчерашнем бою немцы у меня подбили машину. В другой же машине вывели из строя экипаж. Так я прямо на поле боя пересел в эту другую и уничтожил еще одного «тигра» и пушку. Конечно, все, что было, не опишешь: половину в горячке позабыл. Могу тебе похвастать: я представлен к ордену Красного Знамени. Возможно, конечно, и не получу, но, по всей вероятности, он будет, так как списки награжденных уже подали, и я в том числе.

Ну и последнее. Только не волноваться. Я очень легко ранен: мелкие осколочки в спине. Дня через три выздоровлю. Жаль только, что, по всей вероятности, воевать не буду, так как машина вышла из строя... Как и прежде, чувствую себя хорошо: ведь я в настоящем деле!»

Вскоре боевые друзья действительно поздравили Бориса с наградой. И теперь «левая часть» его груди тоже стала «иметь кое-что» — орден Красного Знамени.

В это время соединения 3-го Котельниковского корпуса, взаимодействуя с другими частями и соединениями 38-й армии Воронежского фронта, успешно продвигались на запад, освободив сотни населенных пунктов Сумской и Полтавской областей. Впереди были Десна и Днепр.

«6/IX-1943 г.

Дорогая мама! Привет тебе с Украины. Ты, наверное, очень обеспокоена, так как редко получаешь от меня письма. Не надо волноваться. Я уже выписался из госпиталя. Сейчас у меня много дел...

По-прежнему без устали бьем врага. За проведенные бои меня наградили орденом Красного Знамени. Это очень высокая награда. А сегодня у меня большая радость: я принят в кандидаты партии. Ух и драться буду теперь!

Обо мне писали три или четыре раза во фронтовых газетах, чем я, конечно, горжусь. Один маленький отрывочек посылаю тебе в письме. Остальные оставлю у себя, так как они могут затеряться, а корреспонденции мне очень дороги.

Дорогая, пиши мне как можно чаще. Твои письма помогают в трудную минуту. Все мои царапины уже зажили. Еще раз прошу: не волнуйся. Твой сын вернется домой».

Анна Ивановна подает мне голубой конверт. В нем несколько маленьких пожелтевших от времени газетных вырезок. Вот та, что прислал тогда Борис.

«Двое против четырех

Всего каких-нибудь два часа назад на склоне высотки сидели немцы. Они отчаянно огрызались. Две «пантеры», одна самоходная пушка «фердинанд» и один «тигр» сидели в засаде. Но не испугало это двух отважных гвардейцев-командиров танков Дмитриевского и Коршунова. Несмотря на явное превосходство врага в силах, два гвардейских экипажа смело атаковали четыре фашистских бронированных гада.

Умелым маневром офицер Дмитриевский подошел вплотную к противнику и метким выстрелом разворотил брюхо «тигра». Не выдержали нервы остальных фрицев. Три бронированные машины, не приняв боя, поспешно отступили».

«5/X-1943 г.

Дорогая мама!

Извини, моя дорогая, что долго не писал... Я мог бы написать очень многое, но, к сожалению, писать этого нельзя. Так что буду краток. Живу хорошо. В боях сейчас не участвую и в ближайшее время воевать не буду. Здоровье отличное. ...Я уже писал тебе, что вступил в кандидаты партии. Месяца через три вступлю в члены партии.

...Обо мне не волнуйся. Береги себя. Привет всем родным и знакомым. Крепко целую. Твой сын Борис».

«1/XI-1943 г.

Дорогая мама! Сейчас еду в тыл. Буду стоять около Тулы, километрах в 20-ти. Писал рапорт на отпуск, но пока не пустили. Это письмо посылаю с одним товарищем, с которым вместе воевали».

Действительно, приказом командующего БТВ Красной Армии от двадцать шестого октября 1943 года 3-й гвардейский Котельниковский танковый корпус после форсирования Днепра севернее Киева выведен в резерв Верховного Главнокомандования, и танкисты вновь оказались в Туле.

Началась кропотливая работа по ремонту сотен машин на заводах Тулы, Москвы и Горького. Получали новые танки, укомплектовывали их экипажами, готовили людей и технику к новым боям.

И все же судьбе было угодно, чтобы Борис приехал домой.

— Было это числа двадцатого-двадцать первого ноября 1943 года, — вспоминает Анна Ивановна. —Вместе с группой ремонтников Боря приехал в Москву на завод ремонтировать автомашины и танки. Помню, уже стемнело, я сидела у печки. Вдруг открылась дверь, и на пороге возник Боря. Я так и ахнула! Успела только крикнуть:

— Боренька! Сынок!.. — и повалилась на его подставленные руки.

Борис прожил в Москве почти месяц. Уходил из дома рано утром, возвращался поздно вечером. Иногда — в

выходной — оставался на целый день. Часто приходил вместе с Люсей. И тогда они втроем просиживали допоздна. Пили чай, вспоминали своих школьных товарищей, довоенную Москву, отца, пропавшего без вести. Борис рассказывал, как учился в училище, где воевал.

Анна Ивановна не могла наглядеться на сына. По-прежнему чуткий и внимательный, он сильно возмужал, вытянулся. На его новенькой гимнастерке поблескивали орден Красного Знамени и гвардейский значок. И погоны. Они придавали какую-то особую молодцеватость и стройность всему его виду.

Это были самые радостные и счастливые дни в их жизни.

— В двадцатых числах декабря Боря уехал за получением новой техники. Потом, в 1944 году, был еще раз проездом в Москве, заскочил на несколько часов. И больше уж мы с ним не встретились,— тяжело вздыхает Анна Ивановна, вытирая набежавшую слезу на потемневшем от горя лице.

И снова начали приходить письма-уголки. Почитать их забегала Люся. Теперь она уже не стеснялась своих чувств к Борису. Рассказывала Анне Ивановне о том, что пишет ей Борис. Они договорились с ним, как кончится война, пожениться.

«14/II-1944 г.

Дорогая мамочка!

Пишу тебе первое письмо. Во-первых, доехал очень хорошо. У меня все в порядке... Сейчас занимаюсь. Вот только что пришел с тактики. Очень устал без привычки... Деньги получил и тебе выслал... В дальнейшем думаю выслать тебе аттестат. Пиши, как теперь живешь, как твое здоровье? Как часто я вспоминаю о своей жизни дома! Как мне тогда было хорошо! Здесь простоим очень долго. Хочется на Украину, на фронт!»

Однако стоять долго танкистам не пришлось. По приказу командования корпус перебросили на Ленинградский фронт в район Пскова, а оттуда — на 2-й Украинский фронт, где гвардии лейтенант Дмитриевский принимает участие в форсировании Днестра и в боях на территории Румынии, командуя танковым взводом.

«11/III-1944 г.

Дорогая мама! Извини, что так долго не писал, так как все время переезжал с места на место...»

«16/IV-1944 г.

...После вынужденного перерыва начинаю опять строчить письма. Все это время был на колесах... Сейчас нахожусь в Румынии, так сказать, перешел на заграничное плавание.

...Очень скучаю. Обо мне не волнуйся. У меня все в порядке. С населением объясняемся на пальцах. Отношение к нам хорошее, хотя и очень побаиваются нас,— ведь как-никак Румыния была недавним союзником Гитлера. Их здорово запугали».

Заместитель командира соседнего батальона по политчасти майор Головин говорил на остановке танкистам:

— В селе, в которое мы вступили вчера, начался переполох. Жители покинули свои хаты, позабивав досками двери и окна. Страшно перепуганные, они собрались в двух домах. Накануне немцы сказали им, что в село вступят сибиряки. Это — получеловеки-полузвери с одним глазом и косами. Они не убивают румын, а отрезают им носы и уши и потом жарят их на закуску. Про это мне рассказал один дед. Говорит, что русских он знает еще с минувшей войны, люди хорошие, храбрые, а вот сибиряков не видел ни разу. Этот старик рассказал, что перед приходом Красной Армии русские парашютисты захватили эшелон с продовольствием. Охрана кинулась наутек к мосту. Немцы хотели первыми проскочить через мост, а румынские солдаты их не пускали. Около моста промеж румын и немцев началась драка. Дошло дело до оружия. Верх взяли немцы и, словно стадо баранов, побежали на мост. Тогда румынский солдат, которому было поручено охранять мост после отхода, подорвал его в тот момент, когда на нем было полно немцев.

Люди радовались, что парашютисты погнали немцев к речке. Те парашютисты были русскими, а кто такие сибиряки, никто тут не знает.

Тогда я сказал старику, — продолжал Головин: — «Дед, я и есть сибиряк!» Тот сперва не поверил, а потом начал сзывать на своем языке: «Люди! Немцы брешут, сибиряки хорошие хлопцы! Выходите!»

...Из Румынии танкистов перебрасывают в верховья Днепра, на Смоленщину. Советское командование готовило грандиозную Белорусскую наступательную операцию, в которой предстояло принять участие и 3-му гвардейскому Котельниковскому корпусу. В Смоленских лесах гвардейцы получили новые танки с надписями на башнях: «20 лет Узбекистана» и изображением герба Узбекской ССР. Вся танковая колонна была построена на средства, собранные трудящимися Узбекской республики, и командованием корпуса передана лучшим гвардейским экипажам. На одном из этих танков стал воевать и Борис Дмитриевский. О его мужестве и мастерстве пишут фронтовые газеты. Командование представляет его к высоким наградам.

«21/VI-1944 г.

Здравствуй, дорогая мама! Привет тебе из Смоленска. Извини, мамочка, что долго не писал. Все это время был в дороге».

«2/VII-1944 г.

Дорогая мамочка! Извини, что я тебе совсем мало пишу. Право, я так занят своей стрельбой, что нет буквально свободной минуты. На ходу спишь, на ходу ешь и черт знает что на ходу этом не делаешь. Чувствую себя все же хорошо. Наши победы как-то поднимают дух... Вот сейчас опять ехать вперед... За свою работу я представлен к награде двумя орденами — Александра Невского и не то Красного Знамени, не то Отечественной войны I степени. Пиши чаще. Привет бабушке. Твой сын Борис».

Девятнадцатого июля 1944 года во фронтовой газете была напечатана статья «Командир танка Дмитриевский». Военный корреспондент-танкист Валентин Дуров рассказал в ней о том, как воюет на белорусской земле мастер танковых атак Борис Дмитриевский и его боевые друзья.

«— Командир роты отдал приказ Дмитриевскому. Молодые, лучистые глаза командира танка вспыхивают. Вся его фигура, высокая, ладная, кажется, так и брызжет задором, буйной силой.

— Есть! — говорит он. — Есть атаковать в лоб!

Командир роты гвардии лейтенант Алкаев невольно улыбается. Уж очень жаркие глаза у Бориса Дмитриевского, кавалера ордена Красного Знамени, первого смельчака батальона, мастера танковых атак.

Б. Н. Дмитриевский. 1944 г.

— Только осторожней, друг! — говорит на прощание Алкаев.

Они подползают к позициям противника. Враг тут здорово укрепился. Вот бьют из укрытий его пушки, чернеют силуэты тяжелых танков. «Один, два, три, пять», — считает Борис. Засекают они расположение минометной батареи, знакомятся с подступами к селу.

По сигналу на врага устремляются два танка. Немцы сосредоточивают на них весь огонь. Но машины идут и идут. Командир батальона гвардии майор Швецов с волнением и восхищением смотрит на работу Дмитриевского и Кулакова. Каждое укрытие используют они. Движутся рывками. Ведут прицельный огонь.

— Пора! — подает команду майор.

И вот тут начинается настоящая атака. Командир роты Алкаев ведет четыре танка в обход справа. Дмитриевский и Кулаков сделали все, что было нужно: отвлекли на себя внимание и огонь противника. На предельной скорости мчатся четыре танка. Совершенно отчетливо вырисовывается для немцев страшная угроза окружения, и они начинают отступать. Но не так это просто сделать, оказывается.

Борис Дмитриевский одновременно с танком Баранова врывается в боевые порядки врага. Две «пантеры»,

трусливо пятившиеся назад, вспыхивают и долго горят. Оба танкиста мысленно говорят друг о друге: «Вот молодчина!»

Немцы бегут. Их потери очень велики. Боевой приказ выполнен. Борис счастлив».

В тот день наши танки далеко продвинулись на запад. Два ровесника, командиры танков Александр Кулаков и Борис Дмитриевский, как бы соревнуясь между собой, выкладывают в бою все, на что способны. Кулаков, как снайпер, метко лупит «пантеру» за «пантерой». А Дмитриевский?.. Кулаков даже позавидовал своему другу, когда увидел, как тот устроился. Выгоднее позиции сейчас, кажется, не найти на всем 3-м Белорусском фронте. Борис Дмитриевский облюбовал среди руин сожженного фашистами села одну каменную стену, что стояла среди развалин, как скала. Он спрятал за нею свой танк и стрелял через дверной проем по перекрестку дорог. Немцы никак не могли понять, откуда по ним бьют, так как за стеной танка не видно, а Дмитриевский видит все.

Примчавшись к Дмитриевскому, Кулаков спросил его по рации:

— Слушай, Борис! В стене есть еще оконное отверстие. Продвинься трошки, дай и мне стать.

— Э-э, нет, Сашко. Это мой «трофей», — смеясь, ответил Дмитриевский.

Из-за стены разрушенного дома экипаж Дмитриевского разбросал десятки немецких автомашин, бронетранспортеров, мотоциклов — почти все вражеское подкрепление, что шло на выручку своих.

...Вырвавшись из пробки, образовавшейся на дороге, группа танков 3-й бригады врезалась в колонну фашистской пехоты. Поднялась невообразимая паника. Бежать некуда, так как за дорогой начиналось болото. Страх загнал десятки немецких вояк на... советские танки. Они лезли на них не для того, чтобы бросить гранату в люк или стрелять из автоматов, а чтобы скорее сдаться в плен и спасти свою жизнь.

— Сашко! — кричит Дмитриевский по радио Кулакову. — Что за десант на твоем танке?

Александр чуточку открыл люк и встретился взглядом с немецким офицером в очках.

Весь танк был облеплен немцами, как мухами, а на

него лезли и лезли новые солдаты, хватаясь за все, за что можно было ухватиться. Зная повадки гитлеровцев, Кулаков сразу же задраил люк. Но выстрелов не было. Немцы сидели смирно. Так экипаж гвардии старшины Кулакова доставил на своем танке в штаб бригады двадцать восемь пленных.

Много дней подряд, почти не смыкая глаз, вели бои танкисты, перерезая врагу пути отхода, нанося ему быстрые, неожиданные удары с флангов и с тыла. И всегда впереди мчался танк гвардии лейтенанта Бориса Дмитриевского.

За мужество и отвагу при освобождении Минска Борис был награжден орденом Отечественной войны I степени за № 57957. Бережно хранит награду сына Анна Ивановна. Она видит в ней отблеск его бессмертной славы и несгибаемого мужества.

Прошло ровно четыре дня, и на груди Бориса засиял третий боевой орден — Красной Звезды, которым он был удостоен двадцать третьего июля 1944 года за освобождение Вильнюса.

Двадцать шестого июля Борис пишет матери:

«Пишу тебе теперь чаще, но скоро опять будет малый перерыв — еду стрелять... Настроение отличное. По работе тоже порядок.

...Впереди Неман и Пруссия!»

Командир батальона майор Швецов назвал Дмитриевского настоящим танкистом. В нем прекрасно сочетались отвага и точный расчет. Трудно быть разведчиком-танкистом в непрерывном наступлении. Иногда нужно на ходу определить силы врага, разгадать его намерения, возможные места засад, расставляемых обычно на перекрестках дорог, на высотах и у населенных пунктов.

В одном бою гвардии лейтенант Дмитриевский заменил раненого командира роты Алкаева. Не ожидая приказа сверху, он проявил разумную инициативу: бросил вперед свою головную походную заставу, несмотря на сильный заслон противника. Немцы стремились выиграть время для отвода своих основных сил. Дмитриевский и его боевые товарищи поняли это. У врага было здесь семь тяжелых танков и до батальона пехоты. Дмитриевский приказал экипажу Баранова и подошедшей артил-

лерийской батарее сковать заслон противника, а сам с тремя танками ударил с фланга. Впереди опять шел танк Дмитриевского. Тридцать километров гнал врага батальон.

«8/X-1944 г.

...Получил повышение по службе. Теперь жду третью звездочку».

«11/XI-1944 г.

...Могу сообщить, что у вашего сына после этой стрельбы появилось несколько десятков седых волос. Сейчас пока не воюю. Мешу грязь Советской Прибалтики. Получил звание старшего лейтенанта. За бои представлен к ордену. Писать опять трудно, так как темно и хлещет дождь».

Борис был любимцем бригады. И не только потому, что воевал он отважно, дерзко и умело, но и потому, что высоко ценил дружбу. Выручить товарища из беды, помочь ему делом — было его твердым жизненным правилом.

Однажды, когда Борис учился еще в девятом классе, он поздним вечером пришел домой с разорванной полой пальто и синяком на щеке. Анна Ивановна перепугалась.

— Поцарапались малость, — вздохнул Борис, снимая пальто. — Напали на нас с Артуром.

— Кто, где?

— На Арбате, хулиганы. Ну, им тоже досталось.

А случилось так. Борис и Артур Петровский шли по переулку. Была гололедица. К ним стали приставать какие-то парни. Оскорбляли, загораживали дорогу. Борис, видя, что хулиганов больше, предложил Артуру перейти на другую сторону переулка. Но отставший от него Артур поскользнулся и упал. Парни набросились на него. Борис мгновенно оказался рядом и заступился за друга. Помогло увлечение физкультурой, которой он занимался с детства.

Однополчанин Бориса Григорий Громыко, ныне работающий журналистом в Минске, рассказывает:

«Помню, осенью 1943 года наша бригада готовилась к форсированию Днепра. Случилось так, что в канун сра-

жения нас разместили в том же украинском селе, что и чешскую бригаду Людвига Свободы. Организовали вечер боевого братства. Дмитриевский был героем этого вечера. Узнав о том, что Борис — мастер атак и огня, чешские товарищи буквально «атаковали» его. Свою симпатию высказали танкисту и чешские девушки-солдатки, особенно он приглянулся одной из них. Но он почему-то был холоден к ней. И только спустя много лет я узнал причину. В тот день Борис писал матери: «Если увидишь Люсю, передай мой большущий привет и поцелуй крепко-крепко». Люся — одноклассница Бориса. В любви он был так же верен, как и в дружбе».

«2/XII-1944 г.

Дорогая мамочка!.. У меня три варианта: первый — воевать, второй — ехать отдыхать, третий — возможно, поеду учиться.

Ты писала, что болеешь. Мамочка, дорогая, береги себя. Осталось совсем немножко обождать до конца войны, а потом все будет по-другому».

Из трех вариантов, о которых пишет Борис, остался второй — бригаду опять вывели в тыл на доукомплектование. Намечавшаяся поездка в Москву, в Академию бронетанковых войск, не состоялась, и Борис с присущей ему энергией занимается обучением экипажей танков — ведь он теперь командир роты.

«10/XII-1944 г.

...Когда придет это письмо, то, возможно, оно застанет тебя за новогодним столом. Поэтому поздравляю свою дорогую мамульку с Новым годом! Будем надеяться, что этот год будет годом нашей Победы».

«22/XII-1944 г.

...Сейчас полностью привел себя в порядок. Помаленьку учусь, готовлюсь к боям. Ты меня, мама, не поняла насчет орденов и медалей. Медали никакие не получаю, к «Невскому» представляли уже 4 раза, но, видно, опять где-нибудь затеряют. Но не в этом дело. Хватит и тех, что есть.

...Послал тебе две фотокарточки и в этом письме посы-

лаю еще одну. А капусту, о которой ты пишешь, килограммчика два прибереги: приеду — первая закуска».

«28/XII-1944 г.

...Скоро, мама, должен быть в Москве мой друг Женя Тримайло. Он заедет в Москву за орденом Ленина и остановится у нас».

Борис просит мать принять его лучшего друга, не отказать ему ни в чем.

И действительно, в январе 1945 года в Москву приехал заместитель командира 1-го танкового батальона Зиновий Тримайло (Борис звал его Женькой). В Кремле Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Ленина. Две недели прожил Тримайло у Анны Ивановны. Много теплых, задушевных слов услышала она от Зиновия Ивановича о своем сыне. Вместе с Люсей они подолгу просиживали у нее в комнате, слушая неторопливый рассказ этого доброго, очень еще молодого украинца.

В конце января он уехал. А через две недели Анна Ивановна получила сразу два письма: одно от Бориса, другое от Зиновия.

Борис сообщал, что он пока не воюет, но скоро, по-видимому, опять начнет стрелять. Живет он по-прежнему хорошо. Правда, писать часто обстановка не позволяет: кругом лес да снег. Сфотографироваться пока не может, так как фотографии в этом польском городке, около которого они стоят, нет.

«...Одно радует, что на фронте замечательные успехи. Сегодня подсчитал, что до Берлина осталось не более 300 км. Порядок! Все мечты о Москве. Хоть бы воевать скорее!»

«14/II-1945 г.

Дорогая мамочка! Ты, наверное, волнуешься, что я долго не пишу. Ничего не могу поделать. У меня столько работы, что нет буквально ни минуты свободной. Так увлекся работой, что сплю не более 3—4 часов в сутки.

Два дня назад приехал Женька. Он очень доволен Москвой. Спасибо, мама, что хорошо приняла моего дружка. Когда придет это письмо к тебе, я уже буду стрелять.

Итак, вперед, на Берлин! Думаю, что на этом и война кончится».

Накануне Борис получил письмо от матери. Анна Ивановна писала, что один товарищ Николая Михайловича — отца Бориса, тоже воевал в дивизии народного ополчения и попал в плен к немцам, находится в лагерях в Германии. Оттуда ему удалось с кем-то переправить письмо домой. «Может, и отец там?» — спрашивала мать.

— Теперь, ты понимаешь, Женя, как важно нам дойти до Берлина, — сказал Борис своему другу, с которым они вместе читали это письмо.

— Всю Германию пройду насквозь, а отца разыщу, если живой, конечно. Ему в этом году пятьдесят лет стукнет. И за потерянных друзей расквитаемся сполна!

Война подходила к концу. Все шире развертывалось победоносное наступление советских войск. Все дальше на запад в глубь Германии откатывались разбитые фашистские армии.

По-прежнему неудержимо шли вперед танки гвардии старшего лейтенанта Бориса Дмитриевского, молодого командира роты. Вот передо мной копия наградного листа — скупого фронтового документа. В нем командир 1-го танкового батальона гвардии майор Бакаев кратко описывает лишь несколько боевых дней Дмитриевского. Посмотрим, чем отличилась его рота в эти дни.

Двадцать пятого февраля 1945 года 3-й гвардейский танковый корпус генерала А. П. Панфилова по приказу командующего 2-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского начал наступление по прорыву обороны фашистов на пути к Гданьску и Гдыне. В составе этого корпуса, как и раньше, воевала 3-я гвардейская танковая бригада. Ее боевые порядки неизменно возглавляла рота Дмитриевского, находившаяся в передовом отряде.

«Передовые отряды 3-й и 18-й гвардейских танковых бригад с десантами автоматчиков на броне, — вспоминает Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, — обогнав пехоту, устремились вперед. Уже к 14 часам они

вышли на рубеж Эльзенау, Беренхютте, завершив прорыв тактической зоны обороны противника».

Враг упорно сопротивлялся. Вводил в бой крупные силы пехоты, артиллерии и танков, стремясь любой ценой задержать наши части на подступах к Бальденбергу.

Старший лейтенант Дмитриевский быстро проводит одним взводом разведку боем, устанавливает систему обороны и расположение огневых средств противника и стремительно атакует его. Уже в первом бою рота Дмитриевского уничтожила восемь орудий, два танка «пантера» и до ста солдат и офицеров.

Удар гвардейцев настолько был молниеносным и дерзким, что враг, не выдержав натиска, дрогнул, и танки Дмитриевского устремились в образовавшуюся брешь. Впереди — танк командира роты.

В районе озера, южнее города Эльзенау, Дмитриевский на максимальной скорости ворвался на огневые позиции артиллерии противника и гусеницами танка раздавил четыре орудия вместе с расчетами, огнем из пушки и пулеметов уничтожил пять автомашин и до полсотни солдат и офицеров. Следуя примеру своего отважного командира, огнем и гусеницами уничтожали живую силу и технику врага и другие экипажи роты. А когда танки Дмитриевского вырвались на шоссе, еще семьдесят автомашин с грузами, двести повозок и до ста восьмидесяти солдат и офицеров оказались раздавленными и уничтоженными.

За день боя, без непосредственной поддержки артиллерии и с небольшим десантом автоматчиков на броне, рота Дмитриевского осуществила прорыв обороны противника на глубину до пятидесяти километров.

Утром двадцать шестого февраля рота Дмитриевского, следуя в передовом отряде бригады, ворвалась на окраины Бальденберга, превращенного гитлеровцами в мощный противотанковый узел обороны. Из укрытий в каменных зданиях и других железобетонных укреплений фашисты вели шквальный огонь из противотанковых орудий и фауст-патронов. Два раза переходили в контратаки. Отбивая контратаки противника, рота уничтожила три орудия и до сорока истребителей танков, своей стойкостью и отвагой обеспечила овладение городом главными силами корпуса.

Первого марта, преследуя отходящего противника, рота Дмитриевского решительной атакой овладела станцией Шюбен-Цанов, захватив четыре железнодорожных эшелона с военным имуществом.

...Третьего марта 3-я гвардейская бригада под командованием подполковника Ф. Х. Егорова (ныне генерала в отставке) совместно с другими частями корпуса подошла к сильному опорному пункту обороны противника — городу Кёзлин, прикрывавшему подступы к побережью Балтийского моря. Два дня здесь кипели жаркие бои. И опять рота Дмитриевского выполняла самую ответственную задачу. Находясь в головной походной заставе, она отрезала отходы противника и, умело используя укрытия, из засад наносила внезапные танковые удары.

Утром пятого марта Кёзлин был взят. Остатки его многочисленного гарнизона капитулировали.

Четвертого марта 1945 года перед коротким отдыхом Борис улучил немного времени и черкнул несколько строк матери:

«...У меня все в порядке. Воюю в Германии. Живу отлично. Есть, конечно, много что рассказать, но это потом, когда приеду. Обо мне не волнуйся: все будет в порядке. Береги себя. Пиши мне чаще. Ну, кончаю: надо спать.

Целую крепко. Твой сын Борис».

А в конце со свойственным ему юмором приписал: «До тех пор, пока моя колдобина (так в шутку он называл свою «тридцатьчетверку».— *И. С.*) не пройдет по Вильгельмштрассе, домой меня не жди».

Восьмого марта 1945 года войска 2-го Белорусского фронта после выхода на побережье Балтийского моря и рассечения восточнопомеранской группировки противника повернули на восток, в сторону Данцига.

«Соединения 3-го гвардейского танкового корпуса вновь отличились в боях у Данцигской бухты,— запишет потом в своих воспоминаниях маршал К. К. Рокоссовский. — Они первыми форсировали реку Леба в районе г. Лауенбурга и, не сбавляя скорости, настигли несколько крупных колонн неприятельских войск, разгромив их и захватив много трофеев и пленных».

В этот день, за тридцать минут до начала наступления, Борис написал матери:

«8/III-1945 г.

Дорогая мама!

Спешу сообщить, что жив и здоров. Воюю, не сглазить бы, пока хорошо. За бои представлен к Герою... Твои письма получаю довольно-таки часто. Тебе, хотя и воюю, писал раз, а то и два в неделю. Обо мне не волнуйся. У меня все будет хорошо. Береги себя. Женя шлет тебе большущий привет.

Ну вот пока и все. Целую крепко. Твой сын Борис».

Анна Ивановна получила это письмо в конце марта. На нем стоял штамп полевой почты с датой отправки: 15/III-1945 г. Прошли неделя, вторая, месяц, а писем от сына все нет и нет. Она внимательно вчитывалась в сводки Совинформбюро, вслушивалась в голоса московских дикторов, — не промелькнет ли где ненароком имя Бориса. Однажды уже было так: письма от сына прекратились, а потом вдруг радио сообщило радостную весть — командир взвода офицер Борис Дмитриевский назывался в сводке отважным танкистом.

«Может, и сейчас так же, — с надеждой рассуждала она. — Вон уже где бьет фашистских захватчиков наша армия. К Берлину подошла. До писем ли ему?»

В апреле почтальон вручил Анне Ивановне письмо от Тримайло.

И сердце матери сразу почувствовало беду. Дрожащими руками она распечатала конверт. Перед глазами запрыгали первые строчки:

«Дорогая Анна Ивановна! Долго не решался сообщить Вам тяжелую, горькую весть... У нас все очень тяжело переживают потерю Бориса...»

Письмо, написанное Борисом восьмого марта 1945 года, было его последним письмом. Когда полевая почта отправляла его адресату, Бориса уже не было в живых.

Произошло это одиннадцатого марта 1945 года. Шел тысяча триста пятьдесят седьмой день войны. Для Бориса — предпоследний день его жизни, его последний бой. В то раннее утро 3-я гвардейская танковая бригада развернула наступление в направлении городов Диршау и Нойштадт — важных опорных пунктов обороны гитлеровских войск на подступах к Данцигу и Гдыне. Враг оказывал упорное сопротивление.

К могиле Б. Н. Дмитриевского в г. Лемборке польские друзья возлагают цветы.

В голове передового отряда, которым командовал заместитель командира 1-го танкового батальона гвардии капитан З. И. Тримайло, шла рота Дмитриевского. Преследуя отходящие части противника, танкисты продвинулись вперед на сорок-сорок пять километров. Проскочили один большой цементный завод у Нойштадта и тут попали под сильный огонь неприятеля. По команде Дмит-

З. И. Тримайло. 1973 г.

риевского рота развернулась из походной колонны в боевую линию и пошла в атаку. С двух сторон по гвардейцам ударили противотанковые орудия и пушки замаскированных фашистских танков. Образовался огневой мешок. Атака захлебнулась. Так повторилось два раза. Потеряв три танка, в восемнадцать часов по приказу Тримайло Дмитриевский отвел роту в район цементного завода, а оттуда в небольшой фольварк — в двух километрах от места боя. Все же в этом скоротечном бою Борис Дмитриевский только своим танком уничтожил три вражеских орудия, четыре миномета, один танк и до пятидесяти солдат и офицеров.

Танки Тримайло и Дмитриевского остановились рядом, у одного кирпичного дома. И тут случилось непоправимое. Осколком снаряда Борис был смертельно ранен.

Недавно гвардии подполковник запаса, кавалер ордена Ленина, орденов Красного Знамени, Александра Невского и Отечественной войны I и II степени, двух орденов Красной Звезды и двенадцати медалей, Зиновий Иванович Тримайло рассказал мне об этом подробнее.

— Мы с Борисом сидели на башне его танка. Дымили «козьими ножками». Вокруг время от времени продолжали рваться артиллерийские снаряды. Стороной проносились с воем мины. А мы разговаривали о близкой победе, о своих родных.

— Ну, Женя, — сказал Борис, — скоро конец «мясорубке». Жаль, что в Берлин мы уже, по всей вероятно-

сти, не попадем. А хотелось бы! Ой как хотелось шарахнуть по этому чертовому логову. За всех наших ребят, за отца, за Москву!

— Приедешь, Боря, до мамы и Люси Героем, с Золотой Звездой. Тебя уже второй раз представили. Хороший праздник будет. Пройдешь по Красний площи, и на тебе будуть уси дивчата заглядатися.

— А как думаешь, Женя, будет после победы парад в Москве? Вот бы попасть туда!

— А як же. Обязательно будет. В сорок першому и то був. И нас з тобою визьмуть. Мы ж гвардийци-котельникивци!

Вдруг раздался оглушительный взрыв. Сверху что-то посыпалось. Борис и Тримайло вскочили в танк прямо на боеукладку.

— Ты не ранен? — каким-то неестественным голосом спросил Борис.

Попробовав сдвинуться с места, Евгений ответил:

— Кажется, контужен! В ушах — колокольный звон. А ты?

Борис повернулся к Тримайло боком и застонал.

Он взглянул на него, и сердце сжалось от боли: вся левая сторона его тела была разорвана, и какой-то кроваво-черный ком повис на комбинезоне.

Наскоро перевязав Бориса, Тримайло выскочил из танка. Снаряд, ранивший Бориса, ударил прямо над их головой в фасад дома.

Приказав водителю танка завести двигатель, Тримайло увез Дмитриевского в ближайший медпункт.

После перевязки и оказания первой помощи врач заявил:

— Ранение очень тяжелое. Нужна немедленная операция в госпитале. Торопись, капитан!

Постелив брезент, друзья уложили Бориса на танк, — других машин поблизости не было, да и погода была слякотная. Было уже около одиннадцати часов ночи, когда Тримайло привез его в армейский госпиталь, только что развернутый в освобожденном городе Лемборке.

По дороге Борис часто терял сознание. А когда сознание возвращалось, он, чувствуя, что силы уходят, торопил друга:

— Женя, быстрее.

Иногда даже пробовал шутить. Но давалось ему это с большим трудом.

— Товарищ подполковник! — обратился Зиновий к начальнику госпиталя. — Я тяжелораненого привез. Старшего лейтенанта. Лучший командир роты нашей 3-й гвардейской. Герой Советского Союза. Вот дали танк для спасения. Несколько часов гнал к вам. Помогите!

Санитары унесли Бориса в соседнюю комнату. Зиновию разрешили присутствовать на операции. В операционной Борису сделали уколы. Он вновь пришел в себя. Увидев рядом друга и людей в белых халатах, заговорил торопливо, прерывисто, глотая слова:

— Доктор, только скорее, пожалуйста. Надолго меня не хватит... Женя... Слушай меня... Напиши маме... Расскажи, как воевал ее Борька... И про это... Передай... Я отомстил за отца... за всех наших... И Люсе...

— Боря, помолчи. Тебе нельзя разговаривать. Ведь все уже позади, а ты отпеваешь себя. Сейчас сделают операцию. И порядок в танковых войсках! Мы с тобой еще поживем!

— Подожди, Женя... Не перебивай... У меня мало времени... Сколько раз... мы говорили об этом... И думали... перед каждым боем были готовы... И вот... Не хочется умирать... Перед самой победой... Будешь в Берлине... вспомни меня... Похорони меня... как положено... хоронить друга...

Операция длилась долго. Спасти Бориса не удалось. После наркоза он больше не приходил в сознание.

— Слишком много потерял крови, — сказал хирург.

Утром друзья положили тело Бориса на танк и отвезли в видневшийся поблизости парк. Похоронили около одного польского памятника на юго-западной окраине Лауенберга (Лемборка). Со всеми воинскими почестями, как положено хоронить Героев. На деревянной пирамидке вырезали слова: «Ст. лейтенант Борис Дмитриевский. Умер от ран 12 марта 1945 г.».

Тримайло попросил одного немца-старичка сделать фотокарточку могилки друга и отослал ее Анне Ивановне.

Двенадцатого марта 1945 года Москва салютовала доблестным войскам маршала Рокоссовского за овладение тремя новыми городами в Восточной Померании, в том числе и Нойштадтом. В тот день 3-я гвардейская

Анна Ивановна Дмитриевская с бывшим командиром бригады, ныне генерал-майором в отставке Ф. Х. Егоровым (справа).

танковая бригада вышла к морю, на побережье Гданцигской бухты, а несколькими днями позже была награждена еще одним боевым орденом. К ее прежнему наименованию прибавилось новое — она стала называться Минско-Гданьской.

В конце апреля гвардейцы-танкисты теперь уже за Одером доколачивали гитлеровцев на территории самой Германии. Их «тридцатьчетверки» кромсали вражеские укрепления в городах Анклам, Фридланд, Нойбранденбург, что северо-западнее Берлина. И по-прежнему в голове передового отряда наступала рота Бориса Дмитриевского, хотя вел ее теперь другой командир.

Гвардии старшему лейтенанту Борису Николаевичу Дмитриевскому было присвоено звание Героя Советского Союза. На наградном листе о присвоении Борису этой высшей степени отличия после слова «Достоин» подписались командир 3-й гвардейской танковой бригады гвардии подполковник Ф. Х. Егоров, командир 3-го гвардейского танкового Котельниковского Краснознаменного корпуса гвардии генерал-лейтенант танковых войск А. П. Панфилов, командующий БТ и МВ 2-го Белорусского фронта генерал Чернявский, командующий войсками 2-го Белорусского фронта маршал К. К. Рокоссовский, член Военного Совета фронта генерал Н. Е. Субботин.

Анна Ивановна узнала об этом второго июля 1945 года, когда прочитала в газете «Правда» Указ Президиума Верховного Совета СССР. Шестнадцатым по списку стояло имя Бориса. Незадолго до этого она получила письмо от мужа. Николай Михайлович, как и предполагал Борис, в октябре 1941 года при выходе из окружения под Вязьмой раненым попал в плен, всю войну мыкался по фашистским лагерям и лишь в конце апреля 1945 года под Дрезденом был освобожден Красной Армией.

Перед его приездом домой принесли большой пакет из Кремля. В нем — Грамота Президиума Верховного Совета и письмо за подписью Михаила Ивановича Калинина:

«Уважаемая Анна Ивановна!

По сообщению военного командования, Ваш сын гвардии старший лейтенант Дмитриевский Борис Николаевич в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых.

За геройский подвиг, совершенный Вашим сыном Борисом Николаевичем Дмитриевским в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 29 июня 1945 года

присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Посылаю Вам Грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему сыну звания Героя Советского Союза для хранения как память о сыне-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. Калинин».**

В музее истории Саратовского высшего военного командного дважды орденоносного училища хранятся копии фронтовых документов и газетных статей о подвигах Бориса Дмитриевского, его писем, воспоминания о сыне, написанные Анной Ивановной. В галерее Героев Советского Союза — питомцев училища большой портрет гвардии старшего лейтенанта. Во фронтовой шинели, шапке-ушанке Борис смотрит, слегка улыбаясь и как бы приветствуя каждого. Подолгу задерживается взгляд на его красивом и вечно юном лице.

ЗОРИ ПОБЕДЫ

1. Смоленская встреча

Одиночества простительна пора,
А для нас, незатерявшихся, — вдвойне.
Показалось:
Побывали мы вчера
На сегодня не оконченной войне...

В один из очередных отпусков решил я съездить на родину. Потянуло на Смоленщину — в страну моего детства, в края, издревле овеянные русской боевой славой, к землянкам, ныне прославившим их трудовыми подвигами, достойно соизмеримыми с ратной героикой последней войны.

В окнах поезда «Москва — Варшава», словно на экранах цветных телевизоров, мелькали зеленые, синие, голубоватые кадры: озимые хлеба и снегозащитные лесополосы, причудливо искривленные речки и симметричные озера, динамичные картины станционных городков и спокойная голубень зорюющего горизонта западной России.

Свежие газеты почтальона-проводника, тюльпаны и ландыши на столиках молоденьких пассажирок, легкая верхняя одежда моих попутчиков говорили о том, что действительно идет май, и от этого мне было очень радостно, так как я давно называл про себя этот месяц возвышенными словами — месяцем своего свидания с Родиной.

На станции Вязьма наш плацкартный вагон сначала опустел, а потом обновился пассажирами постарше. И мой сосед с многочисленными орденскими планками на темном пиджаке сразу же заговорил с нами о днях, проведенных им в Москве, о праздновании двадцатилетия победы над гитлеровской Германией, о том, что надо свя-

то беречь эти вот холмистые поля, сосновые боры и чащи от новых кровопролитий.

Когда случались паузы в нашем разговоре, из соседних купе доносились обрывки фраз и вопросов, тоже касающихся недавнего праздника Победы. И иногда бывало так, что сомнения одних рассказчиков в достоверности какого-нибудь эпизода войны быстро и тепло разрешали более памятливые.

Тогда и показалось мне, будто слышу я голоса в целом поезде сразу, и все они наполнены впечатлениями военной поры. И этим контрастом мужественной памяти и благодарного чувства, наверное, и живет в людях активная никем не одолимая вера в непобедимость мира, в его идеал, сравнимый только с идеалом правды. А человек выше этого идеала ничего не хочет иметь, потому что он дарован живущему самой природой.

С такими мыслями и приехал я в родной Смоленск, которого, по-честному говоря, еще и не видел взрослыми глазами. Пяти лет меня увезли из этого разрушенного, голодного, оскверненного фюрерскими вандалами истинно русского города. Может быть, тревожно-возвышенное, с примесью возвращающейся радости мое настроение, предчувствие полуутраченного родства и подсказало неподдающиеся житейской логике пути и встречи.

Смоленский журналист Ващилин, у которого я хотел остановиться (по его приглашению еще в дни нашей совместной учебы в Москве), был в командировке. Поэтому, побывав в саду имени Кутузова, где немало скорбных, но величественных памятников Отечественной войны, я в сумерках уехал на пригородном поезде в Рославль.

В этом невеликом городке, сохранившем, несмотря на жестокую оккупацию, черты русской старины, я и родился. Но, не найдя ни знакомых, ни дальних родственников, которые, по моим предположениям, должны бы быть в Рославле, я выписался из гостиницы раньше намеченного срока. Грустно было не встретить фамилий, имен и улиц из фронтовой записной книжечки в металлическом переплете, доставшейся мне от отца. Наивно, конечно, впадать в обиду на судьбу за это, но я с юношеских лет ждал встреч с людьми, которые могли бы знать моих родителей, подробности моего раннего детства. Погибли

или разъехались эти люди после освобождения Смоленщины, судить трудно. И все-таки, не зная ничего об этом, я убежден, что война, и только она виновна в моих новых потерях. Война, не успевшая поразить мое сознание в те ранние годы, теперь вот вернулась ко мне взрослому и убила последнюю возможность приобщения к памяти отца.

В Смоленск возвращался я на рассвете притихшим до печали. Стоял в тамбуре; переходя то к правому, то к левому окну, впитывал в себя приднепровские пейзажи с приземистыми деревушками и мостами, с высокими хвойными лесами и современными поселками; сквозь омытые весенним дождиком стекла все виделось прозрачным, красивым и близким. Ничуть не верилось, что вот здесь, где сейчас доверчиво вытягивается ленок, осыпаются белые яблони, зловеще разливались кровавые зори, громобойствовала артиллерия, лязгали гусеницы танков, а небо рассекали трассы воздушных схваток.

А вот промелькнул мерцающий полуромб обелиска. Может, мой родственник непокоренный погребен около этой грустной сосны?.. Почему-то вспомнился двадцатиметровый штык солдатский — стела из нержавеющей стали, — видел в Заднепровском районе Смоленска. Тысячи собратьев этого штыка — маленьких обелисков — мерцают по смоленской земле звездочками светлой памяти. И, словно вехи истории, они соседствуют с монументами, установленными русским воинам, громившим здесь полтора века назад войска Наполеона.

На этот раз Ващилин оказался дома, и мы до ночи проговорили на тесной кухне. Порассказать друг другу было что; я поделился неоправдавшимися планами приезда, и Анатолию, наверное, передалось мое настроение. Он немного постарше меня; перед оккупацией детдом, в котором воспитывался Ващилин, эвакуировали на Урал; после войны он вернулся на Смоленщину уже семнадцатилетним, работал, учился. Война тоже перекроила его душу, и, став журналистом, он не видит для себя более заветной темы, чем партизанский патриотизм на Смоленщине.

Следующий день оказался субботним, и, хотя Ващилину надо было к трем часам идти в редакцию, утром

Анатолий повел меня в областной краеведческий музей, как обещал.

Был день рождения пионерской организации страны, и смоленские улицы цвели красными знаменами, галстуками, пилотками, оглашались барабанной дробью, пронзительными горнами и задорными, чуть тревожными песнями возбужденных школьников.

С волнением ходил я с Ващилиным по краеведческому музею. Многочисленные документы, экспозиции, воскрешавшие сороковые годы области, впечатляли, восхищали, печалили... И тут произошла встреча, побудившая меня пробыть в Смоленске дней десять и заставившая написать об этом.

В одном из залов нового отдела музея Ващилин подошел к работающим там художникам, разговорился с ними. Художник Студии военных художников имени Грекова Семенов увлеченно рассказывал о знаменитом Ельнинском сражении, над диорамой которого они и работали. Это сражение нанесло серьезный контрудар вероломному врагу: в первых числах сентября 1941 года Ельня, захваченная было фашистами, вновь стала советской.

К нам приблизился высокий черноволосый мужчина, поздоровался за руку с Ващилиным и тоже стал внимательно слушать.

— Да... Вот живу в Смоленске, а повоевать за него не пришлось, — раздумчиво произнес знакомый Ващилина, когда мы пошли дальше по музею.

— Ну что вы, что вы, Сергей Кириллыч, не за Смоленск, так за Сталинград постояли да и по Европе Западной попылили, так ведь?

— Вроде так. А Смоленщине-то побольше всех досталось,— неопределенно ответил Сергей Кириллович.

— Кстати, познакомьтесь, — мой товарищ из ваших земель, из саратовских, — кивнул Ващилин в мою сторону.

— Внуков. — Сергей Кириллович крепко и тепло пожал мне руку.

Толик заспешил в редакцию и, оставляя нас, посоветовал мне едва слышно:

— Внуков — интересный человек. Все хотел я для са-

ратовцев очерк написать о нем. Но тебе-то, думаю, сподручнее даже будет. Как-никак ваш земляк. Жми, старик. Привет!

...Нельзя сказать, чтобы Внуков был разговорчив, но и противоположная черта не подходила к нему. Бывают люди с фронтовой биографией, непременно «героической». Во всяком случае они в присутствии других стремятся сгустить краски, подсыпать окопного перчику, а иные, глядишь, и побасенку приключенческую не прочь пришпилить к не отмеченному заслугами мундиру. А больше, я думаю, людей, в меру оценивающих свои воинские заслуги. И если среди них настоящего героя встретишь, то не станет он геркулесом прикидываться: суровая фронтовая школа приучает человека к мудрой сдержанности, к устойчивому равновесию в понятиях долга и подвига. Вот таким и предстал Сергей Кириллович в своих скуповатых рассказах о боевых днях.

Оказалось, что капитан запаса Внуков, уроженец села Сосновка Аркадакского района, учился в Салтыковской средней школе. Великая Отечественная война застала его в военном училище. Он начал воевать под Сталинградом и с боями дошел до Праги.

После войны Сергей Кириллович демобилизовался и окончил Саратовский юридический институт имени Д. И. Курского, был на советской работе, а сейчас — в Смоленском областном суде.

За три года войны немало пришлось пережить, испытать и преодолеть мужественному офицеру. Были и минуты душевной боли от неоправдавшихся надежд, горьких потерь, были и дни вдохновенной радости от завоеванных побед. Командиры с пятиконечными звездочками на погонах несли в ряды бойцов ратный опыт Родины, воспитывались сами и воспитывали других на примерах героических подвигов соотечественников, доносили до глубин солдатских сердец пламенные призывы партии.

И потому страна пришла к майской победе. Приблизил ее и Внуков со своими бойцами, и капитан Крупин, его сподвижник, о котором Сергей Кириллович рассказывал с дружеской теплотой. Особенно мне запомнилась «Витановская эпопея» — один из ярких боевых эпизодов фронтовой биографии Внукова, еще одна малоизвестная страница военной летописи нашей Родины.

2. Двенадцать часов мужества

... У того, кто Родине предан,
Героическая судьба:
Ради жизни,
Во имя победы
Вызывать огонь на себя.

Пожиная горькие плоды, выросшие из семян коричневой политики Гитлера, фашистские армии постепенно сдавали свои восточные позиции. Хотя контрнаступление советских войск в Карпатах проходило в крайне тяжелых условиях, оперативные сводки ежедневно приносили известия об успешных операциях в том или ином районе. Армия-освободительница готовилась к 27-й годовщине своего рождения. По боевым традициям, советское командование приурочивало к праздникам наиболее трудные планы по разгрому гитлеровцев.

Зная это, Внуков до глубокой ночи пробыл с сержантами Бóевым и Малявкой около переднего края наших подразделений. Еще с вечера из-за северных отрогов гор принеслась колючая пурга. Она буйствовала под ногами, пробиралась под волглые шинели, белой завесой вихрилась над едва приметной каменистой тропой. Уточнив обстановку, капитан с бойцами возвратился на командно-наблюдательный пункт.

По опыту трех военных зим Внуков знал и другое: фашисты также совершали наглые вылазки именно под красные числа советского календаря, и нередко их опрометчивая самоуверенность не поддавалась никакой логике, особенно логике военной тактики. Так было под Сталинградом, под Ростовом, где Внуков отличился именно при таких судорожных контратаках врага.

Сейчас капитан чувствовал за собой не менее строгую ответственность. Воинское соединение, а в его числе и 493-й отдельный артиллерийско-пулеметный батальон, в котором Сергей Внуков был заместителем командира части по строевой подготовке, прикрывало фланг наступающей армии и уже несколько дней вело оборонительные бои.

Перед рассветом пурга утихла так же неожиданно, как и началась. Не было слышно и ночной перестрелки, которую солдаты называли в шутку цикадами за постоянство в любой обстановке независимо от погоды.

Тишина наступила непривычная, чистая до звона в ушах, и потому подозрительная. Перебросившись по этому поводу несколькими словами с солдатами и выпив кипяточку, Внуков прилег отдохнуть.

На географической карте речка Оравица голубой змейкой сползает с Татр и чуть заметно вьется по неширокой долине меж лесистых нагорий, служащих предграничной полосой для Польши и Чехословакии. На берегу этой речушки, приткнувшись к пологому отрогу, заросшему тисом и буком, стоит село Витаново, брошенное жителями и занятое теперь немногочисленными взводами советских бойцов.

Скованная льдом, прикрытая плотным горным снегом Оравица напоминала заброшенную дорогу. И вот по этой удобной для быстрого передвижения снежной трассе на рассвете ринулся к нашим позициям лыжный батальон гитлеровских автоматчиков. С визгом и улюлюканьем они стремительно неслись к постам боевого охранения.

Внуков проснулся после первого артиллерийского залпа; вместе с Боевым, Малявкой и пулеметчиком Васютой выскочил на крыльцо.

Небо, едва начинающее светлеть, расцвечивали ракеты. Огненные вспышки озаряли передний край, юго-восточную околицу села. Каменистые склоны глухо содрогались от разрывов снарядов.

В донесении политотдела армии о боевых действиях в этом районе говорилось: «23 февраля 1945 года противник после 45-минутной артиллерийской подготовки силою до батальона лыжников-автоматчиков атаковал наши позиции и, прорвав оборону, ворвался в село Витаново...». Во время артиллерийского обстрела было выведено из строя несколько огневых точек нашей обороны. Лыжники врага, вооруженные до зубов, сумели проскочить в образовавшееся «окно» и, занимая выгодные позиции на отрогах Высоких Татр, озлобленно катились прямо на командно-наблюдательный пункт наших подразделений. Фашистам уже удалось захватить окраину Витаново и выйти на шоссе Витаново — Гладовка, ведущее во фланг советского укрепрайона. Казалось, еще мгновение — и лавина лыжников захлестнет горсточку наших бойцов.

Внуков отдал приказ занять оборону на КП, который находился в двух стоящих друг против друга кирпичных домиках. С одной стороны к ним примыкали хозяйственные постройки. Получалось нечто похожее на подкову, удобную для круговой обороны.

Хотя бой был поистине неравным, солдаты Внукова отразили первый вал психической атаки. Вскоре к ним присоединился капитан Крупин, вырвавшийся с несколькими артиллеристами из окружения. Его помощник капитан Козлов и бойцы батареи погибли во время артподготовки и прорыва.

Внуков предложил Крупину возглавить группу связистов, находящуюся во втором домике метрах в тридцати, потому что там не было офицера. Но имелась рация, и Крупин мог корректировать огонь наших батарей. Кроме того, такое расчленение сил создавало возможность для взаимовыручки. Крупин держал под обстрелом гитлеровцев, атакующих группу Внукова, а Внуков с бойцами защищал своим огнем домик Крупина.

Третьей группе во главе с лейтенантом Панченко Внуков дал указание действовать самостоятельно, чтобы соединиться с отрезанными взводами Евдокимова, Глухих и Фролова и затем пробиться на КП.

Все силы враг бросил на правое крыло дома, где находился Внуков с бойцами. Они смело приняли неравный бой.

Укрываясь за косяком входной двери и подпуская гитлеровцев как можно ближе, в упор из двух пистолетов стрелял сибиряк Михаил Малявко. Автомат свой он отдал капитану Внукову.

Замкомбат расставил своих бойцов внутри КП так, чтобы ни один фашист не смог прорваться незамеченным.

— Главное, хлопцы, — беречь патроны, на каждый патрон — по немцу! — кричал Внуков, уложив сразу трех фашистов короткой очередью. — А там, глядишь, и подмога придет.

Уже совсем рассвело, и капитан послал Боева на чердак, откуда видимость была более широкой.

С чердака боец хорошо различал ползущие фигурки гитлеровцев. Выбил окно и стал строчить по фашистам. Их было много. Плотным кольцом они окружали осажденные домики.

Заняв часть села, вражеский батальон начал блокировать пулеметные и минометные расчеты, дома, превращенные нашими солдатами и офицерами в крепости. Несмотря на превосходящие силы противника, бойцы навязали ему в различных узлах сопротивления упорные бои.

Гитлеровцы чувствовали свое численное превосходство и нагло лезли в двери и окна. Но тут же вываливались назад.

— Здавайс, — кричал верзила в немецкой форме. Его глаза блевотного цвета, ободранная пулей толстая щека вызвали у Внукова чувство брезгливого презрения. Уперев в живот приклад автомата, фашист во весь рост подходил к окну, за которым стоял капитан.

— Получай, скотина! — и Внуков поднял автомат. Но выстрела уже не потребовалось. Гитлеровский выкормыш пошатнулся и грузным мешком плюхнулся в снег. Его снял сверху сержант Боев.

— Молодчина, Боев! — похвалил капитан, хотя знал, что сержант вряд ли услышит его отсюда.

Видя, что русские не сдаются, фашисты стали поджигать дома и сараи из огнеметов. То там, то тут вспыхивали розовые языки. Поднявшийся ветер, словно помогая гитлеровцам, раздувал «зажигалки», перебрасывал искры на соседние строения.

Один из выстрелов огнеметов пришелся по крыше дома-крепости Внукова. Первым это заметил Боев и тут же доложил капитану, а сам на выбор бил по смыкающейся цепи врага. От стрельбы ствол карабина накалился и, когда на него сыпался с крыши снег, шипел, застилая глаза сизой гарью и теплым паром. Позади уже бушевал огонь. Почерневшие от времени стропила падали на потолок обугленными головешками, рассыпали по оттаявшим опилкам снопы искр. Когда уже стало невозможно дышать, когда дым начал слепить глаза, сержант спустился вниз на помощь Внукову.

И это было своевременно. Капитан заметил, что группа фашистов поползла в обход дома к сараю. Он приказал подоспевшему Боеву пробраться в пристройку и оттуда бить по врагам.

Внутренние двери, ведущие в сарай, тоже занялись рваным пламенем. Но смекалистого Боева это не смутило: накинув на себя одеяло, он проскочил сквозь горящие

двери, выбил окно сарая — и десяток фашистов навсегда уткнулись в мороженые навозные кучи.

Однако и пристройка постепенно наполнялась дымом. Сарай был деревянный, стены и крыша его уже горели. Почти теряя сознание, Боев вернулся в комнату и упал около капитана.

Внуков хотел послать на смену Боеву сержанта Малявку. Но тот уже догадался сам и без приказа минут десять держал наползавших фашистов под обстрелом. Вернулся совершенно обессиленный. И опять его сменил отдышавшийся Боев. Осажденные так и не дали врагу приблизиться к дому с тыла.

Вскоре сарай рухнул, огонь перебросился в сени. Пожаром не была охвачена лишь одна комната, служившая когда-то горницей. На исходе были и патроны.

Малявко и Боев озабоченно взглянули на своего командира. Внуков без слов понял, что означает этот взгляд. Кивнув в сторону солдат, отстреливающихся от фашистов из окон с северной стороны, капитан сказал:

— Среди нас слабых нет!.. Стреляйте в упор и наверняка. Кончатся патроны — достанем!..

— ...станем!.. — повторило резкий голос Внукова невесть откуда взявшееся снизу эхо. И в наступившей паузе перестрелки тут же раздался ликующий голос рядового Вачалина:

— Товарищ капитан, там, внизу, — подвал... И окошко есть!

— Тем лучше, Вачалин. По местам!..

В голосе Внукова солдаты явственно различили радостные нотки. Значит, есть пока выход, значит, надо держаться до последнего...

Первым, кто погиб в группе Внукова, была связистка Валя. Она вместе с Васютой, виртуозным пулеметчиком, блокировала входную дверь. Когда у него кончились патроны, гитлеровцы ворвались на крыльцо. Валя в упор выстрелила в бежавшего к ней вражеского офицера. Двое фашистов зверски закрутили девушке руки и обезоружили. Раненый, с трудом приподнявшись на колено, разрядил в нее свой пистолет.

А неравный бой продолжался. Уже два часа бойцы Внукова и Крупина умело расставленными немногочис-

ленными силами сдерживали наступление вражеского батальона.

Боев высмотрел засевших неподалеку от дома фашистских корректировщиков-радистов. Это они направляли огонь своих минометов и огнеметов на осажденных. Еле выпросил сержант у Внукова разрешение на вылазку.

Переоделся в верхнюю одежду и маскхалат, снятые с убитого в сенях немца, прополз между неприятельскими трупами и забросал наводчиков гранатами.

Боев вернулся, не получив ни одной царапины, да еще приволок несколько заряженных немецких автоматов. Но оставаться в комнате уже невмоготу. Огонь подобрался почти вплотную к бойцам. На многих тлеет одежда. От удушья слезятся глаза. А самое страшное — у многих появилась жажда.

Подвергнуть людей опасности, погибнуть, пропустив врага? Нет, не имеет права он этого делать! Внуков хватает с осколка оконного стекла серый снег. Тот тает в горячем рту, оставляя на языке запах обугленной древесины. Внуков сплевывает грязную слюну. Решительно дает команду:

— Лечь! Бросать по врагу гранаты!

Разрывы внесли минутное замешательство в ряды гитлеровцев.

— По одному вниз!

Внуков спустился последним, дав на прощание из всех оконных проемов длинную круговую очередь по новой цепи остервеневших врагов.

В подвале, к счастью, оказалось не одно окошечко, а целых два. Внуков занимает оборону около одного из них, Малявко — около другого. Вачалин, Боев и Васюта с автоматами на изготовку встают по бокам двери, ведущей на лестницу. И бой снова продолжается!

Теперь поле обозрения гораздо у́же. Капитан дал команду стрелять по фашистам с дальней дистанции. Однако из окон трудно стрелять короткими очередями, и расход патронов увеличился. Вскоре они были на исходе.

Снова решили пополнить запасы патронов рискованным путем. Сержант Боев ловко выполз по лестнице наверх. И вскоре Внуков увидел, как бесстрашный сержант, переползая от одного вражеского трупа к другому, снимает с них автоматы и патронные сумки. Однако уже

на обратном пути Боев был сражен автоматной очередью.

Гитлеровцы вели по бойницам непрерывный прицельный огонь. Позарез нужны были патроны. Обороняющиеся забыли даже о мучившей всех жажде,— предлагали смелые планы, просили разрешения пойти вслед за Боевым.

Внуков считал, что посылать еще одного бойца на верную смерть он не имеет права. Однако иного выхода не было, и тогда капитан решился на вылазку сам. Он уже отдал необходимые распоряжения на случай, если не вернется... И тут Михаил Малявко вторично за сегодняшний день нарушил приказ командира.

С изворотливостью, довольно неожиданной для его богатырского роста, Миша-сибиряк, как его звали солдаты, пригнувшись, выскочил из подвала. Немцы даже не успели открыть по нему огонь. Ползая по-пластунски, Малявко снял с убитых несколько сумок с патронами, пять гранат и два ручных пулемета.

В результате группа Внукова еще часа два отбивала атаки фашистов с помощью их же оружия.

Позже смелую вылазку Миши-сибиряка повторил находчивый Вачалин. Возвращаясь назад, он попал под перекрестный огонь вражеских автоматчиков. Одна из пуль попала ему в бедро. Но обессиленный, истекающий кровью Вачалин все же нашел в себе силы добраться до лестницы. И герои продолжали бой!

Все это время оторванные друг от друга, не зная общей обстановки, так же настойчиво оборонялись боевые группы лейтенантов Панченко, Глухих, Евдокимова. Бойцы хорошо помнили наставления Внукова, своего командира по строевой: «Если ты в строю с о л д а т — значит ты в бою г е р о й».

В трехстах метрах от группы Панченко проходило шоссе, связывающее позиции гитлеровцев с Витановом. Нужно было удержать его, не дать врагу подвозить боеприпасы для атаки групп Внукова и Крупина.

Командир взвода младший лейтенант Фролов во время уличного боя попал в окружение. Он отбивался до последнего и, не пожелав сдаться врагу, последнюю пулю пустил в себя.

Рядовой Зайчин в течение восьми часов отражал атаки немцев из станкового пулемета, несмотря на то что ноги его были прострелены.

Нечеловеческое мужество, умение переносить жестокие лишения проявили и бойцы Крупина. На них держалась связь с артиллеристами. Одновременно крупинцы обязаны были прикрывать от натиска фашистских цепей домик Внукова. Здание связистов загорелось позже, но комнаты быстро наполнялись удушающим дымом. Радист Иван Садорев с забинтованной головой ни на секунду не отрывался от рации.

— Гвоздика, Гвоздика, я — Василек, я — Василек, Гвоздика, вы слышите меня? — настойчиво вызывал Садорев.

— Что доложить штабу, товарищ капитан? — обратился он к Крупину.

Капитан отбежал от оконного проема, на ходу вставляя новый диск в раскаленный автомат.

— Что видишь, то и докладывай, Садорев. Оборону КП держим из последних сил. Командует обороной замкомбат капитан Внуков. Пока КП держим. Главный огонь приходится на здание Внукова и наше, понял? До боевых порядков фрицев от КП сто метров. Если нас не найдут в живых, пусть всех до единого считают героями. Все!..

Садорев пошире раздвинул бинты на кровоточащем ухе, прижал к нему трубку.

Второй радист, тоже раненый, покачиваясь, строчил из ручного пулемета. Рядом с карабином в руках металась рослая синеглазая девушка. Это телефонистка Тося Меньшикова. Солнце, так и не выглянув в этот день из-за туч, мутным пятном уже клонилось к западу. Что будет с ними, с ней, не успевшей до сих пор отослать давно написанное письмецо домой?.. Вдруг Тося почувствовала тошноту, давящую изнутри, и провалилась в беспамятную дрему.

Садорев бросил рацию, подхватил девушку сзади, лихорадочно сорвал упаковку бинта, перевязал Тосе окровавленную шею...

А неравный бой продолжался!

Уже не было сил ни стрелять, ни переползать с места на место. На многих дымились ватники и шинели. Тлею-

щие клочки одежды отдирали, тушили взмокревшими шапками, топтали.

Вот, покосившись на сторону, с треском и шипением рухнула крыша домика Крупина. Стены раскалились и потрескались. Внуков видел из бойницы, что на правом крыле дома загорелось крыльцо. И еще он заметил, как высокий гитлеровский солдат в разодранном маскхалате выскочил из-за навозной кучи и что-то швырнул под угол дома.

Капитан, не целясь, дал короткую очередь. И в ту же секунду раздался оглушительный взрыв.

Садорев сорвал с себя шинель, прикрыл ею рацию от огненных искр и пыли. Пламя ворвалось в комнату, подбиралось к лежащей в углу Тосе Меньшиковой. Огонь тушили чем попало. Но и теперь, обгоревшие и закопченные, раненые и изможденные, бойцы не покидали своих боевых мест.

А фашистское кольцо вокруг полуобгоревших домов сжималось все уже. У внуковцев снова кончились боеприпасы, крупинцам грозил пожар.

Казалось, что выхода никакого нет. Внуков повернулся к своим боевым товарищам. Осипшим голосом приказал Малявке вызвать огонь нашей артиллерии на себя.

Все молчали. Ни одного возражения: малодушных не было. Только слышалось равнодушное потрескивание горящих переборок.

Малявко выбрался на лестницу и условным знаком привлек к себе внимание крупинцев. Первым его заметил Садорев.

— Товарищ капитан! — прокричал радист Крупину. — Командир приказывает вызвать огонь на себя!..

Отстранив Садорева от микрофона, капитан Крупин сел за рацию. Сделал расчет, уверенно передал координаты.

Когда начальник артиллерии майор Алексеев доложил об этом генералу, на командном пункте дивизии у каждого, кто понял, на что решились осажденные, тревожно сжалось сердце.

— Прошу огонь на себя, прошу огонь на себя! — повторял капитан Крупин. — Я — Василек, я — Василек, вы

меня слышите, Гвоздика? Прошу огонь на себя. Быстрее! Прошу... .

А смертельное кольцо вокруг горстки героев сужалось. Сто метров, девяносто пять, девяносто...

— Прошу огонь на себя!.. — Голос Крупина был тверд.

Но рация молчит. Восемьдесят пять метров. Фашисты поползли быстрее. Внуков нервничал. Наверное, в штабе не решатся никак...

— Гвоздика, я — Василек! Я — Васи...

Первые снаряды легли с перелетом.

— Огонь! — яростно кричит Внуков. — Огонь!..

Крупин приказал своим бойцам залечь и остался наедине с потрескивающей рацией. Кто, как не он, бывалый артиллерист, мог лучше корректировать огонь своего дивизиона!

Снова недолет. Но с каждым залпом капитан подводил огонь наших гаубиц ближе к цели.

Залп. Еще залп. И грохот разрывов. И земля в огне. В панике заметались гитлеровцы. Кирпичные стены домов содрогались от близких разрывов снарядов. С режущим слух свистом разлетались осколки.

Внуков приказал пустить в ход последние запасы патронов, не дать фашистам уйти от расплаты.

Капитан Крупин, стоя во весь рост, бесстрашно корректировал огонь батарей. Ему хорошо было видно, как трусливо расползались фашисты, стараясь вырваться из грохочущего кольца разрывов. Но врага повсюду настигал губительный огонь нашей артиллерии.

По рации передали: «Держитесь, ребята, — к вам идет подкрепление!»

Весть эта быстро облетела всех. О том, что помощь близка, узнали и бойцы Внукова от прибежавшего к ним второго радиста Николаева.

Уже смеркалось, когда основные силы батальона Синькова пришли на помощь осажденным. Витаново было очищено от фашистов.

Бойцы Внукова и Крупина устали так, что у них не осталось сил порадоваться победе. От запаха гари першило в горле, тяжелой дремотой застилало глаза.

Но прошло несколько минут, и вот уже солдаты закричали «ура!».

— Вы герои, вы настоящие герои! Качать героев! —

взволнованно повторял комбат Синьков, пожимая руки почерневшим от усталости бойцам и их командирам — Внукову и Крупину.

А когда подошли поредевшие взводы Панченко и Евдокимова, снова раздалось еще более громкое «ура!», высоко вверх полетели ушанки, поднялись над головами еще теплые автоматы; бойцы целовали и обнимали друг друга, салютовали в честь светлой памяти погибших.

Внуков облегченно вздохнул, посмотрел на небо. Над головой оно было свинцово-непроницаемым, как ствол карабина, а там, в западной части горизонта, где блестели остроконечные пики заснеженных горных вершин, холодным полукруглым пламенем рдела поздняя заря. Ушанки и автоматы солдат-победителей взлетали прямо к этой заре, и она окрашивала их в тревожащий душу багрово-леденцовый цвет. Облака, едва заметные у горизонта, наседали на зарю, и та отступала, теряя свои такие яркие вначале, а теперь меркнущие кровавые краски. И где-то за линией заката продолжалась военная дорога капитана, дорога на Берлин.

Неравный двенадцатичасовой бой в Витанове не был просто отдельным замечательным фронтовым эпизодом. Он явился началом тех суровых испытаний, которые на исходе второй мировой войны уготовили советским солдатам фашисты.

Оказалось, что противник, сосредоточив крупные силы на всем участке обороны нашего соединения, перешел в контрнаступление. Стремясь нанести неожиданный удар во фланг, фашисты рассчитывали сорвать успешное наступление нашей армии в Чехословакии. Но подразделения 493-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона своим мужеством и стойкостью спутали коварные планы гитлеровцев, задержали их, помешали раскрыть перегруппировку советских войск перед новым наступлением.

Об этом бойцы и офицеры узнали от приехавших на командный пункт их дивизии командующего армией генерала А. И. Гастиловича и генерала Л. И. Брежнева, который возглавлял тогда политотдел 18-й армии.

Острые события, имевшие место в бою за Витаново, после с интересом описывались и репортировались фрон-

товыми газетами и вошли в историю 159-го Днестровского орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого полевого укрепрайона под названием «Витановская эпопея».

3. Цветы памяти

Промерцав над грустным обелиском,
Как ракеты,
Светят звезды с высоты;
Тихо в поле засыпающем российском,
Только вздрагивают алые цветы.

В Смоленске на площади Смирнова, в Пионерском садике у крепостной стены и во дворе советско-партийной школы находятся братские могилы, где захоронено более двух тысяч советских воинов, расстрелянных гитлеровцами осенью 1941 года. Второй раз прихожу сюда и не перестаю удивляться обилию цветов на тихих мраморных плитах.

Чем дальше отодвигаются пламенные годы Великой Отечественной войны, тем значительнее предстает перед нами подвиг героев, отдавших все свои силы и волю для победы над фашистскими захватчиками. И год от года цветы народной памяти по лучшим сынам Отечества величественнее и краше. Сколько их, чистых, мужественных, нежных букетов и венков, исходят непорочной росой, словно слезами печали, на воевавшей русской земле!..

Перед глазами встала величественно-траурная картина недавнего открытия мемориала на братских могилах Воскресенского кладбища в Саратове. Словно титры героических кинокадров, медленно проплывают под прозрачным плексигласом фамилии волжан, отдавших жизни за Родину: «Слепов К., Смолин В., Снетков Г., Соколов Ф. ...». Сердце охватывает щемящая гордость: это мой отец. А где похоронен его старший брат, мой дядя, Степан? Похоронка ответила еще в конце сорок третьего: на Курской дуге... А где — там? Ведь она была огненной... Могилы дяди Степана, наверное, и не встречу.

От крепостной стены поехал прямо на вокзал: до свиданья, родная смоленская земля!

По дороге из Москвы побывал я и в Салтыковской средней школе, где учился отважный капитан Внуков. Здесь, листая бережно оформленные альбомы в комнате боевой славы земляков-салтыковцев, беседуя с пионерами-следопытами, узнал я многое, что дополнило для меня патриотический портрет Сергея Кирилловича, позволило внести в описание «Витановского сражения» немало героических деталей, о которых Внуков по скромности не рассказал.

В одном из писем Внуков написал о том, как ездил на празднование Дня освобождения Чехословакии: «Поездка была очень интересной и трогательной до глубины души. Нас там любят и помнят...»

Не менее примечательны и такие свидетельства из школьных материалов: за героизм, мужество, за организаторские способности капитан Внуков награжден орденами Отечественной войны II степени, Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «За оборону Сталинграда».

А вот еще письмо: «Я очень глубоко взволнован тем, что вам, моим юным землякам, удалось узнать стершиеся в памяти подробности о «Витановской эпопее» почти тридцать лет спустя. Ведь многие материалы утеряны, забыты. Не осталось в живых и большинства фронтовых друзей. Зори победы, которые сияли нам в военное время, мирно горят теперь на звездочках обелисков, обозначивших путь освободительного наступления Советской Армии на западных направлениях. Это светятся героические судьбы ваших отцов и дедов, ребята.

Всегда с волнением вспоминаю я о тяжелых днях войны и в мыслях разговариваю со своими солдатами, верными помощниками тех лет: «Честь и слава вам, мои боевые друзья! Дело, за которое мы с вами отдали молодость, живет; цветы вечной памяти о наших героических товарищах не увядают!»

Смоленск—Саратов
1970, 1974 гг.

МОЛОДОГВАРДЕЕЦ ИЗ ЧЕМБАРА

Эта небольшая книжка, изданная на Украине издательством «Молодь», попала школьникам из пензенского села Лермонтово совершенно случайно. Они искали материалы о героях минувшей войны, приехали в город Белинский, зашли в районную библиотеку, и там заведующая сказала им, подавая скромно изданный томик:

— Вот здесь найдете для себя много интересного.

Книга рассказывала о молодогвардейцах Краснодона. Знакомые имена: Олег Кошевой, Иван Земнухов, Ульяна Громова, Сергей Тюленин... И вдруг на одной из страниц — Евгений Мошков, родился в городе Чембаре...

— Мария Михайловна, а может, это наш Чембар?

— Наш, — подтвердила библиотекарша.

Так начался поиск красных следопытов. Так стало известно имя еще одного земляка — героя Великой Отечественной войны, молодогвардейца из Чембара.

Вернувшись в Лермонтово, ребята еще раз перечитали все, что связано с «Молодой гвардией», теперь особо останавливаясь на тех местах, где речь шла о их земляке. Ведь Евгений Мошков ходил по пыльным, тихим, заросшим травой улицам знакомого им городка, здесь прошло его детство...

Евгений Яковлевич Мошков был старше своих товарищей по подпольной организации. Они еще сидели за партами, когда он уже работал учеником слесаря на шахте № 5, затем врубмашинистом на шахте № 1-бис. Вместе с ним трудился, только проходчиком, Геннадий Лукашов. Там же начинал свой рабочий путь Сергей Тюленин.

В первые дни Отечественной войны в Краснодонский райком комсомола поступило три тысячи заявлений с просьбой отправить на фронт. В числе первых краснодонцев, ушедших на передовую, были Иван Туркенич и Евгений Мошков, впоследствии активные члены «Молодой гвардии».

На фронте Евгений стал лейтенантом, стрелком-радистом штурмовой авиации, был принят в партию.

Но случилась беда: летом 1942 года в районе станции Миллерово самолет Мошкова был подбит. Парашют раскрылся, но на земле ждали фашисты.

Началась страшная лагерная жизнь, и все же не смог коммунист смириться с пленом. Вместе с другими товарищами он совершает побег, пробирается в Краснодон, где сразу же включается в подпольную работу.

В записных книжках Александра Фадеева есть запись, сделанная двадцать девятого июля 1949 года: «Евгений Мошков. Шахтер. Член ВКП(б), рождения 1920 года. Бежал из немецкого плена или просто из окружения 8 августа 1942 года, попал в Краснодон. Устроился в механическом цехе ЦЭММ. Связался с «Молодой гвардией» по заданию Лютикова...»

Еще запись: «Оля Иванцова о Мошкове. Как дубок, плотный, в сапогах и галошах, белый, очень серьезный, кажется сердитый, а на самом деле добрый. Отчаянный. Шея обмотана теплым шарфом».

Таким наш земляк и вошел на страницы фадеевского романа. Вот строки о нем: «С освобождением из плена Мошкова «Молодая гвардия» получила еще одного опытного руководителя.

Оправившийся после лишений, перенесенных им, плотный, крепенький, как дубок, Мошков ходил неторопливо, с обмотанным вокруг шеи вязаным шарфом, очень толстившим его, обутый в сапоги и калоши, снятые им с подходящего по росту «полицая», убитого во время разгрома полицейского участка на хуторе Шевыревка. Сердитый на вид, он был добряк в душе. Пребывание в армии, особенно после того, как он был принят на фронте в партию, приучило его к выдержке и самодисциплине».

В Краснодоне Евгений встретился с Филиппом Петровичем Лютиковым, по заданию партии оставшимся в городе. Он еще по довоенному времени хорошо знал старого коммуниста, одного из первых в нашей стране награж-

денного орденом Трудового Красного Знамени. Не раз доводилось ему слышать рассказы Филиппа Петровича о встрече В. И. Ленина на Финляндском вокзале в апреле 1917 года, штурме Зимнего, боях и походах гражданской войны.

Они сидели рядом: коммунист Ленинского призыва, руководитель-подпольщик, и молодой, только год назад вступивший в партию юноша. Лютиков говорил тихо. Мошкову давалось серьезное партийное поручение: объединить стихийные силы разрозненных групп молодых патриотов в единую подпольную комсомольскую организацию. Что это было действительно так, подтверждает в своих воспоминаниях член штаба Василий Левашов: «Коммунисту Евгению Мошкову, члену подпольной партийной организации Лютикова, было дано задание стать связующим звеном между партийной и комсомольской организациями. Мы тогда обо всем этом не знали, нам только было известно, что Мошков не один, что у него есть свои начальники, поэтому все требования и указания Мошкова нами выполнялись безоговорочно».

Строки из отчета Ворошиловградского обкома партии об организации большевистского подполья на территории области: «Большую помощь товарищу Лютикову Ф. П. в его работе оказали коммунисты... Яковлев С. Г., Мошков Е. Я. ...».

Первым заданием, порученным партийным подпольем Краснодона комсомольцам, было переписывание и распространение листовок. К этой работе Ф. П. Лютиков привлек молодого коммуниста Евгения Мошкова. Ему же было поручено подобрать в помощь себе несколько человек молодежи.

Вспоминает бывший секретарь Ворошиловградского обкома КП(б) Украины А. Гаевой: «Один из членов «Молодой гвардии» кандидат партии Евгений Мошков рассказывал впоследствии друзьям о своей первой встрече с Лютиковым. Филипп Петрович Лютиков сказал тогда Мошкову:

— Мы каждый день должны напоминать людям о себе, о свободе, о Советской власти. Пока мы еще не начали выпускать листовки. Но у меня созрел такой план: в моем сарае зарыт сундук, в нем хранится подшивка газеты «Правда», я ведь лет двадцать подписчиком «Правды» состою. Придется сундук открыть и брать оттуда газе-

ты, чтобы расклеивать по городу. Пусть люди прочтут советское слово. И старайся выбирать такие номера газеты, где напечатаны портреты Ленина и Сталина. Газет хватит для начала.

— Но это же старые газеты, — возразил было Мошков.

— Наша большевистская «Правда» никогда не стареет, — ответил Лютиков.

На другой день главные улицы города запестрели газетами».

Об этом же говорит запись А. Фадеева от седьмого июня 1950 года: «О Краснодонском подполье при немцах. Расклейка старых газет «Правда» по городу. Газеты скопились за 20 лет у Лютикова. Старались расклеивать, особенно на видном месте, газеты с портретами Ленина и Сталина.

Мошков: Но это же старые газеты?

Лютиков: Наша большевистская «Правда» никогда не стареет».

Жена руководителя партийного подполья Е. Ф. Лютикова вспоминала позднее, что ее муж устанавливал связь с молодежью города и антифашистскими группами, которые возникали в Краснодоне и близлежащих поселках в первые дни оккупации, через связных, в том числе и через Евгения Мошкова.

Утром двадцать девятого сентября 1942 года по Краснодону разнеслась страшная весть: ночью фашистские палачи зверски замучили тридцать двух советских патриотов, большинство которых были членами партии. Гитлеровцы привели их в городской парк, связали, загнали в яму и закопали живыми.

И как бы бросая вызов палачам, на следующий же день после гибели коммунистов-шахтеров по заданию Ф. П. Лютикова и Н. П. Баракова Евгений Мошков провел первое организационное собрание руководителей подпольных комсомольских групп города и поселков. На этом заседании был создан штаб молодежной организации. По предложению Сергея Тюленина подпольную организацию назвали «Молодой гвардией».

Когда зашла речь о том, кому быть командиром, Евгений сказал коротко:

— Филипп Петрович, ребята, рекомендует командиром Туркенича, а комиссаром — Олега Кошевого...

О создании комсомольского подполья рассказывает хранящаяся в краснодонском музее «Молодая гвардия» картина художницы С. Лившиц «Е. Мошков проводит первое собрание молодогвардейцев». Они стоят рядом, плечо к плечу, и лица словно бы озарены каким-то внутренним светом. Чувствуется: то, о чем говорит Евгений, очень дорого каждому из них.

Наш земляк принимал участие во всех операциях, проводимых «Молодой гвардией». Он руководил одной из боевых групп, которая действовала на дорогах Ворошиловград — Лихая, нападала на машины-цистерны, уничтожала водителей и охрану, а бензин выливала на землю. С его участием было отбито большое количество скота, который фашисты угнали в тыл из Ростовской области. Вооруженную охрану уничтожили, а стадо разогнали по степи.

По совету Евгения (он ведь был летчиком) ребята-радиолюбители собрали несколько приемников и регулярно слушали московские передачи. В листовках, которые вывешивались на улицах Краснодона, можно было прочитать свежие сводки Совинформбюро. В Краснодоне и округе знали: Красная Армия борется, живет, побеждает.

Седьмого ноября потрясенные и взволнованные краснодонцы увидели над городом красные флаги. Небольшие полотнища, сшитые из кусков окрашенной материи, развевались над зданием больницы и школы № 4 имени Ворошилова, на трубе шахты № 1-бис. Сергей Тюленин хотел было укрепить флаг над немецким «дирекционом», но Евгений Мошков сказал ему коротко, в тоне приказа:

— «Дирекцион» не трогайте. Он усиленно охраняется, да и старшие не советуют.

Но и над этим зданием заполыхал в день революции алый флаг. Молодогвардейцы недоумевали, кто бы мог это сделать, и лишь Мошков знал: это дело рук старого коммуниста Ф. П. Лютикова и его товарищей. Самый опасный и наиболее охраняемый объект они взяли на себя.

А пятнадцатого ноября группа Мошкова, опять же по заданию Ф. П. Лютикова (Евгений регулярно встречался с ним, получая конкретные деловые задания), провела дерзкую операцию по освобождению военнопленных в ростовском хуторе Волченском. Пленные содержались

там в невыносимых условиях. И молодогвардейцы решили совершить нападение на лагерь, освободить обреченных на гибель.

Ночью молодогвардейцы налетели на охрану лагеря. Внезапность решила исход завязавшегося боя. Семьдесят пять попавших в плен бойцов ушли к партизанам. Группа вернулась по домам, не имея потерь.

Об этой боевой операции, получившей название «Волченской», рассказывает рисунок художника А. Резниченко, также хранящийся в музее «Молодая гвардия». На висящих здесь же фотографиях — Евгений Мошков, Иван Туркенич, Иван Земнухов, Анатолий Попов, Виктор Петров, Владимир Рогозин. В витрине можно видеть их оружие: финку Ивана Туркенича и автомат Владимира Рогозина. Рядом — эрзац-валенки лагерных патрулей.

В конце ноября молодогвардейцы, опять же через Евгения Мошкова, получили новое задание подпольного партийного центра: готовиться к мощному удару по врагу с тыла, пополнять ряды организации. А для того чтобы было удобнее встречаться, использовать клуб имени Горького.

— Мне предложено стать его директором, — сказал членам штаба Евгений Мошков. — Ты, Ваня, — повернулся он к Ивану Земнухову, — будешь главным администратором, а Виктор Третьякевич — художественным руководителем.

Так в первых числах декабря на здании клуба появилось объявление: «С разрешения бургомистра города Краснодона 2 декабря 1942 года открывается клуб при шахте № 1-бис.

При клубе начинают функционировать кружки: 1) драматический, 2) струнный, 3) цирковой.

Просим лиц, имеющих музыкальные инструменты, записываться в кружки.

Директор клуба Е. Мошков.

Администратор И. Земнухов».

Вспоминает командир «Молодой гвардии» Иван Туркенич: «Мы решили, что для нас полезнее будет... постараться использовать «клуб» для своих целей. Для этого нужно было иметь в нем своих людей. Это нам удалось, да еще как! Директором клуба устроился Женя Мошков, администратором — Ваня Земнухов. Они набрали в число участников самодеятельных кружков немало других

молодогвардейцев. Таким образом клуб оказался в наших руках...».

Пишет А. Гаевой: «Бараков предложил Евгению Мошкову спешно обратиться к бургомистру города и выхлопотать у него разрешение на открытие клуба, чтобы «обслуживать немецкий гарнизон». Шаг был верный: надо было отвлечь внимание полиции от «Молодой гвардии». В клубе подпольщики чувствовали себя полными хозяевами. Директор клуба Мошков достал для своих артистов и музыкантов специальные справки о том, что они находятся на службе и отправке в Германию не подлежат...».

Так клуб имени Горького стал штаб-квартирой «Молодой гвардии», центром всей работы молодых подпольщиков. Здесь на «репетициях», встречаясь с новенькими, обдумывали, как лучше выполнить задание — поджечь черную биржу труда, уничтожить документы, заготовленные для отправки в Германию двух тысяч краснодонцев. Молодогвардейцы прятали оружие, готовились к приходу Красной Армии, решительному и открытому бою с фашистами.

В канун 1943 года штаб подпольной организации принял решение взорвать «дирекцион» — бывшую школу, в которой собирались оккупанты. Об этом вспоминал молодогвардеец полковник Георгий Минаевич Арутюнянц: «Вот детали плана. Во-первых, взрыв «дирекциона» поручили группе первомайских ребят, которых в самом Краснодоне почти никто не знал. Возглавил это дело Женя Мошков, коммунист, опытный человек, военный, он был на фронте. Ребятам достали пропуска, они должны были пройти в школу: четыре человека вместе с Женей Мошковым...».

Две группы ребят, которых в городе также никто не знал, должны были прикрывать отход подрывников. Кроме того, чтобы вытащить из города полицию, решили к двенадцати ночи взорвать на шоссе несколько машин. Это поручили группе Сергея Тюленина.

Однако по решению подпольной партийной организации взрыв «дирекциона» пришлось отложить. Иван Земнухов предупредил об этом Мошкова, но остальные элементы плана были осуществлены.

Потом собрались на новогодний вечер, знакомый по роману Александра Фадеева. А в девять утра начались

аресты. Евгений Мошков наводил порядок в зрительном зале клуба, когда туда ворвались немцы и полиция во главе с Соликовским. Связанного по рукам и ногам, жестоко избитого Евгения бросили в сани и повезли домой, где при обыске был найден мешок с реквизированными новогодними подарками для фашистов. Прямо на квартире в этот же день арестовали Виктора Третьякевича, схватили Ивана Земнухова.

Сергей Тюленин, находившийся во время ареста Мошкова на сцене за кулисами, немедленно сообщил о случившемся Ивану Туркеничу, Олегу Кошевому, Анатолию Попову, Валерии Борц, Сергею и Василию Левашовым, другим молодогвардейцам.

Свидетелем ареста Мошкова был трус и предатель Геннадий Почепцов, сразу же настрочивший донос начальнику шахты 1-бис «господину Жукову: «В Краснодоне организована подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия», в которую я вступил активным членом. Прошу в свободное время зайти ко мне на квартиру, и я все подробно расскажу».

И он выдал всех. В Краснодоне и поселках начались повальные аресты, уйти удалось немногим.

Рассказывает о своем сыне А. И. Третьякевич: «26 декабря к нам пришли Левашов, Кошевой, Туркенич, Попов из Первомайки, Земнухов, Мошков. Виктор попросил меня с отцом уйти из дома часа на два.

Я ушла к соседке, а Иосиф Кузьмич, мой муж, остался во дворе охранять их. В комнату отец зашел раньше меня — замерз. Он слышал, как Женя Мошков сильно ругал за что-то ребят. Витя говорил о взрыве дирекциона под Новый год...

Утром 1 января отец уехал за дровами, а я пошла на базар купить табаку. Иду назад, смотрю: у ворот подвода. Около порога стоят немец и полицейский. На подводе Мошков. Отперла я дверь. Виктор стоит посреди комнаты одетый, руки в карманах. Пришел Захаров, начали обыск...».

Вспоминает В. Д. Жуков — брат молодогвардейца Николая Жукова: «Пытали всех зверски. Наша родственница тетя Оля рассказывала, что арестованного Мошкова полицейские Краснов и Калитвенцев всю ночь водили по Хомовке. Видимо, они требовали от Евгения каких-то признаний, но он молчал. Руки у него были связаны.

Стояли сильные морозы. Полицейские опускали Мошкова в колодец водоразборной колонки. Руки у Евгения распухли...».

Был арестован и Филипп Петрович Лютиков. Его допрашивали несколько дней подряд, перебили кисти рук, изуродовали ноги, но не услышали и стона. Старый коммунист молчал.

Был арестован Николай Петрович Бараков, горный инженер, коммунист, также оставленный партией для подпольной работы. Фашисты схватили и Степана Григорьевича Яковлева, бывшего председателя Краснодонского горсовета.

Евгений Мошков видел мужество своих старших товарищей, с которыми так часто приходилось встречаться, у них учился стойкости и ненависти к врагам. На одном из допросов, избитый до полусмерти, подвергавшийся изощренным нечеловеческим пыткам, он плюнул в лицо фашистскому следователю, гневно бросив:

— Вы можете меня вешать. Слышите? Все равно моим трупом вам не заслонить солнце, которое взойдет над Краснодоном!

В музее «Молодая гвардия» есть скульптура И. Чумака, изображающая коммунистов Степана Григорьевича Яковлева и Евгения Мошкова. Застыл в суровой позе бывший боец Первого Донецкого полка, за участие в гражданской войне награжденный орденом Красного Знамени. Сильным и несгибаемым прошел он сквозь ад фашистских застенков, а перед казнью с гордо поднятой головой шагнул к пропасти шурфа со словами: «Умираю за партию».

Они дрались вместе и погибли вместе, стоя на расстреле рядом, чувствуя плечо друг друга. С любимой песней Ильича «Замучен тяжелой неволей» уходили в свой последний путь краснодонские подпольщики...

И было что-то символическое в их гибели. Именно так, сброшенные в шурф шахты, погибли в апреле 1918 года от рук белоказаков донбасские коммунисты А. Ф. Быков и Г. Т. Дорошев. А через двадцать четыре года такая же зверская расправа ждала тоже коммунистов, принявших от своих товарищей эстафету мужества.

В музее «Молодая гвардия» хранится уникальный экспонат — деревянная ложка Евгения Мошкова. В последние дни тюремного заключения он передал ее род-

ным, сделав на обратной стороне надпись: «Мама, не обвиняй, что я тут сижу. Не горюй, не плачь. Будьте здоровы! 14.I.1943 г.»

Возможно, в эти трудные для него дни вспоминался родной Чембар, город, связанный с именами Белинского и Лермонтова. Ведь все молодогвардейцы любили мятежные лермонтовские стихи.

Строки из воспоминаний М. А. Борц о последних днях молодогвардейцев, проведенных в тюрьме: «Девушки попросили ее прочесть «Демона». Она охотно согласилась.

В камере стало совсем тихо. Приятным, мягким голосом Ульяна начала:

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей.
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой...

Вдруг раздался страшный крик. Громова перестала читать:

— Начинается, — сказала она».

В ее записной книжке были строки из Лермонтова: «Что может противостоять твердой воле человека?

Воля заключает в себе всю душу, хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, жить, одним словом, воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, творческая власть, которая из ничего создает чудеса!»

Многие произведения великого поэта знала наизусть Майя Пегливанова, также погибшая в боях за Родину. И, по воспоминаниям Л. М. Поповой, особенно любил Лермонтова Олег Кошевой.

Двадцать девятого августа 1943 года «Ворошиловградская правда» сообщила о суде над предателями «Молодой гвардии». Там писалось: «...Именно он, Кулешов, повинен в том, что Ульяна Громова, Сергей Тюленин, Виктор Третьякевич, Иван Земнухов, Евгений Мошков и другие наиболее активные участники «Молодой гвардии» подвергались особенно изощренным мучительным пыткам...». Военный трибунал приговорил Кулешова, Громова и Почепцова к высшей мере наказания — расстрелу.

А тринадцатого сентября появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами членов подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». Среди тридцати пяти молодогвардейцев, награжденных орденом Отечественной войны I степени, есть и фамилия уроженца Чембара Евгения Яковлевича Мошкова.

Через неделю приказом начальника Центрального штаба партизанского движения при ставке Верховного Главнокомандования наш земляк, как и другие члены подпольной организации, был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

...Обо всем этом узнали лермонтовские ребята. Еще и еще раз перелистывали они «Молодую гвардию» Александра Фадеева, повесть «Это было в Краснодоне» Кима Костенко, путеводитель по краснодонскому музею «Молодая гвардия». Особенно запомнились им слова, сказанные А. Фадеевым на встрече с читателями-комсомольцами Куйбышевского района Москвы десятого января 1947 года: «Мне, как художнику, можно было бы не выводить в романе образ Евгения Мошкова. Но я не имел права забыть о нем, потому что Женя Мошков был одним из руководителей «Молодой гвардии» и директором клуба, который был создан молодежью. Он был одним из первых арестован и на допросах держался с беспримерной стойкостью.

Было бы преступлением перед памятью Мошкова, если бы его не было в романе».

Пионеры села Лермонтова написали письма в Краснодон. Радостным был день, когда получили они ответ из музея «Молодая гвардия». С волнением вчитывались в строки воспоминаний, написанных матерью Мошкова: «Евгений страстно любил школу, книги, мечтал быть летчиком. Учился он хорошо, читал много книг о героях гражданской войны. Любимыми его героями были Чапаев и Фурманов...

В 1929 году, после смерти мужа, я переехала с детьми с хутора Первомайского Ростовской области в город Краснодон. Поступила работать плитовой на шахту № 5. Евгения тоже устроила на работу, сначала рассыльным, а затем учеником электрослесаря...

Уйти из лагеря ему помогли двое товарищей, повара-военнопленные. Они надели белые халаты, будто собра-

лись в село за продуктами. Жене повязали на рукав белую повязку, какую носили полицейские. Таким образом, все трое вышли из лагеря. Я и еще две женщины стояли и наблюдали за ними издали...

Женю арестовали прямо в клубе... Меня и дочь через сутки отпустили. Уходя из полиции домой, я дала Жене кусочек хлеба. Это была моя последняя встреча с ним, больше я его не видела...»

Из музея сообщили также, что в Краснодоне, на проспекте Молодой Гвардии живет младшая сестра Евгения — Антонина Яковлевна Точилина.

И вот новое письмо пришло в Лермонтово. Антонина Яковлевна сообщала ребятам, что действительно ее отец и мать жили и крестьянствовали в Чембаре, но вынуждены были уехать оттуда в Донбасс.

«Женя учился хорошо, — писала сестра героя, — был хорошим общественником и спортсменом. Мечтал быть летчиком, окончил даже курсы ПВО.

И в армии он стал летчиком, но при прыжке попал в плен. Совершив побег, пришел домой.

Когда Евгения арестовали, фашисты долго истязали его: подвешивали к потолку, раздробили все пальцы. Казнили их в ночь с 15 на 16 января 1943 года.

У шурфа, куда их сбросили, есть памятник. Парк в Краснодоне носит имя «Молодой гвардии». Именем брата названа одна из улиц. Имя его носят и многие пионерские отряды. Растите смелыми, сильными, достойными памяти тех, кто отдал свою жизнь за счастье людей!»

Есть в районной библиотеке имени В. Г. Белинского «Уголок родного землячества». Здесь альбомы с историей бывшего Чембара и уезда, воспоминания старых коммунистов и первых комсомольцев. Сюда лермонтовские школьники и передали полученные из Краснодона письма.

А местный художник Федор Федорович Воробьев сделал портрет чембарца Евгения Мошкова. Его можно видеть на стенде в той же районной библиотеке рядом с портретами других героев чембарской земли. Их много— этих героев, и время открывает все новые и новые имена.

ОБЕЛИСК У ДОРОГИ

Третий день Василий Осипов места себе не находил. От матери из Юнгеровки пришло письмо: «Получили похоронную на Дмитрия». Не верилось, что брат погиб. Ведь совсем недавно Василий получил от него весточку. Дмитрий воевал где-то рядом.

Осипов достал из кармана письмо, снова пробежал глазами по неровным строчкам со следами материнских слез. «Бедная мать! Сколько же мук перетерпело твое сердце, прежде чем написала тяжелые, как свинец, слова: «Не стало нашего Димы...».

От горьких дум Василия оторвал подошедший командир стрелкового батальона.

— Саперы что-то задерживаются, — проговорил он хрипловатым баском.

Осипов посмотрел на комбата невидящими глазами.

— У саперов ночь впереди, — ответил он жестко. — Меня беспокоит другое. Система противотанковой обороны у фашистов сильна. Сумеют ли артиллеристы подавить?

Молча закурили.

Вот уже трое суток 200-я стрелковая дивизия пытается взломать оборону фашистов на подступах к Новосокольникам — узлу шоссейных и железных дорог в Великолукской области. Прорыв первой линии обороны возложен на 648-й стрелковый полк и приданный ему 38-й танковый. Два раза бросались пехотинцы и танкисты в атаку, но тщетно. Сбили только боевое охранение неприятеля, а дальше — ни шагу. Для Осипова эта неудача словно заноза в сердце. И за себя и за товарищей стыдно: будто новички в боях — ни горького опыта за плечами, ни славных побед. А ведь и того и другого предостаточно было — третий год уж на войне. Сейчас ведь не сорок первый, а сорок четвертый... Как раз об этом говорил

позавчера на совещании командно-политического состава член Военного совета 16-й гвардейской армии генерал Абрамов. Да что там говорил, — стыдил! «Соседи на пятнадцать километров вперед продвинулись, десятки населенных пунктов освободили, а двухсотая дивизия на одном месте топчется».

Обидно было командирам и политработникам слушать такой упрек. Ведь совсем недавно их дивизия впереди других шла. Не раз в приказах Верховного Главнокомандующего отмечались умелые действия ее воинов, значит, не по их вине сейчас остановка произошла. Однако факт остается фактом: наступление затормозилось. Надо было искать пути преодоления сопротивления врага. Над этим и ломали головы командиры. Две ночи подряд велась разведка оборонительного рубежа противника, разгадывалась система вражеского огня, засекалась позиция артиллерии и минометов.

Только что закончилась рекогносцировка, которую проводил командир танкового полка подполковник Горлач. Осипову осталось уточнить план взаимодействия в предстоящем бою с артиллеристами и саперами. Вместе с комбатом стрелкового батальона он и поджидал сейчас командиров этих подразделений. С минуты на минуту они должны быть здесь, на НП.

Затянувшись еще раз папиросой, Василий подошел к стереотрубе, установленной в траншее. Прильнул к окуляру. Впереди шагах в двухстах от занесенной снегом шоссейной дороги начинался довольно крутой подъем на высоту. На карте эта высота обозначена цифрой 133,7. Командиры же для удобства управления дали ей кодовое название Безымянная. Ее и должна была взять штурмом танковая рота Осипова совместно со стрелковым батальоном. Начало наступления завтра, с рассветом.

— Главное — высоту оседлать, остальное не страшно, — сказал Осипов и тут же поежился, то ли от того, что застыл на морозе (под вечер он начал крепчать), то ли от близкого ощущения тех трудностей, которые предстояло встретить в завтрашнем бою.

— Да, высота! Будь она неладна! — поддакнул комбат. — Ты знаешь, капитан, как мои солдаты ее окрестили? Чертовой болячкой...

Осипов промолчал. Да и что говорить! Безымянная теперь никому покоя не дает: «Как ее взять? С какой сто-

роны подступиться?» Осматривая еще и еще раз вражеские позиции, Василий не находил легкоуязвимых мест. Оборона врага всюду была неприступной. Особенно беспокоили капитана противотанковые пушки на юго-восточном склоне высоты. Еще на первой рекогносцировке, когда подполковник Горлач наметил боевой курс его роте, Осипов понял, что основную опасность будут представлять именно эти пушки. Пока их обнаружено только три, но, вероятно, есть и еще. На эту догадку наталкивала удобная для размещения орудий конфигурация местности. Но если даже их было только три, то и в этом случае опасность оставалось немалой. По отношению боевого курса его танков они занимали фланкирующее положение. Потому огонь мог быть губительным. Собственными силами танкистам с этими пушками никак не справиться. Нужна помощь артиллеристов. Их с таким нетерпением и поджидал Осипов.

Наконец артиллеристы прибыли. Василий обрадовался, когда увидел перед собой старшего лейтенанта Черепанова, командира батареи самоходно-артиллерийских установок (САУ-100). Он знал Черепанова по прошлым боям. Дважды самоходки поддерживали танковую роту Осипова в операциях на подступах к Великим Лукам. Офицеры понимали друг друга с полуслова и добивались четкого взаимодействия на поле боя. За успешные действия в этих операциях оба были награждены орденом Красной Звезды.

— Ну вот и снова вместе, — обнимая Василия, проговорил старший лейтенант.

Второй артиллерист, назвавшийся Савельевым, был незнаком Осипову, но произвел приятное впечатление. Несмотря на свое старшинство (он был в звании майора, командовал артиллерийским дивизионом), доложил комбату, а затем и Осипову, что он к их услугам, и сразу перешел к делу: информировал, какими располагает возможностями для поддержки пехоты и танков на первом этапе боя.

— Все, конечно, не предусмотришь, Безымянная еще тот орешек, — сказал майор, — но можете рассчитывать, дам хорошего огонька по первому вашему требованию.

Огорчило Василия только одно: по плану артподготовки дивизион поддерживал атаку танков лишь до их подхода к переднему краю обороны противника.

— А дальше имей дело с Черепановым, — заметил майор. — Дивизион переключается на поддержку пехоты.

— И на том спасибо, — ответил Осипов. — Но мою первую заявку прошу принять сейчас же. — С этими словами Василий указал на схеме позиции противотанковых пушек противника, которые не давали ему покоя. — Прошу уничтожить!

Савельев улыбнулся.

— Уничтожить — слишком громко сказано. Здесь, по нашему предположению, фашисты создали противотанковый узел. Все пушки хорошо замаскированы, а сколько их — неизвестно. Так что речь может идти только о подавлении. Подавить — постараемся!

Разговор со старшим лейтенантом Черепановым тоже в основном касался злополучных противотанковых пушек.

Встретился капитан и с командиром саперного подразделения.

— Два прохода в минное поле танкистов удовлетворяют? — спросил сапер Осипова.

— Вполне.

— Во второй половине ночи будут сделаны!

В общем, настроение Василия после встречи с командирами поддерживающих подразделений несколько поднялось. По пути в расположение своей роты он даже замурлыкал вполголоса свою любимую песню о трех танкистах.

Ночь прошла в хлопотах. Танковые экипажи дозаправили баки горючим, пополнили боеприпасы, проверили ходовую часть, переговорные устройства и приборы сигнализации. До рассвета оставалось каких-нибудь два часа. Осипов прилег отдохнуть, но заснуть так и не смог. Опять сердце заныло по погибшему брату. Перед глазами встала картина далекого детства. Вот они с Дмитрием в лесу. Наткнулись на ребят. В пригоршне у одного парнишки пять розовых яичек, а над головой, в непроглядной густоте раскидистого вяза, птичий переполох. Бьется в ветвях серенькая пташка: то бросится вниз, то снова взмывает вверх, надрывно звенит ее тоненький голосок. Понятна тревога: разорили ее гнездо.

— Положи яйца обратно, — говорит Димка, подступая к парнишке.

— Не положу... Хозяин нашелся!

— Ах, так! — Дмитрий берет парня за грудки, но тот явно сильнее. Пришлось помогать брату. Вдвоем осилили, заставили разорителя гнезд влезть на дерево, положить яйца на место.

...А вот новая картина. Это было перед самой войной. Василий работал тогда в Галаховской МТС механиком. Дмитрий приехал к нему в гости. Пора была горячая: весенний сев на носу. Частенько работали допоздна. Так и в тот день.

Время за полночь, а они с комбайном возятся. Вдруг набатно ударил колокол в селе. Выбежали братья, видят: полыхает изба у околицы. Пока домчались, пламя охватило весь дом. Народ суетится с ведрами и баграми, а никто не решится к огню подступиться. Первым нашелся Дмитрий. Выхватил у кого-то ведро с водой и — к избе. Торкнулся в дверь — не открывается. Тогда высадил оконную раму и — в самое пекло. Через несколько секунд он передал Василию завернутого ребенка и опять исчез.

— Ну, отчаянная голова, сам сгорит, — послышался возглас из толпы. Василий бросился на помощь брату. Через несколько секунд они вырвались из пламени с женщиной на руках. Она была без чувств. Одежда на всех троих горела. Подбежали люди с ведрами, окатили водой.

...Почти три недели пролежал Дмитрий в районной больнице. Только выписался — началась война. Так и пошел на фронт с пометками ожогов на лице и руках.

— Из огня да в полымя, — горестно заметила мать, провожая сына в армию.

...Предрассветные сумерки разорвал залп советской артиллерии. С железным шелестом неслись над головой сотни снарядов и мин, и тут же вырастали впереди огненные космы взрывов.

Под грохот артиллерийской канонады танковая рота Осипова вышла на исходные позиции для атаки. Чуть впереди чернели окопы и траншеи. Часто-часто загукали орудия, выдвинутые на прямую наводку. Пламя их выстрелов выхватило из темноты силуэты пехотинцев, застывших в ожидании сигнала атаки.

Начало светать. Осипов следил через открытый люк

за разрывами снарядов нашей артиллерии. Важно было уточнить, сумеют ли артиллеристы подавить те противотанковые пушки врага, которые еще вчера его беспокоили. Василий с удовлетворением отметил: огонь наших пушкарей был меток, снаряды ложились точно в цель. Особенную радость вызвал в нем мощный удар по высоте целого дивизиона «катюш». Безымянная, от ее подножия до вершины, была охвачена пламенем взрывов. Еще не успели погаснуть отблески взрывов на взъерошенных скатах высоты, как артиллерия перенесла огонь в глубину вражеской обороны. В посветлевшее небо взмыли три красные ракеты. И ожили траншеи. Пехотинцы дружно поднялись в атаку.

Осипов дал команду «вперед!», и шесть «тридцатьчетверок», взметая снежную пыль, пошли на врага. Пехота осталась позади. Опасаясь оторваться от нее, Осипов, сбавил скорость. Впереди показались вешки с черными и белыми полосами — сигнальные знаки, обозначающие места проходов в минных полях. Два узеньких коридорчика. Ширина каждого не более пяти метров, но Василий знал, какого труда стоило саперам сделать эти коридорчики.

Теперь, когда опасный участок минных заграждений остался позади, все внимание Осипова переключилось на ближайшие позиции противника. Несмотря на то что артиллерийская подготовка была достаточно мощной, все же несколько огневых точек врага оказались неподавленными. Они оживали по мере продвижения наступающих к переднему краю вражеской обороны. Вот заговорило противотанковое орудие на южных склонах высоты, неподалеку от него зататакали два станковых пулемета. Сделав короткую остановку, капитан направил огонь своего танка по дзоту с орудием. По пулеметам открыли стрельбу соседние машины. Орудие и один пулемет противника замолчали, но второй пулемет, расположенный за пригорком, продолжал поливать свинцом нашу пехоту. Под его кинжальным огнем залег левофланговый стрелковый взвод. Пришлось выдвинуть одну «тридцатьчетверку» метров на полтораста вправо. Этот маневр позволил расправиться с пулеметом. Стрелки возобновили наступление, но теперь «тридцатьчетверка» сама попала под фланговый вражеский огонь. Под ее днищем разорвался снаряд. Машина остановилась. Командир

экипажа сообщил по радио: «Водитель убит, мотор заглох».

Но как ни тяжело было, рота Осипова продолжала продвигаться вперед. Капитан использовал каждый удачный налет нашей артиллерии по вражеским позициям, не боясь держать танки почти вплотную к разрывам наших снарядов.

До первой траншеи фашистов осталось каких-нибудь двести метров. Огонь со стороны противника начал ослабевать. Сначала замолчали его пулеметы, а потом и противотанковые пушки. Василий вздохнул с облегчением: «Не зря, значит, хвалился вчера майор Савельев, что даст хорошего огонька. Сумел подавить противотанковый узел врага! Черепанову пока и делать нечего». Осипов отыскал взглядом самоходки. Они шли уступом слева, готовые в любой момент поддержать танки огнем своих мощных пушек.

Капитан попридержал свои машины. Пусть пехота подтянется, чтобы последний рывок на высоту был дружным.

...Вот теперь можно дать полный газ! Но едва «тридцатьчетверки» приблизились к первой траншее неприятеля, как перед самым их носом выросла огненная стена взрывов. Сначала фашисты били фугасными, а затем, пристрелявшись, пустили в ход подкалиберные снаряды-болванки. Из строя вышло сразу два танка. В одном возник пожар, другой остановился из-за сорванной у него гусеницы. Вздрогнула от удара снаряда в башню и командирская «тридцатьчетверка».

Все это произошло так неожиданно, что Василий на какой-то миг оторопел, но, видя, как по-прежнему спокойно ведет машину механик-водитель Пичугин, он взял себя в руки. Первым делом определил, откуда бьют фашисты. Оказывается, по танкам гвоздили противотанковые пушки, укрывавшиеся в кустарнике на южном склоне высоты. Те самые пушки... «Вот дьявольщина! Значит, не все их майор Савельев подавил. Теперь надежда только на батарею САУ».

Василий дал условный сигнал Черепанову, но тот уже сам все сообразил. Над кустарником взметнулись черные столбы дыма. Стрельба самоходок была эффективной. Противотанковые пушки неприятеля смолкли.

Можно было рвануть вперед, но в этот момент с ка-

ким-то злым присвистом заработали минометные батареи противника. Фашисты, намереваясь отсечь от танков нашу пехоту, поставили перед ней плотную огневую завесу. На какое-то время им удалось задержать движение стрелковых рот, но тут снова в дело вступила наша артиллерия. Сначала открыл огонь дивизион Савельева, а затем гаубичный полк армейской артгруппы. Огневая завеса перед пехотой была снята. Теперь уже ничто не мешало сделать рывок на высоту. Осипов дал команду: «Всем вперед!» — и танки повели пехоту за собой.

Проутюжив траншеи на склонах высоты, танковая рота устремилась в глубь вражеской обороны, прямо на артиллерийские позиции. Под гусеницами «тридцатьчетверок» оказалась батарея семидесятипятимиллиметровых орудий и два шестиствольных миномета. Один из них раздавил Осипов своим танком.

Оказавшись без артиллерийского прикрытия, пехота врага оставила свои первые позиции.

Высота Безымянная пала. На ее вершине заполыхал красный флаг. Осипов с гордостью окинул взором поле боя. Всюду валялись трупы вражеских солдат и офицеров. То там, то здесь торчали стволы исковерканных пушек и минометов, дымились разрушенные доты и дзоты.

Василий посмотрел на водителя Пичугина. Его лицо было черно от копоти, лишь блестели белки глаз и зубы. Озорно и так же белозубо улыбался наводчик пушки. Даже всегда угрюмое лицо заряжающего Куделькина посветлело.

С потерей командной высоты фашистская оборона затрещала по всем швам. Вслед за Безымянной пали опорные пункты врага на прилегающих к этой высоте холмах.

Но гитлеровцы не теряли надежды восстановить утраченное положение. С северо-запада, из окутанного дымом леса, вынырнул десяток приземистых танков. За танками двигались густые цепи пехоты. Фашисты перешли в контратаку. Снова завязался жестокий бой. Первыми приняли на себя удар танкисты второй роты и действующие вместе с ней подразделения второго стрелкового батальона.

Осипов знал, что не дрогнут его товарищи, вторая рота считается в полку одной из боеспособных, но почему-то защемило сердце.

Теперь все зависело от того, сумеют ли правофланговые подразделения полка отразить натиск врага, удержат ли за собой отвоеванный кусок земли. Если нет, то все может пойти насмарку, тогда все нужно начинать сначала.

Самым первым побуждением Осипова было броситься на помощь товарищам, которые с трудом сдерживали сейчас превосходящие силы противника, но это значило оставить без прикрытия и поддержки свою пехоту. Ведь в любой момент она тоже может подвергнуться нападению. Василий чертыхнулся: «Надо же — чуть опрометчивость не допустил!» Вспомнились слова устава: «Лучший способ помощи товарищам в наступлении — собственное продвижение вперед». Осипов повел свою роту по ранее намеченному курсу, строго на запад, с целью перерезать рокадную дорогу, которую противник мог использовать для маневра своими резервами.

Приближаясь к рокадке, Василий заметил над ней облако снежной пыли. С юга двигалась автоколонна. Осипов насчитал двенадцать машин и восемь пушек на прицепе.

Танки встали в засаду. Подпустив колонну врага на дальность прямого выстрела, капитан направил на нее огонь орудий и пулеметов. Огневой налет был настолько неожиданным, что противник не успел предпринять каких-либо контрмер. Сразу запылало пять головных машин. Уцелевшие от пулеметных очередей фашистские солдаты и офицеры повыпрыгивали из кузовов и кинулись наутек. Однако спастись им не удалось. Два танка, выделенные Василием, догнали беглецов и вдавили их в снег. Часть исправных атомашин и четыре орудия были взяты в качестве трофеев.

Осипов связался по рации с командиром полка, доложил о результатах боя, о рубеже, которого достиг.

— Молодцом, капитан, хорошо продвинулся, — похвалил подполковник Горлач. — Теперь и на правом фланге легче будет.

Действительно, танки противника, хотя их было вдвое больше, встретили там мощное сопротивление со стороны советских танкистов и артиллеристов. Потеряв половину своего состава, они отошли за лесопосадки на промежуточный рубеж. Туда же отступила и фашистская пехота.

Теперь противник вынужден был вести сдерживающий бой, заботясь только о том, чтобы затормозить дальнейшее продвижение наших войск. Но уже ничто не могло сдержать наступательный порыв советских воинов. Они ждали только момента, когда наша артиллерия, гвоздившая промежуточный рубеж, перенесет свой огонь дальше, в глубину вражеской обороны. Вскоре этот момент настал. Осипов услышал в шлемофон сигнал — «Буря!». Это означало: танки должны сделать рывок вперед, чтобы с ходу овладеть вторым рубежом обороны на подступах к населенным пунктам Устиново, Бурмакино, Петушки.

Набирая скорость, рота Осипова вырвалась на шоссе.

— Газу, газу, Пичуга,— поторапливал он своего водителя.

Впереди, на облизанном ветрами взгорке, показалось село.

До чего же родным и знакомым пахнуло на Василия. Точь-в-точь родная Юнгеровка: тот же крутояр возле изгиба речушки, те же убегающие к перелеску домишки с подслеповатыми окнами, та же церковь на холме, за рядком заснеженных верб. Но вот по броне царапнул снаряд, дробно застучали пули. Возле крайней избы Осипов увидел черное пятно. Рядом копошатся люди. По всем приметам — орудийная точка. По ней, словно сговорившись, ударили три танка. Чей-то выстрел оказался метким. Орудие врага замолчало. Но пули продолжали стучать по броне. «Откуда же бьет вражеский пулемет? Ага — с колокольни церкви!»

Танкисты ворвались на окраину села. Левофланговый танк расправился с орудием, пытавшимся занять огневую позицию за кирпичным забором. Вскоре замолчали еще три огневые точки, в том числе и крупнокалиберный пулемет на колокольне.

Наступила тишина. Село словно вымерло. Осипов подскочил на своем танке к зданию бывшего сельсовета. Над коньком трепыхал флаг с фашистской свастикой.

— Дать бы по нему болванкой! — проговорил Пичугин.

— Еще снаряды на эту хреновину тратить, — ответил наводчик и, почти не целясь, срезал древко флага короткой очередью из пулемета. Черное полотнище распласталось на снегу возле здания.

«Тридцатьчетверки» остановились посреди площади. То, что увидели тут танкисты, заставило их содрогнуться. Под виселицей раскачивались на ветру заиндевевшие трупы: двое парней и девушка — почти подросток.

Ледяным холодом обдало душу Василия.

— Догнать истязателей, — скомандовал он хрипло.

В ближайшее село Ильино влетели вихрем, но фашистов там уже не было. Отступая, они успели поджечь многие дома. Горели школа, клуб, общественные постройки, колхозная ферма. Тушить было некому. Все здоровое население фашисты угнали в неволю. Остались только старики да женщины с малыми детьми.

— А враг? Где поджигатели?

Жители сообщили:

— Удрали на Бурмакино. Вон по той дороге на танках чесу дали. А наших еще вчера погнали на станцию, чтобы отправить в Германию. Спасите их, родимые...

— Вперед, Пичуга!

В Бурмакино гитлеровцы подожгли только три дома. Видимо, догадались, что за ними погоня. Дай бог самим унести ноги. Теперь Осипов уже не спрашивал, куда бежали фашисты. Даже пурга не успевала заметать их следы.

Еще пять сел остались позади. Повалил мокрый снег. Смешиваясь с грязью, он затруднял движение машин. Василий посмотрел на Пичугина. Тому приходилось жарко. Он с ожесточением переключал рычаги. И мотор сердито завывал, словно ему передавалось настроение водителя.

Танки поднялись по косогору, вошли в сосновый бор. Вдали, на возвышенности, показалась небольшая деревушка, а перед ней, на равнине, вытянувшись по дороге на целую версту, двигалась плотная колонна людей. «Наших гонят в Германию», — мелькнула догадка.

Разделив роту надвое, Осипов повел танки по целине в обгон пешей колонны. Охранявшие ее три броневика попытались было улизнуть в близлежащий лесок, но «тридцатьчетверки» преградили им путь. Один броневик, прошитый болванкой, вспыхнул факелом. Два других завязли в сугробах. Экипажи сдались в плен.

Шедшие в колонне люди тесной толпой обступили своих спасителей. Со слезами радости они обнимали танкистов, ласково гладили их промасленные комбинезоны.

— Спасибо, родные, вы вернули нам жизнь, вернули свободу, — слышалось со всех сторон.

Ликованию не было бы конца. Но капитан Осипов попросил дать танкам дорогу.

— Нам надо спешить. Там, — он указал на запад, — тысячи советских людей. Они тоже ждут нашей помощи!

«Тридцатьчетверки» возобновили движение. Через четверть часа они подошли к подножию высоты, на которой разместилась небольшая деревушка с ласковым названием Петушки.

Еще перед началом операции Осипову, как и другим командирам, было известно, что Петушки могут явиться вторым мощным узлом обороны противника на пути к городу Новосокольники. Конечно, не сама эта крохотная деревушка с двумя-тремя десятками домиков, а та высота, на которой она так сердито нахохлилась. Наверное, люди, давая деревушке название Петушки, имели в виду не только саму деревушку, но и высоту. Не иначе. Если посмотреть издали на высоту с домиками, торчащими на ней, то и в самом деле найдешь ее сходство с воинственным петушком: высота — его тело, а деревушка — гребешок.

Танк Осипова попытался подняться в отлогом месте на высоту, но тут же напоролся на противотанковые мины и был обстрелян крупнокалиберными пулеметами.

Подошел полковой авангард — стрелковый батальон с ротой танков. Тоже попытался с ходу оборону врага протаранить, и тоже осечка.

На третью попытку пока не решались.

Командир танкового полка подполковник Горлач на своем броневичке подкатил. Злой до невозможности.

— В чем задержка?

— А вот в чем, — отвечает ему Осипов. И другие командиры причину объясняют.

Организовал Горлач рекогносцировку. Вместе с командиром стрелкового полка с разных сторон к высоте подбирались, всю ее, от подножия до вершины, с помощью биноклей обшарили, а вывод тот же: нахрапом не возьмешь, придется методическое наступление налаживать; таким же манером брать, как Безымянную. Опять значит, задержка суток на двое, а то и на трое.

В то время когда старшие командиры и штабы над за-

дачей головы ломали, Осипов тоже не дремал. И так и этак в уме что-то прикидывал. Поделился своей задумкой с командирами танковых взводов.

— Рискнем, ребята?

— Рискнем!

Помчался Василий к Горлачу. Заходит в его наскоро вырытую землянку. Подполковник корпел над какими-то бумагами.

— Погодите, товарищ подполковник, голову утруждать. Завтра Петушки будут наши.

— Ой ли? Уж больно ты быстрый!

— Ей богу, не вру. Мы тут с хлопцами все детально обмозговали. Возьмем как пить дать!

— Выкладывай свой план, капитан.

— А план вот какой. Брать этого «петуха» не с головы, а с хвоста... И трепыхнуться не успеет.

Задумался подполковник Горлач. То на Василия, то на карту посматривает. Нравится ему предложение Осипова. Плохо ли с тыла фашиста ударить. И предпосылки к этому есть: правый фланг у противника открытый, обойти можно, да только вот внезапности не получится. Танки не пехота, на цыпочках не подойдешь, мертвого своим грохотом поднимут.

Думают оба и к завыванию ветра прислушиваются. Пурга в это время началась. С каждой минутой все сильней и сильней ее посвисты.

— Ну-ка, капитан, выскочи наружу, посмотри, с какой стороны несет?

Выбежал Василий. И смотреть нечего — с юга-запада. Вернулся, докладывает:

— Как раз то, что нам нужно! С наветренной стороны зайдем — фриц не услышит.

— Ну что ж, рискнем? А чтобы риск верняком обернулся, еще кое-что предпримем...

— Огонька бы артиллерийского, чтобы фрицам уши наглухо заложить. Дивизиончик бы, товарищ подполковник. А?

— Два дадим. Мало — гаубичным полком навалимся. Сумеем уши им заткнуть. Главное — сам не подкачай! Самоходки Черепанова с собой бери.

Горлач тут же вызвал начальника штаба, командира артиллерийской группы и распорядился о чем следует.

Прощаясь с Осиповым, подполковник обнял его крепко-накрепко, пожелал удачи.

— Ни пуха тебе ни пера, Василий Иванович. Завтра утром, надеюсь, встретимся... Там, в Петушках.

В полночь танковая рота вышла на исходный рубеж. Моторы работали на тихих оборотах. Разыгравшаяся не на шутку пурга уносила приглушенные звуки в кромешную тьму.

До рассвета оставалось полтора часа. В это время и громыхнула наша артиллерия. Как и обещал Горлач, по высоте ударил целый гаубичный полк.

Разрывы виделись у подножия высоты, на ее склонах и на самой вершине, где чуть заметно вырисовывались силуэты отдельных строений.

В то же время начался демонстративный штурм высоты с фронта. Небольшие подразделения атаковали позиции противника сразу в нескольких местах. Создалась полная иллюзия, что советские войска и на этот раз предприняли фронтальное наступление. Все свое внимание фашисты перенесли на восточную сторону. Этого только и надо было Осипову. Он повел свою роту проселочными дорогами в тыл противника.

Примерно через час танки и самоходки, огибая высоту трехкилометровым радиусом, достигли шоссе, идущего от Петушков на запад. Осипов радировал кодовый сигнал «Заря», что означало, как заранее об этом условились, «Вышел к намеченному рубежу. Готов нанести удар с тыла».

Подразделения, ведущие демонстративные действия, усилили нажим на противника и заставили его ввести в дело все свои огневые средства для отражения фронтальных атак. Этим и воспользовался Осипов. Он подвел свои танки и самоходки как можно ближе к деревне и дал команду: «Огонь!» На фашистов посыпался град снарядов и пуль. Только теперь противник понял, откуда надвигается действительная гроза. Не с востока, а с запада. Силы тут были небольшие: всего четыре танка и три самоходки, но их удар ошеломил фашистов своей внезапностью. Под огнем, а затем и под гусеницами оказались пункты управления, узлы связи, минометные и пушечные батареи.

В это же время перешли в атаку на высоту стрелковые батальоны. Фашистов охватила паника. Они замета-

лись в поисках выхода из плотно сжимающихся тисков. Одна их группа бросилась на юг, другая на север. Это бегство противника не ускользнуло от внимания танкистов. Стало уже совсем светло, солнце поднималось над горизонтом.

Осипов быстро сманеврировал. Самоходки он направил на пути отхода северной группы, а сам принялся за южную. Впрочем, канителиться с гитлеровцами долго не пришлось. Одну их часть танкисты передавили гусеницами, а другую покосили огнем из пулеметов. Некоторое время сопротивлялась группа охраны штаба. Немцы засели в единственном на всю деревушку кирпичном здании. Отстреливались из автоматов.

Пичугин подвел командирскую «тридцатьчетверку» почти вплотную к зданию. Наводчик навел пушку. Осталось нажать на спуск. Но тут в дело вмешался заряжающий Кудelькин.

— Жалко, товарищ капитан... Ведь вместе с фрицами и здание распушим.

— А что делать?

— Разрешите, я с ними поговорю.

— Давай!

Набрал Куделькин гранат за пазуху, вылез из танка через нижний люк — и ползком к зданию. Секунда, другая — и в окно полетела пара «лимонок». Уцелевшие гитлеровцы повыскакивали на улицу с поднятыми руками. Восемь солдат и толстенный офицер в чине майора.

— Этот пузан нам самим пригодится. «Язык» что надо! И планшетка на боку, с документами небось.

Планшетку Куделькин на себя навесил, а майора к «тридцатьчетверке» подвел и командует:

— Битте, дритте, герр майор, ауф панцирь! На танк, значит, полезай. Шнель немен зи пляц. Понял?!

— Понималь, понималь,— лопочет фашист. Исполнил команду проворно. И живот не помешал.

— Сиди тут и не рыпайся. Сиганешь — пулю в зад. Ферштейн?

— Яа... яа... Понималь.

— То-то!

Не зря прихватил Куделькин фашистского офицера. Ценным «языком» оказался. Рассказал потом на допросе о характере вражеской обороны в районе Новосокольников. Сообщенные им данные подтверждались помет-

ками, сделанными на карте, находившейся в планшетке майора..

Еще один очаг сопротивления танкисты разгромили — узел связи, расположенный в прочном блиндаже недалеко от штаба. Тут пришлось повозиться. Фашисты успели занять круговую оборону, выставили пулеметы и даже одну противотанковую пушку. Минут пятнадцать шла дуэльная стрельба. Потом опять в дело вступила «карманная артиллерия». Двое смельчаков из соседнего расчета по примеру Куделькина подобрались к блиндажу и бросили в его амбразуры связки гранат. Затем они ворвались внутрь блиндажа и пленили оставшихся в живых связистов. Одного из них сцапали прямо у радиостанции.

Бой затихал. Лишь слышались отдельные автоматные выстрелы на склонах высоты. Это штурмовые отряды стрелковых батальонов завершали очистку траншей от мелких групп противника.

Осипов связался с командиром полка, коротко радировал: «Фашистский узел сопротивления пал. Петушки в наших руках».

— Вижу, — ответил радостно Горлач. — Ну, спасибо, Василий Иванович. Передай мою благодарность своим орлам. Через десяток минут встретимся. Спешу к вам.

Но не суждено было встретиться боевым друзьям. Фашисты предприняли контратаку. На деревню с запада двигалась в развернутом строю группа танков. Осипов повел роту навстречу врагу. Завязался новый ожесточенный бой.

Вот как описывала дивизионная многотиражка заключительный момент этой схватки.

«...Расстояние между фашистскими и советскими танками быстро сокращалось. Стена шла на стену. Танк на танк. Жерла пушек нацелены друг на друга. Заметался воздух под напором орудийных выстрелов и снарядных разрывов. С обеих сторон сразу запылали два танка. Но это не остановило противников. Сближение продолжалось.

Командирская «тридцатьчетверка» шла все время впереди, готовая врезаться в середину бронированного клина врага.

— Болванкой по головному — огонь! — скомандовал

Осипов, но выстрела не последовало. В этот момент вражеский снаряд ударил под основание башни. Башенный стрелок был убит, в предсмертных судорогах корчился заряжающий. Капитан припал к орудию, выстрелил. Машина врага окуталась клубами дыма. С неменьшим упорством действовали и другие расчеты, но и противник попался на редкость упорный, шел напролом. Враги сблизились друг с другом почти вплотную. Новая серия выстрелов с обеих сторон — и новые жертвы. На поле боя чадило уже семь машин. В роте Осипова осталось только два танка. У фашистов один.

Капитан потянулся за снарядом, но кассета была пустой. Теперь надежда на соседний расчет. Но Василий увидел, как вспыхнула и соседняя машина.

— На таран!— стиснув зубы, скомандовал Осипов.

Расстояние между «тридцатьчетверкой» и фашистским танком сокращалось с каждой секундой: двадцать метров, пятнадцать, десять. «Ну, еще рывок!» Но в этот момент полыхнул сноп пламени. Вражеский снаряд угодил прямо в башню. Горячая упругая волна ворвалась внутрь машины, до боли сдавила грудь, ударила по голове, словно молотом. Сотни мелких осколков от внутренней обшивки танка впились в тело.

На какое-то мгновение машина под напором взрывной волны затормозила свое движение, но как только волна схлынула, рванулась вперед. Фашистский танк нарастал, словно скала.

— Дай еще газу,— прокричал Василий водителю, выплевывая кровь.

Заскрежетала броня о броню. Советская «тридцатьчетверка» ударила фашистский танк прямо в лоб, свила в рог его пушку.

— Молодец, Пичугин! — прохрипел Василий. Он задыхался от дыма, заполнившего боевые отсеки.

— А теперь люк открывай... вылезай!

— Сначала вы, товарищ капитан,— возразил водитель. Оба знали, что танк вот-вот взорвется. Еще перед тараном, когда они приняли на себя удар вражеского снаряда, зеленая змейка пламени пробежала к моторному отделению. Теперь пламя подбиралось к бензобакам. До рокового момента — секунды.

— Приказываю! — повторил команду капитан.— Я за тобой...

И едва успел водитель покинуть машину, как взрыв потряс окрестности.

...Еще полыхали на ветру последние язычки пламени над взорвавшимся танком, как к месту поединка подошли основные силы наступающих полков. Они не стали задерживаться на этом рубеже и устремились дальше. Путь был свободен.

Вскоре возле почерневшей от пламени «тридцатьчетверки» вырос небольшой могильный холмик. А войска все шли и шли.

Промчался мимо броневичок командира танкового полка Горлача, «виллис» командующего бронетанковыми и механизированными войсками 6-й гвардейской армии Липатова, легковушки командарма Чистякова и члена Военного совета Абрамова. Все торопились на запад. Там уже завязывались новые бои. Надо было освобождать от врага еще сотни сел и городов, очищать от фашистской нечисти священную землю, спасать от гибели и угона в рабство советских людей.

Никто не остановился у могильного холмика с наспех сколоченным деревянным обелиском, чтобы отдать последнюю почесть павшему герою, ибо никто еще не знал о страшном поединке, разыгравшемся здесь, о трагической гибели воинов-танкистов, об их беспримерном подвиге. Об этом узнают позже и подробно все опишут в реляции на присвоение посмертно капитану Осипову Василию Ивановичу высокого звания Героя Советского Союза.

ФЕРАПОНТОВЫ КРЫЛЬЯ

Семь против двадцати пяти

Двенадцатого марта 1942 года «Комсомольская правда» рассказала о знаменательном воздушном бое семерки советских истребителей с двадцатью пятью фашистскими самолетами.

«Умение, мужество и отвага семерых патриотов-летчиков, верных сынов нашей Родины, оказались той силой, которая позволила им одержать победу в схватке с врагом, хотя он имел огромное численное превосходство, располагая двадцатью пятью самолетами.

В подвиге семерых отважных летчиков, как в зеркале, отразился боевой дух воинов Красной Армии. Их не смутить численным превосходством сил. Они, подобно Суворову, спрашивают не сколько врагов, а где они».

Группу советских летчиков-истребителей возглавлял саратовец капитан Борис Еремин.

Весть об этом быстро облетела предприятия и учреждения Саратова — родного города капитана Еремина. На заводе «Серп и молот» состоялся митинг. Здесь начинал свою трудовую деятельность прославленный командир эскадрильи. Коллектив завода обратился к земляку с письмом:

«Подвиг твой и твоих боевых товарищей вдохновляет на еще более самоотверженный труд. Здесь в тылу, у своих станков, мы чувствуем себя как на фронте. В то время как вы громите и истребляете в бою фашистских гадов, мы неустанно куем для вас оружие, отдавая все свои силы для помощи Красной Армии в ее борьбе с ненавистным врагом. В труде мы будем такими же настойчивыми, такими же упорными в достижении цели, как наши доблестные героические воины».

С письмом к сыну обратилась и его мать Нина Васильевна Еремина:

«Горжусь и благословляю тебя на подвиги. Иди, Борис, на врага и всегда будь таким же бесстрашным, как в бою с 25 стервятниками. До последней капли крови защищай нашу Родину, бей фашистов без промаха!»

Почин Ферапонта Головатого

В начале декабря 1942 года из Новопокровского района Саратовской области сообщили: пчеловод Ферапонт Петрович Головатый с хутора Степного внес сто тысяч рублей на самолет для Сталинградского фронта. Самолет был вручен земляку Головатого гвардии майору Б. Н. Еремину. На фюзеляже сделали надпись: «Летчику Сталинградского фронта гвардии майору тов. Еремину от колхозника колхоза «Стахановец» тов. Головатого». Сам Ферапонт Петрович по этому поводу рассказывал:

— В колхозе я пчеловод. Был членом правления. Всего у нас двадцать семь пчелосемей. Собрал две гонны меда, по пяти с половиной пудов с семьи. У меня было пятьсот трудодней, получил по двадцать граммов меда на трудодень да премии — надбавки за перевыполнение плана получил. Вышло три центнера меда. Этот год был хороший, медоносный. На собрании колхозники собрались самолет покупать. Собрали тысяч пятьдесят. Не хватает на самолет. Я говорю: «Раз вы так обедняли, то я буду богатым, сам куплю самолет. Решил ассигновать на покупку сто тысяч рублей». Они подумали, что хвастаюсь. Говорят: «Ведь это пять коров». «Хоть двадцать пять,— отвечаю.— Все равно, раз нужно, что вы боитесь? Раз туго идет, давайте, я один куплю самолет, так как если враг придет, то хуже будет. А если своевременно окажем помощь фронту, то богаче будем. Если победим, то будет все, а если будем побежденными, тогда все пропало. Люди жизни не жалеют, а вы что же? Раз государство нуждается в помощи, надо помочь...» Эти сто тысяч получил за продажу продуктов, которые заработал в колхозе. Продал мед, немного хлеба, мяса. Колхозники остались довольны моим таким поступком

Жена Мария Тарасовна, напутствуя Ферапонта Петровича, сказала, прослезившись:

— Может, и сыны наши на фронте узнают, что их

мать и отец свою долю для Красной Армии внесли. Не стыдно за нас будет.

С этими мыслями Ферапонт Петрович отправился в областной центр. Сдав деньги на приобретение самолета, он в тот же день направил в Москву на имя И. В. Сталина телеграмму, в которой сообщалось: «15 декабря я внес в Госбанк 100 тысяч и заказал боевой самолет в подарок защитникам Родины. Пусть моя боевая машина громит немецких захватчиков».

Вскоре пришел ответ. Ферапонт Петрович был в это время на аэродроме вместе с летчиком Ереминым. После того как они расцеловались и врученный Борису Еремину «ястребок» взмыл в нёбо, держа курс на Сталинградский фронт, Головатому передали телеграмму с пометкой «Правительственная». В ней говорилось:

«Колхоз «Стахановец» Новопокровского района Саратовской области. Колхознику Ферапонту Петровичу Головатому. Спасибо Вам, Ферапонт Петрович, за Вашу заботу о Красной Армии и ее вооруженных силах. Красная Армия не забудет, что Вы отдали все свои сбережения на постройку боевого самолета. Примите мой привет. И. Сталин».

«Русский крестьянин-патриот»,— назвала Ф. П. Головатого газета «Правда». Газета «Известия», рассказывая о почине Ферапонта Петровича, напомнила о Кузьме Минине и Дмитрии Пожарском, которые триста тридцать лет тому назад поднимали людей русских на защиту Отечества от вражеского нашествия.

Почин Ферапонта Головатого обретал широкие крылья. Вслед за Головатым и другие колхозники стали делать такие же крупные индивидуальные взносы, каждого из которых хватало на постройку самолета или танка. В Саратовской области за короткий срок более сорока колхозников внесли каждый от ста тысяч до трехсот тысяч рублей. Это Анна Селиванова, Михаил Китаев, Василий Кочегаров, Василий Жигалов, Михаил Куличенко, Сергей Лазарев, Григорий Лимаков и многие другие русские крестьяне-патриоты.

Письмо летчиков Сталинградского фронта саратовским колхозникам:

«Сегодня мы все глубоко взволнованы. И еще раз остро испытываем великое чувство единства с народом и

любовь народа. Спасибо Вам, товарищи, Вы сегодня дали нам новые силы для борьбы с врагом. Клянемся, что, не щадя жизни, будем драться с немецко-фашистской сворой. Мы победим!»

Письмо гвардейцев авиационной части:

«Дорогой Ферапонт Петрович!

Наш командир гвардии майор Еремин на подаренном Вами Красной Армии самолете прибыл на Сталинградский фронт. Мы благодарим Вас за заботу о Красной Армии и заверяем Вас, Ферапонт Петрович, что на Вашем самолете гвардейцы нашей части уничтожат не одного фашистского стервятника. Желаем Вам здоровья и успехов в работе».

В музее обороны Волгограда хранится небольшой листок бумаги с текстом, написанным красным карандашом. Это трогательное письмо — еще одно свидетельство любви народа к своим защитникам:

«Тов. майор Еремин! Я не могу Вам подарить самолет по своим бытовым условиям. Но я Вас уважаю, как все граждане СССР, и дарю Вам зажигалку своего изделия. Если Вы оцените мой скромный подарок, то напишите мне по адресу: «Полевая почта 15522, 405 ПРБ мастеру Мананникову Д. В.».

Письмо земляку:

«Уважаемый Ферапонт Петрович!

Почти два с половиной месяца, как я получил Ваш самолет. Я сделал на нем уже до 20 боевых вылетов. Пусть Вас не смущает то обстоятельство, что во время этих вылетов я не сбил ни одного фашистского стервятника. Передо мной не стояла задача вести бой: я вел разведку. Но когда этого потребовали обстоятельства, самолет «Ферапонт Головатый» не уступил дороги немецким истребителям. Обнаружив 20 фашистских транспортников, мы с капитаном Евтиховым вступили в бой с сопровождающими «мессерами», и капитан Евтихов смелой атакой сбил один немецкий истребитель. Воздушная разведка, Ферапонт Петрович,— это очень трудная, чрезвычайно важная и почетная работа для нас, летчиков. Много ценных сведений о противнике принес я на Вашем самолете. Я разыскивал танковые колонны немцев, находил

их аэродромы, засекал огневые позиции, обнаруживал переброски неприятельских войск, и после такого вылета следовал точный, мощный удар советских воинов по врагу. С тех пор как я получил Ваш самолет, Ферапонт Петрович, у нас выросло замечательное поколение молодежи. В следующем письме я расскажу о нашем замечательном капитане Решетове, о Морозове и многих других летчиках.

Смею Вас заверить, Ферапонт Петрович, что мы били врага, бить будем беспощадно, по-сталинградски.

Хотелось бы мне и от Вас получить письмецо. В жарких схватках с немцами мы живем вашими интересами, а вы — нашими. Крепко жму Вашу честную руку, Ферапонт Петрович, и с нетерпением жду ответного письма.

Ваш Борис Еремин,
гвардии майор.

Действующая армия».

Письмо Ф. П. Головатого Б. Н. Еремину:

«...Настал и на нашей улице праздник! Не перестают греметь салюты в Москве. Это весь народ славит Орловские, Белгородские, Харьковские, Таганрогские, Ельнинские, Сумские дивизии. Дрогнула проклятая черная фашистская нечисть, погнали ее с родной земли славные защитники Родины. У меня с погаными фрицами особые счеты. Я старый солдат. Бил немецких оккупантов и в 1914, и в 1918 годах, и радуюсь я от всего сердца, что снова наш верх над врагом берет. Нет, не бывать тому, чтобы немец русского одолел, чтобы германский сапог русскую землю топтал, чтобы кровавые фашистские собаки пили чистую воду из наших вольных рек! Смерть гадам! — другого слова у нас для немцев-фашистов нет.

Сегодня у меня особенный день, особенная радость. В своем приказе о взятии Таганрога тов. Сталин особо отметил отличные боевые действия гвардейского истребительного полка майора Еремина. Борис Еремин мне вроде сына. Крепко полюбился мне смелый сокол, которому я зимой вручил самолет, построенный на мои трудовые средства. Бил он с этого самолета немецких стервятников нещадно и часто мне в письмах об этом рассказывал. А сегодня я узнал о боевых делах своего ге-

ройского летчика от самого товарища Сталина. Слава тебе, славный сокол Борис Еремин, слава твоим боевым товарищам! Слава нашей родной Красной Армии! Бейте, дорогие воины, проклятого врага нещадно, чтобы и духа его не осталось на нашей земле. Мы о вас никогда не забываем и, чтобы всего у вас было вдоволь, —день и ночь здесь трудимся. Верим твердо, что скоро настанет день полной нашей победы, великий, радостный день, когда ни одного гитлеровского немца не останется на русской земле.

Ф. Головатый».

Богатырская сила колхозного строя

Областная газета посвятила одну из своих корреспонденций почте крестьянина-патриота. Наверное, за всю историю рода Головатые не получали столько писем, сколько Ферапонт Петрович в эти месяцы.

Вот новую полную сумку принес сельский почтальон, который стал ежедневным гостем в доме. Прежде всего из всей груды писем отобрать те — без марок, из линованой, сложенной треугольником бумаги, от которой еще будто пахнет жженой землей, сыростью окопов. Этих писем особенно много: горячо откликнулся фронт на почин патриота.

«Пишу в лесу, на колене, поэтому извините за почерк,— прочел Ферапонт Петрович в письме бойца Селезнева.— Наше отделение разведчиков только что вернулось с операции. Впереди идет бой, а нам выпала минута отдыха. И я решил написать Вам.

Ваш портрет из «Комсомолки» и статью о Вас я всегда ношу при себе. Приходит новый человек в отделение, я его спрашиваю: ты о Головатом слыхал? Если не слыхал, на, читай и смотри, друг. В бою, в разведке, как Головатый, все отдавай, не жалей».

В письме земляка-саратовца Трубникова говорилось:

«Видел я кинохронику — как Вы передаете самолет Еремину. В той же Вы старенькой шапке, в том же армячке, в котором не раз я Вас видел в колхозе. А сто тысяч на самолет отдали. Я выступал в части на митинге, рас-

сказывал о Вас и вашем колхозе. Меня очень благодарили, говорили: «Читаем — Ферапонт Головатый, Ферапонт Головатый, славный богатырь, а, оказывается, он обыкновенный колхозник, в дырявом зипуне ходит и тебе вот даже знаком».

Получил Головатый письмо и от одного шотландского врача из города Эдинбурга. «Наши газеты,— писал этот врач,— напечатали сообщение о Вашем поступке. Но я и мои знакомые не понимаем, что заставило Вас отдать свой личный капитал для помощи правительству. И скажу Вам искренне: мы не верим, что у Вас будут последователи».

Теперь они знают, что последователи нашлись, но объясняют это по-своему. В Степной к Головатому приезжал московский писатель и рассказывал о своей беседе с американскими журналистами. Оказывается, в Америке произвело большое впечатление сообщение о том, что «русский фермер» приобрел самолет. Особенно заинтересовались этим фабриканты. Значит, решили они, у русского крестьянина большая покупательная способность. Сколько же машин он сумеет приобрести после войны, если во время нее он сумел купить такую дорогостоящую машину, как самолет! Американские журналисты подробно расспрашивали у писателя, какой процент получает Головатый на свой капитал, предоставленный государству. А получив ответ, что советский колхозник не ростовщик, что он не за проценты, а добровольно отдал сбережения, безвозмездно помог своему правительству, американцы спросили, с какого года в партии большевиков этот советский колхозник, и явно не поверили, что он беспартийный.

Перед самым Первомаем пришло письмо от Бориса Еремина. Оно и обрадовало и опечалило Ферапонта Петровича. Борис писал из Крыма. В письме было несколько фотокарточек. На них — разбитые немецкие танки и самолеты. На обороте одной фотографии, на которой были засняты наши летчики, стоящие на обломках немецкого самолета, Борис написал: «Последний самолет врага, сбитый на твоей машине». Еремин писал, что его истребитель больше уже не поднимется в небо бить врагов — он отвоевал свое: «Очень обидно расставаться с отцовским самолетом и сесть в другую машину, на борту ко-

торой уже больше не будет написано родное имя. Но что поделаешь...»

А чуть позже газеты сообщили о боевом счете списанного истребителя: «Самолет Ферапонта Головатого, врученный бесстрашному летчику Б. Н. Еремину, бился с фашистскими асами на пути от Сталинграда до Севастополя. Им совершено около 200 боевых вылетов, уничтожено 8 самолетов противника».

«От Ферапонта Петровича Головатого 2-й самолет — на окончательный разгром врага» — такая надпись была начертана на втором самолете, приобретенном нашим славным земляком Ф. П. Головатым. Саратовский колхозник сумел выразить мысли и чаяния советского народа полтора года назад, когда в дни Сталинградской обороны он отдал Родине все свои сбережения на покупку боевого самолета. И вот теперь вновь прозвучал его призыв:

«Русские люди! Мы не жалели своих средств, когда Отечество было в смертельной опасности. Отдадим Родине все наши трудовые сбережения теперь, когда воины Красной Армии неотступно преследуют врага, одерживают победу за победой, когда на отдельных участках они уже дерутся на территории противника, когда нужно нанести решающий удар, чтобы столкнуть врага в пропасть и окончательно разгромить его».

Весть о втором самолете Головатого вызвала большой энтузиазм у советских людей. Газеты сообщали:

«Знатный кузнец Н-ского артиллерийского завода Василий Головатый — брат нашего земляка — обещал Ферапонту Петровичу увеличить свою выработку на производстве и дал уже рекордную выработку — 15 норм».

От имени бойцов и офицеров гвардейской части пишут Ферапонту Петровичу земляки-саратовцы гвардии старшина Кровяков, гвардии старший сержант Зуев, гвардии рядовые Степков и Огданский: «Мы горды тем патриотическим духом, той заботой и любовью к фронтовикам, которую проявляете Вы, Ферапонт Петрович, и все советские люди в тылу. Ваш поступок вдохновляет нас на большие подвиги — мы их совершим!»

Перед получением второго самолета Головатого гвардии майор Борис Еремин побывал в родном Саратове. Он рассказывал:

— Пребывание в родных местах воскресило воспоми-

нания о днях детства и юности, вызвало мысли о судьбах всего поколения моих сверстников, которые воюют сейчас на фронтах. То превосходство советских людей над немцами, которое уже ясно всему миру, пришло не сейчас, его основа была заложена всем нашим общественным воспитанием, а война многое выявила из того, что было скрыто, а кое-что и подправила, прокорректировала.

Школа, пионерский отряд — вот что я прежде всего вспоминаю, когда думаю о своей биографии. Моя школа — это школа № 10 по улице Степана Разина, с ее замечательным педагогическим коллективом, из которого мне особенно запомнились учительница физики Лебедева, преподаватели Несмелова, Семенченко. Одиннадцати лет, в 1924 году, я стал пионером, и школа вместе с отрядом воспитывала в нас то чувство коллективизма, те понятия о главенстве общего дела над личным, которые неистребимы у нашего поколения.

У каждого мальчика всегда был кто-нибудь из близких, кто заронил искру любви к какой-нибудь профессии, сумел помочь выявить подлинные склонности и способности. Такими людьми у меня были мои дяди Александр Васильевич, Евгений Васильевич и Антон Васильевич. Дядя Саша приучил меня к технике — к конструированию радиоприемников, моделей планеров, автомобилей; Антон Васильевич — бывший аэростатчик — познакомил меня с достижениями и героями авиации. Было это время первых больших советских перелетов: Громова — до Пекина, Шестакова, Стерлигова, Фуфаева — до Токио. И мы, молодежь, бредили проектами кругосветных маршрутов, изучали типы самолетов, произносили с благоговением имена выдающихся советских летчиков.

Окончив школу, я поступил на завод «Сотрудник революции» (ныне «Серп и молот») учеником токаря к старому рабочему Ивану Ивановичу Турулину и опытнейшему мастеру Петру Ивановичу Казакову. Я стал комсомольцем. Комсомол создавал тогда ударные бригады, которые стремились помочь стране выполнить досрочно план первой пятилетки. Мое поколение впервые втягивалось тогда в великое социалистическое трудовое соревнование, которое стало стилем работы нашего времени.

Третьим этапом воспитания была предвоенная учеба в армии. В 1931 году я поступил в Вольскую школу, окончив которую, воентехником попал в армию на Дальний

Восток. В 1940 году окончил авиационное училище и стал летчиком.

Война застала меня в Кировограде в должности помощника командира эскадрильи. Утром двадцать второго июня раздался сигнал тревоги. Мы сели по машинам, и я подумал: «Ну вот, все, чему учили в школе, в отряде, в комсомоле, чему воспитывала партия, ты должен показать на деле...»

Как и весь народ, мы с большой болью переживали период отступления. Мы видели, что превосходим гитлеровцев качеством летного состава, не говоря уже о моральном духе людей нашего воздушного флота, и выучка наших пилотов намного превосходила немцев. Мы все верили, что в тылу наши родные люди принимают героические меры, чтобы создать и технику, не только качеством, но и количеством превосходящую германскую. В январе 1942 года мы узнали, что наша часть получает на вооружение новую машину. Я командовал эскадрильей, когда получил и освоил новый самолет. Встречи с гитлеровцами показали, какое чудеснейшее оружие выковал наш тыл. После трех таких встреч произошел знаменитый бой семерки наших истребителей, возглавляемой мною, с двадцатью пятью немецкими самолетами,— бой девятого марта 1942 года. Результаты этого боя, в котором нам удалось разогнать вражескую свору, сбить семь фашистских самолетов и завладеть небом, радостно были встречены Красной Армией, как подтверждение все более крепнущей уверенности: немцев можно и нужно бить, даже несмотря на их численное превосходство.

Потом, в боях под Сталинградом, где впервые небо целого театра военных действий было свидетелем переменных боев, с последующим поражением гитлеровцев, в ожесточенных воздушных боях под Ростовом и Батайском, когда мы истощили силы германской авиации, перемолов не только ее основные силы, но и часть ее резервов,— мы поняли существо фашистских летчиков. Известно: гитлеровец может драться отчаянно, но он дерется, спасая свою шкуру, и никогда не идет на самопожертвование во имя родины, или тем более во имя товарищей. А мы, свято блюдя нашу дисциплину, приказ, устав, имеем высшую дисциплину содружества, чувство воинского долга, которое является качеством лишь той

армии, что сражается за правое дело, за кровные, справедливые интересы своего народа. Каждый из нас, летчиков, может привести десятки примеров, когда боец или офицер отдавал жизнь за своего товарища или командира, для того чтобы нанести большой урон врагу, без особого на то приказа, а лишь по велению своего сердца.

В Сталинграде, еще до получения машины Ферапонта Петровича Головатого, мне пришлось как-то в паре с совсем молоденьким летчиком Никольским вступить в бой с четырьмя «мессерами». Меня подбили, самолет загорелся, я пытался вести его, но не мог. Пришлось выброситься с парашютом над самой Волгой. Немецкие летчики не оставили меня, пытаясь расстрелять или повредить парашют. Никольский, несмотря на тройное превосходство врага, бросился на немцев, прикрывая меня самолетом своим и давая мне возможность дотянуть до левого берега Волги.

Помню другой, более печальный случай. На Миусфронте в паре с командиром нашего полка шла юная девушка — летчица Лиля Литвак. На командира полка стала наседать группа «мессеров». Флагманский самолет части попал в тяжелое положение. Лиля бросила свой самолет в строй германских машин. Нарушила его, рискуя собственной жизнью, приняла огонь на себя, спасла командира. Ее имя занесено навечно в списки Н-ского гвардейского полка.

Подвиг Ферапонта Петровича и движение в тылу, за ним последовавшее, сильно сказалось на фронте. Получив сотни и тысячи самолетов, танков, орудий с дарственными надписями колхозов, рабочих коллективов и отдельных патриотов, фронт еще больше почувствовал решимость тыла к победе, его товарищескую поддержку, подобную той боевой поддержке напарника, без уверенности в которой ни один летчик не предпримет боя. Куда бы ни прибывал я на моем самолете: к летчикам, пехотинцам, морякам, рабочим или крестьянам освобожденных от немцев районов,— у всех светлели лица от рассказов об этой чудесной машине, о человеке, который подарил мне ее.

Последние бои на самолете Головатого над Крымом еще резче выявили те тенденции, которые существуют в армии нашей и армии врага: у нас — все растущее мастерство, героизм, рождаемый справедливой, долгождан-

ной победой, и полная обреченность — у гитлеровцев. Под Севастополем мне довелось встретиться со своими старыми знакомыми по Сталинграду — летчиками из группы германских асов «Удет». Какими общипанными оказались некогда грозные немецко-фашистские стервятники!

...И вот я вновь встретился с Ферапонтом Петровичем, побывал в родном Саратове. Я пережил незабываемые дни. Митинг по поводу передачи мне второго самолета Ферапонта Петровича, беседы с ним о колхозной жизни, рассказы друзей и родных о том, как мужественно и умело трудится тыл в эти годы, с новой силой дали мне почувствовать, как страстно хочет наш народ скорой победы, ценой какого неустанного героического усилия завоевывает он ее.

Я лечу на фронт на новой машине Головатого. Надо ли говорить о том, что я обещаю ему, всем саратовцам оправдать оказанное мне доверие, что я умножу боевой счет сбитых вражеских машин, постараюсь воевать еще лучше, чем на первом самолете Головатого.

Вспоминая суровые годы...

Мать прославленного летчика Нина Васильевна Еремина по-прежнему живет в Саратове, в скромном домике на тихой улице.

Несмотря на свой преклонный возраст, она отлично помнит многие подробности его боевой жизни и службы в авиации: как в воздушных сражениях на Дону он сбил «Юнкерс-52», а в паре с летчиком Глазовым — «фокке-вульф», а потом, весной сорок пятого, на Сандомирском плацдарме, — лично еще одного «фокке-вульфа», — это был последний вражеский самолет, сбитый Ереминым. Мать рассказывает об этом так, словно в то время была с ним рядом.

Да, чувства и мысли матери неотступно следовали за любимым сыном, были и остаются с ним в его многолетней службе воина-авиатора. Нина Васильевна вспоминает приезды Бориса Николаевича в годы войны домой, в родной Саратов. Тогда их семья крепко подружилась с семьей Головатых. И поныне дочь Ферапонта Петровича Мария — она теперь сотрудница одного из саратов-

ских научно-исследовательских институтов — частый и желанный гость Нины Васильевны.

— А в то время она совсем еще девочкой была, — говорит Нина Васильевна. — Помню, не раз приезжала к нам вместе с Ферапонтом Петровичем. А когда Борису вручали второй головатский самолет, нас на аэродроме сфотографировали вместе. Помню, как сейчас, у самолета стоим рядом: Мария, Борис, Ферапонт Петрович, его жена, Мария Тарасовна, и я. Было это в июне сорок четвертого года.

Нина Васильевна достает из сундучка пожелтевшую от времени газету и показывает эту фотографию.

С газетных страниц повеяло дыханием тех дней. В оперативной сводке Советского Информбюро сообщалось, что наши войска вели успешные бои северо-западнее города Тернополь, северо-восточнее города Станислав и севернее города Ясс: Красная Армия, освобождая от гитлеровских оккупантов Советскую землю, выходила к государственной границе.

«За 8 июня, — говорилось в сообщении, — наши войска подбили и уничтожили 25 танков, в воздушных боях сбито 27 самолетов противника». В подборке информаций «По Советскому Союзу» сообщалось, что колхозы Украины на пятое июня выполнили план сева яровых культур на сто и пять десятых процента. Перевыполнили план колхозы Днепропетровской, Каменец-Подольской, Станиславской, Киевской, Николаевской, Полтавской и Харьковской областей. Война откатывалась все дальше на запад.

Нина Васильевна показывает еще несколько бережно хранящихся у нее газет. В двух из них: «Комсомольской правде» за двадцать второе октября 1961 года и «Белгородской правде» за двадцать шестое октября 1961 года — помещен снимок фотохроники ТАСС, под ним — краткая текстовка: «Делегаты XXII съезда КПСС боевые друзья Герой Советского Союза А. П. Мересьев и генерал-лейтенант авиации Б. Н. Еремин».

Ферапонтовы крылья

Окончилась величайшая в истории человечества война. Советский народ вышел из этой смертельной схватки победителем. Трудящиеся нашей страны приступили

к мирному созидательному труду. Ферапонт Петрович Головатый в 1945 году был избран председателем колхоза. За высокий урожай 1947 года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Орденами и медалями были награждены многие колхозники руководимой им сельскохозяйственной артели, а также других колхозов Саратовской области.

В 1951 году Ферапонт Петрович скончался. Он похоронен среди родных полей, за которые сражался в годы гражданской и которые своими трудовыми подвигами прославил в дни грозного лихолетья и в послевоенные годы.

Память о нем живет в сердцах советских людей. Первый самолет Головатого в 1944 году был доставлен в Саратовский краеведческий музей, второй находится как боевая реликвия в конструкторском бюро Генерального конструктора Героя Социалистического Труда Александра Сергеевича Яковлева.

О том, как был доставлен первый самолет в Саратов, рассказал бывший авиамеханик, ныне директор Новоузенского автотранспортного предприятия Николай Ершов.

— Мне, тогда авиационному механику, и моему товарищу по службе Ивану Канавичеву было поручено доставить первый самолет, подаренный в свое время фронту Ф. П. Головатым, обратно в Саратов. В начале июня 1944 года после разгрома гитлеровцев в Крыму нас, двоих саратовцев, пригласил к себе командир части и поручил сдать знаменитый самолет, на котором громил врага наш земляк майор Еремин, в Саратовский музей.

На станции Сарабус, в пятидесяти-шестидесяти километрах от Севастополя, мы разобрали истребитель, погрузили на платформы и отправились в путь. Несмотря на то что железнодорожники не задерживали, пришлось добираться до Саратова двадцать один день. На каждой остановке у нашего самолета собиралось много народу, по существу, это были настоящие митинги. Знаменательно, что в день нашего приезда в Саратов Ф. П. Головатый вручил летчику Еремину второй самолет. По прибытии в Саратов я обратился в горком партии. Было решено сначала поставить самолет на площади для всенародного обозрения. После этого он был передан по акту музею. Приезжая по делам службы в Саратов, я

обязательно посещаю краеведческий музей, чтобы еще раз посмотреть на знаменитый ЯК.

Замечательный летчик, бывший пилот головатских боевых машин Борис Николаевич Еремин День Победы девятого мая 1945 года встретил полковником, командиром дивизии. Триста сорок два боевых вылета, семьдесят воздушных боев, более ста штурмовок и разведок, двадцать три сбитых лично и в группе самолетов противника — таков итог боевых действий героя-летчика за четыре года войны. За мужество и отвагу, умелое руководство в боях с немецко-фашистскими захватчиками и многолетнюю службу в Советской Армии награжден многими высокими правительственными наградами, а также орденами и медалями иностранных государств. В настоящее время генерал-полковник Еремин продолжает службу в Вооруженных Силах СССР.

В. Стенькин

МАКСИМЫЧ

Августовским вечером мы с Максимычем сидели на крутом берегу Хопра, заросшем крапивой и чертополохом.

На середине обмелевшей за лето реки плавали гуси, изящно выгнув шеи и величественно подняв головы. Оттуда временами доносился трубный зов гусака. А у самого берега, в камышиных островках, хлопотали утки. Они часто ныряли, задирая хвосты и красные перепончатые лапки. Мальчишки вытаскивали самодельными удочками пескарей и плотвичек, которые поблескивали в лучах заходящего солнца.

Незадолго до нашей встречи я получил от старого приятеля — сотрудника государственного архива — документы о военных подвигах Алексея Максимовича Аброськина, колхозника из прихоперской деревни с истинно русским названием — Мошки, и приехал лично познакомиться с Максимычем, как его любовно называют теперь односельчане.

Алексей Максимович достал сигарету, долго разминал ее меж длинных костлявых пальцев и закурил. От глубокой затяжки его щеки втянулись, и еще резче выступили скулы на худощавом, продолговатом лице.

Из донесений командиров и рапортов сослуживцев, случайно обнаруженных в архивах, я немало уже знал об удивительной судьбе Аброськина. Он вступил в бой в первый день войны: с горечью отступал до Кавказа, отважно наступал до Вены. И за все время ни разу не был ранен, хотя, как указывается в документах, напрашивался на самые опасные дела. Я думал об этом и пытался открыть в своем собеседнике ту силу, которая провела его через неимоверно тяжелые испытания войны.

Аброськин — он сидел на округлом валуне — вытянул правую ногу, затолкал в карман коробку спичек и пригладил шершавой ладонью русые, сильно поредевшие воло-

сы. Мы продолжали разговор, начатый возле бригадного стана, откуда только что вернулись. Алексей Максимович не спеша, обстоятельно рассказывал о колхозе, его прошлом и перспективах.

— Учетчик в тракторно-полеводческой бригаде — должность, вроде бы сказать, небольшая, нетрудная,— говорил он,— но факт тот, что за день так набегаешься, намахаешься саженью... И справедливость нужна непременная, потому как люди работают, стараются, и каждый должен получить положенное...

Я терпеливо слушал, но мне хотелось скорее начать беседу о главном — о войне. Не торопил: ждал, когда сам он заговорит о своих фронтовых делах. Человек, прошедший войну, не может умолчать о ней. Я знал, в жизни Максимыча война — самая памятная страница. Покритиковав колхозных руководителей за отдельные упущения, Аброськин заключил:

— Ничего. Факт тот, что теперь жизнь наладилась. Вон я и супруга Мария Ивановна получаем полторы сотни в месяц. Сад, огород... Детей вырастили, в городе живут. Навещают, а куда им деться,— заметил он с легким упреком,— то за картошкой, то за маслицем. Нынче их помощь без надобности нам. Лишь бы себя содержали...

Пушок, маленькая одноглазая дворняжка, валявшаяся в пыльной траве, вдруг вскочил и звонко залился. Мимо проходил пестрый теленок.

— Цыц ты, леший! — прикрикнул Алексей Максимович и запустил в собаку подвернувшейся под руку щепкой. Пушок убежал к огородам, и оттуда долго еще доносился его переливчатый лай.

— Ждете, когда о войне начну сказ? — неожиданно спросил Максимыч, взглянув на меня прищуренными глазами.

— Можно и о войне,— ответил я.

— Война застала меня в Кагуле. Это в Молдавии. По тем временам небольшой районный городишко, населения не более десяти тысяч. Винный завод да фабрика сухофруктов... В пяти километрах река Прут. Я служил в 25-м пограничном отряде,— пояснил он.— Советско-румынская граница проходила по реке. Обстановка была тревожная. По некоторым приметам чувствовалось, что война начнется вот-вот... Один раз я и боец Михальков были в дозоре. Перед самым первомайским праздником.

Ночь теплая, лунная. Прямо на нас с той стороны выполз человек. Он опомниться не успел, как мы скрутили его. Потом особист объяснил: этот шпион имел задание — с началом войны пускать поезда под откос, сыпать яды в колодцы... Аброськин весело рассмеялся и, поцарапав указательным пальцем левой руки где-то за ухом, добавил:

— С этим Михальковым позднее целая история приключилась...

— Какая история? — не удержался я.

— В первые дни войны его захватили румыны и повели. Мы из засады открыли огонь по фашистам из станкового пулемета. Среди них затеялась паника. Михальков выхватил автомат у сопровождавшего его румынского солдата и пошел крошить фашистов... Но это я уже далеко вперед забежал. Да, служил я, значит, в Кагуле. Молодой совсем, двадцать лет исполнилось... В ночь на двадцать второе июня я стоял на посту. На рассвете с сопредельной стороны ухнули артиллерийские залпы. А вскоре немецкие и румынские войска стали наводить переправы. Словом, началась война. Двенадцать суток мы, то есть пограничники, сдерживали бешеный натиск вражеских танков и автоматчиков. Уже тогда обратили внимание на такую вещь: впереди, как правило, шли румынские солдаты. А немецкие войска выполняли роль заградительных отрядов. Видно, не очень надеялись на своих союзников... Да, всяко приходилось: отступали, наступали. Тяжелые были дни. Однако больше всего мне запомнился Кавказ...

В полученных мною документах рассказывалось о героизме и отваге советских солдат при обороне кавказских перевалов. Воспользовавшись тем, что Аброськин сам заговорил о Кавказе, я попросил его подробнее раскрыть эти события.

— Осенью сорок второго года 25-й пограничный отряд, где я служил, был переименован в Пятый пограничный полк и переброшен во вражеский тыл на оборону Санчарского и Мамисонского перевалов...

По мере рассказа Максимыча передо мною раскрывалась такая картина. Еле заметная тропка петляет между огромных скал и валунов, лежащих словно стадо одногорбых верблюдов. А сбоку где-то в чертовой пропасти шумит горный поток. Кажется, можно рукой достать до

неба, а они шли все дальше, поднимались все выше, туда, где на заснеженных гольцах мирно отдыхают облака. Шли они полуголодные, в разбитых солдатских ботинках с почерневшими обмотками, в промокших насквозь ватных бушлатах. А по пятам за ними шли немцы, фашисты из дивизии «Бергман». Петляющие, извилистые тропы создавали иллюзию беспорядочности движения: то наши впереди, то немцы. А иногда казалось: одни идут навстречу другим. На самом деле это движение подчинялось определенным законам войны. Немцы во что бы то ни стало хотели захватить перевалы и пробиться к Черному морю. Это позволило бы им выйти к Тбилиси и Сухуми, соединиться с турецкими войсками, находившимися в мобилизационной готовности. Перед нашими солдатами стояла задача — сорвать планы врага, закрыть выход к морскому побережью.

Проводник, низкорослый, сухой карачаевец, точно горный козел, перескакивал с камня на камень, часто останавливался и ждал, когда подтянутся уставшие и отставшие солдаты. Кое-кто роптал: «Заведет он нас в преисподнюю, вовеки не выберемся».

Вместе с другими солдатами шагал по горным тропам рядовой Алексей Аброськин. В ту суровую осень он стал коммунистом.

Однажды рота остановилась на отдых. Небольшая площадка. Обледенелые скалы плохо защищали от холодного ветра. Бойцы Алексей Аброськин, Михаил Волобуев и Гариф Хусаинов развели костер и набрали снегу в котелки. Когда вода вскипела, они открыли банку тушонки на троих, достали по два сухаря. Столько полагалось по норме... Едва приступили к немудрящему солдатскому обеду, к ним подошел старший лейтенант Марков. Бойцы уважали своего командира: он был справедлив, прост в обращении, во всем показывал пример, даже во внешности. Несмотря на нелегкие условия, он всегда был чисто выбрит, подтянут.

— Рядовой Аброськин!

— Слушаю вас, товарищ старший лейтенант,— ответил Алексей Максимович, неторопливо приподнимаясь. При повседневном общении солдат с офицерами, когда они поровну делили глоток воды и кусок хлеба, воинская субординация несколько упростилась, демократизировалась.

— Вы назначаетесь старшим наряда. Смените группу Левкова, они километрах в трех отсюда. — Марков показал рукою на осклизлую скалу.

Аброськин, Волобуев и другие бойцы, укрывшись между валунов, сидели в засаде. Падал мокрый снег. Курили, тихо переговаривались.

— Т-с-с,—Аброськин предупреждающе поднял палец. Откуда-то снизу донесся громкий говор.

— Миша, выдвинься, погляди.

Волобуев выполз и исчез среди каменных глыб. Вскоре он возвратился.

— Фашисты, не меньше полуроты,— доложил он.— Гогочут, как гусаки. Должно, не подозревают опасности. Не понимают, гады, что на чужой земле пребывают,— добавил со злостью Волобуев. Он сделал движение рукой, показывая направление горной тропы. Аброськин приказал: рассредоточиться и, как только немцы выйдут на открытый участок, забросать гранатами.

— Никто не считал, сколько самонадеянных вояк мы уложили тогда,— сказал Алексей Максимович, задумчиво всматриваясь в заречную даль, где широко раскинулись пойменные луга.— Много, очень много! В том бою был ранен мой дружок, Михаил Волобуев. Мы перевязали его, положили на плащ-палатку. Несли, пока силы не иссякли. Что делать? Дальше нести было невмоготу. Я приказал укрыть раненого в расщелине, оставил для охраны рядового Коваленко.

Рота наша ушла вперед, и мы догнали ее лишь на вторые сутки. Старший лейтенант Марков занес нас в списки погибших. Зато мой товарищ, Гариф Хусаинов, проявил настоящую дружбу. Он получил банку консервов на себя и на меня. Два дня сидел голодным, а банку не открыл.

«Я, — говорит, — знал что ты вернешься». Вот такие мелочи и цементировали солдатскую дружбу,— сказал Аброськин. Он достал из кармана помятый платок и протер воспаленные веки.

— А что же было дальше с Волобуевым и Коваленко? — спросил я.

— Им посылали помощь. Но было поздно: Волобуев умер от ран, а Коваленко вернулся в часть...

Над нами пронесся коростель, нарушив вечернюю ти-

шину свистом крыльев. Аброськин смотрел вслед птице, пока она не скрылась за рекою.

— На ночлег полетел,— сказал он и после небольшой паузы продолжал: — Сейчас даже сам вспоминаю те события, как страшный сон. Иногда думаю: может, не было ничего, пригрезилось... Один раз меня окружили автоматчики, человек десять. Я юркнул за выступ скалы и выпустил очередь по офицеру. Он упал, фрицы кинулись к нему. Я швырнул две гранаты и истребил их всех до единого... Заговорен я был, что ли, от вражеской пули,— проговорил Максимыч, блеснув в мою сторону белками глаз.— А может, отец и брат своей кровью оплатили мою жизнь. Отец помер в двадцать втором году от ран, полученных в гражданскую войну, а брат Иван был награжден орденом Красного Знамени за подвиги в боях на Халхин-Голе и погиб смертью героя в Отечественную войну... Ладно, пойдемте домой,— сказал он, поднимаясь, — а то Мария Ивановна, поди, потеряла нас... Гадай не гадай, а факт тот, что жив остался,— произнес он, возвращаясь к прежней мысли, — хотя, надо сказать, от смерти вроде бы не бегал...

За ужином Алексей Максимович выпил рюмку водки. Лицо его раскраснелось, и сам он будто помолодел.

— Дети вот вышли из-под моего подчинения,— сказал он, похрустывая малосольным огурцом,— а ее вон слушаются.— Максимыч ткнул пальцем в сторону жены. Мария Ивановна хотела возразить, но он перебил ее: — Не слышали, что она поет? Умаялась, вишь, пусть детки походят с чистыми руками. Тьфу! С такой идеологией — и экономически, и политически, и фактически можно с голоду подохнуть...

— И правильно делают, что в городе устраиваются, — вмешалась Мария Ивановна, воспользовавшись паузой.— Верно, говорила и сейчас скажу: пусть поживут с чистыми руками... Мы весь век свой в грязи копаемся, как жуки. Придешь с поля — столько грязи на тебе, хоть просо сей...

— Мария Ивановна, руки-то ваши, наверно, парным молоком пахнут, свежим хлебом, разнотравьем,— заметил я дружелюбно.

— Это одни красивые слова. Глядите, что получается: встаю в два часа — подоить корову и отправить в стадо надо, приготовить завтрак и обед тоже надо; в пять бегу

в правление, по бригадам. Прихожу домой в девять-десять, и опять все сначала: подоить корову, накормить кур... А сколько хлопот с садом и огородом. Просвету нет!

— Полно тебе, Марья, жалиться понапрасну,— подала голос из угла старуха, мать Алексея Максимовича.— Нешто так мы жили. Сейчас одна любота, а не жизнь...

— Время, мамаша, другое было.

— Время, время,— ворчала старуха.— Избаловала вас Советская власть — вот и время...

— Может, и избаловала,— не сдавалась Мария Ивановна.— Только никто нынче хуже других прочих жить не желает...

После ужина мы с Алексеем Максимовичем вышли во двор и сели на трухлявое бревно, лежавшее у сарая. Аброськин недавно сменил нижние венцы старого отцовского дома. Ярко горели звезды в кромешной тьме. На темной траве светился белой точкой Пушок.

Максимыч долго еще продолжал заочный спор с женою.

— В чем-то она, наверное, и права,— заступился я за хозяйку.

— Не знаю, права или неправа, но факт тот, что нельзя одним махом стереть вековую разницу между селом и городом...

Когда Аброськин успокоился, я попросил продолжить рассказ о войне.

— Хорошо,— согласился он. Но когда Максимыч закуривал, я заметил, что руки его еще трясутся. — Расскажу о трудном бое, во время которого я опять остался живым. Это было в середине октября. Я, Левков Петр Васильевич и Молибога Павел Иванович сидели в засаде на перевале Цибихша... — Я отметил про себя, как хороша память у Максимыча: он отлично помнит даты, фамилии фронтовых товарищей, иноязычные названия.

— Ярко светило южное солнце. Тишина — густая, глубокая. Такая тишина бывает только в войну в горах. На сердце тепло. Молибога вспоминал о том, как его провожали на войну. «Мама все наказывала, чтобы я ноги не промочил. От этого, говорила она, вся простуда случается... Смешно!» — «Ничего смешного нет,— решительно оборвал его Левков.— На то она и мать...»

Раздался сильный треск. В грозу так бывает. Мы не

сразу поняли, что это и откуда. К бою в горах тоже нужно привыкнуть: каждый выстрел повторяется многократным эхо. Создается впечатление, будто стреляют со всех сторон. Пули рикошетят от каменных глыб и, противно жужжа, кружатся над тобою, как смертоносные гнусы... Прислушались, огляделись. Где-то под нами шел большой отряд фашистов. Расстояние сократилось, мы открыли огонь: я и Левков из автоматов, а Молибога — из снайперской винтовки. Немцы пустили в ход минометы. Петр был ранен в руку, а потом — в ногу. Он подпускал врагов на близкое расстояние и расстреливал в упор. Осколок мины разорвал ему живот. Левков раненой рукой зажимал живот, а здоровой строчил из автомата...

Обстоятельства данного эпизода были подробно изложены в документах. Там, в частности, говорилось, что Левков умер на месте от полученных ран. Я спросил об этом Алексея Максимовича.

— Нет, не от ран помер он,— уточнил Аброськин.— Когда фрицы окружили его, Левков подорвал себя гранатой. Не меньше дюжины фашистов уложил Петр... Хороший он был парень, весельчак, отличный баянист, душа солдатской самодеятельности. Любили мы его. Бывало, как растянет мехи — не усидишь, ноги сами идут в пляс... Молибога уничтожил тогда двадцать три гитлеровца. Ему перебило миной обе ноги. Он скончался, не выпустив из рук снайперской винтовки...

И на этот раз смерть не осмелилась коснуться Алексея Максимовича. Истребив более двух десятков вражеских солдат, он остался живым и невредимым. Конечно же, не заговорная сила, не кровь отца и брата хранили его. Солдатская смекалка, мужество и храбрость, умение ориентироваться на местности, знание психологии фашистов всякий раз помогали Максимычу одерживать победу не только над врагом, но и над самой смертью.

— Страх был, чего зря кривить душой,— сказал Аброськин, отвечая на мой вопрос.— Это он заставлял меня укрываться от пуль. Факт тот, что выбора не было: или ты убьешь фашиста, или он — тебя. Теперь понимаю, мы здорово любили Родину, оттого так зло ненавидели врага. Ненависть, скажу вам, она сильнее страха...

За этот героический подвиг Аброськин, Левков и Молибога (последние двое — посмертно) были представлены к званию Героя Советского Союза. Сейчас трудно

сказать, в каких канцеляриях заблудилось то ходатайство.

— И вообще само сознание, что ты защищаешь Родину, прибавляет силы и уверенности, — продолжал Максимыч.— Не зря говорится: за правое дело дерись смело. Местные жители нам тоже много помогли. Помню, в начале ноября в расположении полка появилась неизвестная женщина, по обличию нерусская. Высокая такая, худая. Дрожит, будто только что из колодца вытащили. Да и как не дрожать. Рваная стеганка на ней, дырявые резиновые ботики на босых ногах. Словом, из каждой прорехи нужда выглядывала. Женщина сообщила, что в деревне Псху разместился штаб воинской части немцев, и вызвалась быть проводником. Поначалу мы не очень верили ей. Думали: может, немцы подослали, чтобы заманить нас в ловушку. На войне всяко бывало... Вызвал меня командир роты и дал приказ — разведать обстановку и, коли удастся, доставить живого фрица в качестве «языка». Отправились мы втроем: я, Орлов и Рубакин.— Алексей Максимович постучал себя кулаком по лбу и беззлобно выругался: — Фамилию женщины не могу припомнить. Она тоже пошла с нами. Погода была жуткая: или дождь, или мокрый снег — не поймешь. Ладно, подобрались к селу — точно, воинская часть. Машины, зачехленные орудия... Долго мы выслеживали одного часового, все-таки удалось захватить его. Отошли с полкилометра, слышим — спохватились фрицы, начали орать, стрелять. Часового прикончили. А куда с ним? Самим, дай бог, ноги унести. Вернулись к своим, доложили. Часа через три, наверно, наши разгромили штаб, выбили немцев из села. Много трупов они оставили в Псху. А женщину за эту операцию командир полка наградил медалью «За отвагу». Потом она служила проводником у нас.

Максимыч поднялся. Пушок вскочил и стал ластиться к хозяину. Аброськин рукой отстранил собаку. Недалеко за нашей спиной протяжно промычала корова.

— Чего, пить, что ли, захотела? — проговорил он, обращаясь к корове. Возле сеней стояли полные ведра воды, приготовленные с вечера. Алексей Максимович напоил корову, продолжая разговаривать с ней, как с человеком.

— Припомнил еще случай,— сказал он, возвращаясь ко мне.— Чудом уцелел. Это было в ночь на двадцать

восьмое ноября, на Мамисонском перевале... Шли бои за Алагир, ожидалась выброска немецкого десанта. Снег валил сплошной массой. В наших краях я такого снегу отродясь не видел. За полчаса машину заносило полностью, с кабиной. Нашли укрытие, устроили навесы. А ночью — снежный обвал. Из тринадцати человек в живых остались только трое. В тот раз я впервые попал в полевой госпиталь. Поясница была повреждена и сейчас беспокоит к непогоде. Видно, опять не судьба была помирать мне...

Аброськин снова опустился на бревно и стал закуривать.

— После Сталинградской битвы немцы покатились с Кавказа, будто камень, сброшенный с горы. Ничто уже не могло остановить их. Теперь мы догоняли фрицев. Пока воевали в горах, об одном думалось — убить больше фашистов, и все. А как пошли в наступление, своими глазами увидели все, что они натворили на нашей земле: разрушенные города, спаленные деревни, изуродованные трупы женщин, детей-малолеток... Сердце в комок сжималось. Об этом и сегодня не могу ни вспоминать, ни рассказывать...

Максимыч глубоко затянулся, выпустил целое облако дыма и стал протирать тыльной стороной руки глаза, которые то ли от дыма, то ли от тяжелых воспоминаний заблестели.

— Ладно, пойдемте спать. Завтра закончим, ежели не все переговорили,—сказал Аброськин и, не дожидаясь моего согласия, пошел к сеням, где еще светился огонек: Мария Ивановна пропускала молоко через сепаратор.

— Нет, Максимыч, разговор только на полпути. Вы должны рассказать о том, как шли до Вены, как с националистами воевали,—проговорил я, подойдя к Аброськину и положив руку на его костлявое плечо.

Максимыч остановился и повернулся ко мне.

— Как наступали на запад, не буду рассказывать, хотя, конечно, всяко приходилось, попадал в нелегкие переплеты. Но факт тот, что там ты знаешь: война, перед тобою враг, его надо разбить. А вот война с националистами — это особая война, необычная. Тайный фронт, как мы ее называли. О ней я вам расскажу. Только завтра, а то вставать рано. — Алексей Максимович улыбнулся, взял меня под руку и повел в дом.

Мария Ивановна налила нам по кружке молока и объяснила, где кому ложиться спать. Мне постелили в горнице. Небольшая кровать, пуховая перина. Я долго лежал с открытыми глазами, перебирал в памяти, чтобы лучше запомнить, рассказ Максимыча и прислушивался к дружному хору сверчков. Я давно заметил: как только достаешь записную книжку, естественный ход беседы нарушается. Собеседник начинает говорить на запись.

Максимыч и Мария Ивановна хлопотали по хозяйству. Я уснул и не слышал, когда они легли. Часа в три ночи меня разбудила Мария Ивановна и подала кружку теплого парного молока. Я выпил ее залпом и мгновенно заснул снова. Поднялся я в восемь утра, хозяев уже не было дома: разошлись по своим делам.

— Леня будет поджидать вас в бригаде, — объяснила старуха и поставила на стол завтрак.

Полевой стан находился за оврагом, километрах в трех от деревни. Я с большим удовольствием шагал по проселку. Желтые поля, жирные грачи на полевых дорогах, трели жаворонков в бездонном небе живо воскрешали в памяти картины моего босоногого детства.

Алексея Максимовича я нашел в металлическом корпусе автобуса, приспособленном под красный уголок. Он заносил на доску показателей итоги работы за вчерашний день.

— Хорошо работают механизаторы! — похвалил он.— Полторы-две нормы дают. Молодцы!

Аброськин закончил дело, вытер бумажкой намеленные пальцы и уселся против меня за длинный стол, накрытый красным сатином. На столе были разложены газеты, журналы, брошюры...

— Значит, так. Отпраздновали День Победы, прошла еще неделя, и наш пограничный полк перебросили в Литву, на борьбу с буржуазными националистами, — начал Алексей Максимович без всякого вступления. Видимо, он много думал об этом. — Я вам коротко поясню обстановку. При отступлении немецких войск военная разведка (абвер) оставила в приграничных районах западных областей страны националистические банды. В них вошло эмигрантское отребье, фашистские головорезы, прошедшие обучение в специальных школах, помещичьи и кулацкие сынки. Абвер построил для них надежные бункеры и схроны, снабдил вдоволь оружием и боеприпасами. Руко-

водство бандами осуществлялось из-за границы. Говорили, что даже есть эмигрантское правительство. Его содержали наши недавние союзнички. Идеи националистов созрели в их сейфах. Бандиты кричали, что они будто бы выступают за независимость своего народа, за братство по крови... Все это была брехня: я своими глазами видел убитых ими «братьев по крови», их жен и детей. Расправлялись при самом малом подозрении... Обо всем этом нам рассказывал генерал Фадеев, приезжавший в полк недели через две после того, как мы дислоцировались на новом месте, — пояснил Аброськин, когда я сделал замечание, что он хорошо разбирается в этих вопросах. — Отчаянный генерал! Слушал я его и думал: с таким командиром ни политически, ни экономически, ни фактически не пропадешь... Часто он потом бывал у нас, выезжал на крупные операции... В чем была трудность: бандиты, точно хорьки, под землей жили; в бункерах с хитрыми ходами и лазами. Население было запугано ими. И, надо сказать, слов на ветер бандиты не бросали: мстили безжалостно. Послушность и жестокость — те качества, которые вожаки больше всего ценили у своих подопечных... Пойдемте на солнышко.

Мы вышли из вагончика и уселись на копне свежей соломы, издававшей все запахи земли. Максимыч взял несколько колосков и по привычке стал проверять чистоту обмолота. Я понимал: в те минуты он думал о том, какие факты отобрать из множества пережитых им опасных эпизодов.

— Я расскажу вам несколько случаев. На примерах обстановка увидится нагляднее... — Максимыч помолчал немного и после паузы продолжал: — Однажды лейтенант Макунайтис с двумя бойцами пошел по делам на хутор. Тропинка шла среди густого молодого ельника. Метрах в восьмистах от хутора их обстреляли бандиты. Макунайтису прострелили руку. Пришли они на хутор, спрашивают: «Есть ли фельдшер?» Какая-то женщина показала на домик, находившийся на самой окраине хутора. А там, оказывается, была засада. Бандиты убили лейтенанта и солдат, переоделись в их одежду и заявились в расположение нашей казармы. Ночь уже. Часов одиннадцать. «Кто идет?» — спросил часовой. «Лейтенант Макунайтис...» — «Проходите, товарищ лейтенант, — отвечает часовой, — а то ужин остыл».

Бандиты прирезали часового и забросали казарму гранатами. Двух бойцов—наповал, а я схватил пулемет Дегтярева и укрылся за печкой. Печь из кирпича выложена, стены толстые. Шесть часов я отбивался, семь бандитов прикончил... И вдруг я обнаруживаю: кончился последний диск. Ну, говорю себе, точка, отвоевался, Аброськин. Стало тихо-тихо. Я даже слышал, как шуршали прошлогодние листья на старом тополе под окном. Под печкой замяукала кошка. Я не мог понять, что случилось. Вскорости выяснилось: бандиты увидели «студебекер» и дали деру... Приехал капитан Шатров со взводом...

В глазах Максимыча засветилась добрая улыбка. Он пригладил разлохмаченные ветром волосы и продолжал:

— О Петре Ивановиче Шатрове я хочу пояснить отдельно, потому как дальше он еще будет встречаться в моем рассказе. Человек он необыкновенный. Родом Петр Иванович из-под Оренбурга, рослый, красивый, с курчавыми каштановыми волосами. В каждодневной жизни — робкий, стеснительный, вяловатый и очень простой. О таких говорят: последнюю рубашку с себя отдаст товарищу. Зато в бою он совершенно менялся. По-моему, он забывал о себе и совсем не знал страха. Один раз я спросил капитана: «Петр Иванович, вы смерти боитесь?» Он посмотрел на меня с удивлением и отвечает: «Запомни, Максимыч, если хочешь жить, никогда не думай о смерти. Сейчас она появляется перед нами в облике бандита. Учись опережать, бить первым, и тогда смерть либо свалится, как скошенная трава, либо убежит в кусты...» Я очень уважал, прямо сказать, любил капитана Шатрова, и он ко мне хорошо относился: отличал от других, на самые опасные операции брал с собою. «Ну что, Максимыч, махнем? — спросит, бывало». — «Махнем!» — отвечаю. Значит, есть какое-то важное дело. А дела горячие бывали!

Как-то мы захватили бандита по кличке Адольфас. Не знаю, о чем и как его допрашивали. Прошло недели две, пожалуй. Капитан Шатров приглашает меня и еще группу бойцов, объясняет ситуацию. Говорит, будем клин клином вышибать. Адольфас дал согласие вызвать на связь Пятраса, неуловимого бандитского вожака, наводившего страх на население зверскими убийствами и поджогами. Это было в марте сорок шестого года, недалеко от хутора Дегучай. Мокрый снег валил, слякоть... Через своих связ-

ников Адольфас договорился с Пятрасом о встрече. С каждой стороны по договоренности должно быть по шесть человек... Да, пошли. Смешанный лес: голые еще лиственные деревья, среди них зеленые островки ельника и молодого сосняка. Немцы там здорово повырубали лес. Наша группа такая: Адольфас, капитан Шатров, я и три бойца-литовца. Все мы, конечно, в штатском, но с автоматами. Встреча была назначена на хуторе, где раньше размещалась банда Адольфаса. Через четверть часа после нас на хутор прибыл Пятрас. Их было девять человек — не сдержали уговор. Зашли в намас — в избу, поихнему, Адольфас приглашает гостей в передний угол. Это чтобы ограничить маневренность бандитов. Но Пятрас тоже не дурак — уступает передний угол хозяевам. Начались пререкания. Договорились сесть вперемежку: один бандит, один наш... Петр Иванович сел против Адольфаса, я на той же стороне, промеж нас — бандит. Оружие у всех на взводе. Гляжу на Адольфаса — то бледнеет, то краснеет, на лбу испарина выступила. Капитан ногой надавит его ногу под столом — Адольфас придет в себя на короткое время, а потом опять забывается. Стоило ему произнести одно слово: «Провокация!»— и такое бы началось!

Ладно, сидим, кушаем, обсуждаем совместные акции. За дверью часовые — один наш, другой — ихний. В километре наше подкрепление. Пятрас предложил осмотреть его бункер, видать, доверился. Вышли из дому. Только-только начинает светать. Петр Иванович отвечает: «Куда же я с вами пойду целых четыре километра, у меня сапоги развалились». Это была условная фраза. Мы открыли огонь по бандитам, капитан успел запустить ракету. Бандиты тоже были неплохо вооружены. Абвер не один склад оружия оборудовал для них... Бандитов всех перебили. У нас были ранены капитан Шатров, два бойца и Адольфас...

— Трудно было, — закончил рассказ Максимыч. — Всегда в напряжении, как боевая пружина на взводе... Вот в тот раз, кто знал, что было на уме у Адольфаса...

Позднее, просматривая архивные документы, я обнаружил рапорт капитана Шатрова об этом эпизоде. Абрoськин все изложил верно, но конец был другим. В рапорте капитана говорится: «Я и два бойца были тяжело ранены. Бандитов из девяти оставалось трое. Заслышав

шум моторов — это приближались наши войска, — они, отстреливаясь, побежали по лесной тропе. Рядовой Аброськин на протяжении четырех-пяти километров преследовал бандитов и всех их перестрелял. Когда наши солдаты прибыли туда, рядовой Аброськин стаскивал в кучу убитых бандитов. Он был в одной гимнастерке. Шинель где-то сбросил, чтобы легче было бежать...».

Я зачитал выдержку из рапорта. Алексей Максимович лукаво улыбнулся:

— Наверно, так и было: Петр Иванович врать не станет... Не такой он человек, чтобы врать... Недавно получил письмо от него. — Аброськин тяжело вздохнул. — Пишет, ноги отказываются ходить. С палочкой передвигается. А какой был мужчина! Сказываются ранения и душевное напряжение тех лет... Да и как не скажутся: бывало, сутками лежали в засадах, в болоте, как лягушки. Лягушкам-то болото привычное, а человеку...

Максимыч не закончил мысль, отрешенно махнул рукой и замолчал, углубившись в какие-то свои думы.

— Однако самые страшные минуты я пережил, когда бандиты на моих глазах добивали товарищей, а я не мог ничем помочь им... — По загорелой щеке Аброськина покатилась слеза. Он смахнул ее ладонью. — Четверть века прошло, а не могу вспоминать... Вы уж извините меня...

Я молчал: знал, что сочувствие неуместно да и не поможет оно.

— Это было в середине июня. Под вечер небольшая группа солдат на старом грузовике ехала на хутор Васелишки. Вдоль дороги — вырубка, а над нею туман поднимался. Низина, местность заболоченная. Солнце было красное, как глаз разъяренного быка. Уже вот-вот хутор, оттуда доносился вой волкодавов... Зачем ехали? Точно пояснить не могу. Вечером туда должен был приехать капитан Шатров. Какое-то мероприятие проводили... На крутом повороте машина наскочила на мину. Машину перевернуло, а меня выбросила взрывная волна в кусты, метров на семь-восемь... Сначала я без памяти был, потом пришел в сознание. Лежу в кустах шиповника. Сквозь густую решетку, сплетенную из стеблей, вижу: бандиты добивают моих раненых товарищей. Оружия у меня нет, отлетело куда-то. Хотелось вскочить, вцепиться зубами в горло им... Сдержался: воевать надо с понятием. Горячка на войне — самое опасное дело. Из-за нее

много хороших парней погибло там... Да, лежу, соображаю, выжидаю подходящий момент... Ведь они, гады, совсем рядом. Я вижу их бледные одутловатые лица, будто из грязной ваты слепленные. Эта бледнота — от долгого пребывания в норах, без солнца, — пояснил Алексей Максимович. — Ладно. Обшарили они карманы убитых, забрали документы и спокойно пошли в сторону леса. Елки зеленые, гляжу: метрах в пяти в траве мой автомат валяется. Подполз я и открыл огонь по бандитам. Четырех скосил. Остальные — еще человек шесть — стали окружать меня. Думаю, что делать. В такие вот минуты я уже забываю о страхе, могу рассуждать хладнокровно... Помню, одна пуля прожужжала возле уха, даже ветерком обдала. «Оса, которая сильно жужжит, не кусается, — успокаиваю себя. — Жалит та, которая неслышно подлетает». Побежал я между кустов, как ящерица. Выскочил на полянку — лошадь пасется. Я—на нее, отстреливаюсь. Опять живой остался... Прискакал на заставу, доложил обо всем капитану Шатрову. Он сам возглавил операцию по преследованию бандитов. Все они были ликвидированы...

Аброськин достал пачку сигарет «Прима» и не спеша стал закуривать. Показал мне зажигалку:

— В Австрии обменялся с американским солдатом: он мне — зажигалку, а я ему — вышитый кисет с махоркой.

Над нами высоко в небе парил коршун. Максимыч долго наблюдал за ним.

— Вон ему проще: сверху все видно, — проговорил он, очевидно вспомнив еще какой-то случай. —В чем была опасность? Не знаешь, кто враг и где он. Днем он кланяется тебе, а ночью строчит из пулемета. Прятаться они умели. Конспирация у них была хорошо отработана. Мы тоже потом научились: так укроешься в засаде —рядом человек пройдет и не обнаружит. Это большое дело на войне — уметь маскироваться, исчезнуть незаметно для противника, когда он обнаружил тебя... Расскажу еще один случай. Это было уже осенью. Погода там переменчивая: то дождь, то снег. Не то что у нас, на Хопре... Да, стали создавать ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли. В тех условиях это был единственный путь сплотить людей, преодолеть извечную отчужденность между хуторянами... Бандиты жестоко мстили за это своим «кровным братьям»: вырезали семьи, уничтожали

скот, сжигали постройки... Хуторяне отказывались брать наделы из помещичьих земель. Даже скот выгонять на пастбища опасались. Но факт тот, что и среди хуторян были люди отважные. В тот раз пришел на заставу крестьянин, по фамилии Костас. Он рассказал, что бандиты убили сторожа, его жену и двух малолетних детей, перестреляли скот и разгромили прокатный пункт... Вызвал меня капитан Шатров и говорит: «Ну что, Максимыч, махнем?» Только я вижу, не до шуток ему. «Махнем!»— отвечаю, как всегда, и жду страшную весть от него. Петр Иванович не сказал больше ни слова. Поехали втроем: капитан, переводчик и я. Почему мало? Хотели поначалу тихо разведать обстановку, чтобы не спугнуть бандитов. Подобрали какой-то предлог. Костас предупредил: обратите, говорит, внимание на хутор Ионаса. Больно быстро разбогател он. Должно, «лесные» помогают. Прибыли на хутор Ионаса, познакомились с хозяином. Семья большая: жена, шестеро ребятишек. Вроде ничего подозрительного нет. Правда, бросилось в глаза: очень много продуктов. Решили ночью сделать облаву на хутор. Теперь нас было человек двенадцать во главе с капитаном Шатровым. Все перерыли — никаких следов. Я нашел в сарае три ножа, ручки в крови. Осмотрелся —на стенках тоже кровь. Стало быть, скот обрабатывали совсем недавно, а туш нет. Доложил об этом Петру Ивановичу, то есть капитану Шатрову, — поправился Аброськин. — Он приказал искать схрон вблизи хутора. Ночь лунная. Гляжу: из-под камня вроде бы парок тянется. Отодвинул — точно, лаз. Я швырнул туда несколько дымовых шашек, они и полезли оттуда, как суслики из норы, потому что дым этот переносить невозможно. Трех бандитов я прикончил, а двое сдались... Я привел их к капитану... Иногда меня спрашивают: не жалко тебе их, дескать, тоже люди? Не жалко. Не мы навязали войну. Сами они и их зарубежные хозяева заварили ту кашу — пусть расхлебывают, пенять не на кого. Я так понимаю советский закон, — сказал твердо Аброськин, — мы стоим за мир, войну никогда не начнем, но отпор дать всегда сумеем... Постепенно этот тайный фронт угас, — заговорил Максимыч после недолгой паузы. — Каналы связи с закордоном были закрыты, население отвернулось от националистов. Оно поняло: советская власть — это несокрушимая народная власть...

13 Заказ 2470

Аброськин поднялся и сладко потянулся.

— Заговорился я с вами. Нужно комбайнерам участки отмерить... Ждите дома, вернусь часов в девять...

Он забросил за плечо сажень и поспешил в сторону лесной полосы, где в мареве и облаках пыли весело рокотали комбайны.

В декабре сорок шестого года рядовой Алексей Аброськин снял солдатскую шинель. Солдаты и офицеры тепло провожали ветерана полка. Генерал Фадеев лично вручил Аброськину грамоту, в которой говорится: «В день, когда Вы, Алексей Максимович, покидаете боевую семью воинов, сердечно благодарю Вас за отличную службу. Выражаю уверенность, что и на фронте восстановления и развития народного хозяйства, безгранично любя нашу великую Родину, Вы будете в первых рядах борцов за дальнейшее укрепление, процветание и счастье нашей социалистической Родины».

Эту грамоту Максимыч показал мне утром. Я всматривался в открытое лицо его, разглядывал мозолистые крестьянские руки, которые умеют не только выращивать хлеб, но и хорошо стрелять из автомата в суровый час; любовался доброй улыбкой и думал о скромности этого человека. Даже в его родной деревне мало кто знает о ратных подвигах Алексея Аброськина. От зари до зари бегает он с саженью по полям. Односельчане уважают солдата за честность и справедливость, доверяют ему.

Лишь один раз, в двадцать пятую годовщину Победы, они видели на груди Аброськина ордена Красного Знамени, Славы и другие боевые награды. Такой уж характер у Максимыча!

В РАЙОНЕ ВЫСОТЫ ГОРБАТОЙ

За сутки он отозвался всего один раз. Это было рано утром. Но вот уже вечер, а в телефоне ни звука.

— Молчит?

— Молчит, товарищ майор.

— Продолжайте вызов!

И снова телефонист хрипел в трубку:

— Сокол, Сокол, я — Роща...

А тот, кого вызывали, лежал на «ничейной» земле: два холмика, между ними надломленная березка и он. Впереди, на высотах, засел враг, позади, на небольшом клочке земли, именуемом «плацдармом», оборонялись наши. Наших было, наверное, в десять раз меньше, чем фашистов, но это были крепкие ребята, и поэтому, как ни силился враг столкнуть их в Днепр, у него ничего не получалось..

Плацдарм оставался в наших руках.

Но и «ничейная» земля, можно сказать, тоже была нашей: туда тянулся телефонный провод, там находился советский воин. За его жизнь и шла сейчас борьба. Фашисты пытались захватить смельчака в плен, наши — выручить его во что бы то ни стало.

И вот новая попытка с нашей стороны: под прикрытием мощного огня артиллерии и пулеметов вперед бросились два советских бойца. Ловко маневрируя между разрывами вражеских снарядов и мин, они добрались до «ничейной» земли и вскоре пропали за небольшим холмиком.

— Роща, я — Сокол. Все в порядке!

— Ура, Сокол жив! — крикнул обрадованный телефонист. — Это ты, Уфимцев?

— У телефона Брагин.

— А где Костя?

— Уфимцев здесь, но...

На этом телефонный разговор прервался. На «ничейную» землю обрушились десятки фашистских снарядов. Загудела и вздыбилась вокруг земля.

...Очнулся Уфимцев в госпитале. Было это утром. Дежурная няня отдернула светомаскировочные шторы, и неяркие лучи солнца скользнули по бледному лицу раненого.

— Это ты, мама? — спросил Константин.

— Бредит, — заметила седенькая няня. —Но это уже лучше. А то и дышать уж совсем перестал.

Уфимцев медленно приходил в себя, но он еще был далек от действительности. В его сознании проносились другие картины. Вот он видит себя подростком... Ледоход на Волге. Костя мчится с ватагой ребятишек к реке по улочке с таким чудным названием — Бабушкин взвоз.

На Волгу смотреть было интересно и немножко жутко, какая-то неведомая сила гнала тысячи ноздреватых льдин вниз по течению, толкала их друг на друга, кружила, ломала. Косте казалось, что под водой ворочается кто-то большой, неуклюжий, сердито выталкивая ледяные глыбы.

Сознание Уфимцева затемняется, но тут же всплывает новая картина.

— Добрая работа, — говорит мастер, придирчиво осматривая сделанные им башмаки. — Теперь на окладе будешь.

Это было в голодном двадцать первом году. Костя учился тогда на сапожника в частной мастерской. Специальность приобрел, а работать по ней не пришлось. Мастерская закрылась. Без работы было нельзя. Отец умер от тифа в первый год после революции. На руках у матери осталось пятеро ребятишек — мал мала меньше. Работала она тогда сторожихой — деньги получала не ахти какие. А ведь всех надо одеть, обуть, накормить. Пришлось Косте податься в извозчики.

Работа возчика — день деньской на воле. «Летом под солнцем пекучим, зимой под снегом сыпучим», — как бабка Костина говорила. А одежонка на парне — латка на латке да и легонькая больно: ситчик продувной. В лютую стужу Константин облачался в отцовский зипун, но и тот на рыбьем меху. Солнышко греет — хоть парься, скрылось за тучи — цыганский пот прошибает: зуб на зуб не попадает. В слякотную осень хворь привязалась: то ка-

шель, то чирьи. А после покрова совсем занемог, с воспалением легких без малого два месяца провалялся. Так и пришлось бросить эту работу. А жалко. К лошади привязался. Хорошая Буланка была. По масти и кличка. Лошадка усердливая, хоть и молодая. Любой воз в гору вытянет, и понукать не надо. И красоты необычной: сама, как солнышко, светлая, а грива и хвост черные-пречерные, аж синевой отливают, будто крылья у ворона. На хорошем бегу Буланка что птица: вся в струнку вытянется. Недаром старые возчики говорили: «Буланку бы только на ипподром. Призовая лошадка». А ласкуха была! Словно человек. Только распрягаешь, она уж мордашкой о щеку твою трется, губами шелковыми шею щекочет и озорно так синим глазом на тебя косит. Все понимает, чертяка, только не говорит.

К. Г. Уфимцев.

Потом Константин на котельном заводе стал работать, но частенько на конюшню заглядывал. И каждый раз Буланка, как старого друга, его встречала. Только заслышит его шаги, уже голос свой подает.

Последний раз Константин к ней в военной форме забежал, прямо из военкомата перед отправкой на фронт. И словно почуяла, сердешная, что надолго они расстаются, может быть, навсегда. Вздохнула тяжко и из глаз ее синих слезы выкатились. Животное, а вот поди же ты!

Мирная жизнь кончилась. Перед глазами иные картины замелькали. Война — будь она проклята — из памяти ее не выкинешь... Первые бои, отход на восток, окружение, прорыв вражеского кольца, переправа через Се-

верский Донец... Ох, уж эта переправа! Ее Уфимцев хорошо запомнил...

— Дать провод на правый берег!

— Есть, товарищ комбат!

И пошла лодчонка сквозь огонь и воду. Вместо весла — приклад карабина. Как добрался, сам не знает. И провод дотянул. Заработала связь. Сам комбат потом на гимнастерку медаль прикрепил: «За боевые заслуги».

И снова бои. Много их было потом — затяжных и коротких, ночных и дневных. Уфимцев попытался вспомнить, как же он попал сюда, в госпиталь. Но — странное дело — в памяти был сплошной провал. Как он ни силился, так ничего и не вспомнил.

А случилось вот что.

Артиллерийский полк, в котором Константин Уфимцев служил старшим телефонистом штабной батареи, в ночь на двадцать пятое сентября 1943 года вышел к Днепру и вместе со стрелковыми частями пытался с ходу форсировать реку, но не добился успеха. Противник создал на высоком и обрывистом противоположном берегу мощную оборону. А тут еще на острове, который находился посредине реки, засело боевое охранение гитлеровцев численностью до роты. Было решено сначала скрытно захватить остров, а уж затем штурмовать основной оборонительный рубеж противника.

Для захвата острова и уничтожения боевого охранения гитлеровцев скомплектовали штурмовую группу во главе с опытным разведчиком — лейтенантом Егоровым. В нее вошли разведчики, саперы, автоматчики. Не хватало только связистов.

Радиста нашли, а вот с телефонистом неувязка получилась. Требовался не только спец своего дела, но и хороший пловец. И чтобы лодкой умел управлять.

— Постойте, а кто через Северский Донец телефонную линию вел? — спросил командир полка майор Орлов. — Надежно тогда связь работала.

Вспомнили: Уфимцев из штабной батареи.

— Вот его и давайте.

Через несколько минут перед майором стоял невысокого роста худощавый сержант. Объяснив задачу, Орлов спросил:

— Справишься?

— Постараюсь.

— Плавать умеешь?
— Не так шибко, товарищ майор.
— Шибко нам и не нужно. На воде чтоб уверенно мог держаться и через Днепр, в случае чего...
— У нас в Саратове Волга пошире Днепра. Переплывал.
— И лодкой управлять умеешь?
— Приходилось.
— Ну и добро!

Лейтенанту Егорову Уфимцев понравился не слишком. Вроде бы все на месте: пилотка на голове, погоны на плечах, карабин за спиной, а вид самый что ни на есть цивильный. Бывают такие люди: как ни облачай их в самые грозные доспехи, как оружием с головы до ног ни увешивай, все равно воинственности в них никакой нет. Плюс ко всему этому Уфимцев маломощным на вид казался: и ростом невелик и в кости узок.

«Что от такого слабака можно ожидать,— подумал с горечью лейтенант. — Наверняка, обузой для группы будет, не сможет выдержать той нагрузки, которая впереди предстоит. Ведь по расчетам надо четыре катушки кабеля размотать. И не просто размотать, а на дно реки уложить. Да так, чтобы течением провод не оборвало. А когда бой начнется? Еще прорва всяких дел наберется». Знает лейтенант, что такое проводная линия связи. Мороки с ней не оберешься: то провод порвется, то батареи сели, то аппарат испортился. Чтобы все эти неполадки вовремя ликвидировать, телефонист двужильным должен быть. Физически крепким и выносливым. А этот! В общем, была бы воля лейтенанта Егорова, не принял бы он такого воина в свою группу.

— Телефон-то хоть исправный? — недоверчиво спросил Егоров.
— В полном порядке, товарищ лейтенант.
— На подготовку нам сутки отведены. Проверьте все как следует еще раз. И будьте готовы завтра к семнадцати ноль-ноль.

Под вечер лейтенант Егоров решил проверить, как идет подготовка к предстоящей операции. Побывал у разведчиков, у саперов. Дошла очередь до связистов.

Уфимцева на месте не оказалось.
— Куда подевался?
— А шут его знает,—ответили бойцы.— Он все молч-

ком делает. Сопит себе под нос. Сказал, что к рыбакам пошел. Ушички, видать, захотел.

— Ну и ну, —покачал головой лейтенант.

Вернулся Уфимцев, когда уже смеркаться стало. Егоров увидел его идущим вдоль берега Днепра с огромной ношей на плече.

— Что это за торба у тебя?

— Корзина, товарищ лейтенант.

— Вижу, что корзина, а в ней чего?

— Гайки и балберки, товарищ лейтенант.

— На кой ляд они тебе спонадобились?

— Гайки вместо грузил приспособим, чтобы провод спокойно на дне лежал.

— Вот оно что!

Попробовал лейтенант корзину поднять. Еле осилил.

— Пуда три, поди!

— Пожалуй, что так. Пятьсот гаек. Думаю, хватит.

— Где ты раздобыл такую уйму?

— Свет не без добрых людей. Рыбаки со своих сетей сняли.

— Ну, а балберки для чего прихватил?

— И балберки пригодятся. Десятка по два связать — хороший спасательный пояс получится. Тут у меня на целое отделение этих балберок наберется. Кто плохо плавает, бери, не стесняйся.

— Это ты здорово придумал! — воскликнул лейтенант. —И с гайками, и с балберками. Спасибо, товарищ сержант.

— Рад стараться!

Поделился лейтенант своими новыми впечатлениями об Уфимцеве с политруком разведроты.

— Оказывается, расторопный малый этот сержант. Хозяйственный! И о себе позаботился, и товарищей не забыл. А силища какая! Пять километров три пуда на своем горбу тащил — и хоть бы хны. А из-под корзины его и не видать было.

— В наш век богатыри не ростом измеряются, — сказал политрук.— Я думаю, он еще себя покажет.

На другой день Уфимцев такую деятельность развернул, что лейтенант руками от удивления разводил. Откуда-то бочку с озокеритом прикатил и ну провод смолить. Дым коромыслом.

Бойцы смеются:

— Смолокурню телефонист открыл.

— А вы что рот разинули, — приструнил Егоров зевак. — Засучай рукава и на подмогу сержанту!

В общем, к полудню телефонист Уфимцев в полной готовности к предстоящему бою был. Провод хоть на ВЧ для телеграфной связи с Москвой используй. Не подведет. Каждый его сантиметр Константин проверил, озокеритом залил и на катушки ровными рядками уложил. Четыре катушки по пятьсот метров. Это же ровно два километра. Богатство! И на Днепр хватит, и на том берегу «усы» в разные стороны разводи.

Гайки тоже в дело пошли. На первые две катушки их Константин приспособил. Тяжелыми они от этого стали, зато теперь никакое течение провод не снесет, разматывай только катушку — сам на дно ляжет.

И с аппаратом полный порядок. Егоров сам проверил. Слышимость прекрасная! И вправду, хоть с Москвой разговаривай. Напрямую с Генеральным штабом.

— Молоток, однако, ты, братец, — не удержался от похвалы лейтенант. — Так дело у нас пойдет — глядишь, и в люди выбьемся.

Не сидели сложа руки и другие бойцы группы. Работа кипела вовсю. Саперы отремонтировали рыбацкие лодки, укрыли их в камышовых зарослях. Разведчики отыскали удобное место переправы. От местных рыбаков они узнали, что от острова на юг почти на полкилометра тянется отмель. Решили использовать ее для скрытого выхода в тыл боевому охранению.

Наконец все было готово. Но команды на выход не поступило. Решили дождаться подходящей погоды. Синоптики пророчили: не сегодня-завтра дождь должен быть.

«Была бы только ночка, да ночка потемней», — весело запел, узнав об этом, разбитной разведчик ефрейтор Брагин. Он был общим любимцем у бойцов. Не любоваться им было нельзя: статный, с гордо посаженной на могучих плечах головой. Лицо красивое и приветливое. Даже глубокий шрам, пересекающий наискось правую щеку, ничуть не портил его, а делал еще более мужественным.

— Ты, старина, в бою на разведчиков ориентир держи, — сказал ефрейтор Уфимцеву. — Поможем чем надо. Катушки нам можешь передать. У тебя вон какое хозяйство. Рук не хватит.

— Сам справлюсь. Не впервой...

— Давай уж, чего там, — не обращая внимания на обидчивую нотку в словах сержанта, проговорил Брагин. — За аппаратом, главное, последи получше.

К вечеру двадцать седьмого сентября небо обволокли серые тучи, полил дождь, ветер неистово трепал прибрежные кусты, разгонял пенистые волны.

Ночью лодка с десантом тихо отошла от берега. Вдруг в небо одна за другой взмыли несколько осветительных ракет и на южном мысе острова застрекотал пулемет. Через минуту он умолк.

Но когда лодки вышли на стрежень, в реку плюхнулись с десяток снарядов и мин. Они подняли перед островом огромные фонтаны воды. Один снаряд разорвался рядом с лодкой, в которой переправлялся Уфимцев. Осколки сердито завыли в темноте. Константин почувствовал резкое ослабление кабеля, опускаемого им на дно реки. «Обрыв!» Теперь, промедли хоть секунду, провод будет унесен быстрым течением. Не раздумывая, сержант бросился за борт и скрылся в пучине Днепра.

Прошло более минуты, а он не выныривал. Но вот над еле заметными бликами волн показалась его голова. Она то появлялась, то исчезала.

— Ребята, на помощь! — крикнул лейтенант.

Рядом с Уфимцевым уже плыл какой-то боец. К ним тотчас же направилась лодка.

— Принимай конец! — прохрипел один из пловцов. Это был ефрейтор Брагин. Он вовремя оказался возле телефониста и перехватил в свои руки свободный конец кабеля, поднятого Константином со дна реки.

Товарищи втащили пловцов в лодку.

— Ну, ты прямо водолаз, старина, — отдуваясь, проговорил ефрейтор.

— Глубина не ахти какая... Не больше пяти метров,— отозвался Уфимцев.

— Чего же тогда под водой столько времени был?

— Понимаешь, коряга на дне оказалась. Захлестнуло провод за нее — насилу отцепил...

Вскоре лодки достигли песчаной отмели. Десантники высадились из них и стали продвигаться к острову по пояс в воде.

В небо снова взвились осветительные ракеты.

— Пригнись!—скомандовал вполголоса лейтенант.

Все скрылись в воде, поднимая головы только для того, чтобы схватить воздуха.

«Лодки! Теперь нас могут выдать лодки!» — подумал Уфимцев. Быстрыми движениями он захлестнул телефонным проводом нос своей плоскодонки и спустил ее по течению на всю длину провода. Через полминуты ее уже не было видно. Так же поступили бойцы и с другими лодками.

Спустя четверть часа наши воины были уже на острове. Укрывшись шинелью, Уфимцев передал по телефону первое донесение.

— Роща, Роща, я — Сокол. Все в порядке, следуем дальше.

Пройдя метров двести, группа наткнулась на немецкий провод. Пошли по нему и вскоре вышли к блиндажу. Около него торчал часовой, укутанный до бровей капюшоном плаща. Улучив момент, Брагин тенью метнулся вперед. Короткий удар кинжалом — и часовой рухнул на землю. Трое храбрецов во главе с лейтенантом ворвались в блиндаж. Дальнейшее произошло в считанные секунды. Заняв место у пирамиды с оружием, разведчики направили свои автоматы на спящих гитлеровцев.

— Хенде хох! — оглушающе крикнул Егоров. — Лежать и не двигаться!

Через несколько минут пятнадцать фашистских солдат лежали на нарах со связанными руками и ногами. Группа двинулась в глубь острова. Для прикрытия ее действий лейтенант приказал трем бойцам во главе с Уфимцевым выдвинуться к протоке. Фашисты в любой момент могли перебросить на остров подкрепление.

Минут через двадцать три вражеских дзота со станковыми пулеметами были в наших руках. Вскоре штурмовая группа вышла на западную часть острова. Здесь ее поджидал Уфимцев.

— Наконец-то, товарищ лейтенант! — проговорил обрадованно телефонист.

— Что такое?

— Да вот фрица в плен взяли, а что делать с ним — ума не приложу.

Неподалеку от него с кляпом во рту лежал связанный фашист.

— Кусался, гад, и орал что есть мочи. Пришлось заткнуть ему глотку.

— Вот это по-нашему, — заметил ефрейтор Брагин, — теперь мы тебя, Уфимцев, из разведки не отпустим. Правда, товарищ лейтенант?

— Молодцом, что и говорить, — улыбнулся Егоров. — Этот фриц нам пригодится.

Группа бегом направилась обратно, лейтенант что-то замыслил.

Через несколько минут наши разведчики вернулись переодетые в немецкую форму.

Дождь продолжал лить как из ведра. Темь сгустилась.

— Скоро будет светать, — заметил Уфимцев. В это время с левого берега к острову подплыло десятка два лодок и плотов. С первым подразделением прибыл командир батальона капитан Данько.

— Чисто сработано, молодцы, — похвалил комбат. — Теперь — на главную оборону...

Протоку между островом и правым берегом преодолели вброд. Дальше пошли в гору. Толстяк, пленный телефонист, подпираемый сзади автоматным стволом, пыхтел и отдувался.

Чуть поодаль следовала вся штурмовая группа, шествие замыкал связист Уфимцев. Он разматывал четвертую катушку.

Пока все шло хорошо. Пост на переднем крае пропустил группу. Пленный фриц оказался хорошим «проводником». Ефрейтор Брагин умел с ним обращаться. Миновали две траншеи с дотами на флангах и с блиндажом за высоткой.

Но вот забрезжил рассвет. Дождь прекратился. Горизонт на востоке очистился от туч.

Группе удалось обезопасить еще один мощный дот с пушкой и двумя пулеметами. Но при подходе к четвертому доту она была встречена автоматным огнем из траншей. Фашисты догадались, какого сорта гости к ним пожаловали. Завязалась перестрелка.

С каждой минутой в строй вступали все новые и новые огневые средства противника. И все же брешь в его обороне была уже сделана, в которую и устремились два наших батальона, поддержанные огнем артиллерии. Сокрушая опорные пункты врага, батальоны развивали наступление в глубь фашистской обороны. «Орешек» оказался расколотым.

С развитием прорыва телефонист Уфимцев по приказу майора Орлова был подчинен батарее полковых пушек. Все дальше и дальше он прокладывал линию связи. Она стала осевой линией всех наступающих здесь частей. От нее расходились в стороны десятки «усов» к дивизионам и батареям. С помощью этой линии осуществлялось взаимодействие между пехотой, танками и артиллерией, велось управление боем. «Линия Уфимцева» — так ее стали называть. Ею пользовались командир дивизии полковник Мошляк, командующий армией генерал-лейтенант М. Н. Шарохин и многие другие военачальники. Не раз фашистские снаряды, мины и бомбы рвали эту линию связи, но неутомимый телефонист быстро восстанавливал ее.

Когда на линии раздавался позывной «Сокол», все знали, что это говорит Уфимцев, что он сообщает сейчас новые данные о противнике или передает команды для открытия артиллерийского огня.

С каждым часом нарастало напряжение боя. Уже к полудню фашистское командование поняло, что потеряло важный участок обороны на правом берегу Днепра. Гитлеровцы всячески пытались остановить наше наступление. Они бросали в бой свои резервы, бомбили с воздуха, контратаковали танками. И к вечеру им несколько удалось остановить продвижение наших войск.

Особенно тяжелой к этому времени сложилась обстановка в районе высоты Горбатой. Здесь передовая стрелковая рота, в цепях которой действовали телефонист Уфимцев с артиллерийским наблюдателем; была контратакована батальоном пехоты и десятью танками. Головной вражеский танк мчался прямо на холмик, за которым укрывались два наших воина.

Константин с ужасом смотрел на приближающийся танк. «Раздавит, гад... Аппарат раздавит и линию перервет!» — эти мысли пронзили мозг. Он судорожно начал разгребать землю руками, сделал небольшую ямку, сунул в нее аппарат и лег на него грудью. Совершив это, он сразу как-то успокоился. Неторопливо достал из сумки гранату, вставил запал, отодвинул чеку, готовый теперь ко всему.

Расстояние до танка сокращалось с каждой секундой «Еще десяток метров, и...» — Уфимцев скосил глаз на товарища. Наблюдатель полулежал на боку. В его руке связка гранат.

— Не торопись, Саша, пусть поближе...

Конец фразы потонул в грохоте взрыва. Снаряд угодил в гребень холмика и обсыпал воинов комьями земли. Из чрева стальной махины вырвался новый сноп пламени — и сразу наступила ночь. Взор Константина успел выхватить из темноты еще какую-то яркую вспышку, но она уже не задела его сознания. Он все глубже и глубже погружался в небытие.

Фашисты смяли небольшой заслон пехоты и потеснили наши передовые подразделения метров на триста к востоку, однако тут же были сами контратакованы и вынуждены были отступить за высоту Горбатую.

Так Уфимцев с наблюдателем оказались на «ничейной» земле, где всю ночь пролежали в ложбинке, не подавая признаков жизни. Но вот забрезжил рассвет. Солнце поднялось над горизонтом и бросило лучи на землю. Уфимцев очнулся, попытался было встать, но острая боль снова приковала его к земле. Он долго не мог понять, что с ним произошло. С трудом открыл глаза. Мириады маленьких солнц заискрились вверху. Это светились росинки на багряной листве березки. Огненный смерч не пожалел и ее. Фашистский снаряд расщепил ствол, и теперь она чудом держалась на тонком сухожилии, опираясь на землю опаленной вершиной.

— Саша, Сашок!

Но ответа Уфимцев не услышал. Дотянулся до руки друга и почувствовал, что она холодна. «Убит!»

Превозмогая боль, он перевалился на бок и пополз к краю ложбинки, где был телефон. Правая рука висела, как плеть. Едва дотянулся левой.

— Роща, Роща, я — Сокол, — слабым голосом прошептал он в трубку. Затем потянул провод на себя. «Так и есть. Обрыв». Пополз вдоль провода и, найдя второй конец, взял его в зубы, левой рукой сделал привычный виток. «Теперь порядок!» Пополз обратно, но когда переваливал через холмик, по шее резануло каленым железом. Заметив его, фашисты ударили из пулемета. Захлебываясь кровью, Константин прохрипел в микрофон:

— Роща, я — Сокол...

— Уфимцев жив! — воскликнул на другом конце провода телефонист...

Что было потом, читатель уже знает.

В палату вошел в накинутом на плечи белом халате ефрейтор Брагин. Присел на табурет возле изголовья раненого.

Константин открыл глаза. Их взгляды встретились.

— Это ты, Федя?

— Я, Костя...

— Как там наши?

— Порядок, товарищ сержант! Слышишь?

Снаружи доносились приглушенные раскаты артиллерийской канонады.

— Наша взяла! Вся дивизия вперед пошла... — Брагин заскрипел табуретом, заторопился. — Ты прости, Костя, я на минутку забежал. Лейтенант Егоров просил передать, он хлопочет, чтобы тебя к нам в разведку перевели... Согласен?

— А то! — глаза Константина засветились от радости. — Спасибо скажи лейтенанту. И тебе, Федя, спасибо. Знаю, ты меня спас... из пекла вытащил.

— Ладно уж, — проговорил растроганный ефрейтор. — Ты выздоравливай, старина. Не залеживайся тут.

— Постараюсь.

— Ну и лады. До скорой встречи! — Федор пожал слабую руку товарища.

Брагин ушел. Константин долго еще ощущал на своей ладони тепло дружеского пожатия. Радостное волнение охватило его душу. Он был рад и горд за товарищей: одолели врага, выстояли, победили! Он еще слабо сознавал, что в этом успехе есть доля и его ратного труда. Он был счастлив уже тем, что товарищи не забыли его и приняли в свое воинское братство. Напрасно думал, что не ко двору пришелся. Сам лейтенант его к себе берет. Скорее, скорее на ноги! Скорее в строй! Он вернется к ним, будет сражаться с ними рядом.

С этими мыслями Константин и заснул. Сон его был крепким и продолжительным.

Спустя некоторое время в госпиталь прибыл капитан из штаба дивизии. Тоже хотел повидаться с Уфимцевым.

— Никаких свиданий, — сказал главный врач. — Раненый снова впал в забытье. Кризис еще не миновал.

Капитан заговорил другим тоном:

— Я настаиваю. Это приказ командира дивизии. Полковник Мошляк хочет знать, как все случилось в районе

высоты Горбатой. Понимаете, это нужно для наградного листа, в интересах же сержанта.

— У меня нет ни сержантов, ни генералов. У меня— раненые, — отрезал главврач. — Все!

Позже, когда Константин окреп, товарищи по палате рассказали ему об этом визите.

— Так что награда тебе высокая будет.

— Куда там, — ответил сержант. — Хотя бы не поругали за оплошность.

— За какую оплошность?

— Да ведь связь-то более суток не работала.

— Твой телефон замолчал, так и скажи, а связь — вон она, вперед пошла. Наши уже Киев взяли. Так и до Берлина дойдем.

...Из госпиталя сержант Уфимцев выписался только через месяц. В это время его родной полк и дивизия в целом были уже далеко от Днепра. Константин попал в другую часть. Однако шел к заветной цели теми же дорогами, что и его старые друзья. Иногда эти дороги скрещивались, потом снова расходились в стороны. И так несколько раз. Об этом сержант догадывался по приказам Верховного Главнокомандующего, где упоминались особо отличившиеся части и соединения и в их числе дивизия Мошляка.

Разгром корсунь-шевченковской группировки врага. Окружение и разгром фашистской группировки под Яссами и Кишиневом. Бои за освобождение Румынии. Во всех этих сражениях участвовал и сержант Уфимцев. В Румынии он и закончил свой многотрудный путь.

Девятого мая в самый разгар праздника Победы его вызвали в штаб полка. За столом незнакомый полковник. Вопросы неожиданные:

— В дивизии Мошляка воевал?

— Так точно, товарищ полковник.

— Днепр форсировал?

— В ночь на двадцать седьмое сентября 1943 года

— Плацдарм защищал?

— Другие защищали. Я провод тянул. Связь обеспечивал.

— Куда нитку дотянул?

— До высоты Горбатой.

— Все точно. Поедете со мной, товарищ сержант. В штаб армии.

Разные мысли будоражили сердце Константина дорогой. Одна из них самая страшная: «Не забыли про его оплошность в районе высоты Горбатой: целые сутки связь не работала. Ранение не оправдание. Кто может подтвердить, в каком он состоянии был? Его спаситель ефрейтор Брагин. А где он? Не крикнешь ведь на весь фронт: «Федя, выручай!»

В штабе его провели к командарму генералу Шарохину.

Константин доложил, как положено:

— Командир отделения связи гвардии сержант Уфимцев.

Генерал вышел к нему навстречу. Улыбнулся приветливо.

— По поручению Президиума Верховного Совета Союза ССР вручаю вам Грамоту и медаль «Золотая Звезда». — Сказав это, генерал крепко пожал руку сержанту и добавил не менее торжественно, но с еще большей теплотой в голосе: — Поздравляю вас, Константин Григорьевич, с присвоением высокого звания Героя Советского Союза.

Константин долго не мог прийти в себя. Стоял, не в силах выговорить ни одного слова. Лишь потом, когда генерал прикрепил к его гимнастерке орден Ленина и Золотую Звезду, ответил хрипловато:

— Служу Советскому Союзу.

Хотел еще что-то сказать, но в груди воздуха не хватило. Закашлялся.

Лоб воина покрылся испариной пота. А тут еще и глаза застлало. Константин отвернулся и рукавом смахнул навернувшиеся слезы. Постоял еще немножко и, повернувшись опять лицом к генералу, проговорил застенчиво:

— Спросить вас хочу... А то как бы ошибки не произошло.

— Что вас волнует? Говорите.

— Командир дивизии полковник Мошляк в курсе дела? Знает, что такая мне честь?

— А как же! Наградной лист он подписывал. Собственноручно. По представлению командира полка майора Орлова.

— Надо же! Думал, ругать меня будут, а тут такой оборот. И в мыслях не держал.

Генерал улыбнулся, посмотрел на часы. Подошел торопливо к репродуктору.

— Эх, мы, брат, чуть не прозевали. Давайте Москву послушаем.

Из репродуктора донесся переливчатый перезвон Кремлевских курантов, бой часов, а затем раскатистые залпы артиллерийского салюта.

В победные аккорды московского салюта вплела свой разноголосый говор фронтовая артиллерия. Гул надвигался со всех сторон. Густые пульсирующие звуки ворвались в комнату. Задребезжали окна, заколыхались занавески, запрыгали предметы на письменном столе. Взор Константина приковала к себе бронзовая статуэтка скачущей лошади. Она вдруг тоже пришла в движение, раскачиваясь в такт доносившимся залпам. Они ее словно подгоняли, лошадка все убыстряла и убыстряла бег. Своей статью и вытянутым в струнку телом она напоминала Константину его родную Буланку...

Но вот залпы салюта смолкли.

— Вот и мир наступил, — проговорил командующий. Его голос звучал непривычно громко. Он подошел к Уфимцеву и еще раз пожал его руку.

— С победой вас, Константин Григорьевич!

— И вас также, товарищ генерал. С победой!

ФРОНТОВЫЕ БЫЛИ...

А ты в бою. И бородатый —
Не до бритья, коль взят разгон, —
Похож на русского солдата
Всех войн великих и времен.
На неостывшем вражьем танке,
Подбитом, может быть, тобой,
Ты примостился, чтоб портянки
Перевернуть — и снова в бой.

А. Твардовский. 1941 г.

«У ХРАБРЫХ — ТОЛЬКО БЕССМЕРТЬЕ...»

Осенью 1941-го, самого трудного и горького года войны, все фронты облетело стихотворение Константина Симонова «Секрет победы». Опубликованное шестого августа в газете «Красная звезда», оно быстро нашло друзей на севере и юге, побывало во всех окопах, на фронтовых аэродромах, у саперов, танкистов и артиллеристов. Простые задушевные строки, посвященные летчику-истребителю Николаю Терехину, запоминали сразу. Поэт вел разговор со своим читателем-солдатом, разговор искренний, начистоту. И эта искренность, простота покоряли.

Есть такие ребята,
любимые сыновья:
когда они учатся в школе,
школа им — как семья.
Когда начинают работать,
их любит родной завод,
когда они вырастают,
их узнает народ...
Был Николай Терехин
одним из таких ребят,
которым легче погибнуть,
чем отступить назад.

Это стихотворение Константина Симонова посвящено нашему славному земляку, бесстрашному летчику-истребителю, старшему лейтенанту 161-го истребительно-авиационного полка Николаю Васильевичу Терехину. О его героических подвигах в годы войны писали журналисты, поэты, писатели. Мужество не могло не вызывать восхищения.

С первого дня боев поднялся в небо Николай Терехин. Десятки боевых вылетов совершил он во главе своей неустрашимой эскадрильи, став грозой для фашистских асов. Уже восьмого июля 1941 года за образцовое выпол-

нение заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество наш земляк был награжден высшей наградой страны — орденом Ленина. Высокую награду вручал ему двадцать шестого сентября М. И. Калинин.

...Тридцатого июня три вражеских тяжелогруженых бомбардировщика шли в сторону нашего аэродрома. Наперехват им вылетел истребитель Николая Терехина. Быстро оценив обстановку, умело маневрируя, летчик пошел на сближение с врагом. Один из бомбардировщиков был отколот от строя и сражен меткой очередью.

Оставались еще два. Вот снова один из стервятников оказался в перекрестии прицела. Но пулеметы молчат: кончились патроны. И тогда советский летчик принимает дерзкое решение — таранить противника. Резко бросив машину вперед, он вплотную подходит к вражескому бомбардировщику и правой плоскостью наносит удар по хвостовому оперению. Камнем сквозь облака враг падает на землю. С трудом выравнивает Николай Терехин свой истребитель, отброшенный ударом в сторону, кренящийся на поврежденную плоскость, но все еще управляемый. Третий враг не должен уйти! Старший лейтенант вновь решает идти на таран. Вот как пишет об этом Константин Симонов:

Но третий «юнкерс» уходит,
надо его подбить!
Ценою жизни победу
Терехин решил добыть.
Даже не на бензине —
бензина на полрывка,—
как Чкалов — на самолюбье
Терехин догнал врага.
Теряя последнюю скорость,
упав, как железный ком,
таранил он третий «юнкерс»
разбитым своим «ястребком».

Слава о мужественном советском летчике, впервые в мире совершившем два тарана подряд и вышедшем победителем из неравного боя, шла по фронтам. «Комсомольская правда» и журнал «Красноармеец» поместили о Николае Терехине очерки «Мастер тарана» и «Соколиная повадка».

Интересные воспоминания о встречах с Н. Терехиным оставил артист Борис Михайлович Филиппов. Двадцать первого августа 1941 года он записал в своем дневнике:

«Сегодня мы «без отрыва от земли» знакомимся с летчиками. Добираемся до военных аэродромов на машине. Первый концерт даем в лесу, в Н-ской авиачасти.

Нас знакомят со старшим политруком Шандуром, старшим лейтенантом Тимошенко и младшим лейтенантом Терехиным.

Первый из них спас два наших самолета, второй сбил два «мессершмитта», третий протаранил «немца» под Могилевом, опустившись затем на парашюте, и случайно был обстрелян своими. Когда после приземления Терехина окружили наши бойцы, ясность была внесена при помощи произнесенных им крепких русских словечек, сразу установивших истинное происхождение летчика.

Женя Шукевич вытаскивает героев на сцену (все тот же грузовик!) и, на радость окружающим летчикам, проделывает с ними свои трюки».

Есть там и строки о В. Ставском: «Недавно в гостях у летчиков был писатель Ставский, приехавший сюда на своей машине. В качестве водителя и машинистки писателя сопровождала его жена».

Видимо, тогда В. Ставский и познакомился со своим земляком, посвятив ему в «Правде» статью «Бесстрашный сын крылатого народа». В частности, там описан и такой факт.

После одного из вылетов Николай Терехин привел на аэродром свой самолет, почти полностью разбитым. Механики насчитали в корпусе шестьдесят пробоин, были разбиты оба цилиндра, пневматика шасси, продырявлен винт, повреждено управление.

Короткий отдых — и на другой день снова в воздух — снова на перехват вражеских бомбардировщиков. Владимир Ставский рассказывает о двойном таране Николая Терехина, его исключительном самообладании, выдержке, хладнокровии. Вступив в бой с тремя врагами, советский летчик вышел из него победителем и сам остался жив. Так велика была его ненависть к захватчикам.

Фашистские летчики, покинув кабины горящих самолетов, раскрыли парашюты, но на земле попали в руки красноармейцев. И сам Терехин, писал В. Ставский, тоже «попадает в эти же руки. Но для него какие они ласковые и родные, эти советские руки!»

Десятки боевых вылетов за две недели войны сделал бесстрашный летчик. Узнан враг — боится, не принима-

ет яростных лобовых атак, уклоняется от ближнего боя, нападает по-разбойничьи, исподтишка...

Второго октября 1942 года в пензенской областной газете со статьей «Мастер таранного удара» выступила писательница Нина Емельянова, жившая в Пензе. «Таранный удар, — писала она, — стал на вооружение советского человека. И каждый такой случай есть высокий класс летного мастерства, замечательная страница человеческой биографии».

И снова хочется возвратиться к симоновским строкам. Не выдержал долго в госпитале Николай Терехин, затосковал. Друзья привезли его в часть, днем выносили на аэродромное поле. Весь в бинтах лежал летчик, смотрел в небо. Чеканен и суров ритм стихотворения:

У храбрых есть только
бессмертье.
Смерти у храбрых нет.
Не хочешь смерти — будь
храбрым!
Вот вам и весь секрет.

Двадцать третьего июля, через месяц после начала войны, в пензенской областной газете были помещены рисунок отважного героя, сделанный художником Борисом Лебедевым, стихотворение местного поэта Серафима Давыдова:

Небо рвут огнистые
всполохи.
Расстилая крыльев ураган,
смелый сокол Николай Терехин
встретил грудью злобного врага.
Не сломить фашистам грудь
стальную,
не пройти бандитам напролом.
Вольный сокол землю — мать
родную
оградил сверкающим крылом.

Так на пензенской земле узнали о подвиге своего бесстрашного земляка. Обком партии и облисполком поздравили родителей с награждением сына, поблагодарили за его героизм.

В Чардымском колхозе имени Карла Маркса состоялся многолюдный митинг. Взволнованы были Ирина Киреевна и Василий Панкратьевич. Отец долго не мог сказать первого слова. Односельчане послали письмо в действую-

щую армию, где служил их земляк, брали слово так же честно трудиться в тылу, как бьются там, на фронте.

Взволнованное письмо отправили сыну родители:

«Дорогой наш сын Николай! Трудно выразить словами чувство, охватившее нас, когда мы узнали, что правительство удостоило тебя высокой награды за доблесть и мужество. Мы преисполнены гордостью за твой героический подвиг и шлем тебе наказ — на награду ответь новыми подвигами, беспощадно громи фашистских стервятников. Колхозники родного колхоза также гордятся тобой.

Все мы... решили отдать на защиту нашей Родины все силы и упорным трудом в колхозе помогать вам, бесстрашным воинам, в разгроме врага.

Урожай у нас ожидается высокий. Мы его уберем без потерь, чтобы в стране было больше хлеба... Мне, твоему отцу, уже семьдесят лет, но я не хочу сидеть дома — ремонтирую упряжь.

Желаем тебе, дорогой сын наш, еще больших успехов. Ждем тебя с полной победой!»

Свято хранил наказ родителей и односельчан мужественный летчик, начавший войну старшим лейтенантом, комэска, а через год ставший командиром 161-го истребительно-авиационного полка 239-й истребительно-авиационной дивизии.

А путевку в небо летчик получил в Саратовском аэроклубе. В 1931—1933 годах он занимался там в автомобильно-дорожном техникуме и одновременно ходил на аэродром —учился летать.

— Вместе с Колей Терехиным, —вспоминает И. Цитцеров, работающий сейчас в Терновке главным инженером-строителем управления сельского хозяйства, — и несколькими однокурсниками мы поселились в одной из комнат студенческого общежития. Жили своеобразной «коммуной», кладя в «общий котел» наши скромные сбережения. Стипендия была небольшая, поэтому мы часто помогали разгружать на Волге пароходы.

Николай Терехин учился блестяще. Особенно любил физику и математику. Небольшого роста, подвижный, он заражал окружающих своей энергией и неистощимой выдумкой. Не случайно мы избрали Николая секретарем комсомольской организации техникума. Здесь, на мой

взгляд, формировались черты его характера: настойчивость, инициативность, способность быстро и правильно принимать решение. Как раз эти качества и помогли ему вскоре стать военным летчиком...

В 1939 году Николай Терехин стал членом партии, командиром звена. В октябре он впервые участвовал в воздушном бою на границе с белой Польшей.

Утром Николаю Терехину вместе с лейтенантом Митрохиным было дано задание — произвести разведку противника в районе Парчев—Чемирники. В лесочке заметили группу вражеских войск, атаковали и рассеяли ее. Две пули угодили в самолет.

Вторично в этот же день Николай Терехин летел с лейтенантом Ионовым. Пройдя Вагынь, заметили вражескую машину, которая шла на разведку наших частей.

Терехин зашел в хвост, но враг стал стрелять из турельного пулемета, пошел на снижение. Этот маневр не удался. После нескольких атак Николай Терехин все же подбил вражескую машину.

...Воевали многие чардымцы. На Орловско-Курской дуге, под Харьковом и Будапештом сражался Василий Иванович Левин. Освобождали польские города В. С. Быченков и Д. Т. Гомозов. В селе Чардым родился Герой Советского Союза разведчик Василий Федорович Калишин. В двух километрах, в деревне Бутырки, живет бывший сапер-солдат Александр Денисович Макаров, полный кавалер ордена Славы. Недаром Чардым называют селом героев.

А многие чардымцы не пришли с полей войны. Погиб в одном из неравных воздушных боев тридцатого декабря 1942 года и Николай Терехин.

Автор статьи получил письмо от Константина Симонова. Тот пишет: «С Терехиным я встречался накоротке в июле 1941 года где-то на аэродроме под Могилевым...

Так мне помнится сейчас — через годы... Я писал о людях, которых видел».

Помнит Родина о подвиге своих любимых мужественных сыновей. Живут написанные о них книги, сложенные о них стихи. Не забыты те, кто в дымные пороховые дни заслонил собой Отчизну, защитил ее от врага. У храбрых есть только бессмертье!

В. Родионов

ИЗ СЕМЬИ КОММУНИСТОВ

Из письма к родным

„Я уже приняла присягу, одета по форме и изучаю оружие всех видов, обожаю пулемет.

Сил много и духом крепка.

Я состою в боевом расчете, бессменно несу вместе с другими службу у спаренных пулеметов. По стрельбе имею оценку «отлично». Заряжание и наводка — одна минута».

Из письма к подругам.

«Так много хочется сказать Вам, но времени мало: скоро идти на дежурство. Пулеметом владею теперь хорошо, спокойно. Когда ночью гудит подмосковная земля от канонады и гудит подмосковное небо, я плечом к плечу с другими бойцами на передовой, мы отражаем самые жестокие атаки противника.

Сколько величайшей преданности, любви к Родине у наших обыкновенных самых разнообразных людей — в этом наша сила. Иногда хочется обнять всех сразу, сказать от всего сердца о своих чувствах. Но слов не надо много. И трудно выразить, что на душе. Одно могу сказать: жизни не пожалею в боях за Родину, за партию, за нашу боевую семью.

2 декабря 1941 г.»

Из письма к родным с Северо-Западного фронта

«Велики народные страдания, и тяжело идти по земле и селам, изуродованным и опоганенным фашистской сволочью. Воочию видишь все, что читала в газетах...

И еще раз рада, что за счастье и свободу народа буду драться вместе со своим народом...

Смерть не страшна. Только умереть, если понадобится, надо с толком. Но каждый из нас думает о живом...

...В этой борьбе в обозе не буду!..»

Анка-пулеметчица

Семью Жидковых — пять братьев и две сестры — можно назвать семьей коммунистов. Старший брат — Александр Жидков был черноморским матросом. В 1917 году он возглавил ревком в городе Новоузенске. Когда город был захвачен белыми, большевика Жидкова взяли в плен и зверски пытали, а затем казнили на городской площади. Он умер, не склонив головы.

Аня попала в Москву в 1923 году, когда ей было пятнадцать лет. Девочкой владело одно страстное желание — учиться, учиться во что бы то ни стало. Она поступила в опытно-показательную школу для детей участников гражданской войны. Затем — педагогический институт, после окончания которого Анна Федоровна поехала работать на Урал. Вступила в Коммунистическую партию. Увлеклась преподавательской деятельностью, изучала философию. Любовь к этой науке привела ее в аспирантуру, которую она успешно окончила.

— Когда началась война, — вспоминает подруга Анны — Е. Ворошилова, — Анне Федоровне было тридцать три года. Она была преподавателем Высшей партийной школы, доцентом кафедры диалектического и исторического материализма. Она рвалась на фронт, обращалась в райком, райвоенкомат, но получила строгий отказ. Тогда она записалась на курсы медсестер. Имея за плечами университет и аспирантуру, с большой серьезностью стала изучать санитарное дело.

Бывший слушатель Высшей партийной школы первого выпуска Герой Советского Союза Н. Никольский рассказывает:

«Познакомился я с Анной Федоровной Жидковой в Высшей партийной школе при ЦК КПСС осенью 1939 года. К нам в аудиторию вошла стройная молодая женщина в темном платье, с красивым лицом и лучистыми умными глазами. Она негромко назвала себя и сказала: «Семинаром по философии руководить буду я».

Эрудированная, чуткая и внимательная, Анна Федоровна сразу завоевала наше расположение. Но грянула война. Слушатели первого выпуска школы ушли в действующую армию. Анна также не пожелала оставаться в тылу и записалась в ополчение».

До войны Анна Федоровна готовилась защищать диссертацию по философии, а теперь с волнением сдавала зачеты фронтовой сансестры. В составе добровольческого коммунистического батальона Советского района столицы четырнадцатого октября 1941 года Анна отправилась на подмосковные рубежи. На фронте ей удалось быстро изучить боевое оружие — пулемет. Работать приходилось много, она была избрана членом полкового партийного бюро.

В грозные осенние дни 1941 года, когда немецко-фашистские орды прорывались к Москве и ей грозила смертельная опасность, она замещает командира санитарного взвода. Она же дежурит на посту у зенитного пулемета. Ее прозвали «Анкой-пулеметчицей». Анна Федоровна пользовалась большим авторитетом, ее уважали и любили не только как хорошего бойца, но и как верного друга, чуткого, отзывчивого человека.

В труднейших наступательных боях Анна вынесла много раненых с поля боя, была награждена орденом Красной Звезды.

Когда в Московской коммунистической дивизии был сформирован учебный лыжный батальон, Жидкову назначили туда комиссаром. А через некоторое время выдвинули в политотдел дивизии старшим инструктором пропаганды и агитации и присвоили звание старшего политрука.

Дивизия в это время была переброшена на Северо-Западный фронт.

Двадцать второго февраля 1942 года батальон этого полка занял исходные рубежи около деревни Павловка. На этом участке гитлеровцы оборудовали укрепленный опорный пункт, подготовились к долговременной обороне. Каждый метр, каждый холмик на подступах к деревне простреливались. И все же роты продвигались вперед. Бойцы ползли по тонкому насту, то и дело утопая в снегу. Анна находилась рядом с начальником штаба батальона Николаем Барсуковым. Вдруг она услышала стон и увидела, как упала пулеметчица Дуся Бондарен-

ко. Анна, не раздумывая, заняла ее место. Бойцы опять двинулись вперед. Внезапно пулемет снова умолк: Жидкова была ранена и потеряла сознание. Из-под ушанки на лицо стекала кровь. Когда санитарка перевязала рану, Анна пришла в себя и возобновила стрельбу.

Но вдруг опять молчание. Начальник штаба посмотрел в ее сторону и понял, что Анка-пулеметчица убита. Вторая пуля попала в висок и прошла навылет. Но руки мертвой пулеметчицы все еще крепко держали оружие.

Ее похоронили на окраине деревни Павловка.

Старший политрук Анна Федоровна Жидкова была посмертно награждена орденом Красного Знамени.

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА

Всякий раз, когда Абдулла Бильданов проходил мимо прибывших на фронт новичков, кто-нибудь из них лукаво начинал декламировать:

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги.
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги...

Абдулла добродушно улыбался. Он уже привык к тому, что молодые пулеметчики называют его великаном, хотя считал, что один метр восемьдесят три сантиметра — рост вполне нормальный. Но как бы то ни было, а среди восемнадцатилетних солдат Абдулла действительно выглядел Гулливером. И когда по просьбе фотографа приходилось замирать перед зрачком «ФЭДа», Абдулла выбирал место пониже и ослаблял ногу, как по команде «вольно». Но даже и в этом случае он был выше всех на целую голову.

Шел 1944 год. Бои шли на подступах к Прибалтике. Враг отступал, и так стремительно, что изменения происходили буквально каждый час.

...В воздухе пахло талым снегом. Там и тут важно расхаживали грачи. Горланя, они черным облаком кружились над тополями, вершины которых были изуродованы немецкими снарядами.

Старшина Бильданов и рядовой Петров, собирая свой «максим» после чистки, молча наблюдали за грачиным граем. Оба молчали, и каждый мысленно, видимо, был тоже где-то у родных гнезд.

— Бильданов! Старшина Бильданов! — запыхавшись, подбежал связной. — Срочно к комбату...

Командный пункт батальона находился недалеко от траншеи, в темном, полуподвальном помещении. Когда Бильданов, согнувшись в три погибели, протиснулся в

низенькую дверцу, там уже собрались многие командиры. Тускло чадила сделанная из гильзы коптилка. Пахло копотью и махоркой.

Бильданов сел прямо на землю и только тут разглядел красивое лицо комбата Цветкова. Рядом с ним сидел командир его роты Завьялов.

Капитан Цветков доложил обстановку и поставил задачу: провести разведку боем. Для этого взломать оборону, выйти в тыл врага, вызвать панику, захватить плацдарм, расширить его и удерживать до подхода подкрепления. Главная задача в этой операции выпала на долю роты Завьялова.

Ночью саперы проделали проходы в проволоке и минном поле, и рота почти бесшумно подобралась к передовым позициям врага.

Застрочили немецкие пулеметы и автоматы, но было уже поздно. Рота Завьялова почти на плечах противника продвинулась за ночь на десять километров.

На рассвете немцы опомнились, поняли, что атакованы небольшими силами, и под прикрытием танков стали отрезать пути отхода, сжимать роту Завьялова в кольцо.

Положение было угрожающим. Рота таяла на глазах, а обещанное подкрепление так и не подходило. И Завьялов принимает решение отойти за речку Великую. Все четыре пулеметных расчета он решил оставить для прикрытия отхода роты.

— Абдулла, — командир впервые назвал его по имени. — Держись, Абдулла. Любой ценой держись...

Два с половиной часа пулеметчики сдерживали ярый натиск врага. Два часа они поливали его густым свинцовым ливнем. В пылу боя Бильданов не сразу заметил, как замолчал пулемет справа. Не заметил он и когда умолк пулемет слева. До боли в пальцах он нажимал гашетку и видел в прорезь щитка, как валятся на землю скошенные им фашисты. Но вот кожух пулемета окутался облаком пара, «максим» перегрелся, а запаса воды не было.

— Петров, воды! — крикнул Бильданов, отстегивая флягу с водкой. И тут услышал, что другие пулеметы молчат. Он кинул флягу Петрову: — Вылей водку в кожух и ползи к пулемету слева.

Сам же он бросился к пулемету справа. И вот опять заговорил «максим». Но от жаркого боя перегрелся и он.

А. Бильданов.

Тогда Бильданов вернулся к своему пулемету.

Подполз Петров.

— Старшина, нас осталось двое.

— Знаю.

Вдали показались танки.

— Петров, выведи пулеметы из строя.

Бильданов оттянул свой пулемет за пригорок и резким взмахом взвалил его на плечи.

— Будем отходить за реку.

— Старшина, давай разберем и этот пулемет.

— Нет.

— Но успеем же...

— Нет! — крикнул Бильданов: — Бери пару коробок и — за мной.

Но Петров связал ремнями шесть коробок и перекинул их через плечо.

Лед был ноздрястый, мокрый. Петров первым осторожно перебрался на другой берег. А Бильданов по пояс провалился в воронку, запорошенную снегом. Пулемет скрылся под водой.

На помощь бросился Петров. Он быстро вытянул друга из воды. Затем принялся за пулемет. Петров заметил, что из рукава старшины сочится кровь.

— Да ты ранен!

Бильданов спокойно кивнул, дав понять, что ничего серьезного не случилось.

А через несколько дней командир батальона Цветков сообщил отважным пулеметчикам, что оба они награждаются орденом Славы III степени. В этом же месяце их обоих приняли в партию.

14 Заказ 2470

За «языком»

Из штаба дивизии Бильданов возвращался несколько озадаченным. Жарко припекало апрельское солнце, гимнастерка прилипла к спине, и он то и дело вытирал лицо рукавом.

— Ты знаешь, старшина, что такое глаза и уши армии? — вспоминал Бильданов разговор с начальником штаба.

— Разведка, вроде, — неуверенно отвечал Бильданов.

— Не вроде, а точно. И чтобы ты лучше убедился, сегодня же принимай взвод разведки, — улыбнулся начштаба.

Напрасно Бильданов пытался доказать, что он пулеметчик и в разведке едва ли пригодится. Все уже было предрешено...

В тот же день он попрощался с пулеметчиками и принял взвод разведки. А вечером получил задание: взять «языка».

Наступила ночь. Тройка разведчиков отправилась на поиск. Нейтральная полоса была сплошь изрыта воронками, и разведчики сливались с вывороченной землей.

Бильданов глянул на циферблат часов. Через минуту наши минометчики начнут угощать «фрицев» на сон грядущий, споют им колыбельную, загонят их в землянки и блиндажи. Это даст разведчикам возможность подобраться к траншее. Так было условлено заранее.

С немецкой стороны изредка огрызался пулемет. Темноту вдоль и поперек прорезали росчерки трассирующих пуль. Красными пунктирами они вонзались в лес и исчезали во мраке.

Еще несколько метров — и траншея. Но что такое? За бруствером мелькнула каска, и прямо над головой засвистели пули.

«Пулемет. Все-таки напоролись», — прижался к земле Бильданов. В это время ударили наши минометы.

Там и тут захлопали оглушительные взрывы. Пулемет замолчал, и ободренный Бильданов стремительно пополз дальше. Камнем он свалился через бруствер вниз и не успел подняться, как перед ним выросла тень.

— Я здесь, старшина...

Толстоган! Когда он успел подобраться к пулеметчи-

ку, рысью прыгнуть на плечи и скрутить ему руки? Около пулемета с кляпом во рту сопел немец. В окоп прыгнул Черенков. Бильданов пошел с ним по траншее и наткнулся на дверцу блиндажа.

— Сейчас я пинком распахну дверь — и вбегаем оба, — шепнул Черенков, приготовляя гранату.

Бильданов удержал его за рукав.

— Пинком нельзя. Вдруг там их много. Успеют очухаться. Дождемся взрыва и юркнем. Пусть подумают, что свои от обстрела прячутся.

Мины, как по заказу, взорвались совсем рядом. Бильданов открыл дверь и скользнул лучом фонарика. Пучок света выхватил из темноты стол и спящего на нарах фашиста.

Бильданов наставил автомат, а Черенков оглушил гитлеровца и скрутил ему руки...

В тылу врага

Пленный унтер-офицер показал, что вот уже целую неделю немцы стягивают на этом участке большие силы, что не нынче-завтра начнется наступление. И наше командование решило нанести упреждающий удар.

Вечером того же дня в тыл врага была направлена рота лейтенанта Митишова и Бильданов с друзьями-разведчиками.

После ночного визита разведчиков немцы, видимо, приняли меры предосторожности. То и дело раздавалась беспорядочная стрельба, небо бороздил прожектор, а над «ничейной» землей одна за другой вспыхивали ракеты. И все же вряд ли гитлеровцы думали, что русские пожалуют в гости так скоро — этой ночью.

Миновав первую линию обороны, рота углубилась в тыл и остановилась на опушке леса. Местность была незнакома, и командир отправил группу Бильданова в разведку.

Небо уже посветлело, но моросил дождь. Где-то послышались голоса. Бильданов насторожился и подал остальным знак. Рядом раздался детский плач.

— Деревня, — прошептал Толстоган, — пошли мимо.

— Погоди. Я вижу огонек и человека, — выглянул Бильданов из-за дерева. Прямо перед ним сидело несколько гражданских лиц.

— Ходить не надо, — посоветовал Толстоган. — Может, рядом фрицы.

Но старшина настоял на своем, они окружили незнакомцев. Это была укрывшаяся от обстрела семья старого литовца.

— Немцы далеко? — спросил Бильданов.

— Герман? Ни. Герман лево, — ответил старик. — Герман пушки много...

С грехом пополам литовец рассказал, где и какие орудия стоят, и сам вызвался проводить разведчиков. Это показалось Бильданову подозрительным. И он на всякий случай оставил автоматчика около семьи литовца. Но литовец оказался честным советским человеком. Он провел разведчиков к немецким артиллеристам. Не успели те схватиться за оружие, как оказались в кольце. В руки разведчиков попали восемь тяжелых орудий.

Артиллеристы Черенков, Таганошвили и Иванов развернули орудия, и полетели немецкие снаряды на головы фашистов. А на немецкой передовой суматоха. Услышав выстрелы, вся первая линия обороны в панике метнулась отступать, но быстро была уничтожена.

Несколько часов разведчики вели бой, вызвав невероятный переполох в стане противника. Немцы бежали куда глаза глядят. Разведчики преследовали их. На дороге замерла колонна автомашин. Выстрелы гремели со всех сторон, и фашисты метались, как в западне, не зная, что предпринять.

— Поджечь машины! — крикнул Бильданов. На дороге взметнулся огромный столб огня.

К утру гитлеровцы пришли в себя, но время было потеряно: наша дивизия перешла в наступление и полностью сорвала планы противника.

Поставленная задача была выполнена блестяще. После этой операции на груди Бильданова засиял второй орден солдатской Славы.

Лицом к лицу

— Слышал, слышал о вас. Слава пешком не ходит, Она, брат, крылата...

Начальник политотдела дивизии усадил Бильданова рядом и продолжал:

— А вызвал я вас сказать, что парторг Гусев выбыл в госпиталь.

— Я знаю.

— Знаете, но не все. Парторгом батальона решено назначить вас.

— Как так? Да у меня и звание неподходящее.

— Вы — коммунист, Бильданов. А это очень высокое звание.

— Не справлюсь. Грамоты мало. Надо проводить беседы, доклады.

— Доклады будем после войны делать. А здесь надо уметь поднять батальон в атаку и самому идти впереди всех. Это лучше всяких слов...

На КП батальона Бильданов явился рано утром и доложил о прибытии командиру.

— Вовремя прибыли, — ответил капитан. — У нас тут самая горячка.

Капитан расстегнул планшет.

— Вот деревня Каукаряй. Там в подвале одного дома дот. Посылали две группы — не вернулись.

Бильданов занял место на наблюдательном пункте и попросил комбата вести постоянный плотный огонь. Он разглядел, что небольшая литовская деревня стоит на возвышении. Крайний же дом, под которым находился дот, занимал господствующее положение. Обзор на все три стороны был. Отличная позиция.

До вечера Бильданов вел наблюдение, наметил место подхода к огневой точке врага: он решил выйти ей во фланг лощинкой.

Поздно вечером Бильданов собрал бойцов.

— Кто пойдет со мной?

Около десятка добровольцев подошли вплотную к парторгу.

— Возьми нас, старшина.

Бильданов отобрал четырех, познакомил их со своим планом и приказал захватить предельное количество гранат.

Поздно ночью группа Бильданова в маскхалатах вышла на задание. Кюветами и канавами бойцы выдвинулись далеко вправо и приблизились к селу метров на сто. Здесь Бильданов разделил группу надвое. Двоих оставил в канаве с целью наблюдать за ним и время от времени высовывать пилотки, чтобы отвлечь врага. Сам

же с бойцом Ивановым взял еще правее, где развалины дома позволяли приблизиться к нему почти вплотную.

Перед рассветом Бильданов и Иванов доползли до пепелища дома. Все это время дот не умолкал ни на минуту. Бильданов прикинул, что до дота осталось не больше двадцати метров. Он уже ясно различал крепкие стены подвала, выложенные из неровного валуна. А потом заметил, что пулемет не один, а три и ведут они огонь через короткие промежутки.

Вдруг стволы резко развернулись и застрочили длинными очередями. Видимо, оставшиеся в канаве обнаружили себя, и немцы направили огонь в их сторону. Момент был великолепный.

— Приготовиться,— шепнул Бильданов Иванову и, резко поднявшись, метнул одну гранату за другой. Пулеметы враз умолкли, словно захлебнулись. Две гранаты бросил и Иванов. А Бильданов вплотную подобрался к дому и оказался у самой двери подвала. Там слышался непонятный говор и стоны. Знать, гранаты достигли цели. Но что такое? Пулемет застрочил снова... Да, медлить нельзя ни секунды. Рывком Бильданов распахнул дверь и швырнул в подвал гранату. Взрыв — и снова граната. Взрыв — и еще одна.

В подвале наступила мертвая тишина. Но Бильданов еще не решался в него войти. В это время подоспел Иванов.

— Битте-дритте! — крикнул Бильданов в подвал, но никто не отозвался.— Эх, кашу маслом не испортишь,— и бросил в дверной проем еще гранату...

В подвале пахло сыростью и порохом. Иванов насчитал восемь трупов. Огневая точка была подавлена. Бильданов вынул ракетницу — и в небо взвилась красная ракета. Это было сигналом к общей атаке.

Оборона врага была взломана, но немцы отчаянно сопротивлялись. У Бильданова кончились патроны, израсходованы гранаты. Схватив винтовку, он пошел в штыковую.

Рукопашный бой... Бильданов много о нем читал и слышал. Ему говорили, что в эти минуты человек не помнит самого себя. И вот первый удар. Нет, он все помнил, все видел, все слышал.

Траншея врага... Снова удар — и снова фашист не ушел от граненой стали. Справа раздался крик, Бильда-

нов повернул голову и увидел, как наш боец вонзил штык в фашиста, но в это время к нему метнулся другой гитлеровец. Выскочив из окопа, Бильданов рванулся на выручку... Это был третий на его счету гитлеровец в первой рукопашной схватке с врагом.

Лишь после атаки Бильданов почувствовал, что ранен...

Когда Бильданов выписался из госпиталя, то попал на другой фронт, в Пруссию.

По земле уже шагала весна. Великая весна, которой суждено было стать весной победы над фашизмом. И вот в преддверии этих светлых дней тринадцатого апреля 1945 года в боях за Инстербург (ныне Черняховск) старшина Бильданов был тяжело ранен.

День Победы он встретил в госпитале. А потом — демобилизация и возвращение домой...

Осенью 1945 года Бильданов был направлен в Москву на курсы торговых работников.

Однажды с товарищем по курсам Бильданов зашел в наградотдел: товарищ должен был получить медаль.

В коридоре на стенах было вывешено множество списков, на которые Бильданов вначале не обратил внимание. Затем случайно глянул в один из списков и сразу наткнулся на свою фамилию, а рядом — четыре слова: «Орден Славы I степени...».

ИХ БЫЛО ДВЕНАДЦАТЬ

Произошло это на реке Свири, вблизи Лодейного Поля, в июне 1944 года. В глуши свирских лесов, под раскидистыми деревьями неумолчно стучали топоры — это гвардейцы, воины Карельского фронта, строили своеобразную флотилию. Они ловко мастерили плоскодонные лодки со специальными ручками для переноски. С каждым днем плоскодонок становилось все больше и больше. Их можно было считать уже сотнями. Однако топоры все еще продолжали свой ритмичный перестук.

Окидывая взором эту необычную флотилию, укрывшуюся под кронами могучих сосен, гвардии рядовой Иван Мытарев, прибывший сюда, как и его земляки Аркадий Барышев, Владимир Маркелов, Михаил Тихонов, с берегов Средней Волги, догадывался, что предстоит большое дело. Правда, Мытарев еще не знал, какую роль в этом деле придется ему играть. Одно он твердо знал: пришло время нанести сокрушительный удар по врагу.

Река Свирь — это рубеж, где осенью 1941 года советские воины остановили финские войска. Именно здесь, между Онежским и Ладожским озерами, они хотели соединиться с гитлеровскими захватчиками, создать непрерывный фронт от Баренцова до Черного моря и в кольце блокады задушить Ленинград. Отсюда враг собирался двинуть свои войска на Волгу, отрезать Север от центра страны. Но гитлеровцы и их приспешники просчитались. Советские воины остановили врага на северном берегу реки Свири.

Два с половиной года отсиживались там финские приспешники Гитлера. Два с половиной года они укрепляли противоположный берег: опутывали его бесчисленными рядами колючей проволоки, рыли окопы, строили доты, врывали в землю стальные колпаки... Два с половиной года ждали наши бойцы приказа: «Вперед»!

Слева направо: В. Маркелов, И. Зажигин, А. Барышев.

И вот этот долгожданный час настал.

Перед строем гвардейцев стоял капитан Матохин. Обращаясь к бойцам, он сказал:

— Нужно двенадцать человек на очень рискованное и опасное дело...

Стройная шеренга бойцов пришла в движение. Первым вышел вперед восемнадцатилетний юноша, один из воспитанников Мелекесской средней школы Аркадий Барышев. К нему присоединились Иван Мытарев из Репьевки Колхозной Майнского района, Владимир Маркелов из деревни Подбельск Мелекесского района, Ми-

хаил Тихонов, счетовод из деревни Коржевки Инзенского района.

Через минуту в шеренге добровольцев насчитывалось уже более полутораста патриотов, и каждый из них просил именно ему доверить это опасное задание. А выбрать нужно было только двенадцать...

— Повторяю, что дело это трудное и рискованное, — говорил командир, беседуя по очереди с каждым из смельчаков. — Нужно уметь хорошо плавать. Плыть придется под сильным огнем противника. Подумайте хорошенько...

До войны они не знали друг друга. Аркадий Барышев, Владимир Маркелов, Иван Мытарев и Михаил Тихонов жили в Ульяновской, а Петр Павлов, Виктор Малышев и Михаил Попов — в Куйбышевской области. В одном из пензенских сел учился на тракториста Ваня Зажигин. На Украине проводил свои последние школьные каникулы Иван Паньков, в Казахстане — Сериказы Бекбосунов. В разных школах Ленинграда учились Владимир Немчиков и Борис Юносов.

Это были люди не только разных профессий, но и разных национальностей. Кроме русских тут были и украинцы, и казахи, и мордва... И все они без колебания и страха шли на опасное задание.

Ночью по ходам сообщения, пересекавшим все Лодейное Поле, группа смельчаков пробралась к переднему краю. Здесь каждый квадратный метр был пристрелян белофиннами. На другом берегу почти к самой воде спускался лес, скрывавший в глубоких окопах и дотах противника.

Показывая на противоположный берег реки, где укрепился враг, капитан Матохин сказал:

— Сегодня на нашем участке фронта начинается наступление. Нам предстоит форсировать реку первыми.

Иван Мытарев, Аркадий Барышев, Владимир Маркелов, Михаил Тихонов и другие с волнением посмотрели на тот берег Свири, где в ночной тишине притаился коварный враг. Наши бойцы старались рассмотреть, что делается в стане противника. Но кроме темнеющего леса да широкой водной глади реки гвардейцы ничего не могли разглядеть.

— Чтобы форсировать Свирь, — продолжал начатый разговор капитан, — надо уничтожить огневые точки переднего края противника. А они будут молчать до последней минуты...

— Надо заставить их заговорить! — с сердцем бросил кто-то из двенадцати.

— Правильно! — подтвердил командир. — Вот вы и должны решить эту задачу. За полчаса до начала общего наступления вы спуститесь в разных местах в воду и поплывете к другому берегу. Когда белофинны заметят вас, они не выдержат и откроют огонь. Таким образом вы заставите противника открыть свои огневые точки. Тогда в дело вступит наша артиллерия. Она подавит огневые средства врага и облегчит переправу наших войск. Понятно?

— Все ясно, товарищ командир! — почти хором ответили гвардейцы.

— А для того чтобы противник всполошился не на шутку, — сказал в заключение капитан, — и пустил в ход все свои огневые средства, мы дадим вам помощников — плоты с чучелами...

Когда до начала операции оставались считанные часы, воины-комсомольцы, собравшись у костра, написали письмо в редакцию фронтовой газеты «Во славу Родины». История сохранила нам этот яркий, патриотический документ.

> «Мы клянемся, — писали гвардейцы, — что поставленную задачу выполним с честью, хотя бы нам пришлось для этого пожертвовать своей жизнью.
>
> Мы призываем всех воинов, всех комсомольцев быть смелыми в бою, отдать все силы, а если потребуется, и жизнь для победы над врагом!..»

У небольшого костра, укрытого от взора противника, тесным кольцом сидели Мытарев, Маркелов, Попов, Бекбосунов... Одни обсуждали предстоящую операцию. Другие писали письма родным или любимым девушкам, вспоминали родные места.

Аркадий Барышев — самый младший из двенадцати, прислонившись к дереву, смотрел куда-то вдаль и вспоминал небольшой домик в приволжском городе Меле-

кессе, среднюю школу, где он проучился восемь лет. Когда началась война, он вынужден был оставить школу и пойти работать. А вскоре поезд увозил его в одно из военных училищ. Навстречу неслись пассажирские и товарные составы. В одних ехали солдаты в серых шинелях, другие везли на фронт пушки, танки, продовольствие...

«Да, фронту очень нужны и люди, и танки, и боеприпасы, и продовольствие», — думал Аркадий, и в памяти вставали лица родных, товарищей по работе. Провожая его в армию, они наказывали ему быть стойким и храбрым солдатом. Барышев заверил тогда земляков, что он сумеет постоять за любимую Родину, не запятнает комсомольскую честь...

И вот сейчас Аркадий снова вспомнил наказ земляков. Ему казалось, что сейчас он отвечает за выполнение боевого задания не только перед фронтовыми товарищами, но и перед рабочим коллективом, пославшим его на фронт.

— Ну, друзья, пора идти, — сказал старшина.

Все встали, посмотрели друг другу в лицо и крепко обнялись.

— Ну, держись, ребята, — напутствовал смельчаков командир. Говорил он спокойно, твердо. Но в этом обычном для него тоне прорывались взволнованные нотки.— Помните, мы на вас надеемся. И от того, как вы будете действовать, зависит успех или провал переправы.

— Не сомневайтесь, товарищ командир, — раздались голоса воинов. — Мы будем действовать по-гвардейски...

Взвилась ракета. Наша артиллерия открыла шквальный огонь по обороне противника. Это началась обработка вражеской обороны — подготовка к переправе. Орудия всех калибров безостановочно били по обороне белофиннов. В воздух поднялись десятки краснозвездных самолетов. Свой бомбовый груз они обрушили на позиции противника.

Плыть надо было в сапогах и обмундировании. Каждый взял автомат с шестью магазинами и по семьсот двадцать патронов россыпью.

Еще раз проверив, все ли в порядке, гвардейцы вошли в холодные воды Свири, и сразу же от берега один за другим отошло несколько плотов с установленными на них чучелами.

В тройке Малышева плот был разбит вражеским снарядом еще у нашего берега. Чтобы не отстать от своих товарищей, они бросились в воду и поплыли на противоположный берег без плота.

В таком же положении оказалась и другая тройка смельчаков, возглавляемая Иваном Мытаревым. Но комсомольцы не растерялись. Они вскочили на только что спущенные на воду первые плоскодонные дощатые лодки и усиленно заработали веслами.

Заметив плоты, противник всполошился. И хотя еще била наша артиллерия, через минуту вражеский берег заговорил. Ожили молчавшие до сих пор огневые точки противника, тщательно замаскированные на противоположном берегу. Белофинны били по смельчакам не только из пулеметов и минометов. В ход были пущены и батареи трехдюймовок.

Несмотря на ожесточенный обстрел, двенадцать воинов уверенно продолжали свой трудный путь по бурной реке. Холодная вода стремилась снести пловцов к Ладоге, тяжелый груз патронов тянул ко дну, стальная каска налезала на глаза, и некогда было даже приподнять ее, чтобы окинуть взором происходящее.

Над головами гвардейцев свистели пули, с диким воем проносились снаряды и мины. Они падали в воду у самых плотов, вздымая к темному небу высокие столбы ледяной воды.

Основное задание было выполнено: они заставили противника открыть огневые точки, притаившиеся в лесной глуши.

С нашего берега открыли огонь по обнаружившим себя огневым средствам белофиннов десятки пулеметов. Вступила в бой советская артиллерия, снаряды со свистом уносились в стан врага, разрушая его укрепления.

Когда наша «флотилия» оказалась на середине реки, противник усилил огонь. Плоты один за другим стали взлетать в воздух.

— Давай налегай! — подбодрял товарищей Иван Мытарев. В эту минуту вражеская пуля пробила поплавок, который его поддерживал.

— Держись, Иван! — крикнул ему Бекбосунов и вместе с Поповым поспешил на помощь.

Поддерживая Мытарева с двух сторон, они вместе продолжали плыть к вражескому берегу.

Один из снарядов противника разорвался возле плота, позади которого плыли Барышев и Маркелов. Волна, поднятая взрывом, захлестнула их с головой. Однако, преодолевая свинцовую тяжесть в теле, они настойчиво плыли вперед.

Вдруг над рекой послышалось знакомое гудение моторов. Волжане увидели в небе самолеты с красными звездами на крыльях.

«К нам на подмогу», — подумали гвардейцы, и на душе у них стало как-то легче, радостнее.

Воины почувствовали новый прилив сил, когда увидели позади себя первые лодки с десантом.

Вскоре вся река была усеяна плотами и плоскодонками. Они стремительно неслись к финскому берегу.

А когда до берега оставались считанные метры, наша артиллерия перенесла свой огонь в глубь обороны противника.

Прошло еще несколько томительных минут, и группа храбрецов с автоматами в руках выбралась на берег. Выскочив на песок, Аркадий Барышев, Иван Мытарев и Владимир Маркелов с криками «За Родину!» бросились вперед.

Немчиков, подтянув плоскодонку и вытащив из нее раненых бойцов, тоже устремился к вражеским окопам. Несколько правее к проволочным заграждениям подползали Бекбосунов, Тихонов и другие. Преодолев четыре ряда колючей проволоки, воины ворвались в первую траншею, на дне которой валялись пустые гильзы и тела убитых финнов.

Траншея оказалась заминированной, но бойцы заметили мину и обезвредили ее.

Завязался жестокий бой. И тут комсомольцы услышали знакомый голос. Это комбат Матохин ворвался в траншею и звал смельчаков-гвардейцев вперед. Они устремились к комбату и с криками «ура!» бросились на врага. Их удар был настолько стремителен и дерзок, что финны дрогнули и побежали, оставляя в окопах и траншеях снаряжение, убитых и раненых.

Через некоторое время противник перешел в контратаку, пытаясь окружить горстку советских патриотов. Но они прочно зацепились за небольшой клочок земли, стойко отбивая одну за другой вражеские контратаки. Когда боеприпасы были уже на исходе, а враг продол-

жал упорно наседать, неподалеку от героев-комсомольцев раздалось раскатистое русское «ура!». Это бойцы гвардейской части, форсировав Свирь, спешили на помощь к своим товарищам...

В тот памятный день Свирь была форсирована на всем протяжении от Онежского озера до Ладожского. Это было началом освобождения Карелии от финских захватчиков.

Правительство высоко оценило подвиг двенадцати сынов Ленинского комсомола. Двадцать первого июня 1944 года всем им было присвоено звание Героя Советского Союза.

СЛАВЫ ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР

Жизнь небольшого тихого города Сердобска в то памятное утро сразу изменилась. Люди стали торопливее, встречи и разговоры короче. У каждого, как всегда, были свои заботы, но теперь все были связаны одной общей бедой. Война! Она наложила на людей печать глубокой тревоги и озабоченности, какой-то подтянутости и готовности к трудным испытаниям. Каждый почувствовал себя солдатом.

С высокого пригорка к центру города сбегает улица Ленина. Течет по улице пестрая и разноликая толпа. В этой толпе шел человек. Двадцати семи лет, среднего роста, немного сутуловатый. С мягкими чертами лица, по которым всегда приписывают и мягкость характера человеку. Шел он несколько вразвалку, не городским суетливым, а размеренным, словно походным шагом. Шел и думал: «Чего-то третий день из военкомата повестки нет. Зайти надо, напомнить».

В военкомате были горячие дни. Усталый, с воспаленными от бессонных ночей глазами капитан с плохо скрываемым раздражением сказал:

— Не беспокойтесь, товарищ Залетов, не забыли вас. Мы работаем по своему плану, а вы занимайтесь спокойно своим делом, пока не придет срок.

«Какой еще срок нужен, — подумал Залетов, — если фашистские дивизии занимают на русской земле город за городом. А он, младший командир запаса, кончивший полковую школу и школу снайперов, должен по какому-то плану сидеть и ждать спокойно...»

По профессии Залетов был электротехником. Вряд ли у кого еще был так на виду результат своего труда, как у Николая. Последние годы все больше вспыхивало огней в окнах Сердобска, все ярче разгорались они. Все дальше от центра города к окраинам расходились цепочки

уличных фонарей. Сияли огнями клубы и кинотеатры. Дотянулись электропровода и до ближних деревень, засветились первые окна в колхозных избах. Как-то пришлось Залетову ночью из района возвращаться, и он впервые увидел над родным городом зарево от электрического освещения. Тогда он особо ощутил свою значимость, еще дороже ему стала своя специальность. Ведь он, можно сказать, своими руками воплощал в жизнь мечту Владимира Ильича об электрификации России!

И вот город погрузился во мрак: выключили уличное освещение, витрины, плотно занавесили окна. Меньше поступало электричества на бытовые нужды, на окраины и в деревни. Электроэнергию в первую очередь отдавали военной промышленности, а она теперь вся была военной. Заботой Залетова стало затенять город, следить, не пробивается ли где свет в щели, отключать нарушителей светомаскировки.

А война разгоралась с небывалой силой, озаряя зловещими пожарами линию фронта от Одессы до Мурманска. И Залетов снова отправился в военкомат. Уступили там настоянию сержанта и выдали ему предписание.

С того времени и по сей день судьба крепко связала Залетова с городом Ленинградом. Тяжелы были первые годы войны. Горьки боевые неуспехи, потери товарищей. Залетову порой казалось, что все усилия и жертвы напрасны, не оправдывают себя. Немцев разгромили и отбросили от Москвы, но они вышли на Нижнюю Волгу, наступают уже на Кавказе. Ленинград зажали в тиски, и не было у его защитников сил, чтобы оттеснить врага от города хотя бы за пределы дальнобойной артиллерии.

Рушился гранит и бетон от фашистских авиабомб и снарядов. Редели ряды защитников города, но закалялся, крепчал дух остававшихся в строю. Копился боевой опыт советских войск, росли отвага и жгучая ненависть к врагу, осадившему русскую святыню. Третий год блокады пошел, великого мужества и стойкости это требовало, и все же Залетов стыдился смотреть в глаза ленинградским старикам и детям. Провожая каждого немым взглядом, они будто спрашивали: «Когда же кончатся наши мучения, голод, холод, страшный разгул смерти?»

И лед наконец тронулся. Никогда до этого и до сих пор Залетов не испытывал радости больше, чем в дни успешного прорыва ленинградской блокады. В пылу ему казалось, что тут уж скоро и войне конец. Надорвался фашистский зверь, не зализать ему такую рану, не пережить досады.

Командиру стрелкового отделения старшему сержанту Залетову пришлось штурмовать Гору Воронью, входившую в немецкий укрепленный район. Гора Воронья и среди окружающих возвышенностей командная. Опоясана тремя траншеями с дотами, оплетена колючей проволокой, каждый метр на подступах к ней и между траншеями пристрелян. Рота старшего лейтенанта Камышного после артиллерийской подготовки пошла в наступление. С ходу взяла первую траншею, с большими усилиями вторую. Третья траншея оказала самое упорное сопротивление. Рота вынуждена была залечь. Особенно сковывал огонь двух пулеметов из дота, поставленного на очень выгодной узловой позиции.

«Неужели сорвут наступление? — думал Залетов, глядя, как неистово бьют фашистские пулеметы. — Столько сил положили, потерь понесли...» И представился ему растянутый от Ледовитого океана до Черного моря фронт. Тысячи, десятки тысяч немецких пулеметов и против них сотни тысяч идущих в атаку или прижавшихся к земле наших солдат и офицеров. Каплей, незначительной крохой в войне-махине показался сам себе Залетов. Но кто же, как не эти «крохи», слившись в грозную силу, должны решать успех боя, исход войны, судьбу своего народа. Вот если лично он, командир отделения, обезвредит этот проклятый дот, а его бойцы в это время уничтожат каждый по два-три фашиста, да так каждое отделение...

Залетов подполз к командиру роты и решительно заявил:

— Я возьму несколько своих ребят и уничтожу дот. Чего будем лежать, замерзнем так.

— Помочь мне вам нечем, — пожалел Камышный. — Хоть бы пушчонка какая поблизости, а то все на правый фланг полка стянули. Не ладится чего-то там.

— Как только дот замолкнет, вы сразу атакуйте, а то нам не удержаться в траншее.

— Тут же подниму роту, — обещал Камышный.

Он не стал расспрашивать, как думает действовать старший сержант, не было времени, да и так ясно: ради роты решил собой рискнуть. Вот и весь план. Обнять хотелось парня, да на прощание это походило бы. А он очень хотел, чтобы смельчак вернулся.

Залетов коротко объяснил задачу пулеметчику Смирнову и автоматчикам Елину, Капустину и Толстикову. Им предстояло слепить огнем обе амбразуры дота. Главную часть смелой операции он оставил себе.

Пропахивая телами в снегу глубокие борозды, пятеро поползли навстречу пулеметным очередям. Снежные фонтанчики поднимались вокруг солдат, с резким щелчком пули срезали подвернувшиеся сухие бустыли прошлогоднего бурьяна. Смирнов отклонился в сторону и огнем ручного пулемета отвлекал внимание немцев на себя. Но в доте не теряли из виду всех пятерых и переносили огонь с одного на другого. Попавший под огонь вдавливался в снег, остальные в это время усиленно били по амбразурам, мешая немецким пулеметчикам вести прицельный огонь.

А Залетов, обсыпанный весь снегом и заметный только во время движения, полз и полз, пока не оказался под пулеметными стволами дота в небольшом мертвом пространстве. Головы не поднять, узкие хитроумные амбразуры с откосами ничем не заткнуть, гранату не бросить. Бетон не всякая пушка возьмет, а ему что — не зубами же грызть. Ох, парень, кажется, не по плечу ты себе задачу взял! Добровольцем еще вызвался! А старший лейтенант ждет, рота ждет, измученный, истерзанный город ждет. Ждут обещанного Николаем, а он лежит, прижавшись к земле, беспомощный и жалкий, ни на что не способный... В отчаянии Залетов пополз вокруг приземистой бетонной глыбы. К тыльной стороне дота, скрываясь от пуль, прижался часовой. Просмотрел он подкравшегося старшего сержанта...

А вот и дверь дота, она железная, запертая изнутри. Взять такой «сейф» и граната не поможет. Но сверху оказался люк, он приоткрыт немного: немцы задыхались от пороховых газов. Газоотводная перезарядка пулеметов была. Залетов еле протолкнул гранату под крышку люка. Глухой взрыв откинул тяжелую крышку, а само бетонное убежище даже не дрогнуло. Для верности или в какой-то безотчетной злости Залетов бро-

сил еще две гранаты в ненавистное логово, после чего спустился в него сам. В удушливом чаду, спотыкаясь о трупы шести фашистов, открыл дверь. Смирнов уже отбивался от немцев, спешивших по траншее справа. Залетов принял бой против врага, наседавшего слева.

Вот уже один взвод ворвался в траншею. А вот и вся рота Камышного в рукопашной схватке добивает отборных гитлеровских солдат на Горе Вороньей.

Соединился Ленинградский плацдарм с Большой землей перешейком десятикилометровой ширины. Жизненной артерией он для обескровленного Ленинграда стал.

За свой личный подвиг получил Залетов орден Славы III степени № 13787.

Вскоре разбили немцев на Кавказе и Волге, отбросили за Северский Донец. Пришел час полного разгрома фашистов и под Ленинградом. Закаленным бойцом, наскоро залечивая раны, бился Залетов в дни ликвидации блокады много выстрадавшего города.

Свободно вздохнул город Ленина, а земли русской еще немало томилось в фашистской неволе. Вот и на реке Нарве правый берег советские войска занимают, левый — немецкие. Ведра воды в проруби не зачерпнешь, чтобы перестрелка не завязалась, бой не разгорелся. Каково русскому на своей земле!

А земля здесь заповедная, звоном мечей, пороховым дымом с давних времен освященная. Река Нарва, Чудское озеро, города Нарва, Гдов, Копорье, Псков рядом — все места русской семивековой военной славы. Они хорошо помнят грозные имена русских полководцев: Александра Невского, Ивана III, Ивана IV, Петра I. В этой земле тлеют кости немецких псов-рыцарей, шведов, немецких солдат первой империалистической войны, белогвардейцев Юденича. Здесь двадцать шесть лет тому назад, как раз тоже в феврале, в первых своих боях и родилась Красная Армия. А вот теперь тут предстояло и Николаю Залетову со своими товарищами поддержать честь русского оружия.

...На исходе февральская ночь. Скована льдом Нарва. Советские войска подготовились к удару. Каждая часть, подразделение, воин знают свою задачу, наметили план действия. Теперь войска хорошо вооружены, одеты, кончилась блокадная голодовка. В тылу у них

не ленинградский «пятачок», а до самого Тихого океана раскинулась Большая земля. Есть на что опереться фронту.

Не успели погаснуть сигнальные ракеты, как берега содрогнулись от тяжелой поступи советской артиллерии, открывшей наступление. Огневой вал задержался несколько минут на переднем крае фашистской обороны и покатился в ее глубину. Следом пошла пехота. Стараясь ее отсечь, немецкая артиллерия сосредоточила свой огонь по реке, рассчитывая вскрыть на ней лед.

Вздымались и обрушивались на солдат водяные столбы с ледяным крошевом. Под ногами, поверх льда, плескалась вода. Каждый немецкий снаряд делал предательскую полынью, без счета их на реке появилось. Заледенела одежда на бойцах жестким коробом, стесняла движения. Но жарко было всем, никакая простуда не взяла, простуда при отступлении одолевает, вместе с испорченным настроением.

Залетов, увлекая за собой отделение, перебежал реку и одним из первых выбрался на вражеский берег. Ворвался в первую линию окопов. После артиллерийской обработки в первом эшелоне немцев осталось еще много: глубоко закопались. Грязные, обросшие, повязанные под касками разным тряпьем, некоторые с женскими муфтами, они выскакивали и выскакивали из лабиринта нор и земляных щелей. Залетов бил и бил их из автомата, прикладом, гранатами. Все решалось сейчас силой, ловкостью, быстротой, нельзя было давать противнику прийти в себя, вовремя подтянуть резервы. Личный пример Залетова захватил бойцов всего взвода, передался роте. Плацдарм на левом берегу Нарвы был взят, удержан и расширен. Открыты направления для последующих ударов на Таллин и Пярну.

К тому времени уже были кавалеры ордена Славы двух степеней, но не так много. Счет награжденных велся пока в сотнях: Залетов награжден был орденом Славы II степени с номером четыреста четвертым.

А над Ленинградом еще висела угроза, на севере фронт стоял в тридцати-сорока километрах от города. Часть Залетова перебросили на Карельский перешеек.

Финны совместно с немцами восстановили и усовершенствовали разрушенную в 1940 году Красной Армией «Линию Маннергейма». Они учли и исправили прежние

ее недостатки, установили дополнительные доты, в два раза больше вырыли противотанковых рвов, появились целые поля надолбов — пирамид. Линия была закована в бетонный панцирь. Советские войска тщательно готовились к штурму этой твердыни. В тылу построили в натуральную величину модели — копии оборонительных сооружений и учились их штурмовать. Создана была и карта-макет всей укрепленной полосы, на которой командный состав и штабы разрабатывали планы и проводили учения. Готовилась операция как никогда основательно. Обильным потоком войска пополнялись боевой техникой и боеприпасами.

Только после интенсивной артиллерийской и авиационной обработки укрепленной полосы пехотные части начали ее штурм.

В тяжелой обстановке, в самый решающий момент боя был убит командир роты. Рядом с ним был Залетов, и он принял командование ротой. Доносить об этом, ждать назначения нового командира или договариваться как-то внутри роты не было ни времени, ни условий. Трехлетний боевой опыт помог старшему сержанту быстро и правильно оценить обстановку, найти лучшее решение поставленной перед ротой задачи. Рота не потеряла боеспособности и повела наступление на небольшой нежилой поселок, входивший в укрепленную полосу.

Разыграв частью сил лобовую атаку, а другой частью удачно зайдя противнику в тыл, Залетов овладел участком укрепполосы.

Увлеченная успехом рота выдвинулась далеко вперед общей линии фронта и оказалась отрезанной от полка. Залетов организовал круговую оборону, и рота принялась отбивать атаку за атакой. Небольшой район обороны противник простреливал насквозь со всех сторон. От ружейно-пулеметного огня спасали только бетонные надолбы, на которые Залетов и рассчитывал, занимая оборону.

Трое суток билась рота без сна, без отдыха. Начали голодать, кончались боеприпасы. От врага не только отбивались, но и охотились за ним, добывая оружие с боеприпасами и кое-какие продукты. Трое суток в рост не поднимались, ползали и, низко нагнувшись, перебегали между бетонными тумбами. Одно хорошо: ни авиация, ни артиллерия крупного калибра роту не тро-

гали: финны своих перебить могли бы, так мал был занимаемый ротой Залетова клочок земли. И танкам в надолбы доступа не было. Могли ли финны предполагать, что их заграждение против них же самих и послужит.

Только на четвертые сутки беспрерывных боев, преодолевая мощную систему заграждений, полк вышел на рубеж, занятый ротой Залетова. Удивлялось командование, как старшему сержанту удалось так глубоко вклиниться в пресловутую «Линию Маннергейма» и трое суток продержаться без всякой поддержки.

В суровой фронтовой школе этот бой явился для Залетова экзаменом на зрелость командира, офицерское звание и должность. Три раза поздравляли Залетова: с офицерским званием — гвардии младший лейтенант, с наградой орденом Славы I степени и со званием первого в Советском Союзе полного кавалера ордена Славы. Обратили внимание, что на последнем его ордене выбито: «№ 1».

Много еще раз за войну Николая Андреевича поздравляли: с орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями. Пять раз был ранен, но каждый раз вновь возвращался в строй. Выжил гвардии старший лейтенант, остался цел и невредим.

Отгремела война. Вернулся Николай Андреевич на родину, где его ждали мать, жена и дочка, родившаяся перед самой войной. Работать пошел на старое место, на городскую электростанцию. Потом напомнили о себе раны — с войной не так просто рассчитаться. Три года тяжело болел, думали, не поднимется. Но не поддался старым ранам фронтовик. Врачи говорили: «Исход лечения, пожалуй, больше воля больного решила. Сильный человек!»

В день двадцать пятой годовщины Победы приглашали Залетова в Москву, на встречу кавалеров ордена Славы. Пришлось ему быть в президиуме собрания вместе с министром обороны Маршалом Советского Союза Гречко. И вот уже и именные часы, которые сам министр на руку Залетова надел, минута за минутой еще несколько лет мирного времени отсчитали. Дымкой давности в памяти события затягиваются, но совсем им в памяти не стереться.

СНАЙПЕР ПЕТР ГОЛИЧЕНКОВ

Генералу уже не раз докладывали о необыкновенно метком снайпере, который без промаха бьет фашистов с больших дистанций.

И вот командующий армией решил лично посмотреть «работу» своего солдата. Задолго до рассвета они вместе с Петром Голиченковым устроились в хорошо замаскированном снайперском блиндаже и стали ждать.

Стояла гнетущая тишина. На этом участке фронта фашисты были очень осторожны. Они боялись меткой снайперской пули, которая доставала их, казалось, в самом недосягаемом месте. Немцам было известно не только то, что здесь действует необыкновенно меткий снайпер. Они знали даже его фамилию. Не раз из репродукторов слышались выкрики:

— Голиченков капут!.. Голиченков свинья!..

Снайпер начал было уже досадовать, что ему, видимо, так и не придется сегодня ни одного «фрица» ухлопать, когда за Невой вдруг показался немец. Он, пригибаясь, отбежал в сторону от блиндажа, присел.

— Больше тысячи метров... — на глаз определил генерал.

— Ничего, попробуем...— ответил снайпер, не отрываясь от оптического прибора.

Раздался выстрел, немец клюнул носом, перевернулся да так и остался лежать.

— Благодарю за службу, — сказал генерал. — Признаться, не ожидал, что достанешь фрица на таком расстоянии...

И хотя Петр ничего не ответил генералу, но про себя подумал: «Это для меня не ново. Многие не верили». Недоверие окружающим Голиченков внушал прежде всего своим ростом. Даже в армию брать не хотели: четырех сантиметров до нормы не хватало. А когда в плен

попал, немцы и обыскивать его не стали. Видно, не считали этого «коротышку» за полноценного солдата. Это обстоятельство и спасло его...

П. Голиченков.

Было это еще в начале войны. Нападение фашистской Германии на Советский Союз застало тот полк, где служил Голиченков, в литовских лесах, у самой границы. С первого же дня им пришлось отступать. Батальон, в котором находился Петр Голиченков, прикрывал отступление. В то время солдаты были не обстреляны и кланялись каждой пуле. Немцы, воспользовавшись внезапностью нападения и превосходством в силах, шли безостановочно вперед. Они растекались по многочисленным дорогам и тропам, вклинивались в наши войска, расчленяли их, просачиваясь в тыл. И неудивительно, что батальон оказался в окружении.

Командир батальона капитан Кондрашин, земляк Голиченкова, решил послать группу бойцов, в их числе и Петра, в разведку. Он приказал выяснить расположение и численность немецко-фашистских войск и возможность выхода из окружения.

И вот вторые сутки разведчики вели наблюдения, изучали расположение противника. Гитлеровцы не подозревали, что у них под самым носом — советские бойцы. Разведка подходила к концу, когда один из разведчиков своей неосторожностью выдал себя. Их обнаружили. Завязался жестокий, неравный бой. Четыре товарища Петра были убиты. Он один упорно отстреливался, отползая в глубь леса, и не заметил, как несколько здоровенных белобрысых немцев заползли ему в тыл

и, подкравшись сзади, неожиданно навалились на него. Увидев, как он дрожит всем телом, как у него подкашиваются ноги, гитлеровцы начали громко хохотать, перебрасываясь между собой непонятными для него, но, видимо, обидными репликами. Они настолько развеселились, что даже не обыскали этого щуплого и, как им казалось, насмерть перепуганного солдатика. А у него в кармане были гранаты.

Подталкивая пленного прикладами и потешаясь над ним, фашисты привели его в штабную землянку. Там пьянствовали офицеры. Один из них тупо уставился на пленного, выхватил парабеллум и стал угрожать ему:

— Рус Иван, говори!.. Буду стреляй!.. Раз... Два...

Голиченков прикинулся глухонемым. Он глупо моргал глазами, дрожал, показывал то на язык, то на уши, издавал нечленораздельные мычащие звуки. Немцы громко хохотали. Их забавляло поведение пленного «Ивана». Потом тот офицер, что поначалу размахивал перед ним парабеллумом, приказал отправить его в тыл. Он шел в окружении десяти фашистов. Скорее всего это был не конвой, им надо было куда-то по своим делам. Потому что на Голиченкова они почти не обращали внимания. Лишь изредка подталкивали, указывая куда идти. Пройдя километра два-три лесом, сделали привал на небольшой поляне у ручья. Летняя ночь подходила к концу. На востоке занималась заря. Немцы расселись около ручья. Закурили, потом достали бутылки с водкой, стали готовить закуску. Голиченков начал знаками показывать, что ему надо отлучиться. Немецкий ефрейтор брезгливо поморщился и показал на дальние кусты. Никто из фашистов даже не посмотрел в ту сторону, куда направился Голиченков. Все они были заняты своим делом. Неожиданно прямо у их ног разорвалась сначала одна, а за ней другая граната. Пять фашистов были убиты на месте, три тяжело ранены, а два, оказавшиеся легко ранеными, бросились бежать. Голиченков в одно мгновение оказался у дерева, на котором висело несколько автоматов, схватил один из них и короткими очередями уложил беглецов. Забрав документы, Голиченков решил пробираться к своим. И тут у него мелькнула дерзкая мысль: а что если попытаться уничтожить тех пьяных фашистов, что так пренебрежительно смеялись над ним?! При воспоминании о недав-

но перенесенном унижении его охватила такая жгучая ненависть, что он теперь больше ни о чем не думал. Голиченков подобрал несколько гранат, надел форму убитого гитлеровца. Правда, она была для него несколько великовата. Но ничего!

Через полчаса он был у офицерского блиндажа. Выждав, когда часовой отошел в сторону, Голиченков быстро проскользнул к блиндажу. Там было тихо. В эту утреннюю рань все, видно, крепко спали. Он решительно шагнул в блиндаж. На столе стояли недопитые бутылки, валялась недоеденная закуска. Перепившиеся фашисты спали мертвецким сном. Никто даже не пошевельнулся, когда он вошел. Голиченков уже поднял автомат, чтобы прошить спящих врагов длинной очередью. Но тут он увидел лежащую на столе офицерскую планшетку с картой, и это остановило его. Такая карта позарез была нужна окруженному батальону. Потому Голиченков, не поднимая шума, прихватил планшетку и незаметно выскользнул из блиндажа.

Через сутки батальон с помощью доставленной им карты вышел из окружения.

В те первые месяцы войны, когда наша армия под натиском превосходящих сил противника вынуждена была отступать, Петру Голиченкову приходилось бывать не только разведчиком. Он ходил в атаки, был пулеметчиком, десятками истреблял фашистов.

Но недолго Петру Голиченкову пришлось воевать в своем батальоне. Девятнадцатого июля его ранило. По пути в Ленинград госпитальное судно, на котором он находился, в нарушение всех международных норм было атаковано фашистскими самолетами. Почти все раненые погибли. Голиченков сумел несколько часов продержаться в открытом море на спасательном поясе, пока его не подобрало проходящее судно.

После излечения в госпитале он был направлен в 340-й стрелковый полк 46-й стрелковой дивизии, оборонявшей Ленинград. Тут-то он и стал снайпером.

Пятнадцатого сентября рядового Петра Голиченкова вызвал к себе командир полка.

— Мне доложили, что ты меткий стрелок, но недоволен своей винтовкой, — с еле заметной хитринкой в глазах начал он.

— Товарищ полковник, винтовкой я доволен! — по-

солдатски четко ответил Голиченков и, понизив голос, виновато добавил:— Вот только на больших дистанциях трудновато...

— Тогда держи, — протянул ему полковник винтовку с оптическим прицелом. — Желаю бить фашистов без промаха...

Прошло немного времени, и фашисты, окопавшиеся по ту сторону Невы, больше не рисковали расхаживать так свободно, как делали они это еще неделю-две назад. Не успевал гитлеровец показаться из траншеи или блиндажа, как его настигала пуля снайпера.

Голиченков, что называется, не по дням, а по часам увеличивал свой счет. Два... Пять... Восемь... Пятнадцать... Двадцать... Тридцать семь... Пятьдесят... Сто... Уже по всему Ленинградскому фронту гремело имя снайпера Петра Голиченкова — грозного истребителя фашистов.

...Двадцать первое декабря. Голиченков вместе со старшим лейтенантом Калининым засел в одном из блиндажей на переднем крае обороны. Был на редкость ясный, морозный день. Ночью прошел снег, и теперь все вокруг отливало серебром, слепило глаза. Даже маленькая черная точка была видна за километры.

Голиченков напряженно, до боли в глазах вглядывался в каждый бугорок, в каждый кустик. Надо сказать, что «охота» в этот день была на редкость удачной. Только за полдень перевалило, а снайпер уже уложил семнадцать фашистов. Поймав в оптический прицел очередную свою жертву, Голиченков нажал спусковой крючок, но выстрела не последовало: кончились патроны. Не отрываясь от прицела, он попросил старшего лейтенанта подать патрон. Тот выполнил его просьбу. Голиченков зарядил винтовку, выстрелил. Немец свалился. Но этот выстрел и снайперу дорого обошелся. По недосмотру Калинина пуля оказалась трассирующей. Этого было достаточно, чтобы враг сразу обнаружил нашего снайпера. Фашисты сначала выкатили пушку, намереваясь разбить блиндаж, где сидели советские воины. Однако пока они изготавливались к стрельбе, Голиченков уничтожил весь артиллерийский расчет. Разъяренные фашисты открыли по блиндажу огонь с закрытых позиций. Они выпустили около ста снарядов. Трехнакатный блиндаж был разнесен в щепки. Немцы торжествовали.

Их репродукторы кричали: «Голиченков капут!.. Нет больше русский снайпер!..» Эти выкрики перемежались веселой джазовой музыкой.

Но рано радовались фашисты. К разбитому блиндажу пробралась храбрая девушка-санитарка. Здесь она увидела Голиченкова, который сидел в углу, прижатый бревнами. Он был сильно контужен. Только к утру ему стало чуть полегче. Отважная санитарка вынесла его на себе из разрушенного блиндажа и доставила в санчасть, откуда Петра Голиченкова перевели в один из ленинградских госпиталей. Там его навестил член политбюро ЦК нашей партии, член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов. Правда, поговорить с ним Петр Голиченков не смог. В результате сильной контузии он лишился речи и слуха. Жданов вызвал лучших специалистов-медиков и попросил их сделать все возможное для спасения отважного солдата.

Выздоровев, Петр Голиченков вернулся в свой полк и опять взялся за свое снайперское дело. Шестого февраля 1942 года он убил сто сорокового фашиста. Едва Петр пришел в блиндаж, как его вызвал комиссар. Вместе с ним он направился в штаб батальона, где командир торжественно объявил, что рядовому Петру Ивановичу Голиченкову Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

В эту ночь Петру Голиченкову так и не удалось уснуть. Из штаба батальона его направили в штаб полка, оттуда в штаб дивизии, в штаб армии, а к утру он уже был в Смольном.

Смольный... Здесь был штаб революции. Здесь работал Ленин. Сейчас здесь штаб героической обороны Ленинграда.

Героя Советского Союза Петра Голиченкова встретил член Военного совета фронта А. А. Жданов. В ответ на его поздравления герой четко ответил: «Служу Советскому Союзу!»

Спустя несколько дней здесь же, в Смольном, Жданов вручил Петру Голиченкову орден Ленина, медаль «Золотая Звезда», именную снайперскую винтовку и бинокль. В заключение он выразил пожелание, чтобы Голиченков занялся подготовкой снайперов. Вернувшись в часть, Петр Голиченков организовал прямо на переднем крае снайперскую школу. Тренировались в стрельбе по

живым фашистам. Петр неустанно напоминал своим ученикам, что для снайпера главное — выдержка, сосредоточенность и наблюдательноость, хитрость, умение быстро ориентироваться на местности. И, конечно, твердая рука, хладнокровие, меткий глаз. Все эти качества были присущи самому Голиченкову. Он мог сутками на морозе терпеливо ждать, пока не появится фашист. Он так натренировал свои глаза и память, что стоило ему побывать только один раз на участке, чтобы запомнить его в мельчайших подробностях.

Однажды, заняв снайперскую позицию, он заметил, что метрах в пятидесяти от ориентира появился пень, которого вчера здесь не было. Проходит час, другой... Ага, теперь ясно! «Пень» еле заметно пошевелился. Через полчаса Голиченков, улучив момент, отправил фашистского снайпера к праотцам.

Так воевал Петр Голиченков. В 1943 году на его счету было уже двести двадцать пять гитлеровцев. К этому времени он подготовил более двухсот молодых снайперов.

...Отгремела война, и Петр Голиченков вернулся в отчий дом. Сейчас он живет в родном селе Должниково Инзенского района Пензенской области. Он заместитель председателя сельского Совета, член партбюро, ответственный редактор стенгазеты, член товарищеского суда, член правления сельпо... Много общественных дел у него, и все он выполняет с душой. Часто приглашают его в школы. Там он рассказывает школьникам о Великой Отечественной войне, о героизме своих боевых друзей, о нелегкой и опасной работе снайпера.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ...

ОЧЕРКИ...

ФРОНТОВЫЕ БЫЛИ...

ЗАЩИЩАЯ ОТЕЧЕСТВО...

Сборник воспоминаний и очерков

Редактор-составитель *В. Азанов*
Художник *В. Бутенко*
Художественный редактор *В. Иванов*
Технический редактор *Л. Андронова*
Корректор *Н. Любавина*

Сдано в набор 28/X 1974 г. Подп. к печ. 20/III 1975 г. НГ15544. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Усл.-печ. л. 20,58 (12,25). Уч.-изд. л. 20,26+0,37 л. форзац. Тираж 50 000. Цена 88 коп. Заказ 2470.

Приволжское книжное издательство, Саратов, 410760, пл. Революции, 15.
Объединение «Полиграфист», пр. Кирова, 27.

ЗАЩИЩАЯ ОТЕЧЕСТВО